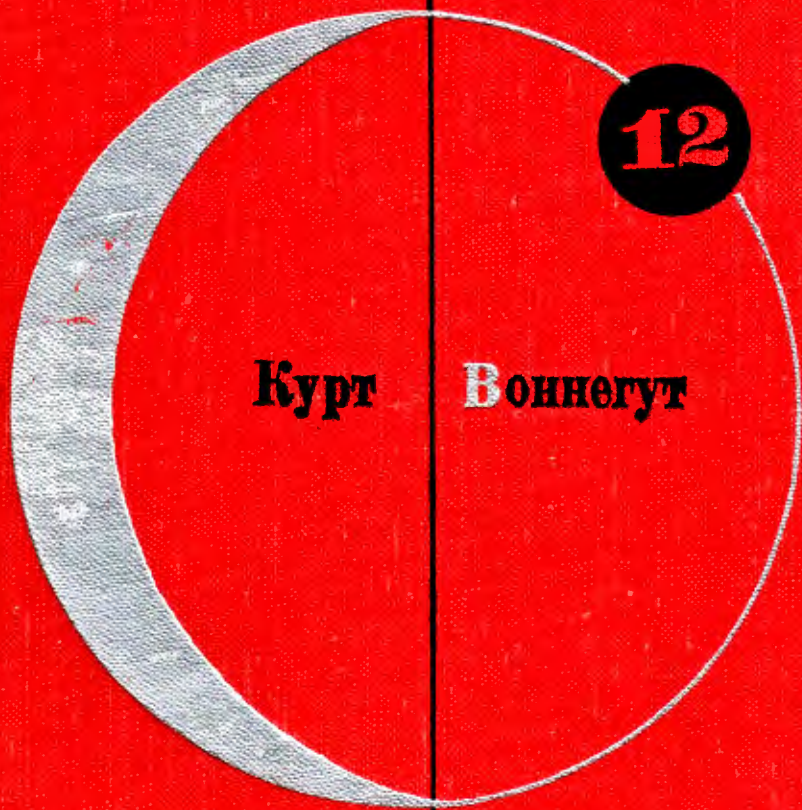

БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

12

Курт

Воннегут

12

**Библиотека
современной
фантастики
в 15 томах**

МОСКВА 1987

● ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

**Курт
Воннегут
Утопия
14**

ТОМ 12

И (амер)
В67

Kurt Vonnegut Jr
UTOPIA 14
NY 1954

Художник

Е. ГАЛИНСКИЙ

Перевод
с английского
М. БРУХНОВА

Редколлегия:
К. АНДРЕЕВ,
А. ГРОМОВА,
Г. ГУСЕВ,
И. ЕФРЕМОВ,
С. ЖЕМАЙТИС,
Е. ПАРНОВ,
А. СТРУГАЦКИЙ

Когда мишиим становится человечество

„Утопия 14» Курта Воннегута-младшего по своим художественным достоинствам и по масштабам затронутых в ней социальных проблем считается одним из наиболее выдающихся произведений американской научно-фантастической литературы. Но когда читаешь эту книгу, то кажется, будто она попала в «Библиотеку современной фантастики» только на том основании, что в ней идет речь о будущем, точнее — о Соединенных Штатах Америки конца XX — начала XXI века, только потому, что мы по традиции относим к фантастике всякое художественное произведение, действие которого развертывается не в настоящем и не в прошлом времени. Между тем, если говорить о сути книги, фантастического (в смысле неправдоподобного) здесь не больше, чем в любом историческом романе о Соединенных Штатах XIX века или во многих романах о США наших дней.

Судите сами.

По данным французского государственного комитета «Группа 1985», созданного правительством де Голля с задачей «изучения того, что было бы полезно знать уже сейчас о Франции 1985 года», население страны должно возрасти с 45,8 миллиона в 1960 году до 57,3 — к 1985 году, в том числе так называемое «активное» (то есть взрослое население, занятое во

всех сферах общественного производства) — с 19,1 до 21,9 миллиона. При этом количество работающих в промышленности, по подсчетам экспертов, вырастет всего лишь с 8,2 до 9,6 миллиона, а в сельском хозяйстве — даже упадет с 4,5 до 2,4 миллиона. Зато число занятых в сфере обслуживания и торговле возрастет с 3,9 до 6 миллионов, а в прочих учреждениях — с 2,5 до 3,9 миллиона.

Эти, казалось бы, сухие цифры раскрывают перед нами картину, которая впечатляет сильнее всякого романа. Давно ли подавляющее большинство трудоспособного населения каждой страны — в некоторых случаях до девяти десятых и выше — принадлежало к разряду промышленного пролетариата и крестьянства? Во многих развивающихся странах Азии, Африки, Латинской Америки так оно и есть до сих пор. Но в экономически развитых странах механизация и автоматизация общественного производства — прежде всего промышленности и сельского хозяйства — каждый год упраздняет миллионы и миллионы рабочих мест. На смену людям приходят машины.

Мы привыкли читать об этом в фантастических и нефантастических романах. И мы подчас забываем о том, какой трагедией в условиях капитализма обрывается уже сейчас этот процесс для миллионов людей. Тем более не задумываемся мы часто над тем, какие апокалипсические масштабы может принять (уже начинает принимать!) замена человека машиной в развитых странах Запада на протяжении ближайших десятилетий.

О чем свидетельствуют только что приведенные цифры? Прежде всего о том, что вообще снижается доля взрослого населения, занятого в общественном производстве. В 1960 году «активное» население

Франции составляло 41,7 процента, а к 1985 году доля его должна снизиться до 38,3 процента.

За этими цифрами — сотни тысяч людей, теряющих работу. Вместе с семьями это миллионы человеческих трагедий.

Французский государственный комитет по понятным причинам старается дать поелику возможно розовый прогноз. 3—4 процента — это в лучшем случае, это, если все пойдет как по маслу, без депрессий и кризисов, до самого 1985 года. Жизнь показывает, однако, что «как по маслу» получается не всегда...

Что же предусматривает «розовый» прогноз на 1985 год? Число занятых в промышленности возрастает незначительно, а в сельском хозяйстве падает почти в два раза. В результате получается даже некоторое сокращение. А число занятых в сфере обслуживания, торговле, государственном аппарате и других учреждениях бурно растет. И в общем итоге стремительно догоняет первую величину.

Почти половина трудоспособного населения страны оказывается в числе «обслуживающих» тех, кто занят в промышленном и сельском хозяйстве. Столетие назад, чтобы содержать семейство одного такого «обслуживающего», нужен был труд десятка крестьянских семей. Теперь, как видим, соотношение резко меняется. Говоря абстрактно, это закономерный и прогрессивный процесс. Но конкретно в условиях капитализма такой прогресс покупается дорогой ценой.

Известно, что по уровню экономического развития Франция — не самая передовая капиталистическая страна. Соединенные Штаты Америки, например, намного обгоняют ее и в интересующем нас отношении. По подсчетам американских социологов и экономистов, если сокращение числа занятых в промышлен-

ности и сельском хозяйстве страны пойдет и дальше такими же темпами, как сейчас, то к 2000 году существенно производительным трудом будет занято не более 10 процентов трудоспособных людей. По крайней мере 75 процентов «активного» взрослого населения должно будет искать работу в сфере торговли и обслуживания, в государственном аппарате, системе народного образования, научных и других учреждениях.

Многие из тех же социологов и экономистов пишут, что при таком обороте дел исчезнут якобы классы и классовые противоречия, исчезнет самый капитализм и автоматически воцарится рай на земле. Это чепуха, конечно. Раз сохранится частная собственность на средства производства, раз сохранится эксплуатация труда человека во имя получения владельцем капитала прибыли, то сохранится и капиталистическая экономика, какую бы этикетку на нее ни наклеили.

Опыт истории учит, что отживающий общественный строй никогда еще не сходил со сцены только потому, что обнаруживались его бесперспективность, его несовместимость с дальнейшим научно-техническим и социальным прогрессом. Для этого всегда требовалась классовая борьба, социальная революция.

Однако то, что в социальной структуре современного буржуазного общества происходят (и, судя по всему, будут происходить во все более нарастающих масштабах) серьезнейшие сдвиги, это бесспорно. Задумываться об этих сдвигах, задевающих в конечном счете судьбы сотен миллионов людей, приходится не только ученым, но и художникам. Трудно, пожалуй, найти область, в которой буржуазный общественный строй выглядел бы более бесперспективно, чем та, о которой мы

говорим. Не удивительно, что этой теме в западной литературе вообще и в западной фантастике в частности уделяется большое внимание.

Три четверти работоспособных мужчин и женщин должны будут искать работу вне сферы промышленности и сельского хозяйства. Найдут ли они ее? Вот в чем вопрос.

Дело в том, что процесс механизации и автоматизации общественного производства охватывает не только промышленность, сельское хозяйство, строительство, транспорт, связь. Он все глубже — пусть медленнее и не в таких огромных масштабах — охватывает также сферу обслуживания и торговлю, многие виды работы в государственном аппарате, научных, учебных и иных учреждениях. Автоматизация переходит в кибернетизацию. Как правильно вспоминают герои «Утопии 14», если первая промышленная революция двести лет назад положила начало механизации ручного труда, то вторая, или, как ее еще именуют, Великая научно-техническая революция наших дней, продолжила этот процесс: машины начинают принимать на себя тяжесть не только физического, но и умственного труда.

В романе, который лежит перед вами, члены клуба технократов, нарушая свои же собственные принципы, экзотики ради решили не заменять традиционных официантов механизмами подачи и уборки блюд, хотя технически это весьма нетрудно было сделать.

Многим читателям такое решение, наверно, покажется странным и даже, можно сказать, чем-то на грани самопожертвования. Как? Сохранить официантов, чтобы тоскливо ждать за столиком, выслушивая время от времени сакраментальное: «Вас много, а я один»? И это — когда стоит нажать кнопку, чтобы тут же получить заказанное?

Шутки шутками, а у представителей быстро растущей сейчас армии работников сферы обслуживания и служащих различных учреждений очень немного шансов отстоять свое право на существование перед лицом победного шествия автоматики и электроники. Можно представить себе кулинару-метрдоителя, радушно принимающего гостей и дающего квалифицированные советы по части выбора кушаний. Можно представить и консультанта-диспетчера, заботливо разрабатывающего с клиентом маршрут туристской поездки. Можно представить, наконец, в том или ином учреждении специального дежурного, от которого посетитель ждет живого человеческого участия в своих только человеку понятных горестях. Но ведь все это капли людского моря, которое в недалеком будущем должно исчезнуть под почти сплошным покровом безотказно действующих автоматов.

Теперь общепризнано, что даже в сфере обучения (но, разумеется, не воспитания) подрастающего поколения автоматы могут и должны снять с преподавателей значительную часть нагрузки, связанной с нетворческими, механическими процессами педагогического труда. Общепризнано также, что «умные» машины способны в принципе взять на себя все или почти все современные виды нетворческого умственного труда и даже некоторые виды творческого — например, конструирование новых типов машин, механизмов, изделий (разумеется, по заданной человеком программе).

Само по себе это великолепно. Сбывается извечная мечта человека: он освобождается от тяжелого, монотонного, изматывающего труда (все равно физического или умственного) и получает возможность все более сосредоточивать свои силы на сложных видах умственного труда, на том, что доставляет наибольшее наслаж-

дение каждому *homo sapiens*, — на научно-техническом и художественном творчестве.

Людям хватает дел и на земле и тем более в космосе даже при самом широком распространении всевозможных машин, включая и «умные». Мало того, дела эти настолько огромны и сложны, что ни людям без машин, ни машинам без людей с ними не справиться.

Перед человечеством стоят великие задачи. Ведь до сих пор, по существу, освоена лишь десятая часть земной суши, занятая городами, поселками, дорогами, промышленными предприятиями, а главное — сельскохозяйственными угодьями. На девять десятых Земля все еще необитаема! Предстоит освоить, напоив водой, треть земной суши, засыпанной песками пустынь или начисто выжженной лучами палящего солнца. Предстоит освоить четверть земной суши, скованной вечной мерзлотой. Предстоит освоить миллиарды гектаров, пропадающих зря под пустошами и болотами, под непроходимыми дебрями тайги и джунглей, под льдами полярных районов и под скалистыми глыбами горных хребтов. Предстоит освоить почти совершенно нетронутый «шестой континент» — Мировой океан, занимающий две трети поверхности земного шара. И это не говоря уже о предстоящем освоении Луны, Марса, Венеры — всей солнечной системы, а может быть, и иных звездных миров.

Здесь вряд ли уместно вдаваться в споры относительно того, какими именно путями будут решаться подобного рода проблемы. Бесспорно одно: после того как будут решены первоочередные задачи, стоящие перед человечеством — покончить с социальным и национальным гнетом, с голодом, нищетой и болезнями, с жилищной нуждой и неграмотностью (почти половина людей на Земле все еще не умеет читать и писать!), —

людям надо будет вести армады машин на все новые и новые великие свершения. Без машин дело не обойдется, потому что сооружать (и тем более использовать) трансконтинентальные дороги и каналы, океанские плотины и сложное хозяйство новых городов, искусственные острова в океане и исследовательские станции в космосе мыслимо только при помощи автоматики и электроники. Но и без людей дело не обойдется тоже, потому что каждая задача требует качественно новых решений, и машинами должен кто-то руководить, разрабатывать для них все более и более сложные программы.

А чтобы успешно руководить машинами, человеку нужна уйма времени на всестороннюю подготовку — и умственную, и моральную, и физическую. Для того чтобы штурмовать пустыни и арктические льды, тайгу и джунгли, океан и космос, нужна светлая голова, и, значит, здоровый дух, и, значит, здоровое тело. Следовательно, требуется несколько часов в день для постоянной, всю жизнь продолжающейся учебы по специальности, ибо без этого немислимо творчество. Следовательно, требуется несколько часов в день для приобщения к сокровищам литературы, искусства, культуры вообще. Это не просто удовольствие. Это необходимое условие для плодотворной творческой работы, для того, чтобы человек остался человеком, а не превратился в разновидность машины, пусть даже «умной» машины. Наконец, требуется несколько часов в день, посвященных спорту и физической культуре вообще. Это тоже одновременно и удовольствие и железная необходимость, чтобы избежать физического (и, стало быть, морального) вырождения, чтобы остаться человеком, а не превратиться в уэллсовских морлоков и злоев.

Только ли это? А воспитание подрастающего поко-

ления? Требуются миллиардные ассигнования на детские сады и школы. Требуются миллиарды добровольных взрослых помощников педагога-воспитателя, которые час-другой в день могли бы посвятить и малышам, и школьникам, и студентам. Да, автоматика и электроника способны рассказать и даже показать на экране телевизора сказку, воспроизвести лекцию, проверить знания. Но без постоянного контакта со взрослыми, без их впечатляющего слова и личного примера обучение малоэффективно, а воспитание и вовсе немыслимо.

Мы перечислили три-четыре вида занятий, которые каждый день требуют от человека значительного времени. Этот перечень можно продолжить. Да разве одни только обязательные занятия ежедневно требуют времени? А встречи с друзьями? А часы с любимым человеком? А путешествия? А развлечения? Нет, на все это вместе взятое не хватит и двадцати четырех часов в сутки. Придется все шире прибегать к научной организации труда и быта, по минутам рассчитывая затраты времени. Придется во все более значительных масштабах прибегать к помощи машин, без которых попросту не успеть переделать дневную грудку дел, машин, которые не только позволяют полнее приобщиться к радости творческого труда, но и экономят время для отдыха, спорта, развлечений.

Так будет. Так должно быть. Так обязательно должно быть. Но при одном условии: если не останется на Земле эксплуатации человека человеком, если такие экономические категории, как стоимость, доход, прибыль, повсюду станут средством, а не целью развития народного хозяйства, если будут окончательно разрушены многообразные сословные перегородки отживающего классового строя и доступ к материальным и духовным благам будет открыт одинаково широко для

всех. В противном случае, говоря словами И. Ильфа и Е. Петрова, не только возможны, но прямо-таки неизбежны довольно мрачные варианты.

Один из таких вариантов весьма реалистично изображен Воннегутом. Если бы этот роман был написан в те давние времена, когда в моде были длинные заглавия, он, возможно, назывался бы так: «Повесть о том, как в условиях государственно-монополистического капитализма был доведен до логического завершения процесс автоматизации и кибернетизации общественного производства и как в результате этого для человека не осталось места на Земле». Воннегут не выдумывает ничего сверхъестественного. Он просто-напросто продолжает в сравнительно недалеком будущем те тенденции, которые характерны для социально-экономического развития Соединенных Штатов Америки середины XX века. И видение художника закономерно приводит его к картине, столь же правдоподобной, сколь и ужасающей: лишним при капитализме оказывается само человечество!

Американские социологи и экономисты высчитали, что при дальнейшем развитии наметившихся тенденций в сфере промышленности и сельского хозяйства останется не более 10 процентов трудоспособного населения. Почти все остальные перейдут в сферу обслуживания. Но и там, как мы уже говорили, человеку не выдержать конкуренции с машиной. Неизбежен следующий шаг, который весьма красочно и описывает Воннегут: во всей сфере общественного производства (включая сюда и сферу обслуживания) остается лишь кучка технократов и обслуживающий их персонал — в общей сложности, наверное, всего лишь несколько процентов взрослого населения, включая сюда педагогов в традиционных учебных заведениях, полицейских

и других чиновников государственного аппарата, надзирателей разного ранга и прочих. Остальные, составляющие в совокупности подавляющее большинство — может быть, даже девять десятых населения страны, — оказываются «лишними». Перед ними остаются только два пути — либо армия, точнее — жандармерия, для того чтобы сохранять власть имущих, держа в страхе себе подобных, либо трудовая армия, призванная занять массу безработных видимостью общественно полезного труда, который гораздо эффективнее мог бы быть выполнен машинами.

В самом деле, куда еще в условиях капитализма прикажете девать эти девять десятых?

Направить их на освоение необитаемых пространств, о которых говорилось выше? Зачем? При существующем общественном строе это было бы даже опасно. Для него гораздо логичнее разместить за рубежом военные базы и гарнизоны, чтобы свирепо подавлять всякую попытку выступления против мирового жандарма. Так делается теперь, и так, видимо, будет продолжаться впредь, пока на Земле существуют империализм и империалистические державы.

Направить миллионы людей на развитие народного образования, здравоохранения, культуры? Зачем? Распространение высшего образования и высокая культура сделали бы только еще более неустойчивым и без того шаткое господство технократов. Гораздо логичнее ограничить народные массы начальным образованием, чтобы потом легче было оболванивать их официальной пропагандой, армейской муштрой, религиозным дурманом. А объяснение такой системе нетрудно придумать: разные способности! Отбираются наиболее достойные!

Как отобрать достойных? С помощью машин? Да разве способна самая что ни на есть совершенная ма-

шина тягаться с человеком, когда затрагиваются классовые, сословные, кастовые интересы? И мы видим в романе, как машины «отбирают» для восполнения замкнутой касты технократов сынков и родственников наиболее влиятельных боссов. Сквозь машинные рогатки без труда пробираются даже такие ничтожества, как Шеферд и Беррингер. При всей сложной системе аттестации карьера каждого Пола Протеуса обеспечена заранее только на том основании, что он сын, скажем, «Джона Протеуса-старшего, Первого национального директора промышленности, коммерции, коммуникаций, продовольственных товаров и ресурсов».

Наконец, сократить рабочий день настолько, чтобы доступ к управлению машинами, к работе получило возможно большее число желающих работать и способных работать? В сложившихся условиях это дало бы очень немного. Но даже это немного оказалось бы в резком противоречии с интересами класса технократов, размывая их замкнутую касту.

Таким образом, любая попытка изменить статус-кво разбивается о непреодолимую преграду — о классовые интересы господствующей верхушки. Так было во всех классовых обществах, с тех пор как свет стоит. Так будет впредь, пока на Земле останутся классы, какое бы название для этих классов ни придумали. Неправда, что людей в «Утопии 14» выбросили за борт жизни машины. Это сделали не машины, а интересы господствующего класса.

Может быть, это чисто субъективное впечатление, но одна из особенностей романа Воннегута — почти полное отсутствие в нем, на мой взгляд, не только положительных героев, но и вообще персонажей, вызывающих хоть какое-нибудь сочувствие читателя. Подавляющее большинство действующих лиц — от главных героев и до

последнего клиента питейного заведения в Усадьбе — отнюдь не принадлежит, выражаясь предельно сдержанно, к лучшим представителям человечества и вызывает, за исключением, пожалуй, самого Пола Протеуса, преимущественно брезгливое чувство. Уж не знаю, входило ли это в намерение автора или просто так получилось, но таких людей, которые действуют на страницах романа, право же, не жалко было бы заменить машинами хоть сейчас. Кстати, от этого мало что изменилось бы, потому что герои Воннегута в большинстве своем, по существу, самые низкопробные роботы, человекообразные существа, запрограммированные на очень ограниченный круг стереотипных мыслей, эмоций, действий чудовищной человекооблаивающей машиной современной западной цивилизации.

Доктор Пол Протеус — по-своему честный, искренний, скромный и в чем-то мужественный человек. Но в каком жалком положении оказывается он то и дело перед читателями романа! Как вырвавшийся из-под опеки родителей гимназист, он делает одну глупость за другой, мечется в поисках выхода и даже приблизительно не представляет себе очевидных последствий каждого своего шага. Его личная катастрофа — это не только и не столько от его человеческих качеств, сколько от системы воспитания, которая в зародыше глушит и ум и чувства. Вспомните сцены периодической «обработки элиты» на Лужке. Вспомните, как описываются студенческие годы героев романа. Можно ли ожидать от всего этого иного результата?

Прибегая к аллегории, можно сказать, что Пол олицетворяет собой смятение человека перед лицом бесчеловечного социального строя, тогда как Финнерги — деморализацию человека в условиях такого строя. Это как бы два последовательных этапа. Третий этап, ко-

нечный, — Шеферд: процесс обезчеловечения доведен до конца, на место человека становится законченный подонок. Пол и Финнерти всем существом своим встают против уготованного им превращения в шефердов, встают именно в силу своих индивидуальных, человеческих качеств. Но какова может и должна быть альтернатива карьере Шеферда, им неведомо. О социальном идеале представление у них самое смутное. О возможностях реального изменения существующего строя — тоже.

Что могут они противопоставить обществу кронеров, беррингеров, шефердов? Идиллические утопии Торо и Эмерсона под лозунгом «Назад, в лоно природы!»? Трагикомическая попытка Пола обосноваться на «доброй старой ферме» наглядно показала абсолютную несостоятельность такого пути. Вернуться к «доброму старому миру» (то есть к буржуазному строю XIX — первой половины XX века)? Собственно, к этому и призывает манифест, составленный от имени Пола руководителем восстания. «Я предлагаю вернуть рабочих, мужчин и женщин, — говорится в манифесте, — к их роли надсмотрщиков над машинами, а контроль машин над людьми должен быть запрещен. Далее, я предлагаю, чтобы самым тщательным образом изучалось то влияние, которое изменения в технологии или организации труда могут оказать на жизненный уклад машин». Допустим, это принято. И что же? Восстанавливается капитализм XIX века? Или современный капитализм? Но, во-первых, это означает восстановление отнюдь не идиллического состояния человечества, а напротив, всего того, что связано, как мы знаем, с капитализмом этих периодов его развития. Во-вторых, капитализм, как и всякий общественный строй, имеет тенденцию к дальнейшему развитию.

Куда пойдет, во что превратится мир, за который пытаются восстать Пол и Финнерти? Это зависит от того, кто будет надсмотрщиком за «надсмотрщиками над машинами», в чьих интересах будет вестись изучение «изменений в технологии и организации труда» — словом, у кого будет в руках политическая власть и в интересах каких классов эта власть будет использована.

История знает немало попыток использовать государственную власть в интересах умирающего общественного строя. Они иногда тормозили прогресс. Но никогда не останавливали его. А то, что общественный строй в «Утопии 14» — умирающий строй, показано автором с большой силой убедительности.

Перед читателем проходит длинная вереница обитателей «тонущего мира». Вот Кронер, безнадежно пытающийся сохранить «чистоту природы» технократов, любой ценой удержат на плаву прогнивший социальный корабль. Вот президент США с его «белыми зубами и честными серыми глазами, чуть вьющимися волосами, сильными руками и широкими плечами» — как забавно выглядит эта манекеница мужского пола рядом с бесстрашной, всезнающей громадой ЭПИКАК—XIV. Таковы «столпы», на которых держится общество. А с другой стороны — в отчаянии восстающие против этого общества Пол и Финнерти, трагическая фигура Боба Колхауна. Бегут от этого общества даже Гарт и Бэйер — тоже некогда его опора. Остаются только такие абсолютно бездумные, совершенно «запрограммированные» человекоподобные существа, как беррингеры и шеферды.

Таким образом, на самой цивилизации, описанной в «Утопии 14», лежит печать гибели, ибо цивилизация эта представляет общественный строй, у которого нет будущего.

Главное же, мы знаем, что человечество состоит не из одних только продуктов упомянутой цивилизации, столь ярко обрисованных в «Утопии 14». В самих Соединенных Штатах Америки, не говоря уже о мире в целом, достаточно людей, которые не хуже Воннегута понимают, куда идет западный мир. И борьба против проклятого будущего, уготованного людям умирающим прошлым, принимает, как известно, весьма внушительные масштабы. Соотношение сил в современном мире не дает оснований для отождествления читателей и персонажей романа. Слишком многие читатели «Утопии 14» не разделяют заблуждений Пола Протеуса, будто на путях капиталистического развития мыслимо извлечь мир от «массового голода, массового лишения свободы, массового издевательства и массового убийства». Слишком многие согласны с шахом Братпура, что в пресловутом «свободном мире», своеобразной проекцией которого является изображенное в романе общество, несмотря ни на какие пышные вывески, сохранилось классовое деление на элиту и «такару» (рабов). В этом отношении шах верно подметил суть дела.

Но ведь «такару» не желают мириться со своей участью ни в Соединенных Штатах, ни за их пределами. Они борются за иное, лучшее будущее, и их борьба служит залогом того, что «Утопия 14» так и останется в мире утопий, точнее — антиутопий.

Выше мы говорили, что в романе Воннегута очень мало неправдоподобного, что сила его фантастики — в реалистичности этой фантастики. Это не значит, конечно, что правдоподобным в «Утопии 14» нам представляется решительно все. Напротив, некоторые утверждения автора заведомо несостоятельны, фантастичны в самом плохом смысле этого слова и ничего, кроме протеста, не вызывают. Это относится к тенден-

циозной трактовке автором проблемы мировой войны и социальной революции.

Третья мировая война предстает в воспоминаниях героев романа как некое повторение (по способу военных действий) второй мировой войны. Несколько сложнее военная техника, несколько сильнее бомбо-огневая мощь армий — вот и все различия. Это, конечно, не «научная фикция», как именуют на Западе фантастику, а просто фикция. Общеизвестно, что третья мировая война, если она разразится, неизбежно будет войной с самым широким применением ядерного, а возможно, также химического и бактериологического оружия. Это будет величайшая катастрофа, грозящая человечеству самыми ужасными последствиями, на которые не раз обращали внимание крупнейшие ученые мира. И во всяком случае, Соединенным Штатам Америки не избежать мощных ответных ударов.

По данным самих американских специалистов, достаточно будет несколько десятков водородных бомб общей мощностью не более 10 миллиардов тонн тротилового эквивалента, чтобы из двухсот миллионов американцев осталось в живых двадцать, да и то на три четверти тяжело пораженных различными формами лучевой болезни от радиоактивного облучения и осадков. А таких бомб на Земле заготовлены сотни, если не тысячи.

Так что изображать третью мировую войну повторением второй, да еще с победой Соединенных Штатов, вновь выплывающих из нее без единой царапинки, современное соотношение сил на мировой арене не дает ровно никаких оснований.

Именно соотношение сил капитализма и социализма в современном мире позволяет быть уверенным в том, что монополистический капитал никогда уже больше не

станет хозяином земного шара, что историю вспять не повернуть.

Но если трактовка мировой войны носит в романе, так сказать, служебный характер, являясь произвольным допущением, помогающим ярче показать, в какую пропасть идут и неизбежно придут Соединенные Штаты Америки даже в случае установления их господства над всем миром, то трактовка социальной революции выражает принципиальную позицию автора и составляет одну из главных идейных проблем книги.

В романе изображена, по сути дела, не революция, а путч кучки авантюристов, возглавивших своеобразное движение новых луддитов — разрушителей машин, подобно тому как это имело место в Англии конца XVIII — начала XIX века. Путч терпит крушение. Значит ли это, что любое выступление против капитализма, в том числе и такого, каким он является нам в «Утопии 14», в принципе безнадежно?

Что всякое движение, всякий бунт против научно-технического и социального прогресса заведомо обречен на провал — это истина бесспорная и достаточно ярко на страницах романа еще раз проиллюстрированная. Правильно и то, что безнадежный бунт кучки героев романа против машинной цивилизации Запада напоминает безнадежную борьбу североамериканских индейцев против той же самой цивилизации столетием-двумя раньше. Но бунт и революция, конечно же, разные вещи.

Как уже говорилось, подбор героев романа крайне тенденциозен. Их можно условно разделить на три группы: правящая кучка технократов, отколовшаяся от них по тем или иным причинам деморализованная люмпен-интеллигенция и столь же деморализованный, оболваненный, забитый люмпен-пролетариат, в который

якобы обратилось к тому времени подавляющее большинство американского народа.

Конечно, люмпен-интеллигенция ни на что, кроме «революционного вспышкопускательства», не способна. Мы знаем это по опыту истории множества лэшеров, которые устраивали скороспелые путчи только для того, чтобы «попасть в анналы». Не способен ни на что иное, кроме бессмысленного разрушительного бунта, и люмпен-пролетариат.

Но помимо люмпенов, в Соединенных Штатах и других странах капитала существует несоизмеримо более значительная сила — промышленный пролетариат, фермерство, «средние слои», в том числе и интеллигенция. Эта сила способна на нечто большее, чем просто бунт. И она выступает не против прогресса, а именно за него, что и делает эту силу в конечном счете непобедимой.

Было бы упрощением представлять дело так, будто в современных условиях эта сила на Западе окончательно консолидировалась и выступает единым фронтом против общего врага — против монополистического капитала, возглавляющего силы реакции. Процесс консолидации очень длителен, сложен и нередко противоречив. Но процесс этот идет, в нем принимают активное участие все прогрессивные элементы капиталистических стран, и победа в конечном счете за ними, ибо за ними — неодолимая поступь прогресса.

«Кто-то просто обязан быть неприспособленным, — пишет Воннегут, — кто-то просто должен испытывать чувство неловкости для того, чтобы задуматься над тем, куда зашло человечество, куда оно идет и почему оно идет туда». В этом смысл книги. Собственно говоря, в этом смысл всей современной прогрессивной фантастики Запада.

«Утопия 14», может быть, даже вопреки субъективным воззрениям ее автора служит идейным оружием в консолидации сил прогресса против сил реакции. Она с большой художественной силой показывает страшное будущее, которым угрожает человечеству капитализм. Она помогает поднимать людей на борьбу за иное, лучшее будущее. Это и дает ей право на выдающееся место в современной фантастике Запада.

И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА, доктор исторических наук

Утопия

14

Город Айлиум в штате Нью-Йорк делится на три части. Северо-восток — место жительства управляющих, инженеров, а также городских служащих и небольшой группы специалистов; северо-запад — обиталище машин; в южной же части, отделенной от прочих рекой Ирокез и получившей в народе название «Усадьба», ютится все остальное население.

Если бы вдруг мост через Ирокез оказался взорванным, это мало изменило бы обычное течение жизни. И по ту и по другую сторону реки, пожалуй, не найдется желающих общаться между собой, и наведываться на тот берег их может заставить разве что простое любопытство.

Во время войны в сотнях таких же айлиумов управляющие и инженеры научились обходиться без мужчин и без женщин, которых отправили сражаться. Война была выиграна невероятным способом — одними машинами, без применения людской силы. В стилизованных патио на северном берегу Ирокеза жили люди сведущие — именно те, кто выиграл войну. Это именно им, сведущим людям, демократия обязана жизнью.

Десять лет спустя после окончания войны — после того, как мужчины и женщины вернулись к своим очагам, после того, как бунты были подавлены, а тысячи бунтовщиков были брошены в тюрьмы за саботаж, — доктор Пол Протеус сидел в своем кабинете, поглаживая кошку. В свои тридцать пять лет он был уже самой значительной фигурой в Айлиуме — управляющим Заводами Айлиум. Это был высокий худощавый брюнет с мягким взглядом, с длинным лицом, как бы перечеркнутым очками в темной оправе.

Но в данный момент, как, впрочем, и вообще за последнее время, ни своей значительности, ни своего выдающегося положения он вовсе не ощущал. Сейчас ему важно было только, чтобы кошка освоилась с новой для нее обстановкой.

Люди, достаточно старые для того, чтобы помнить, и слишком старые, чтобы состязаться с Протеусом, с умилением признавали, что он как две капли воды походит на своего отца в молодости. Считалось неоспоримым (в некоторых кругах это признавали с оттенком неприязни), что Пол в один прекрасный день продвинется по служебной лестнице так же далеко, как и его отец. Доктор Джон Протеус-старший к моменту своей смерти был первым национальным директором Промышленности, Коммерции, Коммуникаций, Продовольственных товаров и Ресурсов — пост, по важности уступающий разве только посту президента Соединенных Штатов, да и то в известной степени.

Правда, рассчитывать, что гены семьи Протеусов будут переданы еще одному поколению, не приходилось. Жена Пола, Анита, его секретарь в военные годы, была бесплодна. Ирония, если кому-нибудь и пришлось бы в голову иронизировать по этому поводу, заключалась в том, что Пол женился на ней после того, как Анита в один из интимных вечеров, устраиваемых в честь победы, совершенно определенно сообщила ему о своей беременности.

— Ну как, киска, нравится? — Доброжелательно и с чувством вины молодой Протеус нежно погладил кошку свернутой копиркой по выгнутой дугой спине. — Ммммм-а — хорошо, правда?

Он поймал ее сегодня утром у площадки для игры в гольф и принес на завод ловить мышей. Только вчера вечером мышь прогрызла изоляцию на контрольном кабеле и временно вывела из строя здания № 17, 19 и 21.

Пол включил интерком на своем столе.

— Катарина?

— Да, доктор Протеус?

— Катарина, когда же будет напечатана моя речь?

— Я ее как раз делаю, сэр. Еще десять-пятнадцать минут, честное слово.

Доктор Катарина Финч была его секретарем и единственной женщиной на Заводах Айлиум. Фактически она была лишь символом его высокого положения, а отнюдь не помощницей, хотя некоторую пользу она все же приносила, заменяя его на время болезни или на время отлучек, когда ему приходило желание пораньше уйти с работы. Только большое начальство — от управляющего заводом и выше — имело секретарей. Во время войны управляющие и инженеры обнаружили, что значительная часть секретарской работы, как, впрочем, и другой второстепенной работы, может быть выполнена быстрее, дешевле и результативнее при помощи машин. Анигу, когда на ней женился Пол, как раз собирались уволить. И вот сейчас, например, Катарина раздражала его своей медлительностью, копаясь с речью Пола и одновременно разговаривая со своим, как все полагали, любовником, доктором Бадом Колхауном.

Бад, управляющий нефтебазой в Айлиуме, бывал занят только тогда, когда поступало горючее. Большую часть времени между этими напряженными моментами он проводил, как и сейчас, отвлекая внимание Катарины потоками своего мягкого говора уроженца Джорджии.

Пол взял кошку на руки и поднес ее к огромному, во всю стену окну.

— Масса мышей здесь, киска, масса мышей! — сказал он.

Он показывал кошке старое поле боя. Здесь, в долине реки, могауки победили альгонкинов, датчане — могауков, анличане — датчан, американцы — англичан. Сейчас поверх костей и сгнивших частоколов, пушечных ядер и наконечников стрел раскинулся треугольник стальных и кирпичных зданий, треугольник, каждая сторона которого вытянулась на полмили — Заводы Айлиум. И там, где некогда люди с воплями кидались друг на друга или вели борьбу не на жизнь, а на смерть с природой, теперь гудели, визжали, щелкали машины, изготавливая детали к детским коляскам,

пробки к бутылкам, мотоциклы, холодильники, телевизоры и трехколесные велосипеды — плоды мирного производства.

Пол перевел взгляд выше, за крыши огромного тругольника, на солнечные блики на поверхности Ирокеза и за реку — на Усадьбу, где живет еще много людей, носящих имена пионеров: ван Зандт, Купер, Кортлэнд, Стокс...

— Доктор Протеус? — Это опять была Катарина.

— Да, Катарина.

— Опять!

— Третий в здании 58?

— Да, сэр, сигнальная лампочка снова зажглась.

— Хорошо, позвоните доктору Шеферду и узнайте, что он намерен предпринять.

— Он сегодня болен. Помните?

— Тогда, видимо, придется мне этим заняться.

Он надел пиджак, взял кошку и, тоскливо вздохнув, вошел в комнату Катарина.

— Не вставайте, не вставайте, — сказал он Бад, который растянулся на диване.

— А я и не собираюсь вставать, — отозвался тот.

Три стены этой комнаты были от пола до потолка уставлены измерительными приборами, кроме пространства, занятого дверями в кабинет Пола и приемный зал. Вместо четвертой стены, так же как и в кабинете, было огромное окно. Измерительные приборы были одинакового размера, каждый с пачку сигарет. Они покрывали стену плотными рядами, точно кафель, и на каждом из них была блестящая медная пластинка с номером, и каждый из них соединялся с группой машин где-то на Заводах. Сияющий красный рубин привлек его внимание к седьмому прибору снизу в левом пятом ряду на восточной стене.

Пол постучал пальцем по счетчику прибора.

— Ага, опять то же: третий номер в 58-м отказал. Ну ладно, — он взглянул на остальные счетчики. — Полагаю, это все?

— Да, только этот.

— А на кой ляд вам сдалась эта кошка? — спросил Бад.

Пол прищелкнул пальцами.

— Кстати, я рад, что вы спросили об этом. У меня есть для вас задание, Бад. Мне нужно какое-то сигнальное приспособление, которое оповещало бы эту кошку, где она сможет поймать мышь.

— Электронное?

— Хотелось бы.

— Значит, необходим какой-то сверхчувствительный элемент, который мог бы учуять запах мыши.

— Или крысы. Подумайте об этом, пока меня здесь не будет.

Шагая в бледных лучах мартовского солнца к своей машине, Пол вдруг понял, что Бад Колхаун к моменту его возвращения в контору на самом деле сконструирует сигнальное приспособление, и притом такое, что его будет понимать и кошка. Иногда Пол задумывался над тем, что его, пожалуй, больше устроила бы жизнь в каком-либо ином историческом периоде, а вот закономерность существования Бада именно сейчас не вызвала никаких сомнений. Бад был воплощением подлинного американца, типа, сложившегося с первого же момента образования нации, — он обладал и неутомимостью, и проницательностью, и воображением техника. Нынешнее время для поколения бадов колхаунов было кульминационной точкой или приближалось к кульминации — теперь, когда почти вся американская промышленность оказалась объединенной в единую гигантскую машину Руба Голдберга.

Пол задержался подле автомобиля Бада, стоявшего рядом с его собственным. Бад несколько раз демонстрировал Полу достопримечательности своей машины, и Пол в шутку решил ее завести.

— Поехали, — сказал он машине.

Раздалось гудение, потом — щелчок, и дверь распахнулась.

— Залезай, — произнес записанный на пленку голос из-под приборного щитка.

Педаля стартера опустил, мотор взвыл и тут же заработал ровно. Включилось радио.

Забавляясь, Пол нажал кнопку на рулевой колонке. Заурчал еще какой-то механизм, мягко скрипнули

шестеренки, и два передних сиденья начали равномерно откидываться, подобно сонным любовникам. Это так же неприятно действовало на Пола, как вид операционного стола для лошадей, который ему однажды пришлось наблюдать в ветеринарной больнице: лошадей там подводили к вращающемуся столу, привязывали к нему, усыпляли при помощи наркоза, а затем запрокидывали в удобное для оперирования положение при помощи шестеренок подвижной крышки стола. Пол явственно представил себе Катарину Финч, как она запрокидывается, запрокидывается, запрокидывается, а Бад напевает что-то, не снимая пальца с кнопки. Нажатием другой кнопки Пол поднял сиденья.

— До свидания, — сказал он автомобилю.

Мотор умолк, радио выключилось, Пол вышел, и дверца захлопнулась.

— Не дай себя обжудить! — выкрикнул автомобиль, когда Пол уже усаживался в свою собственную машину. — Не дай себя обжудить, не дай себя обжудить, не дай...

— Ладно, не дам!

Автомобиль Бада, наконец успокоившись, умолк.

Пол ехал по широкому чистому бульвару, пересекающему заводскую территорию, следя за мелькающими мимо номерами домов. Маленький автобус, непрерывно сигналив, промчался в обратном направлении к главным воротам. Он забавно вилял по пустой улице, а его пассажиры приветливо махали Полу. Он взглянул на часы. Это закончила работу вторая смена. Пола раздражало, что ради нормальной работы завода ему приходилось поддерживать щенячье веселье этих юнцов. Предосторожности ради он снова заверил себя, что, когда он, Финнерти и Шеферд приступали к работе на Заводах Айлиум тринадцать лет назад, они были более зрелыми, менее самоуверенными и уж наверняка были лишены этого чувства принадлежности к избранной касте.

Кое-кто, в том числе и прославленный отец Пола, поговаривал в старые дни о том, что инженеры, управляющие и ученые составляют якобы элиту нации.

И когда неизбежность войны стала уже очевидной, было решено, что сведущие люди Америки — это единственное, что можно противопоставить предполагаемому численному превосходству армий противника. Вот тогда и пошли разговоры о постройке более глубоких и надежных убежищ для сведущих людей и о необходимости избавить эти сливки общества от участия в сражениях на передовой. Однако лишь немногие приняли близко к сердцу эту идею сохранения элиты. Когда Пол, Финнерти и Шеферд окончили колледж в самом начале войны, они, как тыловики, избавленные от отправки на фронт, чувствовали себя довольно глупо — как бы обойденными по сравнению с теми, кто туда попал. Однако теперь, когда все эти рассуждения об элите, эта уверенность в своем превосходстве, это чувство правомерности иерархии, возглавляемой управляющими и инженерами, вдалбливаются в головы выпускников всех колледжей, об этом теперь никто не задумывается.

Пол почувствовал себя лучше, войдя в здание 58, длинное узкое строение, вытянувшееся на четыре квартала. Пол испытывал к нему странную привязанность. Ему не раз советовали снести северную часть здания, но ему удалось убедить Штаб не делать этого. Северная часть здания была самым старым строением на всем заводе, и Пол сохранил его ради исторического интереса, который оно представляло для посетителей, как он объяснил Штабу. Но, честно говоря, он не признавал и не любил посетителей и сохранил северную часть здания 58 для себя. Поначалу это был машинный цех, основанный Эдисоном в 1886 году, в том самом году, когда он открыл еще один такой же цех в Скенектеди. Посещение его служило лучшим лекарством для Пола в периоды подавленного настроения. Такие встречи казались ему неким вотумом доверия со стороны прошлого — прошлое как бы признавало свою убогость, и человек, перенесясь из этого прошлого в настоящее, мог сразу определить, что человечество за это время проделало большой путь. А такого рода подтверждения время от времени были необходимы Полу.

Он упрямо повторял себе, что дела сейчас идут и в самом деле лучше, чем когда бы то ни было. Раз и навсегда после кровавой военной бойни мир, наконец, избавился от своих неестественных страхов — массового голода, массового лишения свободы, массового издевательства и массового убийства. Говоря объективно, сведущие люди и законы мирового развития, наконец, получили свой долгожданный шанс превратить землю в приятную и приемлемую для всех обитель, где спокойно, в трудах можно дожидаться судебного дня.

Иногда Пол страстно желал, чтобы его в свое время все-таки отправили на фронт, где он услышал бы грохот и шум, увидел раненых и убитых, а возможно, даже и получил бы пару шрапнельных пулевых ранений в ногу. Возможно, тогда методом сравнения он смог бы убедиться в том, что казалось столь очевидным другим, а именно, что все, что он делает сейчас, сделал и еще сделает в качестве управляющего и инженера, жизненно необходимо, а отнюдь не достойно сожаления, и что он на самом деле помогает установлению золотого века на земле. Но за последнее время система и организация его работы то и дело возбуждали в нем чувство беспокойства, раздражения и тошноты.

Он стоял в старой части здания 58, заполненного сейчас сварочными машинами и комплексом машин, наматывающих изоляцию. Он чувствовал себя спокойнее, глядя на грубо отделанные деревянные стропила с древними следами обработки под обсыпающейся известкой и на темные кирпичные стены, достаточно мягкие для того, чтобы люди — бог знает сколько лет назад — могли вырезать на них свои инициалы: «КТМ», «ДГ», «ГП», «БДХ», «ХВ», «ННС». Пол на минутку представил себе — он часто любил это делать при посещении здания 58, — что он Эдисон, стоящий в дверях одинокого кирпичного здания на берегу Ирокеза, а дующий снаружи ветер с верховий хлещет по кустам ракитника. На стропилах все еще оставались следы того, что Эдисон сделал из этого одинокого кирпичного сарая: дыры от болтов указы-

вали места, где когда-то были верхние блоки, передававшие энергию целому лесу приводных ремней, а пол из толстых деревянных брусьев был еще черен от масла и выщерблен станинами грубых машин, приводившихся в движение этими ремнями.

На стене в кабинете Пола висела картина, изображающая этот цех таким, каким он был в самом начале. Все рабочие, в большинстве своем набранные с окрестных ферм, стояли плечом к плечу среди неуклюжих машин перед фотографом, почти свирепые от гордости и важности, странные в своих жестких воротничках и котелках. Фотограф, привыкший, по всей вероятности, снимать спортивные команды или религиозные братства, придал им на фотографии дух тех и других в соответствии с требованиями того времени. На каждом лице было написано сознание своей физической силы и одновременно с этим гордости от принадлежности к тайному ордену, стоящему вне и над остальным обществом, и причастности к важному и увлекательному обряду, о смысле которого непосвященные могут только строить догадки, и при том догадки ложные. Немаловажно и то обстоятельство, что гордость за эту причастность светилась в глазах уборщиков ничуть не в меньшей степени, чем в глазах машинистов и инспекторов или даже их начальника — единственного среди них без корзиночки с завтраком.

Послышался звук зуммера, и Пол сошел с осевой линии, уступая дорогу механическому уборщику, погромыхивающему по рельсам. Машина вздымала своими вертящимися щетками облако пыли и тут же засасывала это облако с жадным чавканьем. Кошка, сидевшая на руках у Пола, вцепилась когтями в его костюм и запипела на машину.

Пол вдруг почувствовал щемящую резь в глазах и сообразил, что смотрит на сияние и брызги сварочных машин незащищенными глазами. Он нацепил черные стекла поверх своих очков и сквозь антисептический аромат озона зашагал к группе токарных станков номер три в центре здания, в новой его части.

Он приостановился у последней группы сварочных машин, и ему вдруг захотелось, чтобы Эдисон оказался

рядом с ним и увидел бы все это. Старик наверняка был бы очарован. Две стальные пластины были сняты со штабеля, затем их прокатали по лотку и перехватили механическими лапами, которые бросили их под сварочную машину. Головки сварочных аппаратов опустились, выбросили снопы искр и снова поднялись. Целая батарея электрических глаз тщательно обследовала соединения двух пластин и послала в комнату Катаринины данные о том, что в пятой группе сварочных машин здания 58 все в порядке. А сваренные пластины теперь уже по другому лотку покатались в челюсти прессовальной группы в подвале. Каждые семнадцать секунд каждая из двенадцати машин в группе завершала свой цикл.

При взгляде в глубь здания 58 Полу показалось, что это огромный гимнастический зал, в котором различные группы спортсменов отрабатывают различные упражнения: маховые движения, прыжки, приседания, броски, покачивания... Эту сторону новой эры Пол любил: машины сами по себе были увлекательными и приятными существами.

По пути он открыл коробку контрольного механизма группы сварочных машин и увидел, что они установлены на эту операцию еще на три дня. После этого их автоматически выключат до того времени, пока Пол не получит новых указаний из штаба и не передаст их доктору Лоусону Шеферду — своему помощнику, который отвечает за здания от номера 53 до 71 включительно. Шеферд сегодня нездоров, поправившись, он установит контрольные приборы на выпуск новой партии задних стенок для холодильников — на столько, сколько этих задних стенок, по мнению ЭПИКАК — счетной машины в Карлсбадских пещерах, — в состоянии использовать экономика.

Поглаживая встревоженную кошку своими длинными тонкими пальцами, Пол с безразличием подумал о том, на самом ли деле Шеферд сегодня болен. Скорее всего нет. Похоже, что он сейчас встречается с важными людьми, пытаясь получить перевод — освобождение из-под власти Пола.

Шеферд, Пол и Финнерти еще зелеными юнцами приехали на Заводы Айлиум. Финнерти теперь переведен в Вашингтон и заворачивает более крупными делами; Пол получил самую высокую должность в Айлиуме; а Шеферд, надутый, и чванный, и все-таки отличный работник, считал себя униженным и обойденным, когда его назначили в помощники Полу. Перемещения по службе были в руках более высокой инстанции, и Пол молил бога, чтобы Шеферда повысили.

Он подошел к третьей группе токарных станков, которая и была причиной неполадок. Пол уже давно, но безуспешно ходатайствовал о списании этой группы на лом. Токарные станки были устаревшего типа и рассчитаны на обслуживание людьми. Во время войны их наспех приспособили к новым техническим требованиям. Точность они уже теряли и, как показывал счетчик в кабинете Катарины, теперь отказывали уже и в количественном отношении. Пол готов был прозакладывать любую сумму, что они сейчас давали до десяти процентов брака, обычного при обслуживании человеком, да еще с присущими тем временам горами отходов.

Пять рядов по двести станков в каждом, одновременно вгрызаясь резцами в заготовки из стали, выбрасывали готовые детали на непрерывную ленту конвейера, останавливались на время, необходимое для закрепления в зажимах новых заготовок, зажимали их и, опять вгрызаясь резцами в заготовки, выбрасывали готовые детали.

Пол открыл ящик, в котором хранилась лента с записями операций, управляющая всеми этими станками. Лента была не чем иным, как маленькой петелькой, которая непрерывно бегала по магнитным снимателям. В свое время на ней были записаны все движения токаря, обрабатывающего валы для мотора в одну лошадиную силу. Пол попытался подсчитать, сколько же лет тому назад это происходило — одиннадцать? двенадцать? Нет, тринадцать лет назад именно он, Пол, и производил эту запись работы токаря, обрабатывающего валы...

Еще не успели просохнуть чернила на их докторских дипломах, как он с Финнерти и Шефердом был направлен в механический цех для производства таких записей. Начальник цеха указал им своего лучшего работника — как же было его имя? — и, подшучивая над озадаченным токарем, трое способных молодых людей подключили записывающий аппарат к рычагам токарного станка. Гертц! — вот как звали этого токаря. Руди Гертц, человек старого уклада, которого вот-вот должны были отправить на пенсию. Сейчас Пол вспомнил и его имя и то почтение, с которым старик относился к талантливым молодым людям.

По окончании работы они упросили начальника цеха отпустить с ними Руди и с показным и эксцентричным демократизмом людей «от станка» пригласили Руди в пивную напротив завода. Руди не сразу разобрался, зачем понадобились им все эти записи, но то, что он понял, ему понравилось: ведь именно его выбрали из тысяч других токарей, чтобы обессмертить его движения, записав их на магнитную ленту.

И вот сейчас эта маленькая петелька ферромагнитной ленты лежит в ящике перед глазами Пола, воплощение работы Руди, того самого Руди, который в тот вечер включал ток, устанавливал количество оборотов, присматривал за работой резца. В этом только и заключалась сущность Руди с точки зрения самой машины, с точки зрения экономистов, с точки зрения военных усилий. Ферромагнитная лента была сутью, квинтэссенцией, выделенной из этого, маленького вежливого человека с широкими ладонями и с трауром под ногтями; из человека, который полагал, что мир может быть спасен, если каждый будет ежедневно читать на ночь библию; из человека, который за отсутствием собственных ребят обожал колли; из человека, который... Что же еще говорил Руди в тот день? Полу пришло на ум, что человек этот сейчас, вероятно, уже умер или же, впад в детство, доживает свои дни в Усадьбе.

А теперь, включив на распределительном щитке токарные станки и передавая им сигналы с ленты,

Пол может заставить эту «квинтэссенцию Руди» обрабатывать один, десять, сто или тысячу валов.

Он захлопнул дверцу ящика. Лента была явно в порядке, это же можно было сказать и о снимателях. Собственно говоря, все было в полном порядке, насколько это можно было требовать от таких древних машин. Просто они начинали уже отказывать, и это было вполне понятно. Вся эта группа была скорее музейным экспонатом, где уж тут добиваться производственной мощности. Даже ящик и тот был архаичен — громоздкий, толстыми болтами прикрепленный к полу, со стальной дверцей и замком. Во времена бунтов, сразу же после войны, ленты стали запирасть подобным образом. Сейчас, когда законы против саботажа применялись со всей строгостью, единственная защита, которая требовалась контрольным приспособлениям, была защита от пыли, тараканов и мышей.

Еще раз остановившись в дверях старой части корпуса, Пол вслушивался в музыку здания 58. Уже многие годы в голове его бродила идея пригласить композитора, чтобы тот попытался сделать что-нибудь из этих ритмов — возможно, «Сюиту здания 58». Это была дикая, варварская музыка, с возбужденным ритмом, то подключающимся, то выпадающим из фазы, с калейдоскопом звуков. Пол попытался выделить и определить отдельные темы. Вот! Токарная группа, тенора: «Фурразуа-уа-уа-ак! Тинг! Фурразуа-уа-уа...» Сварочные машины, баритоны: «Ваааа-зюзип! Вааааа-зюзип!» А затем вступает басовая партия прессов, усиленная подвалом в качестве резонатора: «Овгрупп! Тонка-тонка. Овгрупп! Тонка-тонка...» Это была упоительная музыка, и Пол, покраснев от смущения, заслушался ею, забыв о всех своих неприятностях.

В сторонке, почти вне поля его зрения, он уголком глаза заметил бешеное вращательное движение и с удовольствием обернулся, чтобы поглядеть на красочный хоровод машин, накладывающих разноцветную изоляцию на черную змею кабеля. Тысячи маленьких танцоров вертелись с невероятной скоростью, делая пируэты, сходясь и расходясь, безошибочно строя плот-

ную сеть вокруг кабеля. Пол улыбнулся этим волшебным машинам и отвел глаза, чтобы не закружилась голова. В прежние дни, когда за машинами приглядывали женщины, некоторых из наиболее простодушных иной раз заставляли на их рабочих местах уже после окончания рабочего дня — зачарованных этой игрой красок.

Взгляд Пола упал на несимметричное сердце, вырезанное на старых кирпичах с буквами «К. Л.— М. У.» в центре и датой «1931». Эти К. Л. и М. У. понравились друг другу в тот самый год, когда умер Эдисон. Пол опять подумал, как здорово было бы провести старика по зданию 58, и вдруг понял, что большинство этих станков показалось бы старьем даже Эдисону. Оплеточные машины, сварочные машины, прессы, токарные станки и конвейерные ленты — все, что было перед его глазами, существовало здесь уже и во времена Эдисона. Основные части автоматического управления — тоже, а что касается электрических глаз и других элементов, которые вели себя лучше, чем некогда это могли делать люди, — все это было известно в научных кругах даже еще в двадцатые годы. Единственное, что здесь было новым, — это комбинация всех этих элементов. Пол решил запомнить эту мысль, чтобы привести ее в докладе сегодня вечером в Кантри-Клубе.

Кошка опять выгнула дугой спину и вцепилась в костюм Пола. По осевой линии к ним снова подбирался механический уборщик. Он включил свой предупредительный зуммер, и Пол уступил ему дорогу. Кошка зашипела, фыркнула, неожиданно полоснула когтями по руке Пола и прыгнула. На напряженно вытянутых лапах она двинулась навстречу уборщику. Ревущие, вспыхивающие, кружащие и орущие машины заставляли ее держаться самой середины прохода в нескольких ярдах от шипящих щеток уборщика. Пол в отчаянии оглядывался в поисках выключателя, останавливающего механизм уборщика, но, прежде чем он отыскал его, кошка приняла бой. Она встретила наступление уборщика, обнажив острые зубы, а дрожащий кончик ее вытянутого хвоста угрожающе покачи-

вался взад и вперед. Сварочная вспышка загорелась в нескольких дюймах от ее глаз, уборщик подцепил кошку и швырнул ее, орущую и царапающуюся, в гальванизированное жестяное брюхо.

Запахавшись после пробежки длиною в четверть мили вдоль всего здания, Пол перехватил уборщика как раз тогда, когда тот достиг мусоровывода. Уборщик раскрылся и выплюнул кошку вниз по мусоровыводу в стоящий снаружи грузовик. Когда Пол выбежал из здания, кошка взобралась уже на борт грузовика, шлепнулась на землю и в отчаянии понеслась к проволочному ограждению.

— Нет, киска, не смей! — крикнул Пол.

Кошка наткнулась на сигнальную проволоку, протянутую вдоль забора, и у здания сторожки взвыла сирена. Секунду спустя кошка коснулась электрического провода, протянутого по верху забора. Раздался треск, вспыхнула зеленая вспышка, и кошку швырнуло высоко вверх над проводами. Она упала на асфальт, мертвая и дымящаяся, но зато по другую сторону забора.

Броневик с нервозно поворачивающейся из стороны в сторону башенкой, вооруженной пулеметами, остановился как вкопанный у маленького тела. С лязгом отворился люк башни, и заводской охранник осторожно высунул голову.

— Все в порядке, сэр?

— Выключите сирены. Ничего страшного, просто кошка залезла на забор. — Пол присел и приглядывался к кошке сквозь ячейки забора, страшно огорченный. — Возьмите кошку и доставьте ее в мой кабинет.

— Простите, сэр?

— Кошку — я хочу, чтобы ее доставили ко мне в кабинет.

— Так она же дохлая, сэр.

— Вы слышали, что я сказал?

— Слушаюсь, сэр.

Мрачное настроение опять вернулось к Полу, когда он сел в машину перед зданием 58. И не было ничего, что способно было бы отвлечь его внимание,

ничего — только асфальт, уходящие вдаль фасады пронумерованных домов да холодные завитки облаков на клочке голубого неба. Нечто живое Пол обнаружил только в узком ущелье между зданиями 57 и 59, в ущелье, которое выходило на берег реки, откуда открывался вид на серые веранды домов в Усадьбе. На верхней веранде в кресле-качалке сидел старик, греясь в скупых солнечных лучах. Через перила перевесился мальчик и, бросив вниз бумажку, следил за ее ленивым полетом к берегу реки. Малыш оторвал взгляд от бумаги и встретился глазами с Полом. Старик прекратил свое раскачивание и тоже уставился на чудо — живое существо на территории Заводов Айлиум.

Когда Пол проходил мимо стола Катарины Финч, она протянула его отпечатанную речь.

— Очень хорошо, — сказала она, — особенно то место, где вы говорите о Второй Промышленной Революции.

— А, все это старье.

— А мне это показалось очень свежим — я имею в виду то место, где вы говорите, что Первая Промышленная Революция обесценила мышечный труд, а вторая — обесценила рутинную умственную работу. Я была просто в восхищении.

— Норберт Винер, математик, все это сказал уже в сороковых годах. Вам это кажется свежим только потому, что вы слишком молоды и не знаете ничего, помимо того, как обстоят дела сейчас.

— Действительно, кажется просто ужасным, что все когда-то было иначе, не правда ли? Разве не смешно было собирать людей в определенное место и держать их там целый день только для того, чтобы воспользоваться их мыслями. А потом — перерыв, и опять мышление, и опять перерыв, да так просто невозможно мыслить.

— Очень неэкономно, — подтвердил Пол, — и очень ненадежно. Можете представить себе горы брака... И что за адская была работенка управлять всем этим. Похмелья, семейные дразги, недовольство на-

чальством, долги, война — все человеческие несчастья так или иначе отражались на выпуске продукции. — Он улыбнулся. — Счастливые события тоже. Помню, когда мы предоставляли отпуска, особенно на рождество — тут уж ничего нельзя было придумать, — просто приходилось считать ся фактами. Количество всякого рода орехов начинало повышаться с пятого декабря и росло до самого рождества, затем праздники, после которых брак страшно возрастал, потом следовал новый год с новым повышением брака, и только потом, примерно к пятнадцатому января, дела постепенно входили в норму — а норма эта тоже была довольно низкой. Нам приходилось учитывать подобные явления даже при установлении цен на товары.

— Как вы считаете, будет ли еще и Третья Промышленная Революция?

Пол остановился в дверях своего кабинета.

— Третья? А как вы ее себе представляете?

— Я не очень представляю ее себе. Но ведь первая и вторая в свое время тоже казались невообразимыми.

— С точки зрения людей, которых должны были замнить машины, вполне возможно. Говорите, третья? В известной степени она, как мне кажется, уже идет какое-то время, если вы имеете в виду думающие машины. Это, по-моему, и будет третьей революцией — машины заменят человеческое мышление. Кое-какие из крупных счетно-решающих машин, ЭНИКАК, например, в некоторых областях уже справляются с этим и сейчас.

— Угу, — задумчиво сказала Катарина. Она катала карандаш, зажимая его между зубами. — Сначала мускульная сила, потом служащие, а потом, возможно, и подлинный умственный труд.

— Я думаю, что не дотяну до этого последнего шага. Кстати, если уже речь зашла о промышленных революциях, где Бада?

— Прибыл груз, и ему пришлось отправиться к себе. А это он оставил для вас. — И она протянула Полу мятый счет из прачечной на имя Бада.

Пол перевернул квитанцию и, как он и ожидал, увидел на оборотной ее стороне схему определителя мышей и сигнальной системы, которая могла прекрасно сработать.

— Поразительный ум, Катарина.

Она неуверенно кивнула в знак согласия.

Пол затворил дверь, тихонько запер ее и достал бутылку из-под бумаг в нижнем ящике стола. На мгновение у него перехватило дух от горячей волны, прокатившейся по всему телу после глотка виски. С увлажнившимися глазами он спрятал бутылку на место.

— Доктор Протеус, ваша жена у телефона, — сказала Катарина по интеркому.

— Протеус слушает. — Он начал было садиться, как вдруг наткнулся на маленькую картонную коробку с мертвой черной кошкой на своем кресле.

— Дорогой, это я, Анита.

— Хелло, хелло, хелло. — Он осторожно поставил коробку на пол и опустился в кресло. — Как ты себя чувствуешь, дорогая? — бездумно спросил он. Его мысли были все еще заняты кошкой.

— Все ли подготовлено, чтобы сегодняшний вечер удался? — Театральное контральто звучало самоуверенно и страстно: говорит владетельная сеньора Айлиума.

— Весь день промучался над этой речью.

— Значит, это будет великолепная речь, дорогой. Ты все-таки получишь Питсбург, у меня на этот счет, Пол, нет ни малейших сомнений. Пусть только Кронер и Бэйер услышат тебя сегодня вечером.

— Кронер и Бэйер приняли приглашение, да? — Это были управляющий и главный инженер всего Восточного района. Заводы Айлиум составляли только маленькую его частицу. И именно Кронер и Бэйер будут решать, кому предоставить самый важный пост в их районе — вакантное место управляющего Заводами Питсбурга, освободившееся ввиду смерти прежнего управляющего. — Ну, и веселенький же будет вечер!

— Ну что ж, если это тебе не нравится, то у меня есть известие, которое тебя, несомненно, обрадует. Там будет еще один необычный гость.

— Ух ты!

— И тебе придется съездить в Усадьбу, чтобы добыть ирландское виски для него. В клубе не держат этого сорта.

— Финнерти! Эд Финнерти!

— Да, Финнерти. Он звонил сегодня и очень настаивал, чтобы ты добыл для него ирландское виски. Проездом из Вашингтона в Чикаго он остановится здесь.

— Сколько же это прошло лет, Анита? Пять, шесть?

— Ровно столько, сколько прошло с того момента, как ты был назначен управляющим. Вот сколько.

Ее ликование по поводу приезда Финнерти раздражало Пола. Он-то прекрасно знал — Финнерти она не любит. Ее радостная болтовня вызвана была отнюдь не любовью к Финнерти, а просто ей было очень приятно разыгрывать дружеские чувства, которых у нее не было и в помине. А кроме того, после отъезда из Айлиума Эд Финнерти стал влиятельной фигурой, членом Национального Бюро Промышленного Планирования, и этот факт, вне всякого сомнения, затушевывал в ее памяти воспоминания о столкновениях с Финнерти в прошлом.

— Да, Анита, это действительно приятная новость. Просто чудесно. Полностью компенсирует Кронера и Бэйера.

— А теперь, я надеюсь, с ними ты тоже будешь очень мил.

— О, еще бы. Питсбург, вот где собака зарыта.

— Пообещай, что не будешь злиться, если я дам тебе хороший совет?

— Не буду.

— Ладно, я все равно скажу... Эми Холпкорн сегодня утром передала, что она слышала кое-что относительно тебя и Питсбурга. Ее муж был сегодня с Кронером, и Кронер говорил, что у него сложилось впечатление, будто ты не хочешь ехать в Питсбург.

— Ну, как же я ему еще должен говорить об этом, на эсперанто, что ли? На приличном английском языке я по любому поводу повторял ему не меньше дюжины раз, что хочу получить эту работу.

— По-видимому, у Кронера не сложилось впечатления, что тебе по-настоящему этого хочется. Ты слишком скромн и деликатен, милый.

— Ну что ж, значит этот Кронер уж очень хитер.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, что он лучше меня разобрался в моих чувствах.

— Ты хочешь сказать, что ты и вправду не хочешь этой работы в Питсбурге?

— Я не очень уверен в этом. Возможно, он догадался обо всем раньше меня.

— Ты утомлен, дорогой.

— По-видимому.

— Тебе нужно выпить. Приходи домой пораньше.

— Хорошо.

— Я люблю тебя, Пол.

— Я люблю тебя, Анита. До свиданья.

Механику супружеской жизни Анита усвоила наизубок и разработала ее до мельчайших деталей. И если даже подход ее был до неприятного рационален и систематизирован, она с похвальным старанием восполняла это теплотой, и Пол мог только догадываться, что чувства ее поверхностны. Возможно, что это подозрение и составляло часть того, о чем он начинал думать, как о своей болезни.

Когда он повесил трубку, голова его была опущена и глаза закрыты. Открыв глаза, он убедился, что смотрит на дохлую кошку в коробке.

— Катарина!

— Да, сэр.

— Велите кому-нибудь зарыть эту кошку.

— Мы тут гадали, что вы собираетесь с нею делать.

— Бог его знает, что я собирался, — он поглядел на маленький трупик и покачал головой. — Бог его знает. Возможно, устроить похороны по христианскому обряду, а может, я думал, что она придет в себя. Во всяком случае, избавьтесь как-нибудь от нее, хо-рошо?

Перед уходом он остановился у стола Катаринины и сказал, чтобы она не беспокоилась по поводу горящего

рубиновым светом сигнала в седьмом ряду снизу в пятой колонке слева на восточной стене.

— Тут ничем не поможешь, — пояснил он. — Третья группа токарных станков в здании 58 была хороша в свое время, но теперь она изнасилась и становится обузой в четком и хорошо налаженном производстве, где не должно быть места неполадкам и ошибкам. Собственно, она была предназначена вовсе не для той работы, которую ей приходится выполнять сейчас. Я жду, что в любой день раздастся звук зуммера, и это уже будет конец.

На каждом из измерительных приборов, помимо счетчика и предупреждающей о неполадках лампочки, был еще и зуммер. Сигнал зуммера оповещал о том, что система окончательно вышла из строя.

II

Шах Братпура, духовный владыка шести миллионов членов секты колхаури, сморщенный, мудрый и темный, как какао, весь в золотом шитье и созвездиях переливающихся драгоценных камней, глубоко утопал в голубых подушках лимузина, как бесценная брошь в шелковом футляре.

По другую сторону заднего сиденья в лимузине сидел доктор Юинг Дж. Холъярд из госдепартамента Соединенных Штатов — тяжеловатый, напыщенный, изысканный джентльмен лет сорока. У него были светлые висячие усы, цветная рубашка, бутоньерка и жилет, выгодно контрастирующий с темным костюмом, и все это он носил с такой уверенностью в себе, что ни у кого не возникало ни малейших сомнений в том, что Холъярд только что покинул очень достойную компанию, где все одеваются именно так. А по правде говоря, так одевался один только доктор Холъярд. И это отлично сходило ему с рук.

Между ними сидел Хашдрахр Миазма, переводчик и племянник шаха, который выучился английскому языку у гувернера, но никогда до этого не покидал шахского дворца. Это был нервный улыбающийся мо-

лодой человек, как бы постоянно извиняющийся за свой недостаточный вес или блеск.

— Хабу? — сказал шах высоким болезненным голосом.

Холъярд пробыл в обществе шаха уже целых три дня и мог без помощи Хашдрахра понимать пять выражений шаха. «Хабу» означало «где». «Сики» означало «что». «Акка сан» означало «почему». «Брахоус брахоуна, хоуна саки» было комбинацией благословений и благодарностей, а «Сумклиш» был священный напиток колхаури, который Хашдрахр держал в походной фляжке специально для шаха.

Шах покинул свою военную и духовную твердыню в горах, чтобы посмотреть, чему он может научиться на благо своему народу у этой могущественнейшей нации мира. Доктор Холъярд играл при нем роль гида и хозяина.

— Хабу? — повторил шах, вглядываясь в город.

— Шах желает, пожалуйста, узнать, где мы сейчас находимся, — сказал Хашдрахр.

— Знаю, — сказал Холъярд, самодовольно улыбаясь. Эти «хабу», «сики» и «акка сан» следовали одно за другим с такой частотой, что у него уже голова шла кругом. Он наклонился к шаху.

— Это Айлиум штата Нью-Йорк, ваше высочество. Мы сейчас пересечем реку Ирокез, которая разделяет город на две части. На противоположном берегу реки — Заводы Айлиум.

Лимузин остановился у въезда на мост, где большая рабочая команда заделывала маленькую выбоину. Команда расступилась, давая дорогу старому «плимуту» с разбитой фарой, направлявшемуся с северного берега реки. Лимузин переждал, пока проедет «плимут», и двинулся вперед.

Шах обернулся и поглядел на рабочих команды сквозь заднее стекло, а затем произнес длинную фразу.

Доктор Холъярд улыбнулся и согласно закивал, ожидая перевода.

— Шах, — сказал Хашдрахр, — он, пожалуйста, хочет знать, кому принадлежат эти рабы, которых мы

все время встречаем на пути от самого города Нью-Йорка.

— Это не рабы, — сказал Холгъярд, покровительственно усмехнувшись. — Это граждане, состоящие на государственной службе. Они имеют те же права, что и остальные граждане, — свободу слова, свободу вероисповедания и право голоса. До войны они работали на Заводах Айлиум, управляя машинами, но теперь машины присматривают за собой сами и делают это лучше.

— Ага! — сказал шах, после того как Хашдрахр перевел.

— При автоматическом контроле меньше затрат, намного выше производительность и дешевле продукция.

— Ага!

— А любой человек, который не в состоянии обеспечивать себе средства на жизнь, выполняя работу лучше, чем это делают машины, поступает на государственную службу в Армию или в Корпус Ремонта и Реставрации.

— Ага! Хабу бонанза-пак?

— Эээ?..

— Он говорит: откуда берутся деньги, чтобы платить им? — сказал Хашдрахр.

— О, с налогов, которыми облагаются машины, и с налогов на частные прибыли. А затем заработки людей, состоящих в Армии и в Корпусе Ремонта и Реставрации опять же тем или иным путем поступают в систему, а это снова приводит к увеличению производства товаров и улучшению жизни.

— Ага!

Доктор Холгъярд, человек долга с весьма смутными представлениями об объеме своих собственных расходов, продолжал объяснять шаху преимущества Америки, хотя и знал, что очень немногое из этих объяснений доходит до его собеседника. Он объяснил шаху, что особенно заметны успехи в чисто индустриальных районах вроде Айлиума, где большинство населения зарабатывало в свое время на жизнь, так или иначе обслуживая машины. А вот в Нью-Йорке, например,

было очень много профессий, которые трудно или неэкономично механизировать, и поэтому там прогресс не успел освободить от непроизводительного труда столь обширный контингент населения.

— Куппо! — сказал шах, понимаяюще качнув головой.

Кашдрахр вспыхнул и неохотно, с извиняющимися интонациями перевел:

— Шах говорит: «Коммунизм».

— Не «куппо», — с возмущением возразил Холъярд. — У нас государство не владеет машинами. Оно просто облагает налогом часть прибыли с промышленности, а затем отчисляет и распределяет ту часть ее, которая раньше шла на заработную плату. Промышленность у нас находится в частном владении, управляется частными лицами и координируется — во избежание излишней конкуренции — комитетом руководителей частной промышленности, а не политиками. Устранив при помощи механизации неизбежные при использовании человеческого труда ошибки, а при помощи организации — излишнюю конкуренцию, мы колоссально повысили уровень жизни среднего человека.

Переводя, Хашдрахр запнулся и растерянно нахмурился.

— Пожалуйста, этот «средний человек»... в нашем языке, я опасюсь, ему нет должного эквивалента.

— Ну, понимаете, — сказал Холъярд, — обыкновенный человек, как, скажем, первый встречный — или эти люди, что работают на мосту, или человек в старой машине, который только что проехал. Маленький, ничем не выдающийся, но добрый и простой человек, обычный, которого можно встретить каждый день.

Хашдрахр перевел.

— Ага, — сказал шах, удовлетворенно кивая, — такару.

— Что он сказал?

— Такару, — сказал Хашдрахр, — раб.

— Не такару, — сказал Холъярд, обращаясь уже непосредственно к шаху, — граж-да-нин.

— Аа-а-а-а, — сказал шах. — Гражданин. — Он радостно усмехнулся. — Такару-гражданин. Гражданин-такару.

— Да не такару же! — сказал Холъярд.

Хашдрахр пожал плечами.

— В стране шаха имеются только элита и такару.

У Холъярда опять начался приступ язвы, язвы, которая разрослась и обострилась за годы его деятельности в качестве гида, объясняющего прелести Америки провинциальным и темным магнатам, прибывающим сюда с задворков цивилизованного мира.

Лимузин опять остановился, и шофер принялся сигналить команде Корпуса Реконструкции и Ремонта. Те, побросав свои тачки на проезжей части, швыряли камнями в белку, которая притаилась на ветке футах в ста над землей.

Холъярд опустил стекло своего окна.

— Уберите же, наконец, эти чертовы тачки с дороги! — крикнул он.

— Гражданин, — пропищал шах, скромно улыбаясь вновь приобретенным познаниям в чужом языке.

— Готова! — выкрикнул один из швырявших камни.

Он неохотно и со злостью подошел к дороге и очень медленно оттащил две тачки, внимательно приглядываясь к машине и ее седокам. Затем он стал в стороне.

— Спасибо! Давно пора! — сказал Холъярд, и лимузин медленно проплыл мимо человека с тачкой.

— Милости прошу, доктор, — сказал человек и плюнул Холъярду в лицо.

Холъярд что-то пролопотал, мужественно сохраняя достоинство, и отер лицо.

— Нетипичный случай, — с горечью сказал он.

— Такару яму броуха, пу динка бу, — сочувственно отозвался шах.

— Шах, — мрачно перевел Хашдрахр, — говорит, что так обстоят дела с такару повсюду после войны.

— Не такару... — начал было Холъярд, но остановился.

— Сумклиш, — вздохнул шах.

Хашдрахр протянул ему фляжку со священным напитком.

Доктор Пол Протеус, человек с самым высоким доходом во всем Айлиуме, направляясь через мост в Усадьбу, сидел за рулем своего старенького дешевого «плимута». Машина эта сохранилась у него еще со времени бунтов. В отделении для перчаток среди старого ненужного хлама, вместе со спичечными коробками, удостоверением о регистрации машины, фонариком и бумажными салфетками для лица валялся старый, покрытый ржавчиной пистолет, который был ему выдан тоже еще тогда. Хранить пистолет в местах, где на него могло наткнуться лицо, не имеющее права носить оружие, было делом явно противозаконным. Даже военные чины вынуждены были обходиться без огнестрельного оружия, пока их не высаживали на берег для несения оккупационной службы, в заморских территориях. Здесь же вооружена была только полиция и заводская охрана. Пистолет был Полу ни к чему, но он все как-то забывал его сдать. А с годами, по мере того как пистолет покрывался налетом ржавчины, Пол начал относиться к нему как к безобидной древности. Отделение для перчаток не запиралось, поэтому Пол прятал пистолет под тряпками.

Мотор работал с перебоями, то затихая, то опять набирая скорость. Другие машины Пола — новый автомобиль с откидным верхом и очень дорогой «седан» — оставались дома, предоставленные, по его словам, в полное распоряжение Аниты. Ни одна из этих хороших машин никогда не бывала в Усадьбе. Анита никогда не корила его этой привязанностью к старой машине, хотя, по-видимому, считала необходимым найти какие-то объяснения этому для других. Ему случалось слышать, как Анита говорила гостям, что Пол сам переделал машину, и теперь она значительно лучше всего того, что сходит с автоматических конвейеров в Детройте, — и это отнюдь не соответствовало истине.

Нелогичным выглядело и то, что человек, владея такой выдающейся машиной, все откладывал и откладывал починку разбитой левой передней фары. И еще Полу было любопытно, какие оправдания она нашла бы тому факту, будь он ей известен, что в багажнике у него лежит кожаная куртка и что он снимает галстук и надевает куртку вместо пиджака каждый раз перед тем, как пересечь Ирокез. Такие путешествия он проделывал только в случае крайней необходимости, ради того, например, чтобы добыть бутылку ирландского виски для одного из тех немногих людей, которых считал близкими друзьями.

Пол остановился в конце моста, примыкающего к Усадьбе. Около сорока человек, опираясь на ломы, кирки и лопаты, загораживали дорогу. Они, покуривая, неторопливо обменивались замечаниями, сгрудившись вокруг чего-то посреди мостовой. С некоторым смущением они оглянулись на машину Пола и медленно — точно в мире только и было, что свободное время, — отступили к обочинам моста, оставив узкий проезд, по которому лишь с трудом мог протиснуться автомобиль Пола. Когда они расступились, Пол, наконец, понял, в чем дело. Человек маленького роста стоял на коленях над выбоиной примерно двух футов в диаметре и лопатой заравнивал заплату из асфальта и гравия.

Человек этот с важностью махнул рукой Полу, чтобы тот поосторожней объезжал и, не дай бог, не наехал на заплату.

— Эй, Мак, твоя передняя фара накрылась! — выкрикнул один из стоявших. Остальные присоединились к нему, хором повгоря сказанное.

Пол с благодарностью кивнул, а сам вдруг почувствовал, что у него зудит вся кожа, будто его в чем-то вываляли. Эти люди состояли в Корпусе Реконструкции и Ремонта, в КРРах, как они сами его называли. Эти люди не выдержали экономического соревнования с машинами, и, поскольку у них не было иных источников существования, они вынуждены были выбирать либо Армию, либо КРР. Солдаты, пустота существования которых была хотя бы прикрыта блестящими

пуговицами и пряжками, ворсистой саржей и лакированной кожей, не действовали на Пола столь угнетающе, как кррахи.

Он медленно проехал между шеренгами рабочей команды, мимо черного правительственного лимузина и въехал в Усадьбу.

Салун находился рядом с мостом. Полу пришлось поставить машину за полквартила от него, потому что здесь еще одна команда была занята промывкой сточных труб при помощи пожарного брандспойта. Это, по-видимому, было здесь любимым занятием. Каждый раз, когда Полу случалось бывать в Усадьбе, он заставлял брандспойт за работой, если температура на улице была хотя бы на один градус выше нуля.

Человек огромного роста держал руки на гаечном ключе, регулирующем подачу воды. Второй стоял рядом и следил за струей. Вокруг них и вдоль всего потока до самого жерла сточной трубы толпились и следили за ними люди. Перепачканный малыш схватил плавший вдоль тротуара обрывок бумаги, смастерил из него неуклюжую лодочку и пустил ее по воде. Глаза всех с интересом уставились на суденышко, как бы желая ему удачи, пока оно шло по быстринам, застревало на мелях, сползало с них, а затем, выбравшись из стремнины, мужественно взгромоздилось на гребень и, победоносно постояв там какое-то мгновение, нырнуло в горловину сточной трубы.

— Ух! — вырвалось у стоявшего рядом с Полом человека. Можно было подумать, что он сам находился на борту этой бумажной лодки.

Пол протянулся сквозь толпу, сплошь состоящую из посетителей салуна. Теперь от стойки бара его отделял один только ряд людей. Прямо за его спиной было старое механическое пианино. Пока что Пола, кажется, никто не узнал. Да и странно было бы, если бы его здесь узнали, потому что в соответствии с проводимой политикой он чаще всего держался своей стороны реки и никогда не допускал, чтобы его имя или портрет появлялись в айлиумской «Стар-Трибюн».

Подле стойки расположились старики пенсионеры, слишком уже старые для Армии и КРР. Перед каждым

из них стояло пиво, уже без шалки пены, в стаканах, стекло которых потускнело от многочасового задумчивого потягивания. По всей видимости, старики эти появлялись здесь рано и уходили поздно, поэтому обслуживание всех остальных посетителей производилось через их головы. На экране телевизора, стоявшего в другом конце бара, крупная дебилая женщина, голос которой был отключен поворотом регулятора, сияла улыбкой, возбужденно шевелила губами и разбивала яйца в смесителе. Старики следили за ней, изредка поправляя зубные протезы или облизывая губы.

— Простите, — машинально произнес Пол.

Никто не шевельнулся, чтобы пропустить его к стойке. Толстая облезлая шотландская овчарка, свернувшаяся под стулом одного из загораживающих проход стариков, ощерила беззубые десны и раскатиисто заворчала.

Пол помахал рукой, тщетно пытаясь привлечь внимание бармена. Переминаясь с ноги на ногу, он вспомнил полностью механизированный салун, проект которого он совместно с Финнерти и Шефердом сделал, в то время когда они были юными и энергичными инженерами. К их изумлению, владелец ресторанной сети настолько заинтересовался их идеей, что решил испытать ее на практике. Экспериментальная установка была сооружена через пять дверей от того места, где Пол сейчас находился. Там были машины, принимающие монеты, непрерывные ленты обслуживания, гермецидные лампы, очищающие воздух, равномерное, полезное для здоровья освещение, постоянно звучащая мягкая музыка в грамзаписях, стулья, конструкция сидений у которых была научно разработана антропологами с таким расчетом, чтобы обеспечить для среднего человека максимум удобств.

Первый день был сенсацией — очередь в салун растянулась на несколько кварталов. Но через неделю после его открытия любопытство было удовлетворено и торговлю считали оживленной, если в баре побывает за день пяток посетителей. Почти рядом открылся салун, вот этот самый бар в викторианском стиле — настоящая ловушка для пыли и микробов, с плохим

освещением, слабой вентиляцией, с нечистоплотным, медлительным и, вполне возможно, нечистым на руку барменом. И все же успех бара был мгновенным и очевидным.

Полу, наконец, удалось обратить на себя внимание бармена. Заметив Пола, тот сразу же отбросил роль высокопоставленного хранителя морали и миротворца, превратившись в подобострастного хозяина заведения, очень похожего на бармена из Кантри-Клуба. На какое-то мгновение Пол даже испугался, что его узнали. Но поскольку бармен не назвал его по имени, он решил, что тот просто определил его ранг.

В Усадьбе проживало небольшое число людей вроде этого бармена — полицейских, пожарных, профессиональных спортсменов, шоферов, особо одаренных ремесленников, которые так и не были заменены машинами. Живя среди кррахов, они, однако, держались особняком и зачастую грубо и высокомерно относились к общей массе. Они считали, что могут быть в известной мере на равной ноге с инженерами и управляющими по ту сторону реки — чувство, которое в данном случае никак нельзя было признать взаимным. По ту сторону реки полагали, что людей этих не заменили машинами вовсе не ради их блестящих способностей, просто они остались на своих постах потому, что пока ставить на их место машины было нерентабельно. Короче говоря, их чувство превосходства было неоправданным.

И вот теперь, когда бармен учуял, что Пол является важной персоной, он не отказал себе в удовольствии всем своим видом показать всем и каждому, что пока он будет обслуживать Пола, они могут катиться ко всем чертям. Остальные заметили это и, обернувшись, уставились на привилегированного пришельца.

Пол потихоньку заказал бутылку ирландского виски и, стараясь не привлекать внимания, нагнуллся и погладил старую овчарку. Собака залаяла, и хозяин ее повернул стул так, что оказался лицом к лицу с Полом. Старик был такой же беззубый, как и его собака. Полу прежде всего бросились в глаза его красные

десны и огромные черные руки, все остальное у него было тусклым и как бы вылинявшим.

— Он никого не трогает, — произнес старик извиняющимся тоном. — Просто он немного не в себе от старости и слепоты и никогда не знает, что к чему. — Он провел своими большими ладонями по толстым бокам пса. — Это старый и добрый пес.

Он задумчиво приглядывался к Полу.

— Послушай! А ведь я готов держать пари, что мы знакомы.

Пол нетерпеливо оглянулся на подвал, куда спустился бармен за виски.

— Да? Я захаживал сюда разок-другой.

— Нет, это было не здесь. Это было на заводе. Вы молодой доктор Протеус, — громко произнес старик.

Его слова услышали многие, и те, что были поближе, замолчали, стараясь не пропустить ни слова из их разговора. Их пристальное внимание раздражало Пола.

Старик, очевидно, был совершенно глух, и поэтому голос его без видимой причины то подымался до крика, то был едва слышен.

— Что, доктор, меня и узнать нельзя?

Старик не паясничал. Просто он был страшно рад и гордился тем, что перед всем честным народом может поговорить с таким выдающимся человеком.

Пол покраснел.

— Что-то никак не припомню. Старый сварочный цех, да?

Старик огорченно провел рукой по лицу.

— Хх-ма, от прежнего меня ничего-то и не осталось, теперь меня и лучший друг не признал бы, — сказал он незлобиво и вытянул свои руки ладонями кверху. — А вы гляньте-ка сюда, доктор. Они-то по-прежнему хороши, и другой такой пары не сыскать на всем белом свете. Это ведь вы сами так сказали.

— Гертц, — произнес Пол. — Вы Руди Гертц.

Руди удовлетворенно засмеялся и гордо обвел взглядом салун, как бы говоря: «Видите, Руди Гертц действительно знает доктора Протеуса и, клянусь богом,

доктор Протеус тоже знает старого Гертца! Кто еще из вас мог бы этим похвастать?»

— И это тот самый пес, о котором вы мне рассказывали лет десять, нет — пятнадцать лет назад?

— Это сын того, доктор, — старик усмехнулся. — Да и я в то время уже не был щенком, не правда ли?

— Вы были чертовски хорошим токарем, Руди.

— Я и сам так говорю. Знать это самому, да еще знать, что о Руди так отзываются такие дошлые люди, как вы, — это много значит. Это, собственно говоря, все, что у меня осталось, понимаете, доктор? Это да еще вот пес.

Руди обменялся рукопожатием с сидящим рядом с ним человеком — грузным коротышкой средних лет с мягкими чертами круглого, очень обыденного лица. Глаза его увеличивали и затемняли необычайно толстые стекла очков.

— Слышал, что сейчас сказал тут обо мне доктор Протеус? — спросил старик, ткнув пальцем в Пола. — Это сказал о Руди самый ловкий человек во всем Айлиуме. А может быть, да, очень может быть, что и самый дошлый во всей стране.

Пол молил бога, чтобы бармен поторапливался. Человек, с которым Руди обменялся рукопожатием, теперь угрюмо, изучающе уставился на Пола. Пол быстро бежал глазами помещение и не встретил ни одного дружелюбного взгляда.

Руди Гертц по простоте душевной считал, что, демонстрируя его толпе, он чуть ли не услугу оказывает Полу. Старческий ум Руди хранил в памяти только то время, когда он, Руди, был еще в силе. События, которые произошли после ухода Руди на пенсию, не оставили следа в его сознании...

Но эти остальные, все эти люди, которым сейчас было по тридцать, по сорок, по пятьдесят лет, — они-то знали. Юнцы в кабинах, оба солдата и три их девушки — они были вроде Катарины Финч. Они не помнили того времени, когда все было иначе, и едва ли могли представить себе, как тогда было, хотя и теперешнее положение дел им не нравилось. Но эти, постарше, которые глядели на Пола сейчас, они-то пом-

нили. Это они были повстанцами, разрушителями машин. В их взглядах не таилась угроза, скорее в них было негодование, желание дать ему понять, что он вторгся туда, где ему не место.

А бармен все не возвращался. Пол ограничил свое поле зрения одним лишь Руди, игнорируя остальных. Человек с толстыми стеклами очков, от которого Руди ждал восхищения Полом, продолжал пристально его разглядывать.

Пол безнадежно нес чешуху о собаке, о том, как Руди прекрасно сохранился, отчетливо сознавая, что это фальшивая игра докажет всем, если у кого и были на этот счет какие-либо сомнения, что он на самом деле двуличный болван.

— Давайте выпьем за старое времечко! — сказал Руди, подымая свой стакан. Он как будто и не заметил, что ответом ему было молчание и что выпил он в полном одиночестве. Прицелкнув языком и сладко зажмурившись, он лихо осушил стакан и грохнул его о стойку.

Пол с застывшей на лице вымученной улыбкой решил ничего больше не говорить, поскольку любое сказанное им слово было бы неуместно здесь. Он скрестил руки и оперся на клавиатуру механического пианино, что-то мурлыча про себя.

— Давайте выпьем за наших сыновей, — неожиданно предложил человек в толстых очках. У него оказался очень высокий голос, неожиданный в человеке с такой грузной комплекцией. На этот раз поднялось несколько стаканов. Когда они были выпиты, человек повернулся к Полу и, улыбаясь самым дружелюбным образом, сказал: — Моему мальчику как раз исполнилось восемнадцать, доктор.

— Это прекрасно!

— У него вся жизнь впереди. Восемнадцать — это чудесный возраст. — Незнакомец сделал паузу, как будто его утверждение требовало ответа.

— Я хотел бы, чтобы мне опять было восемнадцать, — вяло отозвался Пол.

— Он хороший парнишка, доктор. Особых талантов у него, правда, нет. Он как и его старик: сердце у него

на нужном месте, и он стремится сделать все, что он может при своих способностях. — И опять выжидающая пауза.

— Только этого и следует ожидать от любого из нас, — сказал Пол.

— Ну что ж, уж поскольку такой просвещенный человек, как вы, оказался здесь, то я хотел бы посоветоваться с вами насчет мальчика. Он как раз прошел Главную Национальную Классификационную Проверку. Он чуть не угробил себя, готовясь к ней, и все это зря. Он оказался непригодным даже для обучения в колледже. Было только двадцать семь мест, а попасть хотело шестьсот ребят. — Коротышка пожал плечами. — У меня нет средств отправить его в частную школу, и вот теперь нужно решать, что ему делать со своей жизнью. Так что же ему выбрать, доктор, Армию или КРР?

— Я полагаю, что многое можно сказать и за то и за другое, — неуверенно начал Пол. — Я, честно говоря, не очень в этом разбираюсь. Возможно, кто-нибудь, вроде Мэтисона, мог бы... — он запнулся на половине фразы. Мэтисон был в Айлиуме заведующим отделом испытаний и комплектования личного состава. Пол знал его очень поверхностно и недолго любил. Мэтисон был могущественным бюрократом и относился к своей должности как к священнодействию. — Если хотите, я позвоню Мэтисону, узнаю у него и передам вам, что он скажет.

— Доктор, — сказал человек с отчаянием и без малейшей тени насмешки, — не найдется ли чего-нибудь для мальчика у вас на заводах? У него золотые руки. У него просто какое-то чутье на машины. Дайте ему любую машину, какой он и в глаза не видал, и он в десять минут разберет ее и соберет обратно. Он любит такую работу. Нет ли у вас местечка на заводе?

— Там нужно иметь аттестат об окончании школы, — сказал Пол. Он покраснел. — Такова политика, и не я ее вводил. Иногда мы приглашаем КРР помочь нам установить большие станки или сделать грубую ремонтную работу, но это бывает не часто. А может, ему открыть свою ремонтную мастерскую?

Человек вздохнул и сразу как-то сник.

— Ремонтная мастерская, — вздохнул он. — Он говорит, ремонтная мастерская. Сколько, по-вашему, ремонтных мастерских может продержаться в Айлиуме, а? Конечно, ремонтная мастерская! Я тоже хотел открыть ее, когда меня вышибли. И Джой, и Сэм, и Альф. У нас у всех искусные руки, вот мы все и откроем ремонтные мастерские. По одному специалисту на каждую сломанную вещь в Айлиуме. А тем временем наши жены смогут пристроиться в качестве портных — по одной портнихе на каждую женщину в городе.

Руди Гертц, по-видимому, прослушал весь этот разговор и все еще переживал радостную встречу со своим великим и добрым другом, доктором Полом Протеусом.

— Музыку, — величественно потребовал он. — Давайте послушаем музыку.

Он протянул руку через плечо Пола и бросил монетку в механическое пианино.

Пол отодвинулся от ящика. Механизм важно проскрипел, после чего пианино начало отзванивать, как разбитая колокольня, «Рэгтайм Бэнд Александра». Слава богу, разговаривать теперь стало совершенно невозможно. Слава богу, бармен появился из подвала и протянул Полу запыленную бутылку.

Пол повернулся было, чтобы уйти, но чья-то могучая рука ухватила его повыше локтя. Это был Руди, разыгрывавший роль не останавливающегося перед затратами хозяина.

— Я заказал эту песню в вашу честь, доктор! — прокричал Руди, перекрывая шум пианино. — Подождите, пока она кончится.

Руди вел себя так, как будто этот старинный инструмент был новейшим чудом, и восхищенно указывал на опускающиеся и поднимающиеся клавиши в октавах, ведущих основную мелодию, и медленные, ритмичные движения клавиш в басовом ключе.

— Глядите, глядите, как они опускаются и поднимаются, доктор! Как будто кто-то колотит по ним. Смотрите, они шевелятся!

Музыка резко оборвалась, как бы выдав точно отмеренную порцию радости, полагающуюся за пять центов. Руди продолжал кричать:

— Чувствуешь себя даже как-то неловко, не правда ли, доктор, когда смотришь, как они опускаются и встают? Прямо так и видишь призрак, который вкладывает в игру всю душу.

Пол вырвался и заторопился к машине.

IV — Милый, у тебя такой вид, будто ты только что увидел привидение, — сказала Анита. Она была одета для вечера в Кантри-Клубе и как бы уже царила в избранном обществе, к которому ей только еще предстояло присоединиться.

Когда она передавала Полу коктейль, он чувствовал себя каким-то неуместным чинушей рядом с ее красивой самоуверенностью, на ум приходили только те вещи, которые могли доставить ей удовольствие или представлять для нее интерес — все остальное исчезало. Это не было сознательным актом его воли, а просто рефлексом на ее присутствие. Автоматизм собственных чувств раздражал Пола, он представлял себе, как поступил бы на его месте отец, и понимал, что уж отец-то справился бы здесь наилучшим образом, отводя себе независимую, решающую и первостепенную роль.

Когда Пол оглядел Аниту поверх бокала, ему пришло на ум выражение «вооружена до зубов». В строгом темном платье, оставляющем открытыми загорелые плечи и шею, с единственным драгоценным камнем на пальце, чуть-чуть подкрашенная, Анита удачно совмещала в себе комбинацию секса, вкуса и ореола знания мужчин.

Но Анита затихла и отвернулась под его взглядом. Оказывается, он неумышленно взял верх. Каким-то образом он передал ей свою мысль, которая вдруг всплыла в общем потоке его мыслей: ее сила и манеры — это лишь зеркальное отражение его соб-

ственной важности, отображение его мощи и самодовольства, которые должны быть присущи руководителю Заводов Айлиум. На какое-то мгновение она вдруг показалась ему беспомощной, запуганной девчонкой, и сейчас он даже способен был испытывать по отношению к ней настоящую нежность.

— Отличное пошло, милая, — сказал он. — Финнерти наверху?

— Я отправила его в клуб. Кронер и Бэйер прибыли туда рано, и я послала Финнерти составить им компанию, пока ты оденешься.

— Как он выглядит?

— А как обычно выглядит Финнерти? Ужасно. Готова поклясться, что он все в том же мешковатом костюме, в котором он прощался здесь с нами семь лет назад. И костюм этот с тех пор даже не побывал в чистке. Я попыталась заставить его надеть твой старый смокинг, но он даже и слушать не пожелал. Отправился, в чем был. И действительно — крахмальная рубашка только ухудшила бы дело. Она показала бы всем и каждому, до чего грязна у него шея.

Анита спустила было свое декольте чуть пониже, поглядела на себя в зеркало, но опять чуть-чуть подняла его — это был как бы деликатный компромисс с ее стороны.

— Честное слово, — сказала она, обращаясь к отражению Пола в зеркале, — я без ума от этого человека — ты ведь и сам это знаешь. Но он просто ужасно выглядит. Я и говорю — подумать только, — человек с его положением и вдруг плюет на чистоплотность!

Пол улыбнулся и кивнул. Это было действительно так. Финнерти всегда был ужасно неряшлив в отношении одежды, и некоторые наиболее привередливые из школьных надзирателей в те давние времена с трудом могли поверить, что у человека со столь антисанитарным видом могут быть столь потрясающие познания. Время от времени этот высокий и мрачный ирландец вдруг поражал всех (обычно это бывало в антракте между двумя его длительными напряженными работами): он показывался со свежевыбритыми

щеками, блестящими, как два восковых яблока, в новых ботинках, носках, рубашке, галстук и костюме, а возможно, даже и в новом белье. Жены инженеров и управляющих подымали вокруг него страшную суматоху, доказывая, что подобная забота о себе очень важна и окупаются; в конце концов они объявляли, что он действительно первый красавец во всем айллиумском индустриальном районе. Вполне возможно, что он и в самом деле был таким красавцем в какой-то своей вульгарной и хмельной манере: карикатурно красивый, вроде Авраама Линкольна, но с хищным, вызывающим выражением глаз вместо тихой грусти Линкольна. После такого временного увлечения Финнерти чистой и свежестью дамы со все возрастающим огорчением следили за тем, как этот праздничный наряд он продолжает таскать и в хвост и в гриву, пока постепенно пыль, сажа и машинное масло не заполняли на нем каждую складку и пору.

Были у Финнерти и другие непривлекательные стороны. В строго монотонное, похожее на группу бойскаутов младшего возраста общество инженеров и управляющих Финнерти имел обычай приводить женщин, подобранных им всего каких-нибудь полчаса назад в Усадьбе. И когда после обеда наступало время, предназначенное для игр, Финнерти и его девушка брали по вместительному бокалу коктейля в каждую руку и, если было тепло, отправлялись на окруженную кустарником площадку для гольфа, а если холодно — в его машину...

Его машина — по крайней мере в те давно прошедшие времена — была еще более непрезентабельной, чем теперешний автомобиль Пола. По крайней мере в этом самом невинном в социальном смысле направлении Пол подражал своему другу. Финнерти утверждал, что его любовь к книгам, пластинкам и хорошему виски не оставляет ему достаточно средств, чтобы приобретать автомобили или наряды, которые соответствовали бы занимаемому им положению. Но Пол при помощи счетной машины подсчитал стоимость книг, пластинок и коллекции бутылок у Финнерти и пришел к выводу, что у него должно оставаться столько, что

этого с избытком хватило бы даже и на две новые машины. Именно тогда у Пола зародилось подозрение, что тот образ жизни, который вел Финнерти, был не настолько бездумен, как это могло показаться; что на деле это было намеренное и точно рассчитанное оскорбление инженерам и управляющим Айлиума и их безупречным женам.

Пол не понимал, почему Финнерти считал необходимым оскорблять всех этих милых людей. Он полагал, что эта агрессивность Финнерти, как и всякая агрессивность вообще, была вызвана какими-то недоразумениями в его детстве. Знакомство с некоторыми подробностями этого детства Пол почерпнул, однако, не от Финнерти, а от Кронера: тот с пристальным вниманием следил за чистотой породы своих инженеров. Кронер однажды сочувственно и под большим секретом заметил Полу, что Финнерти — это мутант, рожденный бедными и глупыми родителями. Единственный раз Финнерти разрешил Полу заглянуть себе в душу, это было во время его страшного похмелья, в момент глубочайшей депрессии, когда Финнерти вдруг вздохнул и заявил, что никогда не чувствовал своей принадлежности вообще к какому-либо кругу.

Пол задумался о своих глубоко скрытых порывах только тогда, когда вдруг уяснил себе, какое огромное удовольствие доставляли ему воспоминания об антиобщественных и сумбурных выходках Финнерти. Пол разрешал себе удовольствие размышлять над тем, какое удовлетворение он испытал бы, если бы он, Пол... Но здесь он останавливал ход своих мыслей, как бы смутно чувствуя, что должно затем последовать... Это было не по нем.

Пол завидовал способности Финнерти быть кем ему только заблагорассудится и при этом блестяще справляться с любой задачей. Каковы бы ни были требования времени, Финнерти всегда оказался бы среди лучших. Если бы это был век музыки, Финнерти мог бы быть, и был в действительности, выдающимся пианистом, с таким же успехом он мог бы стать архитектором, врачом или писателем. С нечеловеческой интуицией Финнерти способен был прочувствовать основные

принципы и мотивы не только инженерного искусства, но буквально любой сферы человеческой деятельности.

Пол подумал, что сам он мог быть только тем, что он есть. Вновь наполняя бокал, он понял, что он-то только к этому и способен был прийти — к этой комнате, к браку с Анитой.

Это была ужасная мысль — быть настолько влимым в механизм общества и истории, способным передвигаться только в одном плане и только по одной линии. Приезд Финнерти встревожил его, снова вытаскивая на поверхность сомнения в том, что жизнь на самом деле должна идти именно таким порядком. Пол уже подумывал было обратиться к психиатру, чтобы тот сделал его послушным, примирившимся со всем и терпимым ко всему. Но теперь здесь был Финнерти, толкающий его совсем в другую сторону. Финнерти, по всей вероятности, разглядел в Поле что-то, чего он не мог разглядеть в других, что-то, что ему понравилось — возможно, прожилку бунтарства, о существовании которой Пол только теперь начал догадываться. Была же какая-то причина, почему Финнерти сделал Пола своим единственным другом.

— Вообще-то я предпочла бы, чтобы Финнерти выбрал для визита другой день, — сказала Анита. — А так возникает целый ряд проблем. Бэйер должен сидеть слева от меня, а Кронер — справа; а теперь, когда вдруг неожиданно врывается член Национального Бюро Промышленного Планирования, я уже и сама толком не знаю, кого куда усаживать. Эд Финнерти по своему положению стоит выше Кронера и Бэйера? — спросила она недоверчиво.

— Если хочешь, посмотри «Организационный справочник», — сказал Пол. — Я думаю, что НБПП стоит выше региональных деятелей, но это скорее мозговой трест, чем чиновный. Финнерти все равно. Он может усесться и за стол с прислугой.

— Если он хоть шаг ступит на кухню, Бюро охраны здоровья упрячет его в тюрьму! — Анита натянуто улыбнулась. Было совершенно очевидно, что ей очень трудно сохранить спокойный тон, говоря о Финнерти,

и делать вид, что ее забавляют его эксцентрические выходы. Она переменяла тему разговора.

— Расскажи о сегодняшнем дне.

— Ничего сегодня не было. Еще один день, как все остальные.

— Ты достал виски?

— Да. Ради этого мне пришлось перебраться на тот берег.

— Разве это было таким уж тяжким испытанием? — проворчала она. Она никак не могла понять его нелюбви к поездкам в Усадьбу и поддразнивала его этим. — Неужто это было так трудно? — повторила она таким тоном, будто он был ленивым маленьким мальчиком, которого уговаривали оказать небольшую услугу маме.

— Да, трудно.

— В самом деле? — поразилась она. — Надеюсь, никаких грубостей.

— Нет. Действительно все были очень вежливы. Один из пенсионеров, знавший в старое время меня, устроил импровизированный вечер в мою честь.

— Ну что ж, это звучит уже совсем весело.

— Да, не правда ли? Его зовут Руди Гертц. — И, не вдаваясь в описание своих чувств, Пол рассказал ей, что произошло. И вдруг заметил, что пристально следит за нею, проделывая какой-то опыт.

— И это тебя расстроило? — Она рассмеялась. — Ну, знаешь, ты уж слишком чувствителен. Ты наговорил мне столько ужасов, а на самом деле ничего-то и не произошло.

— Они ненавидят меня.

— Они сами доказали, что любят тебя и восхищаются тобой. Чего же тебе еще от них нужно?

— Этот человек в очках с толстыми стеклами доказал мне, что по моей вине жизнь его сына превращается в бессмыслицу.

— Это ты так говоришь. А он нет. Я не хочу, чтобы ты нес такую несуряцицу. Неужели тебе доставляет удовольствие перевернуть все так, чтобы обязательно испытывать чувство вины? Если его сын не способен

ни на что лучшее, чем Армия или КРР, так в чем же здесь твоя вина?

— Я не виноват, но если бы не было подобных мне людей, то он стоял бы себе за станком на заводе...

— Он что — голодает?

— Конечно, нет. Кто сейчас голодает!

— У него есть жилье и теплые вещи. У него есть все, что он имел бы, если бы потел над каким-то идиотским станком, кроя его почем зря, совершая ошибки, бастуя каждый год, ведя борьбу со своим мастером, являясь на работу с похмелья.

— Права, права! Сдаюсь! — Пол поднял руки. — Конечно же, ты права. Просто в чертовское время мы живем. Идиотская задача иметь дело с людьми, которым следовало бы приспособиться к новым идеям. А люди не приспосабливаются, в этом-то вся беда. Хотел бы я родиться через сто лет, когда уже все привыкнут к переменам.

— Ты устал. Я хочу сказать Кронеру, что тебе нужен месяц отдыха.

— Если понадобится, я и сам ему это скажу.

— Я совсем не собиралась читать тебе наставления, милый. Но ты ведь никогда ни о чем не попросишь.

— Если ты не возражаешь, со всеми просьбами обращаться буду я.

— Не возражаю. И обещаю вообще не возражать.

— Ты приготовила мои вещи?

— Они на кровати, — сказала Анита сухо. Она была уязвлена. — Смокинг, рубашка, носки, запонки для манжет и новый галстук.

— Новый галстук?

— Дюбоннэ.

— Дюбоннэ! Господи помилуй!

— Кронер и Бэйер носят галстуки дюбоннэ.

— А мое нижнее белье такое же, как у них?

— Уж этого я не заметила.

— Я надеваю черный галстук.

— Вспомни, милый, Питсбург. Ты сказал, что хочешь туда.

— Надо же — дубоннэ! — он зашагал по ступенькам, подымаясь в спальню и стаскивая по дороге пиджак и рубашку.

— Эд!

На кровати Аниты растянулся Финнерти.

— А, вот и ты, — сказал Финнерти. Он указал на смокинг, разложенный на постели Пола. — А я подумал, что это ты. И проговорил с ним полчаса.

— Анита сказала, что ты ушел в клуб.

— Анита вышибла меня в парадную дверь, а я вернулся сюда через черный ход.

— Я очень рад этому. Как дела?

— Хуже, чем всегда, но есть надежда.

— Чудесно, — сказал Пол, неуверенно улыбаясь. — Ты женился?

— Ни за что. Закрой дверь.

Пол закрыл.

— Как идет работа в Вашингтоне?

— Я ушел.

— Да? Метишь куда-нибудь еще повыше?

— Полагаю, да, иначе я не ушел бы.

— А куда?

— Никуда. Никакого места, никакой работы вообще.

— Что — мало платили, устал или в чем еще дело?

— Мутит меня от всего этого, — медленно проговорил Финнерти. — Платят фантастические деньги, просто поразительно — платят как телезвезде с сорокадюймовым бюстом. Но когда я получил на этот год приглашение на Лужок, знаешь, Пол, что-то сломалось. Я понял, что я не смогу пробыть там еще одно лето. И тогда я огляделся вокруг и понял, что вообще не могу вынести больше ничего из этой системы. Я вышел, и вот я здесь.

Присланный Полу пригласительный билет на Лужок был заботливо выставлен Анитой на зеркале в приемной для обозрения всем и каждому. Лужок — плоский покрытый травой остров в устье реки Св. Лаврентия в Бухте Чиппюа, где каждым летом самые выдающиеся и самые многообещающие личности из Восточного и Средне-Западного районов («Те, чье раз-

витие в рамках организации еще не полностью завершено» — как сказано в «Справочнике») каждое лето проводят неделю в оргиях морального усовершенствования — в атлетических командных соревнованиях, пении хороших песен, с ракетами и фейерверками, заходя связи за бесплатным виски и сигарами; а также на спектаклях, поставленных профессиональными актерами, которые в приятной, но недвусмысленной форме разъясняют им природу хорошего поведения в рамках системы и контуры твердых решений, предназначенных для осуществления в грядущем году.

Финнерти вытащил из кармана смятую пачку сигарет и предложил одну Полу, согнутую почти под прямым углом. Пол выпрямил ее чуть дрожащими пальцами.

— У тебя мандраж? — спросил Финнерти.

— Я главный докладчик на нынешнем вечере.

— О-о? — Финнерти был как бы разочарован. — Значит, тебя ничто не тревожит в эти дни? А по какому поводу доклад?

— В этот день тринадцать лет назад Заводы Айлиум были переданы под начало Национального Промышленного Совета.

— Как и все остальные заводы страны.

— Айлиумские чуть раньше, чем остальные.

Объединение всех производственных возможностей страны под контролем единого совета произошло вскоре после того, как Финнерти, Пол и Шеферд поступили на работу в Айлиум. Сделали это, исходя из потребностей военного времени. Аналогичные советы были созданы на транспорте, в сырьевой и пищевой промышленности, в связи, и все эти советы были объединены под началом отца Пола. Система эта настолько сократила непроизводительные затраты и дублирование, что ее сохранили и после войны и приводили в качестве примера немногих выгод, полученных в результате войны.

— Разве все то, что произошло за эти тринадцать лет, сделало тебя счастливым?

— Во всяком случае, это заслуживает упоминания. Я хочу построить свое выступление исключительно

но на фактах. Оно не должно походить на евангельские проповеди Кронера.

Финнерти промолчал, явно не желая поддерживать разговор на эту тему.

— Забавно, — отозвался он наконец. — Я полагал, что ты уже должен был дойти до точки. Поэтому-то я и приехал.

Пол корчил гримасы, пытаясь застегнуть пуговицу на воротничке.

— Что ж, ты был недалек от истины. Как раз уже состоялся разговор о том, что мне следует проконсультироваться у психиатра.

— Значит, ты уже доходишь до точки. Вот и прекрасно! Давай плюнем на этот паршивый вечер. Нам нужно поговорить.

Дверь спальни отворилась, и Анита заглянула в комнату.

— О, Эд! А кто же с Бэйером и Кронером?

— Кронер с Бэйером, а Бэйер с Кронером, — ответил Финнерти. — Закрой, пожалуйста, дверь, Анита.

— Уже пора идти в клуб.

— Это тебе пора отправляться в клуб, — сказал Финнерти. — Мы с Полом придем попозже.

— Мы отправляемся вместе и немедленно, Эд. Мы уже и так опоздали на десять минут. И ты меня не запугивай, не выйдет.

Она неуверенно улыбнулась.

— Анита, — сказал Финнерти, — если ты не проявишь уважения к мужскому уединению, я сконструирую машину, у которой будет все, что есть у тебя, и которая к тому же будет относиться к нему с уважением.

Анита покраснела.

— Не скажу, чтобы я была в восторге от твоего остроумия.

— Нержавеющая сталь, — сказал Финнерти. — Нержавеющая сталь, обтянутая губчатой резиной и имеющая постоянную температуру 98,6 по Фаренгейту.

— Слушай... — начал было Пол.

— И краснеть она будет по приказу, — добавил Финнерти.

— А я могла бы сделать мужчину вроде тебя из

мешка с грязью, — сказала Анита. — И каждый, кто попытался бы к тебе прикоснуться, уходил бы вымазанным! — Она хлопнула дверью, и Пол услышал, как по лестнице простучали ее каблучки.

— Ну, и на кой черт тебе это понадобилось? — спросил Пол. — Ну, скажи на милость?

Финнерти лежал неподвижно на кровати, уставившись в потолок.

— Не знаю, — медленно проговорил он, — но я не раскаиваюсь. Ладно, уходи с ней.

— Какие у тебя планы?

— Уходи! — Он произнес это так, как будто Пол внезапно вмешался именно тогда, когда у Финнерти в сознании созрела важная и трудная идея.

— Ирландское виски для тебя в коричневом пакете в нижней гостиной, — сказал Пол и вышел, оставив Финнерти в кровати.

V Пол перехватил Аниту в гараже, где она пыталась завести машину с откидным верхом. Не глядя на него, она подождала, пока он усядется на сиденье рядом с ней. По дороге в клуб оба молчали. Настроение Пола испортилось из-за несправедливой грубости Финнерти. Он с горечью думал, что за эти годы разлуки он, по-видимому, сам создал образ мудрого и доброго Финнерти, который очень мало походил на живого человека.

В дверях клуба Анита поправила галстук Пола, спустила с голых плеч пелерину, улыбнулась и двинулась в ярко освещенное фойе.

Дальний конец фойе выходил в бар, и тут две дюжины выдающихся молодых людей Заводов Айлиум, с абсолютно одинаковыми короткими стрижками, в абсолютно одинакового покроя смокингах, сгруппировались вокруг двух мужчин старше пятидесяти лет. Один из этих старших — Кронер, высокий, грузный и медлительный, прислушивался к молодежи с высокопарной показной любовью. Второй — Бэйер, легкий и нервный, шумно и неубедительно многоречивый,

смеялся, подталкивая их локтями, похлопывал их по спицам и на каждое замечание отзывался постоянно повторяющимся: «Отлично, отлично, правильно, конечно, конечно, великолепно, да, да, именно так, отлично, хорошо».

Айлиум являлся местом, куда направляли еще не оперившихся новичков для приобретения практических навыков, перед тем как поручить им более ответственные дела. Штат сотрудников поэтому был молодым и постоянно обновляющимся. Самыми старшими здесь были Пол и его заместитель Лоусон Шеферд. Шеферд, холостяк, стоял сейчас у бара, немного в стороне от остальных с видом умудренного опытом человека, забавляющегося наивными высказываниями молодежи.

Жены собрались в двух прилегающих залах и разговаривали там тихо и неуверенно, обращившись каждый раз, когда голоса мужчин подымались выше определенного уровня или же когда бас Кронера прорывался сквозь общий гул тремя-четырьмя короткими, мудрыми и глубокомысленными словами.

Юнцы обернулись в сторону Аниты и Пола, экспансивно приветствуя их с наигранным раболепием хозяев вечера, которые великодушно допускают к веселью и старших.

Бэйер помахал Аните и Полу рукой и приветствовал их своим высоким срывающимся голосом. Кронер почти незаметно кивнул и продолжал стоять совершенно неподвижно, не глядя на них, поджидая, пока они подойдут и когда можно будет обменяться приветствиями спокойно и с достоинством.

Огромная волосатая рука Кронера схватила руку Пола, и Пол помимо своей воли почувствовал себя покорным и любящим ребенком. Как будто он, Пол, опять стоял перед расслабляющей, лишающей его мужества фигурой своего отца. Кронер, ближайший друг его отца, всегда вызывал в нем это чувство, и, по-видимому, он и стремился к тому, чтобы вызывать в нем именно это чувство. Пол уже тысячи раз клялся себе, что при следующей встрече с Кронером он будет вести себя с достоинством. Но все происходило помимо его воли, и при каждой встрече, как и сейчас, сила и ре-

пительность были целиком в огромных руках старшего.

Хотя Пол особо воспринимал излучаемые Кронером отеческие чувства, гигант стремился к тому, чтобы возбуждать подобные же чувства во всех окружающих. Он и говорил о себе как об отце всех своих подопечных — и несколько осторожнее — их жен; и это отнюдь не было позой. Осуществляемое им руководство Восточным районом несло на себе отпечаток именно этого отношения, и казалось невысказанным, чтобы он мог осуществлять его каким-либо иным способом. Кронер был в курсе всех рождений или серьезных заболеваний и винил себя в тех редких случаях, когда кто-либо из его подопечных сбивался с правильного пути. Он мог быть и суровым, но опять-таки суровым по-отечески.

— Как дела, Пол? — ласково осведомился он. Его вопросительно приподнятые брови свидетельствовали о том, что это было не просто приветствие, а вопрос. И тон был такой, каким Кронер пользовался, осведомляясь о здоровье человека, только что перенесшего воспаление легких или что-нибудь похуже.

— Он никогда не чувствовал себя лучше, — быстро вмешалась Анита.

— Рад слышать это. Это очень хорошо, Пол. — Не выпуская руки Пола из своей, он продолжал пристально глядеть ему в глаза.

— Хорошо себя чувствуешь, не так ли, а? Хорошо? Да? Хорошо? Ну, вот и отлично, — затараторил Бэйер, несколько раз похлопав Пола по плечу. — Отлично.

Бэйер, главный инженер Восточного района, обернулся к Аните.

— Вот это да! Вы посмотрите, как она выглядит. О да! Ну, знаете, скажу вам, — он осклабился.

В обществе Бэйер был абсолютнейшим кретином, при этом не понимал, что он был кем угодно, но только не приятным и интересным собеседником. Однажды кто-то воспользовался его же репликами в разговоре с ним, а он так ничего и не понял. В техническом же смысле на всем Востоке не было лучшего инженера, включая даже и самого Финнерти. В районе, пожалуй,

почти не было вещей, которыми бы не руководил Бэйер, а сейчас — рядом с Кронером — он выглядел как фокстерьер рядом с сенбернаром. Пол часто раздумывал над странным союзом Кронера и Бэйера и пришел к выводу, что в случае их ухода руководство едва ли смогло бы подыскать им замену. Бэйер был олицетворением знания и технического мастерства в промышленности; Кронер же был олицетворением веры и почти религиозного отношения к делу, был его душой. Кронер, фактически слабый в инженерном отношении и временами поражающий Пола своим невежеством или полным непониманием технических вопросов, обладал, однако, бесценным качеством — верой в систему, заставляя и других верить в нее и выполнять то, что им приказано.

Эта пара была неразлучной, хотя на первый взгляд у них не могло быть ни одной точки соприкосновения. Вместе они составляли как бы одного цельного человека.

— Разве вам кто-нибудь сказал, что Пол болен? — со смехом спросила Анита.

— Я слышал, что Пола беспокоят нервы, — сказал Кронер.

— Это не так, — сказал Пол.

Кронер улыбнулся.

— Рад слышать это, Пол. Ты один из наших лучших людей, — он окинул его довольным взглядом. — Шагай по стопам отца, Пол.

— А где вы прослышали про его нервы? — спросила Анита.

— Не представляю себе, — сказал Кронер.

— Нам сказал доктор Шеферд, — обрадованно помог ему Бэйер. — Я был при этом сегодня утром. Помнишь? Это ведь был Шеферд?

— Послушай-ка, — произнес вдруг с необычной для себя поспешностью Кронер, — было и еще кое-что, о чем говорил Шеферд. Пораскинь мозгами, может, ты и это припомнишь.

— О конечно, правильно, верно; еще что-то, еще что-то, — забормотал Бэйер, он был озадачен. Он опять похлопал Пола по плечу. — Так, значит, ты себя чув-

ствуешь лучше, а? Вот это главное. Вот и чудесно, вот и чудесно.

Доктор Шеферд тихо отошел от стойки и направился к французскому окну, выходящему на площадку для гольфа. Его шея пунцово сияла над тугим воротничком.

— Кстати, — задушевым тоном осведомился Кронер, — где же ваш друг Финнерти? Как выглядит Эд? Думаю, что жизнь в Вашингтоне показалась ему менее... — он запнулся, подыскивая нужное слово, — менее лишенной формальностей, чем здесь.

— Вы хотите спросить, моется ли он. Могу ответить: нет, — сказала Анита.

— Именно это я и хотел спросить, — сказал Кронер. — Ну что ж, все мы не лишены недостатков, а уж что касается достоинств, то мало у кого их хватает для того, чтобы занять место в Национальном Бюро Промышленного Планирования. Где же он?

— Финнерти, возможно, придет попозже, — сказал Пол. — Он немного устал с дороги.

— Ох, а где же Мама? — спросила Анита, пытаясь отвести разговор от Финнерти.

Мама — это была жена Кронера, которую он всегда водил на все светские вечера, усаживал с другими женами и не замечал вплоть до того трогательного момента, когда нужно было извлечь ее и доставить домой все сто восемьдесят фунтов ее живого веса.

— У нее неполадки с кишечным трактом, — печально произнес Кронер.

Все, до кого донеслось это известие, сочувственно покачали головами.

— Обед! — объявил официант-филиппинец. Одно время появились было сторонники обслуживания столов при помощи машин, но предложение максималистов было отвергнуто подавляющим большинством голосов.

Когда Пол, Кронер, Бэйер и Анита входили в освещенную свечами столовую, сопровождаемые всеми остальными, четверо самых молодых инженеров из самого последнего пополнения обогнали их и, обернувшись, блокировали проход.

Фред Беррингер, низкорослый плотный блондин с глазами-щелочками, был, по-видимому, у них за главного. Этот богатый, распущенный и глухой сынок происходил из хорошей семьи инженеров и управляющих в Миннеаполисе. Он с величайшим трудом пробрался сквозь научные дебри колледжа и каким-то чудом проскочил проверку аттестационных машин. В обычных условиях никто бы не принял его на работу. Однако Кронер, который знал его родословную, все же взял его, несмотря ни на что, и направил в Айллиум для прохождения практики. Беррингера такое нарушение норм нисколько не смутило. Он воспринял это как доказательство того, что имя и деньги всегда одержат верх над системой, и вел себя соответственно — плевал на все и вся. Самое неприятное во всем этом было то, что его наплевательское отношение снискало ему восхищение товарищей по работе, инженеров, которые получили свои должности благодаря усиленному труду. Пол с огорчением подумал, что люди, разрушающие какую-либо систему, всегда вызывают восхищение у тех, кто покорно следует этой системе. Во всяком случае, Кронер продолжал верить в скрытые таланты Беррингера, и у Пола не оставалось иного выхода, как сохранять за ним его место, прикрепив к юнцу смысленного инженера для натаскивания.

— В чем дело, Фред, уж не собираетесь ли вы нас ограбить? — спросил Пол.

— Чемпион по шашкам, — торжественно обратился к нему Фред, — перед лицом всех присутствующих я заявляю, что вызываю вас на шашечный турнир сразу же после обеда.

Кронер и Бэйер были довольны. Они всегда утверждали, что следует формировать спортивные команды и устраивать соревнования для укрепления моральных основ в дружной семье Восточного района.

— Вы один или все четверо? — поинтересовался Пол. Фактически он действительно был чемпионом по шашкам в клубе, хотя здесь никогда не проводился формальный розыгрыш первенства. Никто не мог его победить, и довольно часто ему приходилось доказывать непревзойденность своего мастерства каждой но-

вой группе инженеров — вроде вот этих четверых. Это вошло в обычай, а маленькое замкнутое общество на северном берегу реки, казалось, испытывало необходимость в собственных обычаях, в понятных им одним шутках, в создании светских манер, которые отличали бы их — в их собственных глазах — от всего остального общества. Шашечный матч вновь поступающих инженеров с Полом был одной из таких древнейших традиций, которая насчитывала уже седьмой год.

— В основном я один, — сказал Беррингер. — Но в какой-то мере и все мы.

Остальные посмеивались с заговорщицким видом. По-видимому, они припасли какой-то неожиданный трюк, и несколько инженеров старшего поколения с нетерпением ожидали возможности позабавиться за чужой счет.

— Ладно, — добродушно согласился Пол, — я все равно выиграю, если даже целый десяток таких, как вы, будет дымить мне в лицо сигарами.

Четверка расступилась, пропуская Пола с Анитой и двух почетных гостей к столу.

— О, — сказала Анита, изучая карточки с именами гостей во главе стола, — произошла ошибка. — Она взяла карточку слева от себя, скомкала ее и передала Полу. На освободившееся место она передвинула другую карточку и уселась, имея по обеим сторонам Кронера и Бэйера. Анита подозвала официанта и велела ему убрать оказавшийся свободным прибор. Пол глянул на карточку, на ней стояла фамилия Финнерти.

За столом собрались люди практичные, не витающие в облаках, и они воздавали должное креветкам, консоме, курице под соусом, гороху и жареной картошке. Разговаривали мало, выказывая чаще всего знаками и выражением лица свое полнейшее одобрение кулинарным талантам хозяйки.

Время от времени Кронер одобрительно высказывался по поводу того или иного блюда, ему, как эхо, вторил Бэйер, а затем и остальные сидящие за столом удовлетворенно кивали. Был момент, когда на даль-

нем конце стола громким шепотом завязался спор между четверкой юнцов, вызвавших Пола на шашечный турнир. Когда глаза всех присутствующих обратились в их сторону, юнцы умолкли. Беррингер нахмурился и, начертив на салфетке какую-то диаграмму, перебросил ее остальной тройке. Один из них внес небольшую поправку и вернул салфетку. На лице Беррингера сначала отразилось понимание, а затем — восхищение. Он довольно кивнул и снова принялся за еду.

Пол пересчитал сидящих за столом — двадцать семь управляющих и инженеров с женами — полный состав штатных служащих Заводов Айлиум, за исключением вечерней смены. Два места оставались свободными: пустой квадрат скатерти на предназначавшемся для Финнерти месте и нетронутый прибор Шеферда, который так и не вернулся со своей поспешной прогулки по лужайке для гольфа.

Финнерти, по всей вероятности, все еще продолжал лежать в их спальне, уставившись в потолок и, возможно, разговаривая с самим собой. А возможно, вскоре после их ухода он отправился в экспедицию по златным местам Усадьбы. Пол надеялся, что теперь они не встретятся, пожалуй, еще несколько лет. Блестящий либерал, иконоборец, свободомыслием которого он так восхищался в юности, оказался просто противным, отталкивающим типом. Его уход с работы, его неоправданный наскок на Аниту, преклонение перед невротами — все это отпугнуло Пола. Это было страшным разочарованием. Пол ждал, что Финнерти сможет дать ему что-то — что именно, он и сам не знал, — что утолило бы его безымянную, но болезненную потребность, которая, как Шеферд недавно сказал Кронеру, доводила его до психоза.

Полностью простив Шеферду его прегрешение, Пол теперь даже испытывал некоторую неловкость из-за того, что тот так расстроился, когда раскрылась его роль осведомителя. Пол встал.

— Куда ты, милый? — спросила Анита.

— За Шефердом.

— Он не говорил, что у тебя полный упадок сил, — сказал Бэйер.

Кронер поморщился, глядя на Бэйера.

— Он действительно не делал этого. Если хочешь, я сам схожу за ним. Я виноват, что заговорил на эту тему. Это не Шеферд, и бедняга...

— Я просто подумал, что это Шеферд, — вмешался Бэйер.

— Я нахожу, что это следует сделать мне, — сказал Пол.

— Я тоже пойду, — сказала Анита. В ее голосе прозвучали мстительные нотки.

— Нет, ты лучше не ходи.

Пол быстро зашагал вдоль бара и услышал, что она идет за ним.

— Я ни за что не упущу этого момента.

— А здесь и нечего будет упускать, — сказал Пол, — я просто скажу ему, что все в порядке и что я его понимаю. Я и в самом деле его понимаю.

— Он хочет заполучить этот пост в Питсбурге, Пол. Поэтому он и сказал Кронеру, что у тебя полный упадок сил. А теперь он притих, потому что боится потерять свое место. Ну, сейчас он попляшет!

— Я вовсе не собираюсь выгонять его.

— Но ты сможешь поддержать его некоторое время в неизвестности, пусть понервничает. Поделом ему.

— Анита, прошу тебя, это касается только Шеферда и меня.

Теперь они стояли на дерне, устилающем дорожку для гольфа, затерянные в этом мире синих и черных тонов, в хрупком свете новорожденной луны. У первой площадки, широко расставив вытянутые ноги, сидел на скамейке Шеферд. Рядом с ним в одну линию выстроились три стакана с коктейлями.

— Шефи, — мягко окликнул его Пол.

— Хелло, — это прозвучало без всякой интонации, никаких чувств за этим приветствием не крылось.

— Сматывайся! — шепотом приказал Пол Аните. Она не двинулась с места, сжимая и разжимая руки.

— Суп остынет, — сказал Пол как можно более доброжелательно.

Он уселся на скамейку. Три выстроенные рядом стакана разделяли их.

— Мне ведь совершенно наплевать на то, сказал ты им, что я раскалываюсь вдребезги, или нет. — Ани-та стояла в дюжине ярдов от них, ее силуэт обрисовывался на фоне французского окна.

— А по мне так пусть тебя хоть наизнанку выворачивает от злости, — сказал Шеферд. — Ладно, я им сказал. Ну и что? Можешь теперь меня выставить.

— Шефи, богом клянусь, никто тебя не собирается выставлять.

Пол никогда не мог толком понять, как ему быть с Шефердом, он с трудом мог поверить в то, что кто-нибудь в самом деле мыслит так, как Шеферд. Когда Шеферд впервые приехал в Айлиум, он объяснил Полу и Финнерти, что намерен с ними соревноваться. Смело ставя себя в смешное положение, он говорил о соревновании и перебирал с любимым, кто только соглашался его слушать, различные острые моменты, когда смогли бы раскрыться способности его или кого-нибудь другого, моменты, на которые остальные смотрели как на обычную текучку, вещь незаметную и бессодержательную. Однако для Шеферда жизнь была площадкой для гольфа. С целыми сериями начал и окончаний, со строгим ведением счета набранных очков — для сравнения с другими партиями — после розыгрыша каждой лунки. Он постоянно огорчался или радовался победам или поражениям, которых никто, кроме него, и не замечал, однако, всегда со стоицизмом относился к правилам игры. Он не просил скидок, не давал скидок и не делал никакого различия между Полом, Финнерти или любимым другим из своих коллег. Он был прекрасным инженером, скучным компаньоном, упрямым хозяином своей судьбы, но никак не покровителем слабых.

Ерзая на скамейке, Пол попытался представить себя на месте Шеферда. Шеферд проиграл только что раунд и теперь с мрачным почтением к механизму системы соревнования хочет уплатить за проигрыш и перейти к следующему раунду, который он, как всегда, преисполнен решимости выиграть. Мир, в котором

он живет, трудный мир, но ему не хотелось бы, чтобы он был иным. И один только бог ведает почему.

— Хотел закрыть мне путь к Питсбургу, так, что ли? — спросил Пол.

— Считаю, что я больше подхожу для этого, — сказал Шеферд. — Но какая теперь разница? Я выиграл из игры.

— Ты проиграл.

— Я пытался выиграть и проиграл, — сказал Шеферд. — Это было совсем другое. А теперь валяй, можешь меня выпшвырнуть.

Лучшим способом уколоть Шеферда было отказаться от соревнования.

— Не знаю, — сказал Пол, — я думаю, что ты был бы на месте и в Питсбурге. Если хочешь, я напишу тебе рекомендацию.

— Пол! — сказала Анита.

— Иди обратно, Анита, — сказал Пол. — Мы тоже вернемся через минуту.

Аниту просто распирало от желания дать Шеферду именно то, что ему сейчас требовалось — борьбу, возможность зацепиться за что-нибудь в качестве исходной точки для нового, как он это называет, цикла игры.

— Я прощаю тебя, — сказал Пол. — И хочу, чтобы ты продолжал помогать мне, как прежде, если только ты хочешь. Лучшего человека на твое место и не придумаешь.

— И ты будешь держать меня под ногтем, так ведь?

Пол мрачно усмехнулся.

— Нет. Все останется как было. Держать тебя под ногтем? Как мог ты...

— Если ты не выставишь меня, то я хочу, чтобы меня перевели.

— Хорошо. Но ты сам знаешь — не я решаю вопрос о переводе, а сейчас пойдем в столовую. Пошли? — Вставая, он протянул руку Шеферду. Шеферд, не приняв ее, прошмыгнул мимо.

Анита остановила его.

— Если у вас имелись какие-то соображения отно-

сительно состояния здоровья моего мужа, то, по-видимому, вам следовало бы в первую очередь высказать их ему или его доктору, — язвительно заметила она.

— Ваш муж и его доктор уже целый месяц великолепно знают то, что я сказал Кронеру и Бэйеру. Пол настолько вышел из формы, что ему нельзя доверить даже ножную швейную машинку, не говоря уже о Питсбурге. — Шеферд распался по мере того, как к нему возвращалась уверенность в себе, а возможно, надеясь и на то, что его слова будут услышаны в столовой.

Пол ухватил их под руки и повел в бар на виду у всех собравшихся. Все вопросительно глядели в их сторону. Пол, Анита и Шеферд, улыбаясь, рука об руку, пересекли помещение бара и направились в столовую.

— Что, нездоровится? — любезно осведомился у Шеферда Кронер.

— Да, сэр. Думаю, что это из-за эскалона, который я съел за ленчем.

Кронер сочувственно покивал головой и повернулся к официанту.

— Я полагаю, молочный гренок не повредит мальчику? — Кронер старался любой ценой сохранить гармонию в своей семье и подсказать попавшему в трудное положение выход из него. Пол понимал, что теперь на протяжении всего вечера Кронер будет поддерживать — как сейчас с этим молочным гренком — вежливую версию о мнимой болезни Шеферда.

После кофе и ликера Пол выступил с краткой речью о включении Заводов Айлиум в общую систему, подчиненную Национальному Производственному Совету. Затем он перешел к более широкой теме, которую назвал Второй Технической Революцией. Он читал свою речь, следя за тем, чтобы через правильные интервалы отрывать глаза от бумаги. Это было, как он уже пояснил сегодня после обеда Катарине Финч, старье — доклад о прогрессе, об укреплении веры в то, что они делают сейчас, и в то, что ими уже сделано в области промышленности. Машины трудились на Америку намного лучше, чем это когда-нибудь удава-

лось самим американцам. Теперь производилось больше товаров для большего числа людей, и производились они с меньшими затратами, и кто осмелится сказать, что это не великолепно и не заслуживает благодарности?! Это обычно повторялось всеми, кому только приходилось выступать с речами.

На одном из тезисов Кронер поднял руку и попросил разрешить ему дополнить доклад.

— Мне просто в какой-то мере хочется подчеркнуть то, что ты говоришь, Пол, мне хочется указать на одну деталь, которая мне кажется довольно интересной. Одна лошадиная сила равняется приблизительно двадцати двум человеческим, и притом хорошим человеческим силам. И если мы переведем лошадиные силы одного из крупнейших прокатных станов в человеческие силы, то окажется, что один только этот стан за час производит бóльшую работу, чем все рабы Соединенных Штатов периода Гражданской войны, и совершает ее все двадцать четыре часа суток.

Он блаженно улыбнулся. Кронер был краеугольным камнем, источником веры и гордости всего Восточного района.

— Это очень интересная цифра, — сказал Пол, пытаюсь отыскать в рукописи место, на котором он остановился. — И это, конечно, прямо относится к Первой Промышленной Революции, когда машины обесценили ручной труд. Вторая революция, та, которую мы с вами сейчас завершаем, не так легко поддается выражению в цифрах, как это можно сделать с сэкономленным трудом. Если бы здесь была какая-нибудь единица измерения, вроде лошадиных сил, в которой можно было бы выразить усталость и раздражение человека, занятого монотонным трудом, тогда, пожалуй... Но такой единицы измерения нет.

— Но можно измерить количество брака, это уж я вам точно говорю, — сказал Бэйер, — а также самые невероятные и глупейшие ошибки, которые только можно себе представить. Убытки, простои, липу! Это прекрасно можно выразить в долларах, в долларах, которые тратились на никуда не годную работу.

— Правильно, но я всегда рассматривал это с точ-

ки зрения самого рабочего. Две промышленные революции ликвидировали два вида каторжного труда, и мне хотелось бы как-нибудь выразить в каких-то единицах, от чего избавила людей вторая революция.

— Я работаю как каторжник, — сказал Бэйер. Все расхохотались.

— Я говорю о тех, по ту сторону реки, — сказал Пол.

— Они никогда не работали, — сказал Кронер. И опять все расхохотались.

— И они размножаются, как кролики, — сказала Анита.

— Кто это здесь отпускает грязные шуточки по поводу размножения кроликов? — спросил появившийся в дверях Финнерти. Он слегка покачивался, дышание у него было учащенным. Видимо, он все же отыскал свое виски. — Так кто же это? Когда маленькая крольчиха пришла в кладовку к кролику, а клерк...

Кронер моментально оказался на ногах.

— О Финнерти, как ты себя чувствуешь, мой мальчик? — Он подозвал официанта. — Ты как раз подошел к кофе, мой мальчик, к большой чашке черного кофе. — Он наложил свою гигантскую лапу на Финнерти и направил его к только что освобожденному Анитой месту. Финнерти поднял со стола карточку сидящего рядом с ним инженера, покосился на нее, а затем и на инженера.

— А где же, черт побери, моя карточка?

— Дайте ему его карточку, ради всего святого, — сказала Анита.

Пол вытащил карточку из кармана, расправил ее и положил перед Финнерти. Финнерти удовлетворенно кивнул и погрузился в мрачное молчание.

— Мы как раз говорили о Второй Промышленной Революции, — сказал Кронер, как будто ничего не произошло. — Пол говорил о том, что нет единого измерения, чтобы определить, какое количество каторжной работы она ликвидировала. Я считаю, что это можно выразить графически при помощи кривой, как и большинство таких вещей.

— Но только не приход маленькой крольчихи в кладовку к кролику, — сказал Финнерти.

Его замечание игнорировали все, кто следил за объяснениями Кронера.

— Если мы пересчитаем количество рабочих часов, затрачиваемых человеком, на количество действующих вакуумных трубок, то увидим, что количество рабочих часов человека понижается, а количество трубок увеличивается.

— Подобно кроликам, — сказал Финнерти.

— Да, как вы правильно заметили, — улыбнулся Кронер, — подобно кроликам. Кстати, Пол, еще один интересный аспект, о котором тебе, возможно, говорил когда-нибудь твой отец, он заключается в том, что люди сначала не обращали особого внимания на то, что ты называешь Второй Промышленной Революцией, и это тянулось довольно долго. У всех в голове была атомная энергия, и все толковали о том, что мирное использование атомной энергии должно перевести весь мир. Атомный век — вот на что все замахивались. Помнишь, Бэйер? А тем временем вакуумные трубки множились, как кролики.

— Соответственно возрастало и потребление наркотиков, алкоголизм, число самоубийств, — сказал Финнерти.

— Эд! — сказала Анита.

— Была война, — спокойно заметил Кронер. — Это случается после каждой войны.

— Порок, число разводов, преступность среди юношества — все это росло параллельно росту использования вакуумных трубок, — сказал Финнерти.

— Ну-ка, Эд, продолжай, — сказал Пол, — ты не сможешь доказать логической связи между этими факторами.

— Если между ними есть хоть какая-нибудь связь, то и это уже заставляет задуматься, — сказал Финнерти.

— Я уверен, что между ними нет связи, достаточной для того, чтобы нам заниматься этим здесь, — сурово сказал Кронер.

— Либо нет достаточного воображения, либо честности, — добавил Финнерти.

— Да что там за честность! О чем вы болтаете? — сказала Анита. Она нервно комкала свою салфетку. — Ну, так как — может, мы оставим это мрачное место и посмотрим на шашечный чемпионат?

Ответом ей были вздохи облегчения и одобрительные кивки всех сидевших за столом. С некоторым чувством сожаления Пол отложил в сторону окончание своего доклада. Все присутствующие, за исключением Финнерти, перешли в комнату для игр, где целая батарея торшеров окружала стол, на котором лежала шахматная доска, незапятнанно чистая и сияющая.

Оспаривающая первенство четверка рысцей пробралась вперед, наскоро провела совещание, и трое из них отправились в гардеробную. Четвертый, Фред Беррингер, уселся за доской, загадочно усмехаясь.

Пол занял место напротив него.

— Играем по крупной? — спросил он.

— По маленькой, по маленькой.

— Погодите-ка, Фред, вы ведь из Миннесоты, не правда ли? Не предстоит ли вам проиграть шашечную корону Миннесоты, Фред?

— К сожалению, мне предстоит выиграть всего лишь звание чемпиона этого клуба, а проигрывать мне нечего.

— Ты проиграешь, проиграешь, — сказал Бэйер. — Все они, все, все проигрывают, проигрывают они, Пол, правда? Все они тебе проигрывают.

— Скромность не позволяет мне отвечать, — сказал Пол. — За меня говорит таблица. — Он разрешил себе это маленькое удовольствие — поговорить о своей непобедимости. Судя по шуму, доносящемуся из гардеробной, в сегодняшней игре ожидалась какая-то эксцентричная выходка, но он был уверен в себе.

— Дорогу Шашисту Чарли! Дорогу Шашисту Чарли! — раздались из фойе крики помощников Беррингера.

Толпа в комнате для игр расступилась, и тройка вкатали завернутый в простыню и громыхающий на роликах ящик высотой в человеческий рост.

— Что там внутри — человек? — спросил Кронер.

— Там внутри мозг, мозг там, — торжествующе сказал Беррингер. — Шашкист Чарли, мировой чемпион по шашкам, намерен покорять новые планеты! — Он ухватил за угол простыню и открыл Чарли — серый стальной ящик с смонтированной в его переднюю стенку шахматной доской. На каждом из квадратов имелись красные и зеленые глазки, за каждым из которых была лампочка.

— Рад познакомиться, Чарли, — сказал Пол, пытаясь изобразить на своем лице улыбку.

Когда он понял, что здесь готовится, он почувствовал, что краска заливает его лицо, и это привело его в тихое бешенство. Его первым желанием было обратиться отсюда ко всем чертям.

Бэйер открыл заднюю стенку ящика.

— О, да-да-да, действительно, — сказал он. — Гляди, гляди, гляди — это идет сюда, а это — о, да-да-да. О, я думаю, что у него даже есть запоминающее устройство. Ведь эта же лента именно для этого, а, ребята? Память? Да?

— Да, сэр, — неуверенно сказал Беррингер. — Я полагаю.

— Это ты сам соорудил? — недоверчиво спросил Кронер.

— Нет, сэр, — сказал Беррингер. — Это мой отец. Шашки — его хобби.

— Беррингер, Беррингер, Беррингер? — вспоминал, мучительно морщась, Бэйер.

— Вы знаете Дейва Беррингера, а это сын Дейва, — сказал Кронер.

— О, — Бэйер с новым восхищением принялся осматривать Шашкиста Чарли. — Клянусь Георгием, не удивительно, не удивительно, не удивительно.

Эта штука была построена отцом Фреда, одним из лучших в стране конструкторов счетно-решающих машин.

Пол, ссутулившись, сидел в кресле и покорно ожидал начала комедии. Он глянул на тупое и самодовольное лицо Беррингера и понял, что этот щенок, помимо

внешних контактов и сигнальных лампочек, ничего не понимает в этой машине.

Фланирующей походкой Финнерти вышел из столовой, отведывая что-то с тарелки, которую он держал на уровне челюсти. Он поставил ее на ящик Шашиста Чарли и просунул свою голову в открытую заднюю стенку рядом с головой Бэйера.

— Кто-нибудь поставил на него? — сказал он.

— Ты что — с ума сошел? — сказал Пол.

— Как прикажете, как прикажете, — сказал Беррингер. Он выложил на стол свой толстый бумажник.

Остальная тройка юнцов подключила провод Шашиста Чарли к розетке, и теперь, когда они пощелкали выключателями, ящик загудел и защелкал, лампочки на его передней панели замигали.

Пол встал.

— Сдаюсь, — сказал он. Он похлопал по ящику. — Поздравляю, Чарльз, ты оказался более способным человеком, чем я. Леди и джентльмены, разрешите мне представить вам нового клубного чемпиона. — И двинулся по направлению к бару.

— Милый, — сказала Анита, ухватив его за рукав. — О, продолжай, пожалуйста, это ведь так не похоже на тебя.

— Я не могу выиграть у этой чертовой штуки. Она просто не способна на ошибки.

— Но ты можешь играть против нее.

— И что же я этим докажу?

— Валяй, Пол, — сказал Финнерти. — Я осмотрел этого Чарли, и он не показался мне таким уж смысленным. Я ставлю на тебя: здесь пятьдесят долларов наличными — и готов биться об заклад с любым, кто считает, что Шашист Чарли может выиграть.

Шеферд с готовностью бросил три двадцатки. Финнерти ответил равной суммой.

— Уж лучше побейся об заклад, что солнце не взойдет утром, — сказал Пол.

— Играй, — сказал Финнерти.

Пол опять уселся. Неохотно он двинул вперед пешку. Один из юнцов включил контакт, и загорелась лампочка, фиксирующая ход Пола на брюхе Шашиста

Чарли, тут же загорелась вторая лампочка, указывающая Беррингеру наилучший ответный ход.

Беррингер улыбнулся и сделал то, что приказывала ему машина. Он закурил сигарету и принялся похлопывать лежащую перед ним пачку денег.

Пол опять сделал ход. Контакт был включен, и загорелись соответствующие лампочки. Так продолжалось в течение нескольких ходов.

К величайшему изумлению Пола, он взял одну из пешек Беррингера, причем это, насколько он понимал, никак не вело к его разгрому. Затем он взял еще одну пешку и еще одну. Он уважительно покачал головой. Машина, по всей видимости, далеко вперед рассчитала партию по какому-то пока еще непонятному стратегическому плану. Шашист Чарли, как бы в подтверждение его мыслей, издал угрожающее шипение, которое все возрастало в ходе игры.

— При таком положении дел я предлагаю три против одного за Пола, — сказал Финнерти. Беррингер и Шеферд тут же поймали его на слове и выложили по новой двадцатке.

Пол разменял свою пешку на три пешки противника.

— Стойте, подождите минуточку, — сказал Беррингер.

— А чего ждать? — сказал Финнерти.

— Здесь что-то не так.

— Просто вас с Шашистом Чарли бьют — вот и все. Всегда кто-нибудь выигрывает и всегда кто-нибудь проигрывает, — сказал Финнерти. — Так уж заведено.

— Верно, но если бы Шашист Чарли работал правильно, он никак не мог бы проиграть, — Беррингер неуверенно поднялся. — Послушайте, может, нам лучше отложить партию, пока мы не выясним, все ли здесь в порядке. — Он испытующе похлопал переднюю панель. — Боже мой, да она раскалена, как сковородка!

— Кончайте партию, юноша. Мне хочется знать, кто будет чемпионом, — сказал Финнерти.

— Да вы что, не видите? — в ярости завопил Бер-

рингер. — Он работает неверно! — и умоляюще оглядел комнату.

— Ваш ход, — сказал Пол.

Беррингер беспомощно глянул на лампочки и передвинул одну из пешек вперед.

Пол взял еще две беррингеровские пешки, а свою провел в дамки.

— Должно быть, это самая хитрая западня в истории шашек, — рассмеялся он. Теперь все это его страшно забавляло.

— В любую минуту Шашист Чарли уловит момент, и тогда прощай твое чемпионство, — сказал Финнерти. — А теперь раз-два, и давай занавес, Пол.

— Точный расчет — великая вещь, — сказал Пол. Он потянул носом. В воздухе стоял тяжелый запах горелой краски, и глаза у него уже начало пощипывать.

Один из помощников Беррингера откинул заднюю стенку ящика, и дым ядовито-зеленого цвета ринулся в комнату.

— Пожар! — закричал Бэйер.

Вбежал официант с огнетушителем и направил струю жидкости внутрь Шашиста Чарли. Каждый раз, когда струя попадала на его раскаленные части, изнутри вырывались облака пара.

Лампочки на фронтальной панели Чарли бешено замелькали, разыгрывая в невероятном темпе какую-то чертовски трудную партию, правила которой были понятны одной только машине. Все лампочки вспыхнули одновременно, гудение становилось все громче и громче, пока не зазвучало подобно мощной органной ноте, и вдруг неожиданно умолкло. Одна за другой выключались маленькие лампочки, как гаснут окна в деревне, погружающейся в сон.

— Ух ты, ох-ох-ох, ух ты, — пробормотал Бэйер.

— Фред, я так огорчена, — сказала Анита. Она укоризненно поглядела на Пола.

Инженеры собрались вокруг Шашиста Чарли, и те, кто стоял в переднем ряду, трогали через щели расплавленные вакуумные трубки и почерневшие провода.

Сожаление было написано на всех лицах. Умерло что-то прекрасное.

— Такая милая вещь, — грустно сказал Кронер, положив руку на плечо Беррингеру. — Если вы хотите, я сам расскажу вашему отцу обо всем, что произошло, тогда, может быть, все утрясется.

— Фактически в этом была вся его жизнь, помимо лаборатории, — сказал Беррингер. Он был потрясен и убит. — Целые годы. И почему только так должно было случиться? — Это прозвучало как еще одно пустое эхо вопроса, который человечество задает уже миллионы лет. Можно иногда подумать, что люди и на свет-то рождаются только для того, чтобы задать его!

— Бог дал, бог взял, — сказал Финнерти.

Прикусив губы, Беррингер кивнул, и тут только до него стало доходить, кто проговорил эти слова. Его тупое круглое лицо медленно приняло подлое и угрожающее выражение.

— Ага, — сказал он, облизывая губы, — умница. А я уж чуть было не забыл о вас.

— А пожалуй, не следовало бы. Я поставил достаточную сумму денег на победителя.

— Постоите-ка, Финнерти, — примиряюще заговорил Кронер, — давайте считать это вничью, а? Я хочу сказать, что в конце концов у парнишки есть основания для расстройств и...

— Вничью? Черта с два, — сказал Финнерти. — Пол разложил этого Шаписта Чарли как миленького.

— Мне кажется, я начинаю кое-что понимать, — с угрозой сказал Беррингер. Он ухватил Финнерти за отвороты пиджака. — Ты что, умник, сделал с Шапистом Чарли?

— Спроси у Бэйера. Его голова была рядом с моей. Бэйер, я сделал что-нибудь с Шапистом Чарли?

— А? Что? Сделал что-нибудь, что-нибудь сделал? Повредил, вы думаете? Нет, нет, нет, — сказал Бэйер.

— Тогда, жирный юноша, садитесь и заканчивайте партию, — сказал Финнерти. — Либо сдавайтесь. В любом случае я желаю получить денежки.

— Если вы ничего не сделали с Чарли, то откуда же у вас была такая уверенность, что он проиграет?

— Потому что мое сочувствие всегда на стороне человека и против машины, а особенно машины, за которой стоит такой полуумок, как вы, да еще выступающей против такого человека, как Пол. А кроме того, у Чарли болтались соединения.

— Тогда вы должны были сказать об этом! — завопил Беррингер. Он указал на развалины машины. — Поглядите, нет, вы только полюбуйтесь, что вы натворили, умолчав о болтающемся контакте! Мне следовало бы твоей грязной мордой весь пол здесь вымести.

— Но, но, но, тише, тише, тише, — сказал Кронер, становясь между ними. — Вам действительно следовало бы как-нибудь сказать об этом контакте, Эд. Стыдно, просто стыдно на самом деле.

— Если Шапист Чарли собирался завоевать чемпионство, отобрав его у человека, то он, черт бы его побрал, мог бы и подтянуть свои контакты. Пол сам следит за своей сетью, так пусть и Чарли поступает так же. Кто живет электронами, тот и умирает от электронов. Сик семпер тиранис *. — Он взял со стола банкноты. — Спокойной ночи.

Ногти Аниты впились в руку Пола.

— Он испортил весь вечер, о Пол, Пол!

Направляясь к выходу, Финнерти остановился подле Пола с Анитой.

— Отлично сделано, чемпион.

— Пожалуйста, отдайте им их деньги, — сказала Анита. — Машина неисправна. Будьте честны. Разве я не права, Пол?

К изумлению всей печальной группы, Пол вдруг потерял над собой контроль и расхохотался.

— В здоровом теле здоровый дух, чемпион, — сказал Финнерти. — Я отправляюсь домой, пока эти спортивные джентльмены не нашли веревки.

— Домой? В Вашингтон? — спросила Анита.

— Нет, милая, домой к вам. У меня больше нет дома в Вашингтоне.

Анита прикрыла глаза.

— Понимаю, — сказала она.

* Так всегда с тиранами (*латин.*).

VI — А какое было у него выражение, когда он сказал это? — спросила Анита.

С успокоителем на лице Пол пытался уснуть, плотно закутавшись, в темном уютном логове, в которое он каждую ночь превращал свою постель.

— У него было печальное выражение — приятное и печальное.

Уже три часа они перебирали события вечера в клубе, возвращаясь снова и снова к тому, что сказал Кронер в качестве прощального приветствия.

— И он ни разу не отозвал тебя в сторонку на пару слов?

Сна у Аниты не было ни в одном глазу.

— Честное скаутское, Анита, это все, что он сказал мне напоследок.

Она вдумчиво повторила слова Кронера: «Я хочу, чтобы вы, Пол, пришли ко мне и Маме на следующей неделе».

— Вот и все.

— И ничего о Питсбурге?

— Нет, — терпеливо сказал он. — Я говорил тебе — нет. — Он поплотнее обернул успокоитель вокруг головы и еще выше подтянул колени. — Нет.

— Неужели я не имею права поинтересоваться? — сказала она. По-видимому, он причинил ей боль. — Неужели то, что ты говоришь мне, должно означать, что я не имею права заботиться о тебе?

— Я рад, что ты заботишься, — сказал он без всякого выражения. — Очень хорошо, прекрасно, спасибо.

В этом полусне, полубреду перед ним вдруг предстало видение того, о чем обычно не думают, заявляя, что муж и жена — одно целое, некое чудовище, патетически странное и беспомощное, как сиамские близнецы.

— Женщины ведь вникают в суть вещей так, как мужчины вникать просто не способны, — говорила она. — Мы замечаем важные вещи, которые мужчины пропускают. Кронеру сегодня вечером хотелось, чтобы ты сломал лед в вопросе о Питсбурге, а ты просто...

— Мы узнаем, что было у Кронера на уме, когда я приду к нему. А теперь давай, пожалуйста, спать.

— Финнерти! — сказала она. — Это из-за него все пошло кувырком. Честное слово! Сколько еще он собирается у нас пробывать?

— Мы ему осточертеем через пару дней, точно так же как все ему осточертевает.

— НБПП не должно оставлять ему много времени на то, чтобы слоняться по всей стране и оскорблять старых друзей.

— Он ушел. Он сейчас нигде не работает.

Она села на постели.

— Они его вышвырнули? Вот молодцы!

— Ушел. Они предлагали ему более высокий пост, только бы он остался. Но он так решил.

Он вдруг почувствовал, что эта тема, к которой он испытывал интерес, совершенно прогнала сон. Когда Анита без конца тараторила о Питсбурге, Пол сжимался в комок, натягивая на голову одеяло. Теперь же он почувствовал облегчение, и ему захотелось выпрямиться, как и подобает мужчине. «Финнерти» опять стало волшебным именем: чувства Пола по отношению к нему совершили полный круг. Бодрое настроение и уверенность в себе, которых Пол не испытывал уже целые годы, чем бы он ни занимался, — эти чувства как бы вдохнул в него Финнерти во время забавного посрамления Шашиста Чарли. Более того, мысли Пола пробудились, словно освеженные прохладным ветерком — было что-то чарующее в том, что сделал Финнерти, он ушел — вещь почти столь же непостижимая и прекрасно простая, как самоубийство.

— Пол...

— Ммм...

— Твой отец верил, что ты в один прекрасный день станешь управляющим в Питсбурге. Если бы только он был жив, ничто не принесло бы ему большей радости, чем весть о том, что ты на этом посту.

— Умммггу... — Он вспомнил, как Анита вскоре после их женитьбы раскопала в каком-то чемодане портрет его отца, увеличила его, поместила в рамку и

преподнесла мужу в качестве подарка на день рождения. Портрет стоял сейчас там, где она поставила его — на письменном столе Пола. Это была первая вещь, которую Пол видел, вставая утром, и последняя, которую он видел, отправляясь спать. Анита никогда не встречалась с отцом Пола, и он сам мало рассказывал ей об отце; и все же она создала нечто вроде мифа об этом человеке, мифа, который позволял ей со знанием дела болтать целыми часами. Миф сей гласил, что отец Пола в молодые годы был таким же легкомысленным, как Пол, что сила, возведшая его на самую вершину, пришла к нему в среднем возрасте — пришла именно в те годы, в которые только теперь вступал Пол.

Кронер тоже часто повторял, что от Пола следует этого ожидать: он пойдет по стопам своего отца. Эта вера Кронера помогла в свое время Полу стать управляющим Айлиума; и теперь эта вера может дать ему руководство Питсбургом. Когда Пол задумывался над своим столь легко доставшимся возвышением по иерархической лестнице, он иногда, вот в такие именно моменты, чувствовал себя неловко, словно какой-то шарлатан. Он справлялся со своими обязанностями — тут уж ничего не скажешь, однако у него не было того, что было у его отца, у Кронера, у Шеферда и многих других: искренней веры в значимость того, что они делают; способности принять душой — почти так, как это делает влюбленный, — корпорационную личность, всемогущую и всеведущую. Короче говоря, Полу не хватало того, что делало его отца воинствующим и великим: способности всерьез воспринимать все это.

— А как ты думаешь поступить с Шефердом? — сказала Анита.

Пол опять начал уходить в себя.

— Поступить с Шефердом? Никак.

— Если кто-нибудь не подрежет ему крылья, он в один из таких дней перемахнет через головы всех.

— Милости прошу.

— Ты это серьезно?

— Если говорить серьезно, так я хочу спать.

Пружины ее матраца застонали, когда она опять

улеглась. Потом она еще несколько минут вертелась, устраиваясь поудобней.

— А ты знаешь, это забавно, — сказала она.

— Хммм?..

— Я все время замечала, что, когда Шеферд поворачивается под каким-то определенным углом, он очень на кого-то походит. И до сегодняшнего вечера я никак не могла понять, на кого именно.

— Мгм...

— И когда я сегодня увидела его под прямым углом, я поняла, что он точная копия твоего отца.

VII

Рядовой первого класса Эльмо Хэкетс-младший приблизился к шаху Братпура, доктору Юингу Хольярду из госдепартамента, Хашдрахру Миазма — их переводчику, генералу армии Милфроду Бромли, начальнику лагеря генералу Уильяму Корбетту, командиру дивизии генерал-майору Ирлу Пруитту и их свите.

Рядовой первого класса Хэкетс стоял в среднем ряду первого отделения второго взвода второй роты первого батальона 427-го полка 107-й пехотной дивизии девятого корпуса двенадцатой армии, и он, оставаясь в строю, опускал свою левую ногу каждый раз, когда барабан издавал басовый грохот.

— Ди-ви-зи-яяя!.. — закричал командир дивизий в микрофон.

— По-о-о-лк! — выкрикнули четыре командира полка.

— Таль-о-о-он! — заорали двенадцать батальонных командиров.

— Рт-ааа!... — крикнули тридцать шесть ротных командиров.

— Батаре-е-ея! — крикнули двенадцать командиров батарей.

— Взвод! — рявкнули сто девяносто два командира взвода.

— Хэкетс, — сказал себе рядовой первого класса Хэкетс.

— Стой!

Ать-два — и Хэкетс стал.

«Равнение!» — проорал громкоговоритель.

— Равнение, равнение-нение-нение... — эхом отозвались двести пятьдесят шесть голосов.

— Равнение, — сказал себе Хэкетс, рядовой первого класса.

— На-пра-во!

Ать-два — и Хэкетс сделал равнение направо. Он глянул в глаза шаха Братпура, духовного вождя шести миллионов человек в каких-то далеких краях.

Шах чуть заметно поклонился.

Хэкетс не поклонился в ответ потому что это не положено и он не намерен был делать каких-нибудь неположенных вещей черт бы их всех побрал ему оставалось всего каких-то двадцать три года тянуть эту ляжку и тогда все будет покончено с армией и провалилась она в тартарары и через эти двадцать три года, если какой-нибудь сучий потрох полковник или лейтенант или генерал подойдет к нему и скажет: «Отдать честь!» или «Наплечо!» или «Почистьте свои ботинки» или что-нибудь вроде этого он ему скажет «Поцелуйка меня в задницу, сынок» и вытащит справку об увольнении в запас и плюнет ему в морду и пойдет себе надрывая живот от хохота потому его двадцать пять лет закончены и все что ему нужно делать это посиживать со старыми дружками у Хукера в Эвансилле и если чего дожидаться то только чека на получение заслуженной пенсии и катись-ка ты дружок потому что теперь я не намерен терпеть нагоняи от кого бы то ни было, потому что я с этим покончил и...

Шах восхищенно захолопал в ладоши, продолжая разглядывать рядового первого класса Хэкетса, который был огромным здоровенным детингой.

— Ники такару! — воскликнул шах, распространяя крепкий аромат «Сумклиша».

— Не такару! — сказал доктор Холъярд. — Солда-ты.

— Не такару? — озадаченно спросил шах.

— Что он сказал? — спросил генерал группы армий Бромли.

— Он говорит, что они отличное стадо рабов, — пояснил Холъярд. Он обернулся к шаху и погрозил

пальцем маленькому темнокожему человеку. — Не та-
кару. Нет, нет, нет.

Хашдрахр, видимо, тоже зашел в тупик и никак
не помогал Холъярду объясняться.

— Сим коула такару, акка сахн салет? — спросил
шах у Хашдрахра.

Пожав плечами, Хашдрахр вопросительно уставил-
ся на Холъярда.

— Шах говорит, если они не рабы, то как же вы
заставляете их делать то, что они делают?

— Патриотизм, — строго сказал генерал армии
Бромли. — Патриотизм, черт побери.

— Любовь к стране, — сказал Холъярд.

Хашдрахр сказал что-то шаху, и шах чуть заметно
кивнул, однако выражение озадаченности так и не ис-
чезло с его лица.

— Сиди ба... — сказал он и умолк.

— Э? — спросил Корбетт.

— Даже так... — перевел Хашдрахр, но и он вы-
глядел столь же неубежденным, как и шах.

— Наа-лее!.. — прокричал громкоговоритель.

— Наа-лее-лее-лее-лее...

— На-ле... — сказал себе Хэккетс.

И Хэккетс думал о том как ему придется оставаться
одному в казармах в эту субботу когда все остальные
будут гулять по увольнительным из-за того что
произошло сегодня на инспекторской утренней повер-
ке после того как он подмел и вымыл шваброй пол
и вымыл окно у своей койки и расправил одеяло и
убедился что зубная паста лежит слева от тюбика с
кремом для бритвы и что крышки обоих тюбиков смотр-
ят в разные стороны и что отверстия его гетр доходят
аккуратно до начала шнуровки ботинок и что его обе-
денный судок обеденная кружка обеденная ложка обе-
денная вилка и обеденный нож и котелок сияют и что
его деревянное ружье надраено а его эрзац-металли-
ческие части достаточно черны и что его ботинки блес-
тят и что запасная их пара зашнурована до самого
верха и шнурки их завязаны и что одежда на вешал-
ках развешена в должном порядке — две рубашки по
требованию две пары брюк по требованию три рубаш-

ки хаки трое брюк хаки две рубашки в елочку из саржи двое брюк из саржи в елочку полевая куртка блуза по требованию плащ по требованию и что все карманы этой одежды пусты и застегнуты, и тогда инспектирующий офицер прошел и сказал: «Эй, солдат, у тебя ширинка расстегнута, останешься без увольнения», и...

— ...во!

— Ать-два, — сказал Хэкетс.

— Шагооом...

— Шагом, шагом, шагом, гом, гом, гом...

— Шагом, — сказал себе Хэкетс.

И Хэкетс подумал куда еще его к чертям занесет в следующие двадцать три года и подумал еще что было бы очень здорово смыться куда-нибудь из Штатов на какое-то время и обосноваться где-нибудь еще и возможно быть там кем-нибудь в какой-нибудь из этих стран а не оставаться тут последней задницей без гроша в кармане и дожидаясь какого-нибудь местечка да так и не получать его в своей собственной стране или не получить хорошего местечка но все же иметь вполне приличное местечко по сравнению с теми которые вообще никакого не дождались но это нужно только чтобы как-нибудь прожить а он ей-богу не отказался бы и от маленькой толики славы а за морем можно заполучить и местечко и славу и пока там нет особой стрельбы а возможно ее не будет еще долго да и тогда у тебя будет настоящее доброе ружье и настоящие патроны и это тоже придает немножко славы и уж черт возьми это намного более подходящее занятие для мужчины чем маршировать взад-вперед с деревянными макетами и конечно же он не отказался бы от маленького звания но он знал каковы его Личные Показатели и все это тоже знают а особенно машины поэтому все так и останется все эти двадцать три года если только в машинах не перегорит какая-нибудь трубка и они не прочитают его карточку неверно и не направят его в ОЦС а это тоже случается время от времени. Был же ведь такой Мулкани которому удалось заполучить в руки свою карточку и он покрыл ее сахарной глазурью чтобы машины подумали будто ему полагает-

ся большое повышение но его упрятали в изолятор за двадцать шестое заболевание тришпером а потом направили в оркестр играть на тромбоне хотя он никак не мог насвистать даже «Огненный крест» и все же это было лучше чем мытариться в КРРахе целыми днями а тут у тебя нет особых забот да и форма хорошая только что надо завести штаны на «молниях» и как только пройдут эти двадцать три года он сможет подойти к какому-нибудь сучьему генералу или там полковнику и сказать ему «Поцелуй меня в...».

— Марш!

— Бумм! — Грохнул басом барабан, и левая нога Хэкетса опустилась, и он двинулся посреди громадной послушной людской лавины.

— Такару, — сказал шах Хашдрахру, перекрывая грохот.

Хашдрахр улыбнулся и согласно закивал головой.

— Такару.

— Черт его знает, что мне с ним делать! — расстроенно сказал Холгьярд генералу армии Бромли. — Этот малый обо всем, что он видит, говорит, пользуясь терминологией своей страны, а эта его страна, должно быть, жуткая дыра.

— Америкка вагга боуна, ни хоури манко Салим да вагга динко, — сказал шах.

— Чего ему еще надо? — нетерпеливо спросил Холгьярд.

— Он говорит, американцы изменили почти все на земле, — ответил Хашдрахр, — но легче было бы сдвинуть Гималаи, чем изменить Армию.

Шах в это время приветливо махал рукой, прощаясь с уходящими войсками.

— Дибо, такару, дибо.

VIII

Пол позавтракал в одиночестве. Ани-та и Финнерти все еще отсыпались после вчерашнего в разных концах дома.

Полу никак не удавалось завести свой «плимут», и, наконец, он обнаружил, что кончился бензин. Прош-

лым вечером оставалось почти полбака. Значит, Финнерти проделал в нем далекое путешествие после того, как они оставили его одного в постели и отправились без него в Кантри-Клуб.

Пол пошарил в отделении для перчаток в поисках шланга и нашел его. Тут он приостановился, чувствуя, что здесь чего-то не хватает. Он опять сунул руку в отделение для перчаток и обшарил все кругом. Его старый пистолет исчез. Он поискал за сиденьем на полу, но так и не нашел его. Наверное, какой-нибудь мальчишка стащил пистолет, когда он заезжал в Усадьбу в поисках виски. Теперь придется немедленно сообщить в полицию, придется заполнять там всевозможные бланки. Он попытался придумать какое-нибудь вранье, которое избавило бы его от обвинения в халатности и одновременно не принесло бы никому никаких неприятностей.

Он сунул шланг в горловину бензобака лимузина, пососал, сплюнул и сунул другой конец в горловину пустого бака «плимута». Ожидая, пока перельется бензин, он вышел из гаража на залитый теплым солнцем двор.

С треском распахнулось окно ванной комнаты, и он, посмотрев вверх, увидел Финнерти, глядящегося в зеркальце аптечки. Финнерти не заметил Пола. Во рту у него была согнутая сигарета, и эта сигарета так и оставалась у него во рту, пока он кое-как мыл лицо. Пепел на сигарете становился длиннее и длиннее и, наконец, стал невероятно длинным, так что огонек почти прикасался к губам Финнерти. Он вынул сигарету изо рта, и длинный пепел свалился. Финнерти щелчком направил окурочок по направлению к туалету, взял другую сигарету и продолжал бриться. И опять столбик пепла становился все длиннее и длиннее. Финнерти наклонился вплотную к зеркалу, и столбик пепла сломался о него. Большим и указательным пальцами он попытался выдавить прыщик, но, по-видимому, безрезультатно. Все еще косясь в зеркало на покрасневшее место, он на ощупь поискал полотенце одной рукой, схватил не глядя первое попавшееся и смахнул чулки Аниты с вешалки для полотенца в раковину. Закончив

свой туалет, Финнерти сказал что-то своему отражению в зеркале, скорчил рожу и вышел.

Пол вернулся в гараж, свернул шланг, сунул его в отделение для перчаток и выехал. Машина опять работала неровно, то набирая скорость, то затихая, то набирая скорость, то опять затихая. Во всяком случае, она отвлекала его от неприятных мыслей о пропавшем пистолете. На длинном подъеме у дорожки для игры в гольф мотор, как ему казалось, работал не более чем на трех цилиндрах, и команда Корпуса Реконструкции и Ремонта, приводившая в порядок заграждение от ветра к северу от здания клуба, обернулась, следя за неравной борьбой машины с земным притяжением.

— Эй! Передняя фара разбита! — крикнул один из рабочих.

Пол кивнул и благодарно улыбнулся. Автомобиль дернулся и остановился почти у самой вершины. Пол поставил машину на ручной тормоз и вышел. Он поднял капот и принялся проверять контакты. Инструменты, которые он положил рядом, звякнули, и с полдюжины крпахов просунули головы под капот рядом с ним.

— Это свечи, — сказал маленький человечек с яркими глазами, похожий на итальянца.

— Ааа, вали-ка ты в свиную задницу со своими свечами, — сказал высокий краснощекий человек, самый старший в группе. — Сейчас вы увидите, что здесь не в порядке. Дайте-ка мне вон тот ключ. — Он принялся за бензиновый насос и очень быстро отвинтил у него верхушку. Он показал прокладку под колпачком. — Вот, — произнес он очень серьезно, как хирург перед практикантами, — вот что у вас не в порядке. Пропускает воздух. Я это знал уже в ту минуту, когда услышал вас еще в миле отсюда.

— Ну что ж, — сказал Пол, — думаю, придется позвать кого-нибудь, чтобы он починил его. Наверное, это займет целую неделю — заказать новую прокладку.

— Это займет пяток минут, — сказал высокий человек. Он снял шляпу и с выражением явного удовлетворения вырвал из нее кожаную прокладку, защищающую фетр от пота. Достав из кармана перочинный

ножик, он наложил колпачок бензинового насоса на кожаную прокладку и вырезал кружок кожи нужного размера. Затем в этом кружке он проделал в центре дырочку, поставил сделанную прокладку куда надо и собрал насос. Остальные с удовольствием наблюдали за его действиями, подавали ему нужные инструменты или подсказывали, что нужно ему подать, и пытались хоть как-нибудь включиться в работу. Один соскабливал зеленые и белые кристаллы с контактов аккумулятора. Второй подвернул вентили у скатов.

— Ну-ка, теперь попробуйте! — сказал высокий.

Пол нажал на стартер, мотор сразу взял, взревел, набрал и сбросил обороты в точном соответствии с нажимом педали. Пол выглянул: на лицах кррахов было написано колоссальное удовлетворение.

Он вытащил из портмоне две пятерки и протянул их высокому.

— Достаточно одной, — сказал тот. Он бережно сложил ее и спрятал в нагрудный карман своей синей рабочей рубашки. Он иронически улыбнулся. — Первые деньги, которые я заработал за последние пять лет. Мне бы, по совести, их следовало вставить в рамочку, а? — И тут он впервые посмотрел внимательно на Пола, как бы вспомнив, что перед ним не только мотор, но и человек. — Кажется, я вас откуда-то знаю. Вы чем занимаетесь?

Что-то заставило Пола захотеть быть не тем, чем он был.

— Небольшой бакалейный склад, — ответил он.

— Не нужен ли вам парень с умелыми руками?

— Сейчас пока нет. Дела идут вяло.

Но человек уже царапал что-то на клочке бумаги, для этого он положил ее на капот и дважды протыкал бумагу карандашом, когда карандаш натыкался на щель.

— Вот здесь мое имя. Если у вас есть машины, я как раз тот человек, который поможет вам держать их на ходу. Восемь лет вкалывал на заводе механиком перед войной, а если я чего и не знаю, то сразу же разберусь. — Он протянул бумажку Полу. — Куда вы ее собираетесь положить?

Пол подсунул бумажку под прозрачную пластинку в своем бумажнике поверх шоферского удостоверения. — Положу ее сюда, чтобы была на виду. — Он пожал руку высокому и кивнул остальным. — Спасибо.

Мотор уверенно набрал скорость и перенес Пола через вершину холма к воротам Заводов Айлиум. Постовой подал ему рукой сигнал из своей будки, загудел зуммер, и железные, утыканные сверху железными шипами ворота распахнулись. Теперь Пол подъехал к толстой внутренней двери, посигналил и выжидающе поглядывал на тонкую прорезь в каменной кладке, за которой сидел второй часовой. Дверь с грохотом поднялась, и Пол подъехал к зданию своей конторы.

Он поднялся наверх, шагая через две ступеньки — это было его единственное физическое упражнение, — отпер две наружные двери, ведущие в комнату Катарины, а потом еще одну — уже в свой кабинет.

Катарина едва взглянула на него, когда он проходил. Она, по-видимому, была погружена в горестные размышления, а по другую сторону комнаты, на диване, который с успехом мог считаться его собственностью, сидел Бад Колхаун, уставившись в пол.

— Чем могу помочь? — спросил Пол.

Катарина вздохнула.

— Баду нужна работа.

— Баду нужна работа? У него сейчас четвертая по оплате должность во всем Айлиуме. Я не мог бы ему предложить того, что он получает за обслуживание склада. Знаешь, Бад, ты просто с жиру бесишься. Когда я был в твоём возрасте, я и половины не получал...

— Мне нужна работа, — сказал Бад. — Любая.

— Хочешь подстегнуть Национальный Совет по Нефти, чтобы они дали тебе повышение? Конечно, Бад, для виду я мог бы тебе предложить больше, чем ты сейчас получаешь, но ты должен пообещать мне, что ты не поймаешь меня на слове.

— У меня нет больше работы, — сказал Бад. — Меня выставили.

Пол был изумлен:

— Неужели? С чего бы это? Моральное разложение? А как с этим приспособлением, которое ты изобрел для...

— Вот в том-то и дело, — сказал Бад, причем в голосе его чувствовалась странная смесь гордости и горечи. — Приспособление работает. Отлично делает свое дело, — он смущенно улыбнулся. — Справляется с работой намного лучше, чем это делал я.

— И продельывает все операции?

— Да. Такая разлюбезная штучка.

— И из-за этого ты остался без работы?

— Не я один — семьдесят два человека остались без работы, — сказал Бад. Он как-то умудрился еще ниже опуститься на диване. — Должности нашей категории теперь полностью исключены. Фу, и все. — Он щелкнул пальцами.

Пол прекрасно представил себе, как работник отдела укомплектования настукал на клавиатуре кодовый номер должности Бада и спустя несколько секунд машина представила ему семьдесят две карточки с именами тех, кто зарабатывал на жизнь, выполняя обязанности Бада — те самые обязанности, с которыми теперь так отлично справлялась машина, созданная Бадом. И сейчас по всей стране машины, ведающие учетом рабочей силы, будут налажены таким образом, чтобы больше не считать эту должность пригодной для человека... Комбинации дырочек и зарубок, которые для машин личного состава были олицетворением Бада, оказались теперь непригодными. И если сейчас их сунут в машину, она тут же вернет их обратно.

— Теперь им больше не нужны П-128, — мрачно сказал Бад, — и ничего нет свободного ни выше, ни ниже. Я согласился бы на понижение и взял бы П-129 или даже П-130, но ничего не получается. Все места заняты.

Список личного состава лежал раскрытый перед Катариной. Она уже успела просмотреть все номера.

— П-225 и П-226 — инженеры по смазке, — сказала она. — Но обе эти должности занимает доктор Розенау.

— Да, действительно, — сказал Пол.

Бад попал в чрезвычайно дурацкое положение, и Пол никак не мог придумать, чем бы ему помочь. Машинам было известно, что Айлиум имеет уже одного полагающегося ему инженера по смазкам, и они не допустят появления второго. Если персональную карточку Бада перешифровать как карточку инженера по смазке и сунуть ее в машину, машина тут же вернет ее за ненадобностью.

Как часто говаривал Кронер, строжайшая бдительность — единственный способ достижения эффективности. И машины безуданно перебирают колоды своих карточек, пытаясь снова и снова обнаружить бездельников, дармоедов или просто упущения.

— Ты ведь знаешь, Бад, не я это решаю, — сказал Пол, — мое слово почти не имеет веса при решении вопроса, кого следует нанять.

— Он знает, — сказала Катарина. — Но ему нужно обратиться куда-то, и мы подумали, что, может, вы знаете какие-нибудь ходы или с кем нужно поговорить.

— Я ужасно огорчен, — сказал Пол. — И с чего это их вдруг дернуло дать тебе назначение в Нефтяную Промышленность? Тебе следовало бы числиться конструктором.

— У меня нет способностей к этому, — сказал Бад. — Так показали испытания.

И это уж обязательно было отражено на его злополучной карточке. Все показатели его способностей были на ней — неизменно, непреложно, а с карточкой не поспоришь.

— Но ведь ты конструируешь, — сказал Пол. — И, черт побери, ты делаешь это более толково, чем все их асы из Лаборатории. — Лаборатория — Национальная Лаборатория Исследований и Развития — по сути была порождением войны и представляла собой объединение всех усилий страны в одном штабе, занимающемся исследованиями и усовершенствованиями. — Тебе даже не платят за твои изобретения, а ты ведь делаешь работу лучше их. Например, телеметрическое приспособление для нефтепровода, твой автомобиль, а теперь это чудище, которое работает на складе...

— Но проверка утверждает, что способностей нет, — сказал Бад.

— Потому и машины говорят «нет», — сказала Катарина.

— Значит, так оно и есть, — сказал Бад. — Не знаю...

— Ты мог бы повидаться с Кронером, — сказал Пол.

— Я пытался, но мне не удалось прорваться через заграждения — я хочу сказать, через его секретаршу. Я сказал ей, что я насчет работы, и она позвонила в отдел кадров. Они прогнали мою карточку сквозь машину, пока она держала трубку; перед тем как ее повесить, она соорудила печальную мину и объявила, что Кронер не будет принимать целый месяц.

— А может, твой университет окажет помощь? — спросил Пол. — Возможно, что, когда проводились испытания твоих способностей, у машины трубки были не в порядке. — Он говорил это безо всякой уверенности. Положение Бада было безнадежное. Как гласила старая шутка — «машине и карты в руки».

— Я написал им и попросил снова проверить мои способности. Неважно, что я там говорил, но показатели остались теми же. — Он бросил клочок разграфленной бумаги на стол Катарины. — Вот. Я написал три письма и получил обратно три такие штуки.

— Угу, — сказал Пол, с отвращением глядя на знакомые графы. Это был так называемый «Профиль Достижений и Способностей», который выдается каждому из выпускников колледжа вместе с дипломом. Сам диплом был ничем, а эта графленая бумажка всем. Когда наступало время выпуска, машина брала отметки студента и другие показатели и составляла из них одну графическую линию — профиль.

Графическая линия Бада была высокой в области теории, низкая в администрировании, низкая в области созидания и так далее — то вверх, то вниз по всей странице, вплоть до самой последней графы — личные способности. Какими-то безымянными, таинственными единицами измерения у каждого выпускника определялись высокие, средние или низкие показатели личных

способностей. У Бада, как увидел Пол, они были самыми посредственными. Когда выпускник приобщался к экономическому процессу, все эти взлеты и падения на его графической линии находили свое отражение в перфорационных отверстиях его личной карточки.

— Ну что ж, во всяком случае, спасибо, — неожиданно сказал Бад, собирая свои бумаги, как будто ему вдруг стало неловко за свою слабость, вынудившую его беспокоить других своими заботами.

— Что-нибудь подвернется, — сказал Пол. Он приостановился в дверях своего кабинета. — Как у тебя с деньгами?

— Они оставляют меня на моем месте еще на несколько месяцев, пока не будет установлено новое оборудование. И еще мне выдана награда за рационализаторское предложение.

— Ну, слава богу, что ты хоть что-то получил за это. А сколько?

— Пятьсот. Это самая большая премия за этот год.

— Поздравляю. А ее занесли в твою карточку?

Бад поднял прямоугольник своей личной карточки и принялся рассматривать на свет его перфорацию.

— Наверное, вот эта маленькая штуковина и есть она.

— Нет, это отметка о прививке оспы, — сказала Катарина, заглядывая ему через плечо. — У меня тоже есть такая.

— Нет, не эта, а та треугольная, рядом.

Телефон Катаринины зазвонил.

— Да? — она обернулась к Полу. — Какой-то доктор Финнерти стоит у ворот и просит, чтобы его впустили.

— Если ему просто хочется пропустить стаканчик, скажите ему, чтобы он дождался вечера.

— Он говорит, что хочет видеть не вас, а завод.

— Хорошо, тогда впустите его.

— У них там, у ворот, не хватает народа, — сказала Катарина. — Один из охранников болеет гриппом. Кто же будет его сопровождать?

Те редкие посетители, которых допускали на Заводы Айлиум, ходили по заводской территории в со-

провождении охранников, которые лишь изредка указывали на особенно выдающиеся местные достопримечательности. Главной обязанностью вооруженных охранников было следить за тем, чтобы никто не приближался к жизненно важным приборам управления и не мог вывести их из строя. Система эта сохранилась с войны и от послевоенного периода бунтов, но она и до сих пор имела смысл. Довольно часто, несмотря на антисаботажные законы, кое-кому приходило в голову что-либо испортить. В Айлиуме такого не случилось уже много лет, однако Пол слышал донесения с других заводов о посетителе с примитивной бомбой в портфеле в Сиракузах; о старушке в Буффало, которая, отойдя от группы зрителей, всадила свой зонтик в чрезвычайно важный часовой механизм... Подобные вещи продолжали еще случаться, и Кронер требовал, чтобы охранники не отходили ни на секунду от посетителей заводов. Саботажниками становились самые различные люди — в очень редких случаях даже и высокопоставленные. Как утверждает Кронер, никогда нельзя угадать, кто предпримет следующую попытку.

— Да черт с ним, Финнерти можно пропустить и без охраны, — сказал Пол. — Он на особом положении — айлиумский старожил.

— В директиве сказано, что исключений не должно быть, — сказала Катарина. Все директивы, а их были тысячи, она знала наизубок.

— Пусть идет.

— Слушаюсь, сэр.

Полу показалось, что Бад следит за их разговором с намного большим вниманием, чем разговор этого заслуживал. Будто перед ним разыгрывалась какая-то захватывающая драма. Когда Катарина повесила трубку, она по ошибке приняла этот его взгляд за взгляд возлюбленного и ответила ему точно таким же.

— Шесть минут, — сказал Бад.

— Что шесть минут? — спросила Катарина.

— Шесть минут впустую, — сказал Бад. — Столько времени ушло на то, чтобы пропустить человека в ворота.

— Ну и что?

— Вы трое были связаны шесть минут, двое вас и третий — охранник. Всего восемнадцать человеко-минут. Черт побери, да ведь пропуск его обошелся в два доллара. Сколько народу проходит в ворота за год?

— Человек десять за день, наверное, — сказал Пол.

— Две тысячи семьсот пятьдесят восемь в год, — сказала Катарина.

— И по поводу каждого пропуска обращаются к вам?

— Обычно этим занимается Катарина, — сказал Пол. — В этом и состоит большая часть ее работы.

— Если считать по доллару на каждого человека, это составляет две тысячи семьсот долларов в год, — укоризненно сказал Бад. Он указал на Катарину. — Если существуют такие железные правила, то почему бы не предоставить машине решать этот вопрос? Полиция ведь не думает, здесь это просто рефлекс. Можно даже сделать приспособление, допускающее исключение для Финнерти, и это все равно обойдется не больше чем в сотню долларов.

— Но существуют ведь и особые решения, которые мне приходится принимать, — попыталась защищаться Катарина. — Я говорю, что, бывает, сталкиваешься с массой вопросов, которые нельзя решать общим порядком, согласно заведенной рутине, — намного больше, чем в состоянии решить машина.

Но Бад ее не слушал. Он раздвинул руки, показывая размеры машины, которая уже зародилась в его воображении.

— Любой из посетителей является либо ничего не значащим типом, либо другом, либо чиновником, либо небольшим начальством, либо крупным начальством. Охранник нажимает одну из пяти кнопок в верхнем ряду ящичка. Понятно? Посетитель либо пришел посмотреть, либо нанести личный визит, либо с инспекционной целью или просто по делу. Охранник нажимает одну из четырех кнопок в этом ряду. У машины есть две лампочки: красная — запрещающая и зеленая — разрешающая проход. И какие бы там ни были

правила — трах! — и загорающаяся лампочка говорит охраннику, что нужно делать.

— А еще мы могли бы вывесить у охранника на стенке правила, — сказал Пол.

Это Бада озадачило.

— Да, — медленно проговорил он, — вы могли бы сделать и это. — Было совершенно очевидно, что в его представлении только уж очень серый человек мог додуматься до такого решения.

— Вы меня с ума сведете, — дрожащим голосом проговорила Катарина. — Вы не имеете права рассуждать здесь о том, что любая машина может делать то, что делаю я.

— Ну, что ты, милая, — я ведь вовсе не говорю именно о тебе.

Она расплакалась, и Пол тихонько шмыгнул в свой кабинет, затворив за собой дверь.

— Ваша жена у телефона, — сказала Катарина по интеркому.

— Хорошо. Да, Анита?

— Есть что-нибудь новое от Кронера?

— Нет. Я дам тебе знать, если что-нибудь услышу.

— Надеюсь, что он остался доволен вчерашним вечером.

— Доволен или твердо верит в то, что доволен.

— Финнерти там?

— Он где-то на заводе.

— Посмотрел бы ты на ванную комнату!

— Я видел, как это делалось.

— Он закуривал четыре сигареты и забывал о каждой из них. Одна на аптечке, одна на подоконнике, одна на умывальнике и одна на полочке для зубных щеток. Я не могла завтракать. Ему пора уезжать.

— Я скажу ему.

— Что ты собираешься сказать Кронеру?

— Еще и сам не знаю. Я не знаю, что он сам мне скажет.

— Представь себе, что я Кронер и тебе говорю эдак мимоходом: «Знаешь, Пол, место в Питсбурге все еще свободно». Что ты говоришь тогда?

Эта игра никогда не надоедала ей, а Полу для этой игры приходилось собирать в кулак все свое терпение. Она всегда ставила себя на место какого-нибудь важного и влиятельного человека и заставляла Пола разыгрывать с ней диалоги. Затем его ответы критически оценивались, анализировались, редактировались и отшлифовывались. Настоящие диалоги никогда ни капельки не были похожи на ее фантазии, которые только доказывали, насколько примитивное у нее представление о влиятельных людях или о том, как вершатся дела.

— Ну, давай, — поторопила она.

— Питсбург, да? — сказал Пол. — О, это чудесно. О!

— Нет, Пол, я говорю серьезно, — строго сказала она. — Что ты скажешь?

— Дорогая, я сейчас занят.

— Хорошо, ты это хорошенько продумай и позвони мне. Знаешь, что ты должен сказать, по-моему?

— Я еще позвоню тебе.

— Хорошо. До свидания. Я люблю тебя.

— Я люблю тебя, Анита. До свидания.

— Доктор Шеферд у телефона, — сказала Катерина.

Пол опять снял все еще теплую трубку.

— В чем дело, Шеф?

— Недозволенное лицо в здании № 57! Пришлите сюда охрану.

— Это Финнерти.

— Недозволенное лицо, — упрямо повторил Шеферд.

— Ну, хорошо. Это недозволенный Финнерти?

— Да, но это не относится к делу. Совершенно безразлично, какая у него фамилия. Он шныряет здесь без сопровождающего, а вы знаете, как к таким вещам относится Кронер.

— Это по моему разрешению. Я знаю, что он там находится.

— Вы этим ставите меня в неудобное положение.

— Я вас не понимаю.

— Я говорю, что за эти здания отвечаю я, а теперь вы предлагаете мне игнорировать совершенно недвусмысленный приказ Кронера. А когда дойдет до дела, все шишки на меня будут валиться?

— Да плюньте вы на это. Все в порядке. Ответственность я беру на себя.

— Другими словами, вы приказываете мне разрешить Финнерти ходить без эскорта?

— Да, именно так. Я приказываю вам.

— Тогда все в порядке, я просто хотел убедиться, правильно ли я понял. Беррингер тоже никак не хотел верить, поэтому я и дал ему параллельную трубку.

— Беррингер? — спросил Пол.

— Да! — сказал Беррингер.

— Держите это про себя.

— Вы начальство, — тупо сказал Беррингер.

— Значит, теперь все в порядке, Шефферд? — сказал Пол.

— Пожалуй. Следует ли понимать, что вы также разрешили ему делать чертежи?

— Чертежи?

— Наброски.

Тут Пол понял, что его решение завело его на опасный путь, однако решил, что теперь уже поздно пытаться исправлять положение.

— Пусть делает все, что ему угодно. У него могут появиться полезные идеи. Итак, все в порядке?

— Ваше право, — сказал Шефферд. — Не так ли, Беррингер?

— Конечно, его право, — сказал Беррингер.

— Да, это мое право, — сказал Пол и положил трубку.

В соседней комнате Бад Колхаун все еще пытался ублажить Катарину. Голос у него стал подлизывающимся и проникновенным. До Пола донеслись отдельные фразы их разговора.

— Если уж на то пошло, — говорил Бад, — не такая уж большая задача даже его заменить приспособлением.

И Пол прекрасно понял, куда направлен указательный палец Бада.

IX

По-видимому, Финнерти нашел для себя много интересного на Заводах Айлиум. Он долго не показывался в кабинете Пола. А когда он все-таки явился, Катарина вскрикнула от неожиданности. Он прошел через две запертые двери, открыв их ключами, которые он, вероятно, так и не сдал много лет назад, уезжая с завода в Вашингтон.

Дверь кабинета Пола была приоткрыта, и он услышал их разговор.

— Не тянитесь за пушкой, леди. Моя фамилия Финнерти.

У Катарини и в самом деле валялся где-то в письменном столе пистолет, правда, патронов к нему не было. То, что секретари должны быть вооружены, предписывалось старой инструкцией, тоже сохранившейся от прежних времен; это было одно из тех правил, которые Кронер считал уместным закреплять в приказах.

— Вы не имеете права на эти ключи,— холодно сказала Катарина.

— Вы что, плакали? — сказал Финнерти.

— Я узнаю, может ли доктор Протеус принять вас.

— О чем же здесь плакать? Поглядите — красные лампочки не горят, зуммера не гудят — значит, все в мире обстоит благополучно.

— Катарина, пропустите его ко мне! — крикнул Пол.

Финнерти вошел и присел на краешек стола.

— Что случилось с мисс Политикой в той комнате?

— Разбитая помолвка. Ты что собираешься делать?

— Я думаю, что нам следовало бы пропустить по паре рюмок, если только ты склонен выслушивать мои излияния.

— Хорошо. Только я позвоню Аните и скажу ей, что мы запоздаем к ужину.

Катарина вызвала Аниту к телефону, и Пол сказал жене, что они собираются делать.

— Ты уже подумал, что скажешь Кронеру, если

он скажет тебе, что место в Питсбурге все еще свободно?

— Нет, у меня был сумасшедший день.

— Так вот, я все время думала об этом...

— Анита, мне нужно идти.

— Хорошо. Я люблю тебя.

— Я люблю тебя, Анита. До свидания. — Он посмотрел на Финнерти. — Все в порядке. Пошли.

Он чувствовал себя заговорщиком, и это немного подымало настроение. Пребывание с Финнерти обычно оказывало на него такое действие. На Финнерти всегда был налет таинственности, налет причастности к мирам, о существовании которых никто и не подозревает, — человек загадочных исчезновений и столь же загадочных друзей. На самом деле Финнерти допускал Пола к очень немногому из того, что могло считаться необычным, он только давал ему видимость участия в своих загадочных делах, если таковые и были на самом деле. Но и видимости этой было вполне достаточно. Это заполняло пробел в жизни Пола, и он с удовольствием отправлялся выпить с этим странным человеком.

— Я смогу где-нибудь найти вас? — спросила Катарина.

— Нет, боюсь, что нет, — сказал Пол. Он собирался отправиться в Кантри-Клуб, где его очень легко было поймать. Но чисто импульсивно он поддерживал аромат таинственности.

Финнерти приехал сюда в лимузине Пола. Лимузин они оставили у завода и уселись в старую машину Пола.

— Через мост, — сказал Финнерти.

— Я полагал, что мы едем в клуб.

— Ведь сегодня четверг, если я не ошибаюсь. Гражданские власти все еще собираются на свои торжественные обеды по четвергам?

«Гражданскими властями» называли профессиональных администраторов, которые управляли городом. Они жили на том же берегу реки, что управляющие и инженеры Заводов Айлиум, но контакт между этими двумя группами был чисто внешним, и по традиции

они относились друг к другу с подозрением. Раскол этот, как и многие иные вещи, начался еще во время войны, когда экономика в погоне за эффективностью стала монолитной. Тогда-то и встал вопрос, кому следует возглавить ее — бюрократическому аппарату, деловым людям и промышленникам или военным? Бизнес и бюрократия объединились на время, достаточное для того, чтобы оттеснить военных, а затем так и продолжали работать рядом, относясь друг к другу с подозрением и понося друг друга, но, подобно Кронеру и Бэйеру, будучи не в силах тянуть весь воз без взаимной поддержки.

— В Айлиуме не бывает особых изменений, — сказал Пол. — Гражданские власти, конечно, будут там. Но если мы пораньше приедем туда, то сможем занять кабинку в баре.

— Я бы с большим удовольствием занял койку в лепрозории.

— Ладно, тогда отправимся через мост. Только давай я надену что-нибудь более подходящее. — Пол остановил машину перед самым въездом на мост и сменил свой пиджак на куртку, взятую из багажника.

— А я все гадал, переодеваешься ты или нет. Это, кажется, та самая куртка, правда?

— Привычка.

— А что бы сказал по этому поводу психиатр?

— Он бы сказал, что это бунт против отца, который никогда нигде не появлялся без цилиндра и двубортного сюртука.

— Полагаешь, он был прохвостом?

— Откуда мне знать, каким был мой отец? Издатель «Кто есть кто» знает об этом тоже не больше моего. Отец ведь почти никогда не бывал дома.

Теперь они уже ехали по Усадьбе. Вспомнив что-то, Пол вдруг щелкнул пальцами и свернул на боковую улицу.

— Мне на минутку нужно остановиться подле управления полиции. Подождешь?

— А в чем дело?

— Да почти выскочило из головы. Кто-то спер мой

пистолет из отделения для перчаток, но, может, он и выпал, я и сам не знаю.

— Езжай дальше.

— Да ведь это только на минутку.

— Я его взял.

— Ты? Зачем?

— Мне пришла в голову мысль: а не застрелиться ли мне, — Финнерти сказал это самым обычным тоном. — Я даже сунул дуло в рот и подержал его там со взведенным курком минут десять.

— А где он сейчас?

— Где-то на дне Ирокеза. — Финнерти облизал губы. — Весь обед я чувствовал привкус металла и смазки во рту. Сверни налево.

Пол уже приучился спокойно выслушивать рассказы Финнерти о таких мрачных моментах. Когда он бывал в обществе Финнерти, ему нравилось делать вид, что он разделяет его фантастические — то светлые, то мрачные — мысли так, словно он тоже был недоволен своей относительно спокойной жизнью. Финнерти часто и очень просто говорил о самоубийстве; но, по-видимому, он это делал только потому, что ему было приятно распространяться на эту тему. Если бы ему действительно хотелось убить себя, он был бы давно мертв.

— Ты думаешь, я сумасшедший? — сказал Финнерти.

Очевидно, ему хотелось более горячего проявления чувств со стороны Пола.

— Приступ у тебя еще и сейчас не прошел. Полагаю, в этом все дело.

— Едва ли, едва ли.

— Психиатр мог бы тебе помочь. Тут есть один очень хороший в Олбани.

Финнерти отрицательно покачал головой.

— Он опять поместит меня в центр, а я хочу остаться как можно ближе к грани, но не переваливая за нее. Там, на грани, можно разглядеть многие вещи, которых не рассмотришь из центра. — Он покачал головой. — Это большие и немислимые вещи — люди, находящиеся у грани, видят их первыми. — Он поло-

жил руку на плечо Полу, и Полу пришлось побороть в себе желание оказаться за тридевять земель отсюда.

— А вот как раз то, что нам нужно, — сказал Финнерти. — Поставь машину здесь.

Они объехали вокруг нескольких кварталов и сейчас вернулись обратно почти к самому въезду на мост, к тому же салуну, в который Пол заходил за виски. У Пола с этим местом были связаны неприятные воспоминания, и он предпочел бы поехать в какое-нибудь другое место, но Финнерти уже вышел из машины и направился к салуну.

С облегчением Пол увидел, что улица и салун почти пусты, значит, вполне возможно, что он не встретит здесь никого из тех, кто наблюдал вчерашнюю сцену. Брандспойт не работал, но издалека, со стороны парка Эдисона, доносилась музыка — по-видимому, все сейчас перекочевали туда.

— Эй, у вас разбита передняя фара, — сказал какой-то человек, выглядывая из дверей салуна.

Пол быстро прошел мимо него, даже хорошенько не разглядев, кто это.

— Спасибо.

Только догнав Финнерти во влажном полумраке салуна, он оглянулся и еще раз посмотрел на этого человека — на его куцую пирокую спину. Шея у человека была толстая и красная, а над ушами поблескивали дужки стальной оправы очков. Пол понял, что это тот самый человек, который сидел рядом с Гертцем — человек, сыну которого только что исполнилось восемнадцать лет. Пол вспомнил, что, поддавшись минутной слабости, он пообещал поговорить о его сыне с Мэтисоном, заместителем директора по личному составу. Но, может быть, он так и не узнал Пола. Пол прошмыгнул вслед за Финнерти в кабинку в самом темном углу зала.

Человек обернулся с улыбкой, глаза его полностью терялись за туманными толстыми линзами очков.

— А, добро пожаловать, доктор Протеус. Не часто случается оказать услугу человеку с вашим положением.

Пол сделал вид, что не расслышал его, и обратил все свое внимание на Финнерти, который все вертел и вертел ложкой в сахарнице. Кучка белых крупинок просыпалась, и Финнерти с отсутствующим видом чертил на них кончиком пальца математический знак бесконечности.

— Знаешь, забавно — я ждал от этой встречи с тобой, по-видимому, того, чего ждут от долгожданных встреч. Я думал, что свидание с тобой каким-то образом утрясет все проблемы и даст моим мыслям какое-то одно направление, — сказал Финнерти. Он так говорил о своих немногочисленных духовных привязанностях, что Полу становилось неловко. Описывая свои чувства, он пользовался такими словами, какими Пол никогда не решился бы воспользоваться, говоря о своем друге: «любовь», «чувство» — все те слова, которыми пользуются обычно юные и неопытные влюбленные. Но здесь не было и налета гомосексуализма — это было архаическое выражение дружбы в устах недисциплинированного человека в столетии, когда большинство мужчин смертельно боятся, чтобы их хотя бы на секунду не заподозрили в женственности.

— Мне кажется, я тоже ждал от этого какого-то второго рождения, что ли, — сказал Пол.

— И ты очень скоро убедился, что старые друзья — всего только старые друзья, и ничего больше — они не умнее остальных и на большее не способны. Ну, черт с ним, со всем этим, тем не менее я все-таки чертовски рад опять встретиться с тобой.

— Кабинки обслуживаются с восьми! — крикнул им бармен.

— Я принесу, — сказал Финнерти. — Что тебе?

— Бурбон с водой. Сделай послабее. Анита нас ждет через час.

Финнерти вернулся с двумя высокими стаканами.

— А воду в него добавили? — сказал Пол.

— В них и так достаточно воды, — Финнерти ладонью смахнул со стола сахар. — Все дело в одиночестве, — добавил он, как бы вновь начиная прерванный разговор. — Все дело в одиночестве и неспособности принадлежать к какому-нибудь кругу. Я здесь в преж-

ние времена просто с ума сходил от одиночества и думал, что, может, в Вашингтоне будет лучше, что я найду там множество людей, которыми я когда-то восхищался и к которым меня тянуло. Пол, Вашингтон оказался хуже Айлиума раз в десять. Глупые, самовлюбленные, невежественные, лишенные воображения и чувства юмора люди. А женщины, Пол, — серенькие жены, паразитирующие на славе и могуществе своих мужей.

— Послушай-ка, Эд, — сказал, улыбаясь, Пол, — ведь они же все-таки милые люди.

— А кто не милый? Разве что я. Меня бесит их чувство превосходства, их проклятая иерархия, которая определяет качество людей при помощи машин. Наверх всплывают очень серые люди.

— А вот еще идут! — выкрикнул человек в очках с толстыми стеклами, выглядывая за дверь. Издалека приближались топот марширующих ног и басовое гудение барабана. Шум все нарастал, послышался свисток, и медные трубы оркестра грохнули какую-то мелодию.

Пол и Финнерти устремились к двери.

— Кто это? — стараясь перекричать грохот оркестра, спросил Финнерти у человека в толстых очках.

Тот улыбнулся.

— Секрет. Вряд ли они хотят, чтобы кто-либо знал это.

Во главе процессии, окруженный четырьмя трубами, одетыми в восточные одежды, шел напыщенный серьезный старик, торжественно несущий на вытянутых руках слоновый клык, исписанный загадочными символами. Над ним вздымалось невероятных размеров квадратное знамя в руках у ярмарочного гиганта, окруженного дюжиной арабов в разноцветном тряпье. Знамя это с четырьмя зелеными совами, казалось, должно было все объяснить. Оно было исписано четырьмя строчками давно забытых, а возможно, и только что изобретенных письмен. За знаменем шагала оркестр, наигрывающий арабскую мелодию. Были также и вымпелы с изображением совы, прицепленные к трубам, а надпись на тот случай, если ее кто не заметит на

знамени, повторялась еще на огромном барабане футов двенадцати в диаметре, который везли на тележке.

— Ура, — тихо произнес человек в очках с толстыми стеклами.

— А почему вы приветствуете их? — спросил Финнерти.

— А вам не кажется, что кто-то обязан это сделать? Особенно в отношении Люка Люббока. Это тот, что идет с клыком.

— Чудесное занятие, — сказал Финнерти. — А что он из себя представляет?

— Секрет. Если он скажет, это перестанет быть секретом.

— Он выглядит очень важным.

— Но клык все-таки важнее.

Парадная процессия завернула за угол, послышались свистки, и музыка умолкла. Потом в конце улицы опять раздался свист, и все началось сызнова, когда группа одетых в шотландские юбочки волынщиков показалась вдали.

— В парке проводится соревнование участников парадов, — сказал человек в очках с толстыми стеклами. — Вот так они и будут маршировать здесь часами. Давайте вернемся в салун и выпьем.

— За наш счет? — спросил Финнерти.

— А за чей же еще?

— Погодите, — сказал Пол, — это должно быть интересным.

Какой-то автомобиль только что появился со стороны северного берега реки, и его водитель раздраженно сигнализировал марширующим, которые загораживали ему дорогу. Сирена автомобиля и волынки вопили друг на дружку, пока последние шеренги марширующих не свернули на боковую улицу. Пол слишком поздно узнал сидящего за рулем человека и не успел спрятаться. Шеферд удивленно и с некоторым осуждением уставился на него, помахал неопределенно рукой и проехал. Из заднего окна выглядывали маленькие глазки Фреда Беррингера.

Пол решил не придавать никакого значения этому инциденту. Он уселся в кабинке с плотным коротыш-

кой, а Финнерти отправился за новой порцией спиртного.

— Как ваш сын? — спросил Пол.

— Сын, доктор, ах да, конечно, мой сын. Вы говорили, что собираетесь поговорить с Мэтисоном относительно него, не так ли? Так что же сказал старина Мэтисон?

— Я его еще не видел. Как-то случай не подвернулся.

Человек покачал головой.

— Мэтисон, Мэтисон, под этой холодной внешностью скрывается ледяное сердце. Да, теперь уже нет необходимости разговаривать с ним. С моим мальчиком все утряслось.

— В самом деле? Очень рад слышать.

— Да, он повесился сегодня утром на кухне.

— Господи!

— Да, я передал ему все, что вы мне сказали вчера, и это было настолько безнадежно, что он сдался. Это ведь лучший выход. Нас здесь слишком много. Выпьем! Вы проливаете свое виски!

— Что здесь происходит? — спросил Финнерти.

— Да я рассказывал доктору, что мой сын не видел причин оставаться в живых и сдался сегодня утром — на шнуре от утюга.

Пол закрыл глаза.

— Боже мой, какой ужас!

Человек посмотрел на Пола со смесью замешательства и раздражения.

— Вот тебе и раз, и какого только черта я делаю это? Выпейте, доктор, и возьмите себя в руки. У меня нет сына и вообще никогда не было. — Он потряс руку Пола. — Вы слышите меня? Это я так просто.

— Тогда почему бы мне не расколоть вашу дурацкую башку? — сказал Пол, приподымаясь с места.

— Потому что ты уже засел здесь как клин, — сказал Финнерти, толкая его обратно на место. Он придвинул к ним стаканы.

— Простите, — сказал человек в очках Полу. — Мне просто хотелось поглядеть, как работают мозги

у сверхчеловеков. Каков показатель вашего интеллекта, доктор?

— Это есть в списках. Почему бы вам не сходить и не поглядеть?

Да, это действительно было в списках. Показатель интеллекта каждого, измеренный Национальными Стандартными Всеобщими Классификационными Испытаниями, вывешивался публично в Айлиуме — в полицейском участке.

— Ну что ж, продолжайте, — кисло сказал Пол, — поэкспериментируйте надо мной еще немного. Мне это страшно нравится.

— Вы выбрали неудачное подопытное животное, если вы собираетесь узнать, что представляют собой те, что по ту сторону реки, — сказал Финнерти. — Это странный парень.

— Вы ведь тоже инженер?

— Был, пока не ушел.

Человек изумился.

— А знаете, это ведь проливает свет на многое, если только вы меня не разыгрываете. Значит, имеются и недовольные, так?

— Пока мы знаем двух, — сказал Финнерти.

— А знаете ли, я в некотором роде предпочел бы не встречать вас. Намного спокойнее думать об оппозиции как о простой одноликой и абсолютно неправой массе. А теперь мне придется засорять свое мышление исключениями.

— А к кому же вы самого себя причисляете? — спросил Пол. — Надгосударственный Сократ, что ли?

— Фамилия — Лэшер, преподаватель Джеймс Дж. Лэшер, Р-127 и ОН-55. Священник из Корпуса Реконструкций и Ремонта.

— Первый номер, номер протестантского проповедника. А что означает второй, этот «ОН»? — спросил Финнерти.

— Общественные Науки, — сказал Лэшер. — Цифра 55 обозначает магистр антропологии.

— А что делать антропологу в наши дни? — спросил Пол.

— То же самое, что делает и сверхкомплектный

проповедник, — он становится общественным деятелем, скучным человеком или чудаком, а возможно, и бюрократом. — Лэшер переводил взгляд с Пола на Финнерти и обратно. — Вас я знаю, вы доктор Протеус. А вы?

— Финнерти. Эдвард Френсис Финнерти, некогда ИСи-002.

— Это ведь редчайший номер — через два нуля! — сказал Лэшер. — Мне случалось быть знакомым с несколькими людьми с одним нулем, но с двумя я не видел ни разу. Думаю, что это самая высокая квалификация, с которой мне когда-либо приходилось обмениваться дружескими словами. Если бы сам папиринский открыл лавочку в этой стране, то он был бы только на один пункт выше — в серии Р, естественно. У него был бы Р-001. Мне где-то говорили, что номер этот сохраняют за ним, несмотря на возражения предводителей епископальной церкви, которые сами хотят получить Р-001 для себя. Тонкое это дело.

— Они могли дать ему отрицательное число, — сказал Пол.

— Тогда и епископы потребовали бы того же. Мой стакан пуст.

— А что это вы толковали относительно оппозиции, имея в виду людей по ту сторону реки? — сказал Пол. — Вы считаете, что они работают на руку дьяволу, так?

— Нет, это вы уж слишком загнули. Я сказал бы, что вы показали, какую узкую сферу вы оставляете духовным лицам для их деятельности, большинству из них во всяком случае. Когда до войны я беседовал со своей паствой, я обычно наставлял их, что, мол, их духовная жизнь перед лицом бога — главное, а что их роль в экономике ничтожна по сравнению с этим. А теперь вы точно определили их роль в экономике и на рынке. Вот они и обнаружили — по крайней мере большинство из них, — что все оставленное им в удел чуть выше нуля. Во всяком случае, менее чем недостаточно. Мой стакан пуст.

Лэшер вздохнул.

— Так чего же вы ожидаете? — продолжал он. —

Поколениями их приучали обожествлять соревнование и рынок, производительность и экономическую ценность и завидовать своим товарищам, а тут — трах! — и все это выдернуто у них из-под ног. Они больше не участники, они больше не могут быть полезны. Вся их культура провалилась в тартарары. Мой стакан пуст.

— Я его как раз наполнил, — сказал Финнерти.

— О верно, вы уже успели. — Лэшер задумчиво потягивал виски. — Эти сорванные со своих мест люди нуждаются в чем-то, чего церковь не может им дать, или же они просто не могут принять того, что им предлагает церковь. Церковь говорит, что этого достаточно, то же утверждает библия. А люди говорят, что им этого явно недостаточно, и я подозреваю, что они правы.

— Если им нравилась старая система, то почему же они так жаловались на свою работу, когда она у них была? — спросил Пол.

— О, наконец-то мы дошли до этого — это началось уже давно, а не сразу же после войны. Возможно, все дело не в том, что у людей отняли работу, а в том, что их лишили чувства причастности к чему-то, значимости. Зайдите как-нибудь в библиотеку и просмотрите газеты и журналы за период второй мировой войны. Даже тогда велось уже много разговоров о том, что войну выиграли люди, сведущие в области производства — сведущие, а не народ, не средние люди, которые стояли за станками. И самое страшное было то, что во всем этом была изрядная толика правды. Даже тогда половина народа, или даже больше, не очень разбиралась в машинах, на которых им приходилось работать, или в том, какую продукцию они выпускают. Они принимали участие в экономическом процессе, этого никто не отрицает, но не так, чтобы это могло давать удовлетворение их собственному «я». А потом пошла еще и вся эта рождественская реклама.

— Вы это о чем? — спросил Пол.

— Да, знаете, все эти рекламные статейки относительно американской системы, с подчеркиванием роли инженеров и управляющих, которые сделали Америку великой страной. Когда, бывало, прочитаешь такую муру, тебе начинает казаться, что управляющий и ин-

женеры сотворили в Америке все: леса, реки, залежи минералов, горы, нефть — все это их работа.

— Странная штука, — продолжал Лэшер, — этот дух крестоносцев в управляющих и инженерах, эта идея, что конструирование, производство, распределение являются чуть ли не священной войной — вся эта сказка была сварганена людьми, работавшими в отделах информации и рекламных бюро. Их нанимали управляющие и инженеры для того, чтобы популяризировать крупный бизнес в те старые дни, когда популярности ему явно не хватало. А теперь инженеры и управляющие уже чистосердечно уверовали во все высокие слова, сказанные людьми, нанятыми их предшественниками. Вчерашняя выдумка становится сегодня религиозным обрядом.

— Ну хорошо, — сказал Пол, — но вам все же придется признать, что во время войны они совершили и массу великолепных дел.

— Конечно! — согласился Лэшер. — То, что они делали для военной промышленности, действительно в какой-то степени походило на подвижничество крестовых походов; но, — и тут он пожал плечами, — точно так вели себя и все остальные в военной промышленности. Даже я.

— Вы отводите инженерам и управляющим мрачную роль, — сказал Пол. — А что вы скажете относительно ученых? Мне кажется, что...

— Наш разговор их не касается, — нетерпеливо прервал его Лэшер. — Они просто добавляют знаний. Беда не в знаниях, а в том, для чего их используют.

Финнерти восхищенно покивал головой.

— Итак, какой же ответ можно дать сейчас на все это?

— Это страшный вопрос, — сказал Лэшер, — и он-то и является главной причиной моего пьянства. Кстати, это мой последний стакан; я не люблю быть пьяным. Я пью потому, что испуган — испуган, правда, немножко, поэтому-то мне и не следует много пить. Все созрело, джентльмены, для появления ложного мессии, а когда он появится, прольется кровь.

— Мессии?

— Рано или поздно кто-нибудь сообразит и покорит воображение всех этих людей каким-нибудь новым чудом. В основе этого будет лежать обещание восстановить чувство причастности, чувство того, что ты нужен на этой земле, чувство собственного достоинства, черт возьми. Полиция достаточно хитра и, вылавливая таких людей, бросает их за решетку якобы за нарушение законов о саботаже. Однако рано или поздно кому-нибудь удастся укрыться от полиции на продолжительное время для того, чтобы организовать целое течение.

Пол внимательно следил за выражением его лица и решил, что Лэшер не только не боится перспективы восстановления, но ему даже нравится эта идея.

— Ну и что же тогда? — спросил Пол. Он запрокинул свой стакан, и кубики льда постукивали о его зубы. Он только что опорожнил второй стакан, и ему хотелось еще.

Лэшер пожал плечами.

— Черт, пророчества — это крайне неблагоприятное занятие, и история по-своему, ретроспективно, показывает нам, каковы логические решения всяких страшных заварушек.

— Пророчеств-то уж во всяком случае, — сказал Финнерти.

— Что ж, я считаю, что вывешивать для общественного обозрения показатели интеллекта каждого — это трагическая ошибка. Я думаю, что первое, что придет в голову революционерам, — это перебить всех, у кого ПИ выше, скажем, 110. Если бы я был на той стороне реки, я бы велел запереть под замок все книги с записями ПИ, а мосты через реку взорвал бы.

— Затем 100 пойдет вслед за 110, 90 — вслед за 100 и так далее, — сказал Финнерти.

— Возможно. Во всяком случае, что-нибудь в этом роде. Все сейчас подготовлено для классовой войны на сравнительно определенных демаркационных линиях. Я должен сказать, что главная основа нынешнего высокомерия и является главным подстрекателем к насилию: «чем ты доплее, тем ты лучше». Вместо привычного: «чем богаче, тем лучше». Правда, ни то, ни

другое, вы сами понимаете, не подходит для, так сказать, неимущих. Критерий ума лучше денежного критерия, но лучше вот на сколько. — И Лэшпер отмерил примерно одну шестнадцатую своего ногтя.

— И это, пожалуй, самая строгая иерархия, какую только можно придумать, — заметил Финнерти. — Да и как кому-нибудь повисить свой ПИ?

— Вот именно, — сказал Лэшпер. — И дело здесь во все не в том, умен кто-то или нет, дело здесь в определенной направленности этих умственных качеств. Человек не только должен быть умным, он должен быть умным в определенном, сверху утвержденном и полезном направлении; чаще всего в руководстве промышленностью и в инженерном деле.

— Либо вступить в брак с тем, кто умен, — вставил Финнерти.

— Секс все еще в состоянии пробить брешь в любых социальных структурах, в этом вы правы, — согласился Лэшпер.

— Большой бюст позволяет попасть куда угодно, — сказал Финнерти.

— Ну что ж, довольно утешительно знать, что хоть что-то осталось неизменным на протяжении веков, не правда ли? — рассмеялся Лэшпер.

Заметив некоторое замешательство у столика, Лэшпер высунулся из кабинки, чтобы посмотреть, в чем там дело.

— Эй, — крикнул он, — Люк Люббок, идите к нам!

Люк, серьезный старик, несший слоновый клык во главе процессии, прошел к ним, прихлебывая по дороге пиво и нервно поглядывая на часы. Он был потный и задыхался, как человек, которому пришлось только что совершить пробежку. Под мышкой у него виднелся большой сверток, завернутый в коричневую бумагу.

Пол обрадовался возможности изучить вблизи необычный костюм Люка. Как и всякая театральная мишура, наряд этот производил впечатление только на расстоянии. Вблизи становилось понятно, что это просто подделка из дешевой материи, цветного стекла и светящейся краски. На поясе у Люка висел усыпанный

драгоценностями кинжал, сделанный в основном из фанеры с изображением совы на рукоятке. Поддельные рубины величиной с голубиное яйцо осыпали грудь его голубой блузы. На манжетах его блузы и на щиколотках выцветших зеленых панталон были браслеты с маленькими бубенчиками, а на задранных носках золотых туфель — опять-таки пара маленьких сов.

— Люк, вы великолепно выглядите, — сказал Лэшер.

Глаза Люка радостно вспыхнули, но он был слишком важным человеком и притом слишком спешил, чтобы откликаться на лесть.

— Это уж слишком, слишком, — сказал он, — сейчас мне нужно переодеться для церемониального марша вместе с пармезанцами. Они ждут меня на улице, и мне нужно сменить наряд, а какой-то идиот заперся в кабинке, и мне негде переодеться. — Он быстро огляделся. — Разрешите мне войти в вашу кабину и заслоните меня, пожалуйста.

— Конечно, — сказал Финнерти.

Они дали Люку возможность пробраться в самый темный угол кабины, и Пол вдруг поймал себя на том, что злобно оглядывается в поисках женщин.

Люк принял разоблачаться, бормоча что-то про себя. Он с изрядным грохотом бросил пояс с кинжалом на стол. Блестящая куча все росла и росла. Издалека ее можно было принять за радугу.

Забыв о женщинах, Пол глянул на Люка и был поражен происшедшей метаморфозой. Люк был сейчас в одном белье, поношенном, желтовато-сером и не очень чистом. Он как-то сжался, погрузнел, стал костлявым, шишковатым. Вид у него был покорный, он совсем не говорил и старался ни с кем не встречаться глазами. Жадно, с каким-то отчаянием он распаковал коричневый сверток и вынул из него светло-голубой наряд с золотым шитьем, отделанный алым кантом. Он натянул брюки, сюртук с пышными эполетами и ботинки. Люк вырос на глазах, набирал красок и, пристегнув саблю, опять стал разговорчивым, вежливым и сильным. Он завернул только что снятый наряд в коричневую бумагу, оставил пакет у барме-

на и двинулся на улицу, размахивая обнаженным клинком.

Раздались свистки, и пармезанцы сомкнули свои ряды, готовые идти за ним к славным делам в сказочном мире, о котором люди, стоящие на тротуарах, могут только строить предположения.

— Безобидное волшебство: старомодное доброе шаманство, — усмехнулся Лэшер. — Можете говорить что угодно о вашей иерархии, но Люк с его ПИ около 80 имеет титулы, по сравнению с которыми Карл Великий казался бы чем-то вроде кухонного мальчишка. Но подобное занятие очень быстро теряло смысл для всех, за исключением нескольких люков люббоков. Карточный домик рушится, и наступает страшное похмелье. — Он встал. — Нет, не наливайте мне больше. — Он постучал по столу. — Но в один прекрасный день, джентльмены, кто-то даст им то, во что они смогут впиться зубами — возможно, вас, а может быть, и меня.

— Мы дадим им то, во что они смогут впиться зубами? — спросил Пол. Он заметил, что слова ему даются с трудом.

— Вы как раз и будете тем, во что они вопьются, — Лэшер положил руку на плечо Полу, — и еще одно: я хочу, чтобы вы на самом деле поняли, что людей действительно беспокоит вопрос, как быть их сыновьям и как жить им дальше; и что некоторые сыновья вешаются на самом деле.

— Это старо, как жизнь.

— И так? — сказал Лэшер.

— И так, это очень плохо. Я отнюдь не проявляю радости по этому поводу, — сказал Пол.

— Вы намерены стать новым мессией? — осведомился у Лэшера Финнерти.

— Иногда я думаю, что я бы не прочь, но только в порядке самообороны. Кроме того, это не плохая возможность разбогатеть. Но дело в том, что я не люблю бросаться очертя голову. Я прихожу к чему-нибудь после длительных рассуждений. А это довольно плохо для мессии. И кроме того, приходилось ли вам когда-нибудь слышать о мессии маленьком, толстом, средних лет да еще и с плохим зрением? И у меня нет подхо-

да. Честно говоря, массы меня раздражают, и мне кажется, что я не умею это скрывать, — он пощелкал языком. — Мне, наверное, нужно приобрести себе мундир, тогда я буду знать, что я думаю и за что я выступаю.

— Или два мундира, как Люку Люббоку, — сказал Пол.

— Можно и два. Но это максимум, который может позволить уважающий себя человек. — Лэшер отхлебнул из стакана Пола. — Ну что ж, спокойной ночи.

— Выпейте еще, — сказал Финнерти.

— Нет, я в самом деле не хочу. Я не люблю пить.

— Хорошо. Но, во всяком случае, я хочу еще встретиться с вами. Где я могу вас найти?

— Скорей всего здесь. — Он написал адрес на бумажной салфетке. — Или попытайтесь здесь. — Он внимательно пригляделся к Финнерти. — А знаете, отмойте получше ваше лицо, и вы отлично сойдете за мессию.

На лице Финнерти отразилось изумление, но он не рассмеялся.

Лэшер взял со стойки крутое яйцо и разбил его, прокатил по клавиатуре механического пианино. Затем он вышел на вечернюю улицу.

— Он великолепен, не правда ли? — восхищенно сказал Финнерти.

Он медленно перевел глаза с двери салуна на Пола. Пол увидел в его глазах налет скуки и разочарования и понял, что Финнерти нашел нового друга, рядом с которым он, Пол, выглядит бледно.

— Что заказывают джентльмены? — спросила низенькая черная официантка с плотной и аккуратной фигурой.

Ожидая их ответа, она не сводила глаз с экрана телевизора. Звук здесь, по-видимому, вообще никогда не включали — только изображение. Озабоченный молодой человек в длинном спортивном пиджаке метался по экрану и дул в саксофон.

Салун наполнялся, многие яркие, разодетые участники маршей пришли сюда освежиться и внесли с собой атмосферу всеобщего беспокойства и увлеченности.

Небольшого роста молодой человек в костюме муфтия* с необычайно умными, большими глазами, облокотившись на столик в кабине Пола и Эда, взглядывался в экран телевизора, казалось, с необычайным интересом. Невзначай обернувшись к Полу, он спросил:

— Как вы думаете, что он играет?

— Простите?

— Этот парень на экране — как называется песня?

— Я не слышу его.

— Я знаю, — нетерпеливо сказал молодой человек, — в том-то и дело. Угадайте только по виду.

Пол с минуту, морщась, глядел на экран, покачиваясь в такт саксофонисту и стараясь подобрать песню к ритму. Неожиданно что-то щелкнуло у него в голове, и в воображении его заструилась мелодия так уверенно, как будто звук включили.

— «Розовый бутон», — сказал он, — песенка называется «Розовый бутон».

Молодой человек спокойно улыбнулся.

— «Розовый бутон», да? Может, мы просто так, для смеха, заключим пари? Я, например, сказал бы, что это — ммм... ну ладно — «Лунный рай».

— На сколько?

Молодой человек оценивающе глянул на куртку Пола, а затем с некоторым удивлением на его дорогие брюки и ботинки.

— Десятку?

— На десять. Клянусь богом, это «Розовый бутон».

— Как он сказал, Элфи? Что это? — крикнул бармен.

— Он говорит, что это «Розовый бутон», а я — «Лунный рай». Включи-ка звук.

Заключительные аккорды «Лунного рая» послышались из репродуктора, саксофонист скорчил рожу и исчез с экрана. Бармен восхищенно подмигнул Элфи и опять выключил звук.

Пол вручил Элфи десятку.

— Поздравляю.

* Муфтий — ученый-богослов у мусульман.

Элфи уселся в их кабине без приглашения. Он смотрел на экран, выпуская носом дым и прикрыв глаза.

— А как вы считаете, что они играют сейчас?

Пол решил сосредоточиться и вернуть свои деньги. Он пристально вглядывался в экран и не торопился. Сейчас был виден весь оркестр, и хотя Пол уже был уверен, что уловил мелодию правильно, он все еще поглядывал то на одного, то на другого музыканта.

— Это старое, что-то очень старое, — сказал он. — Это «Звездная пыль».

— Ставьте десятку на «Звездную пыль»?

— Ставлю.

— Элфи, что это? — выкрикнул бармен.

Элфи указал пальцем на Пола.

— А он хитер. Он говорит, что это «Звездная пыль», и я понимаю, почему он так думает. Прав он и в том, что это старая вещь, но только он не ту назвал. «Синяя песня» — вот как она называется. — Он с сочувствием поглядел на Пола. — Это очень трудная штука. — И он щелкнул пальцами.

Бармен повернул регулятор, звуки «Синей песни» заполнили воздух.

— Здорово! — сказал Пол и повернулся к Финнерти за подтверждением.

Финнерти углубился в собственные мысли, и губы его чуть шевелились, как бы ведя воображаемый разговор. Несмотря на шумное, взволнованное поведение Элфи, он, по-видимому, просто не заметил его.

— Приноровился, — скромно сказал Элфи. — Как и ко всему другому. Знаете, если долго заниматься чем-нибудь, потом получаются удивительные результаты. Я даже не мог бы сказать вам, то есть подробно объяснить, как это у меня получается. Будто еще одно чувство — просто начинаешь чувствовать.

Бармен, официантка и несколько посетителей умоляли, чтобы не пропустить слова Элфи.

— Есть тут и свои штучки, — сказал Элфи. — Нужно следить за барабаном вместо того, чтобы присматриваться к тому, что этот малый выделяет на трубе. Так вы улавливаете основной ритм. Видите ли, многие следят за трубами, а трубач может как раз да-

вать вариации. Научиться такому невозможно. А кроме того, тогда нужно знать инструменты — как они дают высокую ноту, как — низкую. Ну и этого недостаточно. — В голосе его слышались уважительные, почти благоговейные, нотки. — Выходит так, будто благодать какая-то на тебя нисходит.

— Классику он тоже угадывает, — радостно заявил бармен. — Вы бы только поглядели на него воскресными вечерами, когда играет бостонский оркестр.

Элфи нетерпеливо вытащил сигарету из пачки.

— Да, классику тоже, — проговорил он, морщась и беспощадно выкладывая перед Полом свои внутренние сомнения. — Да, мне просто повезло в прошлое воскресенье, когда ты меня видел. Но не знаю их репертуара. Тут хоть на голову встань, а не ухватишь мелодии в середине произведения, если это классика. Да и разработать их репертуар чертовски трудно, ведь иногда ждешь целый год, а то и два, чтобы услышать вторично одну и ту же вещь. — Он протер глаза, как бы вспоминая часы, проведенные им в напряжении перед экраном. — Приходится смотреть, как они наяривают, наяривают и наяривают. И постоянно они играют что-нибудь новое, а многие из них воруют что-то из старого.

— Сложно, да? — сказал Пол.

Элфи поднял брови вверх.

— Конечно трудно, как и все остальное. Трудно быть лучшим.

— Бывают жучки, которые пытаются прорваться, но им далеко до Элфи, — сказал бармен.

— Они хороши по-своему: обычно они быстро действуют, — сказала Элфи. — Это, знаете, когда выходит новый номер и еще никто его не слышал, тут-то они и урывают кусок. Но ни один из них не может этим прокормить себя, это уж точно. Репертуара у них нет, вот у них и получается — день так, день эдак.

— А вы живете этим? — спросил Пол. Он еще полностью не избавился от чувства раздражения, и негодование целиком охватило его.

— Да, — холодно произнес Элфи, — это моя профессия. Доллар здесь, десять центов там...

— Двадцать долларов здесь, — сказал Пол. Это несколько смягчило его чувство.

Бармен старался поддерживать дружескую атмосферу.

— Элфи начал с того, что был монополистом, правда, Элфи? — живо вмешался он.

— Да. Но желающих слишком много. Это занятие для десяти, ну пускай — двадцати человек. А нас сейчас сотни две. Армия и КРРах уже чуть было не сцапали меня, поэтому я и оглядывался по сторонам, пытаясь подыскать что-нибудь более подходящее. Забавно, что я, вовсе не думая об этом, проделывал эти штуки с самого детства. Мне следовало бы сразу заняться этим делом. Кррахи, — презрительно проговорил он, видимо припоминая, насколько близок он был к тому, чтобы оказаться втянутым в КРР. — Армия! — добавил он и сплюнул.

Несколько солдат и много из КРР слышали, как он оскорблял их организации, но они только согласно кивали головами, полностью разделяя его презрение.

Внимание Элфи снова привлек экран.

— «Детка, милая детка», — сказал он. — Новинка.

Он заторопился к бару, чтобы более тщательно изучить движения оркестра. Бармен положил руку на регулятор громкости и внимательно следил за знаками Элфи. Элфи приподнимал бровь, и бармен включал звук. Послушав несколько секунд, Элфи кивал, и звук опять отключался.

— Что заказываете, ребята? — сказала официантка.

— Хмм? — отозвался Пол, все еще с любопытством следя за Элфи. — О, бурбон с водой, пожалуйста. — Сейчас он ставил опыты со своими глазами и обнаружил, что они плохо его слушаются.

— Ирландское виски с водой, — сказал Финнерти. — Ты голоден?

— Да, принесите нам пару крутых яиц, пожалуйста.

Настроение у Пола было отличным, он чувствовал, что тесные узы братства связывают его с людьми в этом салуне, а если идти дальше, то и со всем чело-

вечеством, с целой вселенной. Он чувствовал себя мудрым, стоящим на пороге какого-то блестящего открытия. И тут он припомнил:

— Боже мой, Анита!

— Где Анита?

— Дома, ждет нас...

Он пошел через зал, неуверенно держась на ногах, бормоча извинения и раскланиваясь со всеми встречаемыми. Так он добрался до телефонной будки, которая все еще хранила запах сигары предыдущего своего обитателя, и позвонил домой.

— Послушай, Анита, я не приеду к обеду. Мы с Финнерти заговорились и...

— Все в порядке, дорогой. Шефферд сказал мне, чтобы я не ждала.

— Шефферд?

— Да, он видел тебя там и сказал мне, что не похоже, чтобы ты скоро попал домой.

— А когда ты его видела?

— А он сейчас здесь. Он пришел извиниться за вчерашний вечер. Все уже улажено, и мы очень хорошо проводим время.

— О? Ты приняла его извинения?

— Мы, можно сказать, пришли к взаимопониманию. Он боится, что ты представишь его в плохом виде перед Кронером, и я сделала все, что было в моих силах, чтобы заставить его думать, будто ты всерьез намерен это предпринять.

— Так послушай же, я совсем не собираюсь выставлять в плохом виде этого...

— Это ведь его метод. С огнем нужно бороться при помощи огня. Я заставила его пообещать, что он не будет распространять о тебе никаких сплетен. Разве ты не гордишься мной?

— Да, конечно.

— Теперь тебе следует наседать на него, не давать ему успокоиться.

— Угу.

— А теперь продолжай свое дело и хорошенько развлекись. Иногда тебе бывает полезно вырваться.

— Угу.

— И пожалуйста, заставь как-нибудь Финнерти уехать.

— Угу.

— Разве я пилю тебя?

— Нет.

— Пол! Тебе ведь не хочется, чтобы я была безразлична к твоим делам?

— Нет.

— Хорошо. А теперь пей и постарайся напиться. Это пойдет тебе на пользу. Только поешь чего-нибудь. Я люблю тебя, Пол.

— Я люблю тебя, Анита.

Он повесил трубку и повернулся лицом к миру, видневшемуся сквозь мутное стекло телефонной будки. Одновременно с легким головокружением к нему пришло ощущение новизны — новое и сильное чувство солидарности, идущее изнутри. Это была всеобъемлющая любовь, особенно к маленьким людям, простым людям, господи благослови их всех. Всю свою жизнь он был скрыт от них стенами своей железной башни. И вот сейчас, этой ночью, он пришел к ним разделить их надежды и разочарования, понять их стремления, вновь открыть для себя их красоту и их земную ценность. Это было настоящее — этот берег реки, и Пол любил этих простых людей, он хотел оказать им помощь и дать им понять, что их любят и понимают, но ему хотелось также, чтобы и они, в свою очередь, любили его.

Когда он вернулся обратно в кабину, с Финнерти сидели две молодые женщины, и Пол немедленно полюбил их.

— Пол... разреши представить тебе мою кузину Агнесу из Детройта, — сказал Финнерти. Он положил руку на колено полной веселой рыжеголовой женщины, сидевшей рядом с ним. — А это, — сказал он, указывая через стол на высокую некрасивую брюнетку, — это твоя кузина Агнеса.

— Здравствуйте, Агнеса и Агнеса.

— Вы что — такой же тронутый, как и он? — подозрительно спросила брюнетка. — Если да, то я собираюсь домой.

— Пол — хороший, чистый, любящий американские развлечения парень, — сказал Финнерти.

— Расскажите мне о себе, — горячо попросил Пол.

— Меня зовут не Агнеса, а Барбара, — сказала брюнетка. — А ее Марта.

— Что будете заказывать? — спросила официантка.

— Двойное шотландское с содовой, — сказала Марта.

— Мне тоже, — сказала Барбара.

— Четыре доллара за напитки для дам, — сказала официантка.

Пол дал ей пятерку.

— Ух ты, господи! — воскликнула Барбара, глядя на удостоверение в бумажнике Пола. — А ведь этот малый инженер!

— Вы с той стороны реки? — спросила Марта у Финнерти.

— Мы дезертиры.

Девушки отодвинулись и, упираясь спинами в стены кабины, с удивлением смотрели на Пола и Финнерти.

— Черт побери, — произнесла, наконец, Марта, — о чем вы хотите, чтобы мы разговаривали? У меня в школе были хорошие отметки по алгебре.

— Мы простые парни.

— Что будете заказывать? — спросила официантка.

— Двойное шотландское с водой, — сказала Марта.

— Мне тоже, — сказала Барбара.

— Иди сюда и плюнь на все, — сказал Финнерти, притягивая опять к себе Марту.

Барбара все еще сидела, отодвинувшись от Пола, и неприязненно глядела на него.

— А что вы делаете здесь, — приехали посмеяться над глупыми простачками?

— Мне здесь нравится, — честно сказал Пол.

— Вы смеетесь надо мной.

— Честно, я совсем не смеюсь. Разве я сказал что-нибудь обидное?

— Вы это думаете, — сказала она.

— Четыре доллара за напитки для дам, — сказала официантка.

Пол опять уплатил. Он не знал, что ему еще сказать Барбаре. Ему вовсе не хотелось заигрывать с ней. Ему просто нужно было, чтобы она была дружелюбной и компанейской и чтобы она поняла, что он совсем не важничает. Отнюдь нет.

— Когда дают диплом инженера, не кастрируют, — говорил Финнерти Марте.

— Свободно могли бы кастрировать, — сказала Марта. — Если говорить о некоторых мальчишках, которые приезжают к нам с того берега, так можно подумать, что их и в самом деле кастрировали.

— Это более поздние выпуски, — сказал Финнерти. — Им, может, и не требуется этого.

Чтобы создать более интимную и дружескую атмосферу, Пол взял один из стаканчиков Барбары и отхлебнул из него. И тут до него дошло, что стаканы дорогого шотландского виски, которые подавались к ним на стол, как из рога изобилия, содержали просто окрашенную в коричневый цвет воду.

— Слабовато, — сказал он.

— А ты что — ждешь, что я умру от раскаяния? — сказала Барбара. — Пусти меня отсюда.

— Не нужно, прошу тебя. Все в порядке. Просто поговори со мной. Я понимаю.

— Что будете заказывать? — спросила официантка.

— Двойное шотландское с водой, — сказал Пол.

— Хочешь, чтобы я себя чувствовала неловко?

— Я хочу, чтобы ты чувствовала себя хорошо. Если тебе нужны деньги, я хотел бы помочь. — Он говорил от чистого сердца.

— Ишь какой лихач, заботься о себе, — сказала Барбара. Она беспокойно оглядывала зал.

Веки Пола становились все тяжелее, тяжелее и тяжелее, пока он пытался обдумать фразу, которая сложила бы лед между ним и Барбарой. Скрестив руки, он положил их на стол и, только чтобы передохнуть на минутку, опустил на них голову.

Когда он снова открыл глаза, Финнерти расталкивал его, а Барбары и Марты уже не было. Финнерти помог ему выбраться на тротуар подышать свежим воздухом.

На улице стоял шум, все было освещено каким-то колдовским светом. Пол сообразил, что происходит что-то вроде факельного шествия. Он принялся выкрикивать приветствия, когда узнал Люка Люббока, которого проносили мимо него на носилках.

Когда Финнерти водворил его обратно в кабину, в сознании у Пола начала формироваться речь, самородок, найденный на дне туманных впечатлений вечера; речь эта оформлялась и набирала духовный блеск совершенно помимо его воли. Стоило ему только произнести ее, чтобы стать новым мессией, а Айлиум превратиться в новый Эдем. Первая фраза уже вертелась у него на устах, пытаясь вырваться наружу.

Пол вскарабкался на скамейку, а с нее на стол. Он высоко поднял руки над головой, призывая к вниманию.

— Друзья! Друзья мои! — выкрикнул он. — Мы должны встретиться посреди моста!

Хрупкий стол подломился под ним. Он услышал треск сломанного дерева, чьи-то выкрики, а потом погрузился в темноту.

Первое, что он услышал, очнувшись, был голос бармена.

— Пошли, пошли, время закрывать. Мне нужно запереть, — заботливо говорил бармен.

Пол уселся и застонал. Во рту у него пересохло, голова болела. Столик исчез из кабины, и только обвалившаяся штукатурка да головки винтов указывали на место, где он когда-то был прикреплен к стене.

Салун выглядел опустевшим, но воздух все равно был наполнен лязгающими звуками. Пол выглянул из кабины и увидел, что человек моет пол шваброй. Финнерти сидел за механическим пианино и яростно импровизировал что-то на старом расстроенном инструменте.

Пол с трудом дотащился до пианино и положил Финнерти на плечо руку.

— Пошли домой.

— Я остаюсь! — выкрикнул Финнерти, продолжая колотить по клавишам. — Иди домой.

— А где же ты собираешься остаться?

И тут только Пол заметил Лэшера, который скромно сидел в тени, прислонив стул к стене. Лэшер постучал по своей толстой груди.

— У меня, — произнес он одними губами.

Финнерти, не говоря ни слова, подал Полу на прощание руку.

— Порядок, — легко сказал Пол. — Пока.

Спотыкаясь, он вышел на улицу и отыскал свою машину. На минуту он приостановился, вслушался в дьявольскую музыку Финнерти, отражающуюся эхом от фасадов домов спящего города. Бармен почтительно держался в сторонке от взбесившегося пианиста, не решаясь прервать игру.

Х После ночи, проведенной с Финнерти и Лэшером, с добрыми маленькими людьми — Элфи, Люком Люббоком, барменом, Мартой и Барбарой, — доктор Пол Протеус проснулся, когда солнце уже здорово перевалило за полдень. Аниты дома не было, и он с пересохшим ртом, воспаленными глазами и желудком, будто битком набитым кошачьей шерстью, отправился на свой ответственный пост на Заводах Айлиум.

Глаза доктора Катарины Финч, его секретаря, были воспаленными совсем по иной, чем у Пола, причине, по причине, которая занимала ее настолько, что ей недосуг было заниматься подобным же состоянием Пола.

— Звонил доктор Кронер, — механически сказала она.

— О? Он хотел, чтобы я ему позвонил?

— Доктор Шеферд подошел к телефону.

— Да? Что-нибудь еще?

— Полиция.

— Полиция? А им что нужно?

— Доктор Шеферд подошел к телефону.

— Ладно. — Ему все казалось горячим, светящимся и усыпляющим. Он присел на краешек ее стола и передохнул. — Попросите-ка этого сторонника конкуренции к телефону.

— Это ни к чему. Он сейчас в вашем кабинете.

Мрачно прикидывая, по поводу каких жалоб, недочетов или нарушений правил захотел его увидеть Шеферд, Пол бодро распахнул дверь своего кабинета.

Шеферд сидел за столом Пола, погрузившись в подписывание целой пачки докладных. Он не поднял глаз. Все еще не отрывая взгляда от кипы бумаг, он энергично включил интерком.

— Мисс Финч...

— Да, сэр?

— Я по поводу месячного доклада о состоянии безопасности: говорил вам что-нибудь доктор Протеус относительно того, что он собирается делать с этим вчерашним допуском Финнерти на территорию завода без сопровождающего?

— Я и рта не раскрою по этому поводу, — сказал Пол.

Шеферд глянул на него снизу вверх с наигранной радостью и удивлением.

— О волке помолвка... — он даже не сделал попытки освободить место Пола.

— Скажи-ка, — продолжал он с налетом дружеского участия в голосе, — я думаю, что после вчерашнего у тебя еще трещит голова, а? Нужно было взять свободный день. Я достаточно хорошо знаю дело и мог бы тебя заменить.

— Спасибо.

— Не стоит благодарности. Ничего особенного.

— Я хотел, чтобы Катарина присмотрела здесь за всем и, если нужно, вызвала меня.

— А ты знаешь, что подумал бы об этом Кронер? Не стоит нарываться на неприятности, Пол.

— Не скажешь ли ты мне, чего хотел Кронер?

— О, конечно, скажу, он хотел, чтобы ты вместо четверга пришел к нему сегодня вечером. Завтра вечером ему нужно быть в Вашингтоне, и он останется там до конца недели.

— Ну и чудесно. А какие приятные новости приготовила мне полиция?

Шеферд благодушно рассмеялся.

— Какая-то белиберда. Они всполошились отно-

сительно пистолета, который они нашли у реки. Проверка показала, что согласно номеру на этом пистолете он закреплен за тобой. Я им сказал, чтобы они еще раз проверили, — человек, у которого достаточно ума, чтобы управлять Заводами Айлиум, не так глуп, чтобы швыряться пистолетами.

— Здорово ты их, Шеф. Не возражаешь, если я позвоню?

Шеферд пододвинул через стол телефон и продолжал ставить подписи: «Лоусон Шеферд за отсутствием П. Протеуса».

— Ты ему сказал, что я с похмелья?

— Что ты, Пол. Я отлично прикрыл тебя.

— А что ты ему сказал?

— Нервы.

— Грандиозно! — Катарина как раз соединяла кабинет Кронера с Полом.

— Доктор Протеус из Айлиума хочет поговорить с доктором Кронером. Он звонит в ответ на звонок доктора Кронера, — сообщила Катарина.

Сегодняшний день не годился для правильных оценок. Пол готов был на всякие неприятности с Кронером, Шефердом и полицией и относился ко всему этому с какой-то апатией. А вот сейчас его взбесила церемония отнимающего массу времени телефонного этикета, взбесила помпезность и условность, с любовью поддерживаемая занимающими высокие должности сторонниками максимальной эффективности.

— Доктор Протеус у телефона? — спросила секретарь Кронера. — Доктор Кронер у себя.

— Минуточку, — сказала Катарина. — Доктор Протеус, доктор Кронер у себя и будет разговаривать с вами.

— Хорошо. Я у телефона.

— Доктор Протеус на линии, — сказала Катарина.

— Доктор Кронер, доктор Протеус на линии.

— Пусть разговаривает, — сказал Кронер.

— Скажите доктору Протеусу, пусть разговаривает, — сказала секретарь Кронера.

— Доктор Протеус, разговаривайте, пожалуйста, — сказала Катарина.

— Это доктор Протеус, доктор Кронер. Я звоню в ответ на ваш звонок. — Маленький звоночек зазвонил: «тинк-тинк-тинк», давая ему знать, что разговор его записывается на пленку.

— Шефферд сказал мне, мальчик, что у тебя неважно с нервами.

— Это не совсем так. По-видимому, я подхватил какой-то вирус.

— Сейчас много летает этой гадости. Ну как, достаточно ли хорошо ты себя чувствуешь, чтобы прийти ко мне сегодня вечером?

— С превеликим удовольствием. Нужно ли мне что-нибудь принести с собой — какие-нибудь материалы, которые вы хотели бы со мной обсудить?

— Вроде Питсбурга? — подсказал Шефферд театральным шепотом. — Нет, это совершенно частный визит, Пол, — просто хорошенько поболтаем, и все. Нам уже давно не удавалось хорошенько поболтать. Мама и я, мы хотим повидать тебя совершенно частным образом.

Пол прикинул. Его не приглашали частным образом к Кронеру уже целый год, с того момента, как он получил свое последнее повышение.

— Это звучит очень соблазнительно. В котором часу?

— В восемь — восемь тридцать.

— Анита тоже приглашена? — Это была ошибка. Он брякнул это, не подумав.

— Конечно! Надеюсь, ты не наносишь частных визитов без нее, не так ли?

— О, конечно, нет, сэр.

— Я надеюсь. — Кронер покровительственно рассмеялся. — Ну, до свидания.

— Что он сказал? — спросил Шефферд.

— Он сказал, что это не твое собачье дело — подписывать за меня эти докладные. Он сказал, чтобы Катарина Финч сразу же сняла твои подписи смывателем для чернил.

— Ну-ну, валяй, валяй, — сказал Шефферд, вставая.

Пол увидел, что все ящики его стола приоткрыты. В нижнем на самом виду торчало горлышко бутылки

из-под виски. Он с грохотом задвинул один за другим все ящики. Дойдя до нижнего, он вытащил бутылку и протянул ее Шеферду.

— Вот, пожалуйста, — хочешь? Это может очень пригодиться. Она сверху донизу в отпечатках моих пальцев.

— Ты собираешься меня вышибить — так я должен это понимать? — с готовностью заявил Шеферд. — Ты хочешь поднять вопрос перед Кронером? Ну давай. Я всегда готов. Посмотрим, что у тебя получится.

— Отправляйся, откуда пришел. Валяй. Очисти помещение и не появляйся здесь, пока я тебя не позову. Катарина!

— Да?

— Если доктор Шеферд придет опять в этот кабинет без моего разрешения, стреляйте в него.

Шеферд промчался мимо Пола и Катарины и выбежал наружу.

— Доктор Протеус, полиция у телефона, — сказала Катарина.

Пол крадучись выбрался из кабинета и пошел домой.

Сегодня у прислуги был выходной день, и Пол застал Аниту на кухне. «Домашняя идиллия, детишек только не хватает», — подумал он.

Кухня, если только можно так выразиться, была единственным детищем Аниты. Анита испытала все муки и радости созидательного труда, планируя ее, — мучимая сомнениями, проклиная ограниченность средств, одновременно страстно желая и страшно боясь мнения других. Теперь кухня была закончена, ею восхищались, а вердикт всего общества порешил: Анита обладает художественными наклонностями.

Это была большая, просторная, просторнее большинства жилых, комната. Грубо обтесанные балки, добытые из старого сарая, держались у потолка скрытыми болтами, вделанными в стальные конструкции дома. Стены были обшиты сосновыми досками, отделанными под старину, желтоватый налет на них был нанесен льняным маслом.

Огромный очаг и датская печь из дикого камня занимали одну стену. Над ними висело длинное, заряжающееся с дула ружье, рог с порохом и мешочек для пуль. На каминной доске со следами от восковых свечей стояли кофейная мельница и утюг, а к решетке камина был прикреплен таган со ржавым котелком. Чугунный котел, достаточно вместительный, чтобы в нем можно было сварить миссионера, висел на длинном стержне над очагом, а под ним находился целый выводок маленьких черных горшочков. Деревянная маслобойка не давала закрыться двери, а пучки кукурузных початков свешивались с полки через очень хорошо рассчитанные интервалы. В углу к стене приклонена была старомодная коса, а два бостонских кресла-качалки стояли на коврике ручной работы перед холодным очагом, на котором оставленный без присмотра котел так никогда и не кипел.

Прищурившись, Пол смотрел на эту живописно-колонияльную сценку и представил себе, что они с Анитой живут в отдаленном закоулке страны, в глуши, где ближайший сосед находится в двадцати восьми милях от них. Она сама варит дома мыло, делает свечи и вяжет грубые шерстяные вещи в ожидании надвигающейся суровой зимы, а он отливает пули, чтобы застрелить медведя, мясо которого избавит их от голода. Сосредоточив все свое внимание на этой картине, Пол сумел даже вызвать в себе чувство благодарности к Аните за ее присутствие здесь, благодарность богу за женщину, которая находится рядом с ним и помогает в ошеломляющем количестве работы, необходимой для того, чтобы просто выжить. И когда он в своих мечтах притащил Аните добытого медведя, а она разделала и засолила тушу, он почувствовал колоссальный подъем — вот они вдвоем своими мышцами и умом отбили целую гору доброго красного мяса у этого негостеприимного мира. И он отольет еще много пуль, а она наварит мыла и наделает свечей из медвежьего жира, пока, наконец, поздним вечером они не свалятся рядом на вязанку соломы в углу, потные и чертовски усталые и будут любить друг друга, а потом спать крепким сном до самого холодного рассвета...

— Урдл-урдл-урдл, — булькала автоматическая стиральная машина. — Урдл-урдл-ур-далл!

Пол неохотно окинул взглядом остальную часть комнаты, где в кожаном кресле сидела Анита перед фальшивыми полками вишневого цвета, скрывавшими гладильную доску. Сейчас гладильная доска была выкачена из-за полок, которые снаружи представляли собой целый фасад из ящиков и дверей, напоминающий маленький гараж для гладильного оборудования. Дверцы углового отделения были открыты. За ними находился экран телевизора, на который внимательно смотрела Анита. На экране доктор как раз говорил старой леди, что ее внук будет парализован от пояса и ниже на всю жизнь.

«Урдл-урдл-урдл», — продолжала бормотать стиральная машина. Анита не обращала на нее внимания. «Дзз-зз! Тарк!» — зазвенели колокольчики. Но Анита продолжала игнорировать их. «Азззззз! Фрумп!» Верхушка стиральной машины отскочила, и коробка с сухим бельем выскользнула оттуда, как большая хризантема, белая, благоухающая и безукоризненно чистая.

— Хелло! — сказал Пол.

Анита знаком показала ему, чтобы он молчал, пока не кончится передача, а это означало — и рекламные передачи тоже.

— Хорошо, — наконец сказала она и выключила телевизор. — Твой синий костюм лежит на кровати.

— Да? А зачем?

— То есть как это «зачем»? Для того чтобы идти к Кронерам.

— А ты откуда знаешь?

— Лоусон Шефферд позвонил и сказал мне.

— Чертовски мило с его стороны.

— Это мило со стороны любого — сказать мне, что происходит, если ты сам не делаешь этого.

— А что еще он сказал?

— Он полагает, что вы с Финнерти отлично провели время, судя по тому, как ужасно ты выглядел сегодня.

— По-видимому, он знает об этом больше меня.

Анита зажгла сигарету, красиво отшвырнула спичку и покосилась на Пола сквозь выпущенные носом струйки дыма.

— Там были девушки, Пол?

— Можно сказать, были. Марта и Барбара. Только не спрашивай меня, кто с кем был.

— Был?

— Сидел.

Она сгорбилась в кресле, спокойно поглядела в окно, раскуривая сигарету короткими сильными затяжками, глаза ее увлажнились при драматическом пошмыгивании носа.

— Ты и не обязан говорить мне, если тебе не хочется.

— Говорить я не буду просто потому, что не помню. — Он усмехнулся. — Одну звали Барбара, а вторую звали Марта, а все остальное, как говорится, покрыто мраком.

— Значит, ты не знаешь, что случилось? Я говорю, значит, могло произойти все, что угодно.

Улыбка сошла с его лица.

— Я говорю, что все действительно было покрыто мраком и ничего не могло произойти. Я лежал как тряпка, свернувшись в кабине.

— И ты ничего не помнишь?

— Я помню человека по имени Элфи, который зарабатывает себе на жизнь при помощи телевизора; человека по имени Люк Люббок, который может быть чем угодно в зависимости от костюма; проповедника, которого тошнит, когда он наблюдает, как весь мир валится ко всем чертям, и...

— И Барбару с Мартой.

— И Барбару с Мартой. И еще парады — да, боже мой, ведь там еще были и парады.

— Тебе стало лучше?

— Нет. Но тебе должно стать лучше, потому что Финнерти, кажется, нашел себе новый дом и нового друга.

— Слава богу и на этом. Я хочу, чтобы сегодня вечером ты объяснил Кронеру, что Финнерти просто

злоупотребил нашим гостеприимством и что мы так же недовольны им, как и все остальные.

— Это не совсем соответствует действительности.

— Ну что ж, держи тогда это про себя, если уж он так тебе нравился.

Она подняла крышку своего бюро, где составляла ежедневные меню и вела запись домашним расходам, сверяя свои записи с поступающими из банка счетами, и вытащила оттуда три листка бумаги.

— Я знаю, что ты считаешь меня глупой, но иногда стоит немного побеспокоиться, чтобы все шло по-хорошему, Пол.

На бумаге были записаны какие-то тезисы с основными разделами, пронумерованными римскими цифрами и с под-под-под и подразделами, помеченными маленькими буквами. С полным сознанием, что его головная боль набирает все большую силу, он наугад выбрал раздел III, А, I, а): «Не кури. Кронер пытается бросить курить».

— Может быть, имело бы смысл прочесть это вслух, — сказала Анита.

— Может быть, будет лучше, если я прочитаю это в одиночестве, когда ничто не будет меня отвлекать.

— На это у меня ушел почти весь день.

— Еще бы. Это самая обстоятельная работа из всех сделанных тобой. Спасибо, милая, я просто в восторге.

— Я люблю тебя, Пол.

— Я люблю тебя, Анита.

— Милый, а что касается Марты и Барбары...

— Даю тебе слово, я и не коснулся их.

— Я хотела только спросить, видел ли кто-нибудь тебя с ними?

— Полагаю, что видели, но не те люди, которые могли бы причинить мне какой-нибудь вред, Шефферд-то, уж конечно, не видел.

— Если бы это дошло до Кронера, то я просто не знала бы, что и делать. Он может посмеяться над выпивкой, но что касается женщин...

— Я спал с Барбарой, — внезапно сказал Пол.

— Я так и думала. Но это твое личное дело.

По-видимому, она уже устала от разговора и теперь с нетерпением поглядывала на экран телевизора.

— И Шефферд видел, как я спускался из номеров с ней.

— Пол!

— Шучу.

Она приложила руку к сердцу.

— Ох, слава богу.

— «Любовь летом», — сказал Пол, пытливо приглядываясь к экрану.

— Что это?

— Оркестр. Они играют «Любовь летом». — И он насвистал несколько тактов.

— А как ты узнал, если звук выключен?

— А ты попробуй включи.

Она неохотно повернула ручку, и мелодия «Любви летом», красивая и неудобоваримая, как медовый пряник, наполнила комнату.

Подпевая оркестру, Пол направился вверх в свою спальню, зачитывая на ходу тезисы:

IV, А, I; «Если Кронер спросит тебя, почему ты хочешь в Питсбург, скажи, что ты хочешь принести большую пользу... а) Намекни на больший дом, повышение и престиж».

Постепенно Пол начал понимать, что поставил себя в дурацкое положение в глазах обоих берегов реки. Он вспомнил, как он кричал вчера вечером: «Мы должны встретиться посреди моста!», и решил теперь, что он был единственным заинтересованным в этом лицом, и к тому же единственным, кто не совсем уверен, к какому берегу он относится.

Если бы его попытка сделаться новым мессией увенчалась успехом и жители северного и южного берегов встретились бы на середине моста и между ними оказался бы Пол, он не имел бы ни малейшего представления, что же делать дальше. Он сознавал всем сердцем, что человечество зашло в жуткий тупик, но это был настолько логически обоснованный тупик, и его завели в него настолько умно, что он не видел, куда еще могло бы привести историческое развитие.

Пол производил в уме сложнейшие расчеты — его сбережения плюс страховки, плюс стоимость дома, плюс машины — и прикидывал, достаточно ли у него денег, чтобы попросту уйти с работы, перестать быть инструментом любого набора верований или любого выбрыка истории, которые могли бы превратить в ад чью-либо жизнь. Жить в доме у проселочной дороги...

XI

В дальнем конце гигантской пещеры шах Братпура, маленький и элегантный, как старинная табакерка, протянул бутылку сумклиша Хашдрахру Миазме. Он чихнул, так как минуту назад расстался слетней жарой наверху, и звук этот задрезжал вдоль стен и замер тихим шепотом в лежбищах летучих мышей в глубинах Карлсбадских пещер.

Доктор Юинг Дж. Холгъярд совершал свое тридцать седьмое паломничество в подземные джунгли стали, проводов и стекла, заполнявших залу, в которой они сейчас стояли, и еще тридцать более крупных, лежащих за этой. Осмотр этого чуда света был включен в качестве обязательного мероприятия в турне, которое Холгъярд проводил с множеством эксцентричных иностранных магнатов. Всех их можно было привести к общему знаменателю в том смысле, что их страны представляли собой великолепные рынки сбыта для товаров могучей промышленности Америки.

Электрокар на резиновых колесах остановился у лифта, подле которого стояла группа шаха, и вооруженный пистолетом армейский майор тщательно проверил их документы.

— Нельзя ли это немножко ускорить, майор? — сказал Холгъярд. — Нам не хочется пропустить церемонию.

— Можно бы и ускорить, — сказал майор. — Однако в качестве дежурного офицера я сегодня отвечаю за государственную собственность стоимостью в девять миллиардов долларов, и если с этой собственностью что-либо произойдет, кое-кто будет недоволен мной. Церемония к тому же отложена, и вы в любом случае ничего не пропустите. Президент еще не показывался.

Наконец майор был удовлетворен, и вся группа уселась в открытую машину.

— Сики? — сказал шах.

— Это ЭПИКАК XIV, — объяснил Холъярд. — Это электронно-счетная машина — иначе говоря, мозг. Одна только эта зала — самая маленькая из тридцати одной залы — содержит достаточно проводов, чтобы четыре раза покрыть расстояние отсюда до Луны. В одной этой машине электронных ламп больше, чем их было во всем штате Нью-Йорк перед второй мировой войной. — Он так часто цитировал эти цифры, что у него не было никакой необходимости заглядывать в брошюрку, которую обычно вручали посетителям.

Хашдрахр пересказал все это шаху.

Шах подумал над этим и застенчиво захихикал, а Хашдрахр присоединился к этому тихому восточному занятию.

— Шах сказал, — перевел Хашдрахр, — что мужчины его страны спят с хорошенькими женщинами и производят дешевые и хорошие мозги. Это экономит проволоки столько, что ее хватило бы на тысячу расстояний отсюда до Луны.

Холъярд понимающе усмехнулся, поскольку именно за эту улыбку ему и платили жалованье, отер слезы, вызванные очередным приступом язвы, а затем объяснил, что дешевые и легко добываемые мозги как раз и являлись причиной неполадок в тяжелом прошлом и что ЭПИКАК XIV может обдумать и взвесить одновременно сотни, а то и тысячи аспектов данного вопроса и сделать это совершенно объективно, что ЭПИКАК XIV абсолютно свободен от запутывающих решения эмоций, что ЭПИКАК XIV никогда ничего не забывает, что, короче говоря, ЭПИКАК XIV всегда абсолютно прав во всем. И еще Холъярд мысленно добавил, что процедура, описанная шахом, совершалась уже триллион раз и пока что смогла произвести мозг, на который можно положиться только лишь один раз на сотни случаев.

Они проходили по самому старому отделению нынешней машины, которая когда-то была целым ЭПИКАК I, а сейчас составляла не более как придаток или

довесок к ЭПИКАК XIV. И тем не менее ЭПИКАК I был достаточно умен, достаточно невозмутим и достаточно выгоден, чтобы убедить людей в том, что он лучше их может заниматься планированием войны, которая в то время надвигалась неотвратимо. Древняя фраза, которой пользовались генералы, отчитываясь перед соответствующими комиссиями, — «все учтено» — получила некоторую достоверность, будучи пережеванной ЭПИКАК I, еще большую — ЭПИКАК II и так далее, по мере выпуска новых машин этой серии. ЭПИКАК способен был обсудить преимущество высоко-взрывчатых бомб по сравнению с атомным оружием тактического действия, не упуская при этом из виду наличие взрывчатки сравнительно с расщепляемыми элементами, рассредоточение вражеских одиночных оков, потребность в рабочей силе в соответствующей области промышленности, возможные потери авиации при учете техники противовоздушной обороны врага и так далее и так далее, вплоть до того, что, если появится в этом необходимость, будет исчислено количество сигарет, плиток шоколада и серебряных звезд, необходимых для поднятия боевого духа военно-воздушного флота. Пользуясь фактами, порожденные войной серийные выпуски ЭПИКАК осуществляли столь прекрасно информированное руководство, что вдумчивому, правдивому, блестящему и великолепно обученному ядру американских гениев на это же понадобилось бы просвещенное руководство, неограниченные ресурсы и к тому же еще две тысячи лет.

Во время войны и все послевоенные годы, вплоть до настоящего времени, нервная система ЭПИКАК все расширялась, заполняя Карлсбадские пещеры, — разум, приобретаемый ценой футов, фунтов и киловатт. С каждым новым прибавлением рождался новый уникальный индивидуум, и сегодня Холъярд, шах и Хашдрахр прибыли на покрытую знаменами платформу, где президент Соединенных Штатов Америки Джонатан Линн откроет для более счастливого и более производительного будущего ЭПИКАК XIV.

Трио расселось на откидных стульях и тихо ждало вместе с остальной выдающейся компанией. ЭПИ-

КАК XIV, хотя официальное открытие его еще не состоялось, был уже занят работой, решая, сколько холодильников, ламп, сколько турбинных генераторов, сколько втулок, обеденных тарелок, дверных ручек, резиновых набоек к каблукам, сколько телевизоров, сколько фишек для карточной игры — сколько всего этого Америка и ее покупатели могут пожелать приобрести и сколько все это будет стоить. И ЭПИ-КАК XIV единственный будет решать в последующие годы, сколько инженеров, управляющих, исследовательских работников и государственных служащих и в каких именно областях потребуется для того, чтобы произвести все эти товары; и какие ПИ и какие показатели их возможностей выделяют этих нужных людей из общей массы бесполезных, и сколько сотрудников КРР и солдат можно будет содержать, и с каким денежным окладом, и где, и...

— Леди и джентльмены, — сказал диктор телевидения, — перед вами президент Соединенных Штатов.

Электрокар подкатил к платформе, и президент Джонатан Линн, урожденный Альфред Планк, встал и, продемонстрировав свои белые зубы и честные серые глаза, расправил свои широкие плечи и провел своими сильными руками по чуть вьющимся волосам. Телевизионные камеры забегали по нему, как по забавному и добродушному динозавру, подавая его изображение во всех возможных ракурсах. Линн был мальчишески строен, высок, красив и обезоруживающе мил, и Холгьярд с горечью подумал, что ведь сюда он явился сразу же с трехчасовой телевизионной передачи из Белого дома.

— Является ли этот человек духовным вождем американского народа? — спросил Хашдрахр.

Холгьярд пустился в объяснения того, что церковь отделена от государства, и столкнулся, как он того и ожидал, с обычным недоверием шаха и с намеками на то, что он, Холгьярд, вообще не понял заданного ему вопроса.

Президент с внушающей любовью юношеской комбинацией наглости и застенчивости и с легчайшим налетом протяжного западного произношения зачитывал

речь, которую кто-то написал ему об ЭПИКАК XIV. Он ничуть не скрывал, что он отнюдь не является ученым, что он простой, самый обыкновенный человек, который стоит сейчас здесь, присмиривший перед этим новейшим чудом света, и что он находится здесь именно потому, что простые люди Америки выбрали его затем, чтобы представлять их в случаях, подобных этому, и что, глядя на это современное чудо, он преисполнен чувства глубокого благоговения, смирения и благодарности...

Холгьярд зевнул, его раздражала мысль о том, что Линн, который как раз сейчас прочел «порядок из хаоса» вместо «порядок из хаоса», получает в три раза больше денег, чем он. Линн (или, как Холгьярд предпочитал мысленно называть его, Планк) не окончил даже высшей школы, и Холгьярд мог назвать пару ирландских сеттеров, которые были ничуть не глупее его. И все же этого подонка избрали на должность, приносящую ему более сотни тысяч долларов в год!

— Вы хотите сказать, что человек этот правит без учета духовных устремлений народа? — прошептал Хашдрахр.

— У него нет никаких религиозных обязанностей, за исключением самых общих, чисто символических, — сказал Холгьярд и тут же принялся размышлять, в чем же, черт побери, заключаются обязанности этого Линна. ЭПИКАК XIV и Национальное бюро Промышленности, Коммерции, Связи, Продовольствия и Запасов осуществляют все планирование, все, что связано с необходимостью шевелить мозгами. А машины личного состава следят за тем, чтобы все правительственные должности, имеющие хоть какое-либо значение, заполнялись высококвалифицированными гражданскими служащими. Чем больше задумывался Холгьярд о получаемой Линном кругленькой сумме, тем больше он приходил в бешенство, ибо все, что требовалось от этого напыщенного болвана, было зачитывать то, что вручалось ему для прочтения по торжественным случаям; быть соответственно благоговейным и почтительным, как он сам сказал, за всех обыкновенных и глупых людей, которые избрали его на эту должность, и ве-

щать мудрость, текущую к нему откуда-то при помощи мощного микрофона, и распространять ее среди остального оболваненного быдла.

Холъярд вдруг стало ясно, что подобно тому как столетия назад правительство и религия были отделены друг от друга, так теперь благодаря машинам политика и управление страной живут рядом друг с другом, но почти ни в чем не соприкасаются. Он поглядел на президента Джонатана Линна и вдруг с ужасом представил себе, что было бы со страной, если бы какой-нибудь чисто американский дурень благодаря сегодняшнему положению вещей смог бы стать действительно президентом, но в условиях, когда президенту и в самом деле приходится править страной!

Президент Линн объяснял, что сделает ЭПИКАК XIV для миллионов простых людей, и Хашдрах переводил все это шаху. Линн заявил, что ЭПИКАК XIV, по существу, является величайшей в истории личностью, что самый мудрый из всех когда-либо живших людей является по сравнению с ЭПИКАК XIV тем, чем является червяк по сравнению с самым мудрым из людей.

Впервые шах Братпура проявил интерес и даже волнение. Он не очень задумывался над физическими размерами ЭПИКАК XIV, но сравнение червя и человека дошло до него. Он огляделся с таким выражением, будто электронные лампы и счетчики на всех стенах следили за каждым его движением.

Речь была закончена, и аплодисменты уже замирали, когда доктор Холъярд представил шаха президенту. Телевизионные камеры уставились на них, передавая сцену.

— Сейчас президент обменивается рукопожатием с шахом Братпура, — сказал телекомментатор. — Возможно, шах обменяется с нами свежими впечатлениями гостя из отдаленной части света, где господствует иной жизненный уклад.

— Алласан Хабоу пиллан? — неуверенно спросил шах.

— Он интересуется, можно ли ему задать вопрос, — сказал Хашдрах.

— Конечно, еще бы, — ободряюще сказал президент. — Если я не буду знать ответа на этот вопрос, мне есть у кого его получить.

Неожиданно шах повернулся спиной к президенту и медленно зашагал в одиночестве в опустевшую часть платформы.

— Я что-нибудь сделал не так? — спросил Линн.

— Шшши! — яростно прошипел Хашдрахр и стал, как часовой, между шахом и пораженной толпой.

Шах опустился на колени и подвнял руки над головой. Маленький коричневый человечек, казалось, внезапно заполнил всю пещеру своим таинственным струящимся достоинством, один на пустой платформе, общаясь с кем-то, чьего присутствия не чувствовал никто из находящихся здесь.

— Мы, кажется, присутствуем при каком-то религиозном обряде, — сказал телекомментатор.

— Не могли бы вы на минутку заткнуть свою луженую глотку? — сказал Холгьярд.

— Тихо! — сказал Хашдрахр.

Шах обратился к мерцающей стенке ЭПИКАК с вакуумными трубками и выкрикнул певучим высоким голосом:

Аллахахи баку билла,
Моуми а фела нам;
Серами ассу тилла,
Тоури серин а сам.

— Этот придурок разговаривает с машиной, — прошептал Линн.

— Шшш!.. — сказал Холгьярд, странно растроганный происходящим.

— Сики? — выкрикнул шах. Он наклонил голову, прислушиваясь. — Сики? — слово отдалось эхом и замерло, одинокое и затерявшееся.

— Ммммммммм... — мягко проговорил ЭПИКАК. — Дит, дит. Ммммммм... Дит.

Шах вздохнул и встал. Он грустно покивал головой, донельзя расстроенный.

— Нибо, — пробормотал он. — Нибо.

— Что он говорит? — спросил президент.

— «Нибо» — «ничего». Он задал машине вопрос, и машина не дала ответа, — сказал Холгьярд. — Нибо.

— В жизни не видывал большего идиотизма, — сказал президент. — Вопросы нужно записать на таких штуковинах, и ответы придут на таких же самых штуках. Ведь с ним нельзя просто говорить. — Тень сомнения промелькнула по его лицу. — Я говорю, с ним нельзя просто разговаривать, не правда ли?

— Конечно, нельзя, сэр, — сказал главный инженер проекта. — Как вы правильно заметили, без этих вот самых штуковин с ним не поговоришь.

— А что он ему сказал? — спросил Линн, уцепившись за рукав Хашдрахра.

— Это древняя загадка, — сказал Хашдрахр, и было ясно, что продолжать он не хочет, что здесь применено что-то явно святое для него. Но, помимо всего прочего, он был воспитанным человеком, а вопрошающе уставившиеся на него глаза толпы требовали более детального объяснения.

— Наш народ верит, — застенчиво сказал он, — что великий, всеведущий бог снизойдет к нам в один прекрасный день и все мы узнаем его потому, что он окажется в состоянии ответить на эту загадку, на которую ЭПИКАК не смог ответить. Когда он придет, — простодушно пояснил Хашдрахр, — на земле больше не будет страданий.

— Скажите на милость, всеведущий бог, да? — сказал Линн. Он облизал губы и пригладил опустившийся на лоб непокорный локон. — А что это за загадка?

Хашдрахр прочитал:

Серебряные колокольчики осветят мой путь,
И девять раз по девять дев заполнят мой день,
И горные озера исчезнут с глаз моих,
И клыки тигра заполнят ночь мою.

Президент Линн задумчиво уставился на потолок пещеры.

— Ммм... Серебряные колокольчики, говорите вы, да? — Он покачал головой. — А знаете ли, это что-то уж слишком мудроно закручено. Я сдаюсь.

— Меня это не удивляет, — сказал Хашдрахр. — Меня это совсем не удивляет. Я так и думал.

Хольярд помог шаху, который теперь после такой эмоциональной нагрузки казался сразу постаревшим и усталым, сесть в электрокар.

По пути к лифтам шах немножко оправился и ожил. Презрительно скривив губы, он глядел на клубящееся вокруг них электронное оборудование.

— Баку! — сказал он.

— Это что-то новое для меня, — сказал Хольярд Хашдрахру, испытывая подлинную теплоту к маленькому переводчику, столь блестяще посадившему в лужу Джонатана Линна. — Что это такое — «баку»?

— Маленькие фигурки из грязи и соломы, которые делали сурраси, нечестивое племя в стране шаха.

— Неужто все это напоминает ему солому и грязь?

— Он пользуется этим словом в более широком смысле, я полагаю, в смысле ложного божества.

— Угу, — сказал Хольярд. — Ну, а что же сейчас поделывают эти самые сурраси?

— Они вымерли от холеры прошлой весной. — И минуту спустя он еще добавил: — Конечно.

И пожал плечами, как бы недоумевая, чего, собственно, еще можно было ожидать.

— Баку.

XII

Стоявший на окраине Албани дом Кронера, в викторианском стиле, прекрасно ухоженный, был восстановлен вплоть до филигранных восточных желобов и железных шипов по гребню крыши. Страстный поклонник показухи. Кронер предпочитал его удобным моющимся сооружениям из стекла и стали, в которых жило большинство инженеров и управляющих. Хотя Кронер никогда и никому не объяснял причин покупки этого дома — если не считать его утверждения, что он любит, чтобы было много комнат, — дом этот настолько шел к нему, что никто всерьез не задумывался над этим анахронизмом.

Портретист уловил правомочность подобного выбора

и отразил его на портрете Кронера. Художник этот делал портреты всех руководителей района. Писал он их с фотографий, поскольку управляющие были слишком заняты — или по крайней мере утверждали, что заняты, — чтобы позировать. Художник усадил Кронера с выставленным напоказ массивным обручальным кольцом в красное плюшевое кресло на фоне тяжелых бархатных складок.

Здание было еще одним подтверждением веры Кронера в незыблемость моральных и материальных ценностей.

--- Входите, — мягко пророкотал Кронер, собственноручно открывая им дверь. Казалось, он заполняет весь дом своей силой и каменным спокойствием. Он был настолько неофициален, насколько неофициальным он становился каждый раз, когда сменял свой двубортный сюртук на однобортный, более светлого оттенка, с замшевыми заплатами на локтях. Этот сюртук, пояснял он посетителям, был преподнесен ему его супругой много лет назад, но только недавно он, наконец, осмелился его носить.

— С каждым разом, как я вижу ваш дом, я все больше влюбляюсь в него, — сказала Анита.

— Вам следовало бы сказать это Джейнис. — Это имя носила миссис Кронер, которая мило улыбалась им из комнаты. Она была заплывшим жиром хранилищем трюизмов, пословиц и проповедей, и молодые инженеры и управляющие, обращаясь к ней, обычно называли ее «мама».

Мама, припомнил Пол, никогда не любила этого гадкого мальчика Финнерти, который ни разу не назвал ее мамой и не исповедался ей. Однажды, когда она убеждала его, чтобы он поделился с ней своими заботами и снял с себя их бремя, он довольно неделикатно ответил ей, что он уже смылся от одной матери. Пола она любила, потому что Пол зеленым юнцом время от времени исповедовался ей. Теперь он никогда больше не сделал бы этого, но его прежняя покорность заставляла думать, что он не делает этого не из-за охлаждения, а просто потому, что у него этих проблем не возникает.

— Хелло, Мама, — сказал Пол.

— Хелло, Мама, — сказала Анита.

— Ну, детки, вы можете выкладывать здесь все свои беды, — сказала Мама. — Рассказывайте-ка все о себе.

— О, мы переделали кухню, — начала Анита.

Мама, затрепетав от радости, потребовала подробнейшего отчета.

Кронер наклонил свою тяжелую голову, как бы прислушиваясь к веселому щебетанию или, что больше походило на правду, как подумал Пол, отсчитывая секунды, по простествия которых можно было, не нарушая приличий, разделить по обычаю этого дома мужское и женское общество.

Когда Анита приостановилась, чтобы перевести дух, Кронер встал, просиял улыбкой и предложил Полу пойти с ним в кабинет поглядеть на ружья. Это тоже было принято в доме — мужчины должны были идти осматривать ружья. Много лет назад Анита совершила ошибку, заявив, что она тоже интересуется ружьями. Кронер очень вежливо ответил, что у него ружья не той системы, которые могут нравиться женщинам.

Мама всегда отвечала одинаково:

— Ох, эти ружья, я ненавижу их! Никак не могу понять, что мужчины находят приятного, убивая маленьких зверюшек.

Честно говоря, Кронер никогда не стрелял из своих ружей. Все его удовольствие, казалось, заключалось в том, что он попросту владел ими. Он пользовался ими также для того, чтобы придать оттенок неофициальности при разговорах с глазу на глаз с мужчинами. Он объявлял о повышениях в должности, о понижениях и снятиях с работы, хвалил или предупреждал всегда как бы между прочим, прочищая стволы шомполом.

Пол прошел вслед за ним в отделанный темными панелями кабинет и подождал, пока хозяин выберет ружье из пирамиды, занимающей в кабинете одну из стен. Кронер провел указательным пальцем по коллекции ружей, как палкой по палисаднику. Среди подчиненных Кронера часто обсуждался вопрос, имеет ли выбор ружья определяющее значение для темы пред-

стоящего разговора. Долгое время считалось, что дробовики означают плохие новости, а нарезные ружья — хорошие. Однако утверждение это не выдержало проверки временем.

Кронер выбрал, наконец, дробовик десятого калибра, открыл затвор и осмотрел канал ствола, направив его на выходящее на улицу окно.

— Я не решился бы выстрелить из этого ружья современным патроном, — сказал Кронер. — Ствол изогнут, вся эта штука разлетелась бы на куски. Но погляди-ка на инкрустации, Пол.

— Великолепные, им просто цены нет.

— Какой-то человек затратил на это, возможно, целых два года. Время не очень ценилось в те годы. Это были беспросветные для промышленности века, Пол.

— Именно, сэр.

Кронер выбрал шомпол и выложил на стол масленку, смазку и тряпки.

— Приходится следить за стволами, иначе они... — Прищелкнув пальцами, он обмакнул тряпочку в масло и навернул ее на конец шомпола. — Особенно в таком климате.

— Да, сэр, — Пол собрался было зажечь сигарету, но вспомнил о написанном Анитой предупреждении.

Кронер надавил на шомпол.

— Кстати, где сейчас находится Эд Финнерти?

— Не знаю, сэр.

— Его разыскивает полиция.

— Неужели?

Не глядя на Пола, Кронер, работал шомполом, двигая им вверх и вниз.

— Гм. Он сейчас нигде не работает и обязан зарегистрироваться в полиции, а он этого не сделал.

— Я расстался с ним в Усадьбе прошлым вечером.

— Я это знаю. Я думал, что, может, тебе известно, куда он отправился.

У Кронера была привычка говорить, будто он давно знает то, что ему только что сказали. Пол был уверен, что старик на самом деле не знает абсолютно ничего о вчерашнем вечере.

— Не имею ни малейшего понятия. — Пол никому не хотел доставлять неприятности. Пусть полиция сама узнает, что Финнерти пребывает сейчас с Лэшером, если уж ей так это нужно.

— Угу. Видишь вон ту раковинку? — и Кронер протянул ружейный ствол, держа его всего в нескольких дюймах от лица Пола и указывая на темное пятнышко. — Вот что происходит со стволом, если оставить его без присмотра хотя бы на месяц. Они появляются моментально.

— Да, сэр.

— Ему, Пол, больше нельзя доверять. Он не совсем в своем уме, и поэтому не стоит рисковать, общаясь с ним, не правда ли?

— Не стоит, сэр.

Уголком тряпки Кронер старательно протирал раковину.

— Я считал, что ты это и сам поймешь. Поэтому я просто диву дался, зачем тебе понадобилось разрешать ему расхаживать по заводу без сопровождающего.

Пол покраснел. Он не произносил ни слова.

— Или зачем тебе было давать ему свой пистолет. Ты ведь понимаешь, что теперь у него не может быть разрешения на ношение оружия. И все же мне сообщили, что нашли твой пистолет с отпечатками его пальцев.

Прежде чем Пол собрался с мыслями, Кронер хлопнул его по колену и улыбнулся улыбкой доброго деда-мороза.

— Я настолько уверен, что у тебя были достаточные основания, что даже не хочу выслушивать твоих объяснений. Я очень верю в тебя, мой мальчик. И мне не хотелось бы увидеть, что ты впутался в какие-то неприятности. Теперь, когда твой отец оставил нас, я считаю себя в некотором роде обязанным присматривать за тобой.

— Это очень любезно с вашей стороны, сэр.

Повернувшись спиной к Полу, Кронер взял винтовку наизготовку и прицелился в воображаемую птицу, вылетевшую из-за стола.

— Чик-чик-чик, — он выбросил затвором воображаемую гильзу. — Сейчас очень опасное время, — намного опаснее, чем кажется, когда судишь по внешним проявлениям. Чик-чик-чик! Но в то же время это Золотой век, не правда ли, Пол?

Пол кивнул.

Кронер обернулся и поглядел на него.

— Я сказал, не правда ли, что это Золотой век?

— Да, сэр. Я кивнул.

— Трах! — сказал Кронер, подразумевая на этот раз, по-видимому, глиняных голубков. — Трах-трах! Всегда были сомневающиеся предрекатели судного дня, тормозители прогресса.

— Да, сэр. Что же касается Финнерти и этой истории с пистолетом, то я...

— Это уже пройденный этап, все уже забыто, — нетерпеливо прервал его Кронер. — С этим покончено. Я хотел только сказать, что ты должен понять, как обстоят дела, потому что люди бодро и смело шагают вперед, несмотря на тех, которые уговаривают их этого не делать.

— Да, сэр.

— Чик-чик-чик! Некоторые люди пытаются принизить то, что делаем мы, что делали люди, подобные твоему отцу, утверждая, что это все простое трюкачество, да притом еще и сделанное на скорую руку. Но это большое дело, Пол.

Пол наклонился вперед, надеясь услышать, в чем же заключается смысл этого большого дела. В течение некоторого времени он уже испытывал такое чувство, что все вокруг него должны просто видеть нечто такое в системе, что ускользает от его внимания. Возможно, это было то, чего ему недоставало, возможно, это было начало того всеобъемлющего пыла, которым был преисполнен его отец.

— Нет, это не простое трюкачество, говорю тебе, Пол.

— Да, сэр.

— Это сила, вера и решимость. Мы призваны распахнуть дверь передорым шеренгам цивилизации. Имен-

но этим и заняты инженеры и управляющие. И нет на земле призвания выше этого.

Разочарованный, Пол опять опустился в кресло.

Кронер навернул свежую тряпочку на шомпол и снова принялся надраивать ствол.

— Пол, место в Питсбурге все еще не занято. Среди кандидатов на него осталось, по существу, всего два человека.

Самое поразительное было то, что он произнес это именно так, как предсказывала Анита. Пол попытался припомнить, что же именно, по ее мысли, должен был он ответить. Он ведь так и не дал ей договорить, к тому же он даже не прочитал этого пункта в ее тезисах.

— Это прекраснейшая возможность принести настоящую пользу, — сказал он. Он надеялся, что это очень близко к тому, что Анита имела в виду.

Пол почувствовал облегчение, воспользовавшись мыслями Аниты из-за недостатка собственного энтузиазма. Ему предлагали работу в Питсбурге, намного больше денег, и, поскольку он продвинется столь высоко в то время, когда большая часть его жизни все еще впереди, можно было почти с уверенностью сказать, что он успеет добраться до самого верха. Когда Пол получал повышения вроде сегодняшнего, обычно происходил отмирающий ритуал удивления и поздравлений, будто бы Пол, подобно его предкам, дошел до столь высокого положения лишь благодаря своим способностям, упорству и божьей воле или недосмотру дьявола.

— Очень трудно, Пол, сделать выбор между тобой и Фредом Гартм. — Гарт был значительно старше Пола, почти в возрасте Кронера, и стоял сейчас во главе Заводов Буффало. — Честно говоря, у Гарта нет твоего технического воображения, Пол. В качестве управляющего он великолепен, но если бы не наши подталкивания, Заводы Буффало были бы точно такими, какими они были пять лет назад, когда он их принял. Но он человек твердый и заслуживающий доверия, Пол, и никогда не возникало вопроса о том, является ли он одним из нас и ставит ли он интересы прогресса и системы выше своих собственных.

— Гарт прекрасный человек, — сказал Пол.

И Гарт действительно был им: честный и неподкупный, он, по-видимому, создал для себя некое антропоморфическое представление о корпорации как о личности. К этому представлению Гарт относился, как страстный влюбленный. Пол нередко задумывался над таким именно типом отношения и считал, что проблемой этой следовало бы заняться сексологам. После некоторых размышлений он решил все же, что подобный тип отношений, заключающийся в любви к неведомому, уже имел место: символическое обручение монахинь с Христом. Во всяком случае, Пол наблюдал Гарта на различных стадиях развития этих любовных отношений — как он терял аппетит от нетерпения во время маниакальных взлетов, готовый чуть ли не проливать слезы при одном воспоминании о нежном начале отношений. Коротче говоря, Гарт проходил все стадии извечного гадания, вроде «любит не любит». Приводить в исполнение приказания свыше, что для Пола было неприятной обязанностью, для Гарта было то же, что оказать услугу даме сердца.

— Я был бы совсем не прочь увидеть Гарта на этом месте.

— Я был бы не прочь увидеть тебя на этом месте, Пол.—Выражение лица Кронера явно указывало на то, что упоминание о Гарте было лишь маскировкой. — У тебя есть воображение, и дух, и способности.

— Благодарю вас, сэр.

— Дай мне закончить. Воображение, дух, способности, и, насколько мне известно, я могу очень ошибиться, назвав здесь и лояльность.

— Лояльность?

Кронер отложил в сторону дробовик и пододвинул кресло так, чтобы оказаться лицом к лицу с Полом. Он положил свои большие руки Полу на колени и нахмурил свои широкие брови. Все это напоминало сейчас гипнотический сеанс, в котором Пол играл роль медиума. Опять, как это было в Кантри-Клубе, когда Кронер взял его руку в свою, Пол почувствовал силу и волю, излучаемые стариком.

— Пол, я хочу, чтобы ты высказал то, что накопилось у тебя на душе.

Руки Кронера сильнее сжали его колени. Пол с неприятным чувством пытался побороть желание раскрыть свое сердце перед этим милосердным, мудрым и мягким отцом. Однако замкнутость его растаяла. Пол начал говорить.

Он понял, что расплывчатое недовольство и беспокойство, которые он испытывал неделю назад, теперь приняли ясные очертания. Сырье, послужившее основанием для его недовольства, теперь оказалось в тиглях другого человека. Он говорил теперь о том, что сказал Лэшер прошлым вечером, упомянув о духовном опустении по ту сторону реки, об угрозе революции, о иерархии, которая была кошмаром для большинства. То, как он говорил обо всем этом, звучало не осуждением, а мольбою об опровержении.

Кронер, руки которого все еще лежали на коленях у Пола, опускал голову все ниже и ниже.

Пол кончил говорить, и Кронер встал и, повернувшись к нему спиной, поглядел в окно. Чары еще не улетучились, и Пол выжидающе глядел на широкую спину, ожидая мудрости.

Кронер неожиданно обернулся.

— Значит, ты против нас?

— Я вовсе не хотел сказать этого. Просто существуют вопросы, на которые следует немедленно дать ответ.

— Держись своей стороны реки, Пол! Твоя работа — это управление и инженерное дело. Я не знаю ответов на вопросы Лэшера. Но зато я знаю, что намного легче задавать вопросы, чем отвечать на них. Я знаю, что вопросы существовали всегда и всегда находились люди, подобные Лэшеру, готовые создавать трудности, поднимая их.

— Вы знаете о Лэшере? — Этого имени Пол не называл в разговоре.

— Да, я знаю о нем уже довольно давно. И знаю еще и то, о чем вы с Лэшером и Финнерти толковали прошлым вечером. — Лицо его приняло грустное выражение. — В качестве чиновника ведомства промышленной безопасности, отвечающего за целый район, я вынужден знать об очень многом, Пол. И бывают мо-

менты вроде этого, когда мне страшно хотелось бы знать поменьше.

— Разве это не снимает вопроса о Питсбурге?

— Я все еще думаю, что ты подходишь для этого места. Я собираюсь сделать вид, что я не знаю о том, что ты делал прошлым вечером, и что ты не говорил того, что ты сказал только что. Я не верю, что все это идет от чистого сердца.

Пол был поражен. По какой-то причуде случая он утвердился на этой должности — после того, как он прибыл сюда со смутным намерением доказать свою непригодность.

— Так в общих чертах обстоит дело, Пол. Теперь все зависит от тебя.

— Я мог бы исправиться.

— Боюсь, что все это не так просто. За очень короткое время ты умудрился накопить довольно объемистое досье в полицейском управлении: пистолет, разрешение Финнерти на прогулку по заводу, неосмотрительное поведение вчерашней ночью — что ж, мне нужно как-то удобоваримо объяснить все эти поступки, чтобы удовлетворить Штаб. Знаешь, ведь ты чуть не угодил в тюрьму?

Пол нервно рассмеялся.

— Я хочу получить возможность сказать, что ты, Пол, выполнял специальное задание службы безопасности по моему приказу, и хочу сделать это с чистой совестью.

— Понимаю, — сказал Пол, хотя он ничего не мог почать.

— Ты и сам должен согласиться с тем, что Лэшер и Финнерти опасные люди, потенциальные саботажники, которые должны быть помещены туда, где они не смогут причинить вреда. — Он снова взял из пирамиды дробовик и, морщась, принялся прочищать его выбрасыватель зубочисткой. — И вот я, — продолжал Кронер после минутного молчания, — я хочу, чтобы ты показал, что они пытались втянуть тебя в заговор, направленный на саботаж на Заводах Айлиум.

Дверь распахнулась, и в кабинет вошел сияющий Бэйер.

— Поздравляю, мой мальчик. Поздравляю. Это великолепно, великолепно, великолепно.

— Поздравляете с чем? — спросил Пол.

— С Питсбургом, мой мальчик, с Питсбургом.

— Это еще не вполне решено, — сказал Кронер.

— Но вы же сказали вчера...

— Кое-что изменилось со вчерашнего дня, — Кронер подмигнул Полу. — Хотя ведь ничего серьезного, правда, Пол? Маленькая накладочка.

— Угу, о, я понимаю, значит, маленькая накладочка, угу, накладочка, да, конечно, накладочка.

Пол был смущен и потрясен происходившим, и отсутствие самообладания он пытался прикрыть вымученной улыбкой. Он подумал, не было ли появление Бэйера заранее запланировано.

— У Пола имеются кое-какие вопросы, — сказал Кронер.

— Вопросы? Вопросы, мой мальчик?

— Он хочет знать, не совершаем ли мы чего-нибудь дурного во имя прогресса.

Бэйер уселся на стол, пощипывая нитки телефонного шнура. Он очень глубоко задумался, и по выражению его лица Пол понял, что вопрос этот никогда раньше не приходил Бэйеру в голову. Теперь же, когда это, наконец, произошло, он пытался добросовестно его обдумать.

— Плох ли прогресс? Гм, недурной вопрос. — Он оставил в покое телефонный шнур. — Не знаю, но знаю... Очень может быть, что прогресс и плох, а?

Кронер изумленно поглядел на него.

— Послушай-ка, ты ведь сам прекрасно знаешь, что история уже тысячу раз давала ответ на этот вопрос.

— Отвечала? Давала, значит, ответ? А знаете, я не стал бы. Тысячу раз давала ответ, не правда ли? Ну что ж, это хорошо, это очень хорошо. Единственное, что я знаю, это что ты должен поступать так, как она хочет, или сдаваться. Не знаю, мальчик, ей-богу, не знаю. Думаю, что должен бы знать, да вот не знаю. Я просто делаю свое дело. Возможно, это и неверно.

Теперь наступил черед Кронера испугаться.

— Ну, а что вы скажете относительно того, чтобы нам немного освежиться? — бодро спросил он.

— Я целиком за что-нибудь прохладительное, — обрадованно сказал Пол.

Кронер захихикал.

— Ну вот и прекрасно, не слишком ли тебе досталось, а?

— Нет, ничего.

— Ничего, мой мальчик, выше голову.

Когда Бэйер, Пол и Кронер входили в комнату, Мама как раз говорила Аните, что в мире приходится встречаться с самыми различными людьми.

— Я просто хотела убедиться в том, понимает ли каждый, что он приехал по собственному приглашению, — сказала Анита. — И мы, Мама, ничего не могли с ним поделать.

Кронер потер руки.

— Ну как, примете нас в свою компанию?

— Отлично, отлично, отлично, — сказал Бэйер.

— Ну как, мужчины, вы хорошо развлеклись с этими вашими ужасными ружьями? — осведомилась Мама, сморщив нос.

— Шикарно, Мама, — сказал Пол.

Анита перехватила взгляд Пола и вопросительно подняла брови.

Пол чуть заметно кивнул.

Она улыбнулась и откинулась в кресле, усталая и удовлетворенная.

Мама раздала маленькие стаканчики с портвейном, пока Кронер возился с проигрывателем.

— Где она? — спросил он.

— Ну, вот еще, там, где всегда, на вертящемся столике, — сказала Мама.

— Ах, верно, вот она. Я подумал было, что кто-нибудь еще заводил, после того как я ими пользовался.

— Нет. Никто не подходил к проигрывателю со вчерашнего вечера.

Кронер держал головку адаптера над вертящейся пластинкой.

— Это специально для тебя, Пол. Когда я говорил

о приеме в компанию, я скорее подразумевал именно это, а не вино. Это и есть духовная пища. Это всегда помогает мне избавиться от плохого настроения, лучше, чем что бы там ни было.

— Я подарила ее ему в прошлом месяце, и я никогда не видела, чтобы он чему-нибудь так радовался, — сказала Мама.

Кронер опустил иголку на пластинку, поспешил к креслу и уселся, закрыв глаза, до того как начала звучать музыка.

Звук был включен на полную мощность, и внезапно репродуктор завопил:

— Оооооо, дайте мне людей, которые тверды сердцем, которые будут сражаться за правое дело, которое они обожают...

Пол обвел взглядом комнату. Кронер, притопывая, подымал и опускал ноги, одновременно покачивая головой из стороны в сторону. Мама тоже качала головой, Бэйер — тоже, а Анита — Анита проделывала это истовее их всех.

Пол вздохнул и принялся тоже покачивать головой.

— Плечом к плечу, смело, смело, они растут, шагая вперед! Оооооооо...

XIII

Лежа в постели после вечера у людей с мужественными сердцами в доме Кронера, доктор Пол Протесус, сын преуспевавшего человека, сам человек богатый и имеющий все возможности стать еще богаче, подсчитывал свои богатства. Он обнаружил, что состояние его дает ему возможность позволить себе роскошь быть честным человеком. Он стоит около трех четвертей миллиона долларов, и он мог теперь не работать ни единого дня во всей последующей жизни.

Теперь, наконец, его неудовлетворенность жизнью вылилась в совершенно определенные формы. Это была реакция на нанесенное ему оскорбление, ибо именно так это и называют все люди в любой период истории. Ему было приказано стать осведомителем и доносить

на своего друга, Эда Финнерти. Это было несомненно, и Пол встретил этот приказ с некоторым даже облегчением, подобным тому, которое испытывали все, когда десятилетия напряженного ожидания разразились, наконец, первыми выстрелами последней войны.

Теперь, наконец, он мог, черт возьми, дать себе волю и уйти.

Анита спала, полностью удовлетворенная не столько Полом, сколько социальным оргазмом, который наступил после целых лет любовных утех с обществом: ей, наконец, предложили Питсбург.

По дороге из Албани домой она произнесла монолог — подобный тому, который с успехом мог быть произнесен Шефердом. Она произвела смотр карьеры Пола с момента их женитьбы и до настоящего момента, и Пол был поражен, узнав, что путь его был устлан телами противников — людей, которые пытались переплюнуть его, но были раздавлены.

Картины этой бойни в ее описании были столь жизненны, что на какое-то мгновение ему пришлось оторваться от собственных мыслей, чтобы прикинуть, нет ли во всем, что она говорит, хоть малейшей доли истины. Он мысленно перебрал все те скальпы, которые она называла, один за другим — скальпы людей, которые пытались соперничать с ним, — и нашел, что все они прекрасно продолжают жить и работать, что их не постигло ни финансовое, ни духовное крушение. Однако для Аниты они были мертвы, застрелены в упор, навсегда сброшены со счетов.

Пол не сказал Аните, на какие условия ему пришлось бы согласиться, чтобы получить Питсбург. И он ничем не намекнул на то, что он сделает что-либо иное, как с гордостью и радостью примет этот пост.

Теперь, лежа рядом с ней, он поздравил себя с тем, что ему удалось сохранить спокойствие и проявить впервые в жизни хитрость. Он еще долгое время собирался не говорить Аните, что намерен бросить работу, до тех пор, пока она не будет подготовлена к этому. Он станет осторожно обучать ее переоценке ценностей и только после этого уйдет. В ином случае шок от того, что она окажется женой ничего не стоящего че-

ловека, может привести к трагическим последствиям. Ведь единственная позиция, на которой она может встречаться с остальным миром, — это высокий ранг ее мужа. И есть опасность, что, если она будет лишена этого ранга, она вообще утратит соприкосновение с миром или — что еще хуже — она оставит Пола.

Полу не хотелось, чтобы произошло что-нибудь подобное. Анита была предоставлена ему судьбой в качестве любимой, и он всеми силами старался ее любить. Он уже слишком хорошо знал ее, и в большинстве случаев ее самодовольное чванство он воспринимал как склонность к патетике. Кроме того, она в значительно большей степени являлась для него источником смелости, чем он признавался себе в этом.

И в сексуальном смысле она была гениальна, доставляя ему не сравнимые ни с чем радости жизни.

Кроме того, Анита своим внимательным отношением к мелочам делала возможным его рассеянное, иногда снисходительное, а иногда циничное отношение к жизни. Словом, Анита была для него всем.

Неясный страх холодком отозвался в его груди, разгоня дремоту именно в тот момент, когда он больше всего хотел бы заснуть. Он вдруг начал понимать, что и сам он тоже перенесет потрясение. Он почувствовал какую-то странную отрешенность и пустоту человека, который отказался от дальнейшего бытия. Внезапно поняв, что он, как и Анита, достоин был чего-то большего, чем его нынешнее положение в жизни, он охватил руками спящую жену и положил голову на грудь будущего товарища по несчастью.

— Мммм... — сказала Анита. — Мммм?..

— Анита...

— Мммм?..

— Анита, я люблю тебя. — У него появилось внезапное желание рассказать ей все, смешать свое сознание с ее. Однако как только он на мгновение приподнял свою голову с баюкающего тепла и благоухания ее тела, прохладный свежий воздух с Адирондака омыл его лицо, и мудрость вернулась к нему. Больше он ничего ей не сказал.

— Я люблю тебя, Пол, — пробормотала она.

XIV

У Пола Протеуса был свой секрет. Большую часть времени этот секрет приводил его в веселое расположение духа, и он время от времени чувствовал себя на вершине блаженства из-за этого секрета, особенно когда ему по работе приходилось иметь дело с сослуживцами. В начале и при завершении любой фазы работы он думал: «И черт с тобой!»

Сами они могли валить ко всем чертям, и ко всем чертям могло валить все на свете. Эта тайная отрешенность давала ему приятное сознание, будто весь окружающий его мир сцена. И, поджидая то время, когда они с Анитой будут морально готовы, чтобы бросить все, расстаться с работой и начать новую, лучшую жизнь, Пол продолжал играть свою роль управляющего Заводами Айлиум. Внешне, в качестве управляющего, он ни в чем не изменился; однако внутренне он немного пародировал поведение мелких и менее свободных душ, которые всерьез воспринимали эту работу.

Он никогда особенно не увлекался чтением художественной литературы, но сейчас у него появился интерес к повестям, в которых герой живет энергичной жизнью, имея дело непосредственно с природой, и зависит от основных своих качеств — ловкости и физической силы, дающих ему возможность выжить. Он теперь любил читать о лесорубах, моряках, скотоводах...

Он читал об этих героях, и на губах его играла полуулыбка. Он знал, что его восхищение ими было в известной степени детским, и сомневался в том, что жизнь вообще может быть такой чистой, сердечной и приносить столько удовлетворения, как это изображено в книгах. И все же во всех этих рассказах был идеал, которым он мог вдохновляться. Он хотел иметь дело не с обществом, а просто с землей, с землей в том виде, в каком господь дал ее человеку.

— Это хорошая книга, доктор Протеус? — спросила доктор Катарина Финч, его секретарь. Она вошла в кабинет с большой серой картонной коробкой в руках.

— О, хелло, Катарина, — он с улыбкой отложил книгу. — Что это не настоящая литература, я могу гарантировать. Просто приятно расслабиться. История людей, плавающих на баржах по старому каналу Эри. — Он похлопал по широкой голой груди героя на обложке. — Теперь таких людей больше не выпускают. А что в этой коробке? Что-нибудь для меня?

— Это ваши рубашки. Они только что прибыли по почте.

— Рубашки?

— Для Лужка.

— Ах вот оно что! Откройте-ка их. Какого они цвета?

— Синие. Вы в этом году в Команде Синих. — Она выложила рубашки к нему на письменный стол.

— О нет, — Пол стоял и, держа на вытянутых руках одну из темно-синих рубашек с короткими рукавами, разглядывал ее. Грудь каждой из рубашек была перечеркнута золотыми буквами, составляющими слово «капитан». — Ох, клянусь господом, Катарина, это уж чересчур.

— Это большая честь, не правда ли?

— Честь! — он шумно вздохнул и покачал головой. — В течение четырнадцати дней, Катарина, я в качестве ярмарочной королевы или капитана Команды Синих должен буду руководить своими людьми в групповых спевках, маршах, кроссах, волейбольных играх, верховой езде, организовывать травяной хоккей, гольф, бадминтон, стрельбу по тарелкам, захват флага, индейскую борьбу, гандбол и должен буду пытаться столкнуть других капитанов в озеро*. Ох!

— Доктор Шеферд был очень доволен.

— Я ему всегда нравился.

— Нет, я хотела сказать, что он очень доволен тем, что и он сам капитан.

— О? Шеферд — капитан? — Пол поднял брови, и это было частью старого рефлекса, реакция человека, который пробыл в системе уже порядочное количество

* Здесь игра слов. Одновременно предложение значит: «и буду стараться посылать всех других капитанов к черту».

лет. Быть выбранным капитаном одной из четырех команд и в самом деле было немалой честью, если только человеку охота придавать значение подобным вещам. Именно этим способом высокопоставленные тузы проявляли свое расположение, и в политическом смысле то, что на Шеферда пал выбор, было поразительно. Шеферд в Лужке всегда был ничем и славился всего лишь как нападающий в команде травяного хоккея. И вдруг сейчас его неожиданно назначили капитаном.

— В какой команде?

— Зеленой. Его рубашки у меня на письменном столе. Зеленые с оранжевыми буквами. Очень мило.

— Зеленые, да?

Что ж, если человеку охота придавать значение подобным вещам, зеленые стояли в самом низу неофициальной иерархии команд. Это было одно из трех правил, которое прекрасно понимали все, хотя никто по этому поводу не произносил ни слова. Если уж заниматься этими пустяками, то Пол мог бы поздравить себя с назначением на пост капитана синих, которая опять-таки всеми воспринималась, как самая достойная команда. Правда, теперь это не составляло для него никакой разницы. Абсолютно никакой. Глупости все это. И пусть оно все катится ко всем чертям.

— Да, на рубашки они вам не покупились, — сказала Катарина, пересчитывая белье. — Девять, десять, одиннадцать, двенадцать.

— Этого далеко не достаточно. На протяжении двух недель только и знаешь, что пьешь и потеешь, пьешь и потеешь, пьешь и потеешь, пока не начинаешь чувствовать себя самым настоящим насосом. Там такого количества хватит всего на один день.

— Гм. Но, к сожалению, это все, что было в коробке, да еще вот эта книжка. — И она протянула ему томик, похожий на сборник гимнов.

— Господи, это «Песенник Лужка», — устало сказал Пол. Он откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. — Выберите, Катарина, любую из песен и прочтите ее вслух.

— Вот песня Команды Зеленых, команды доктора

Шефферда. На мотив увертюры к «Вильгельму Теллю».

— На мотив целой увертюры?

— Здесь так сказано.

— Ну что ж, валяйте попробуйте.

Она откашлялась, прочищая горло, попыталась тихонько запеть, но передумала и стала просто читать:

Зеленые, о Зеленые, о Зеленые, вот это команда!

Самая сильная в мире!

Красные, Синие и Белые будут визжать,

Когда

Они увидят великую Зеленую Команду!

— Просто волосы на груди становятся дыбом от страха, а, Катарина?

— Боже мой, но ведь как здорово там будет! Вы сами прекрасно знаете, что там будет очень здорово.

Пол открыл глаза и увидел, что Катарина читает следующую песню, причем глаза ее сияют от волнения и она в такт мелодии раскачивает головой.

— А что вы читаете сейчас?

— О, как бы я хотела быть женщиной! Я как раз сейчас читаю вашу песню.

— Мою?

— Песню Команды Синих.

— Ах да, мою песню. Ну что ж, во всяком случае, давайте ее послушаем.

Она насвистела несколько ритмов из «Индианы», а потом запела на этот раз, пожалуй, с выражением:

О Команда Синих, ты испытанная и закаленная команда,

И нет команд столь же хороших, как ты!

Ты разгромишь Зеленых, а также Команду Красных,

А Команду Белых ты раздавишь тоже.

Не лучше ли сматывать удочки перед твоей яростью

И мчаться в спешке, не раздумывая.

Потому что Команда Синих — испытанная и закаленная

команда.

И нет команд столь же хороших, как ты!

— Хмм...

— И я уверена, что вы действительно выиграете. Я это знаю, — сказала Катарина.

— А вы будете на Материке? — Материком назывался лагерь для жен и детей, а также для служащих-

женщин, чье продвижение по службе все еще не было завершено. Он был отделен проливом от Лужка — острова, на котором собирались мужчины.

— Ближе я попасть не смогу, — сказала Катарина с оттенком зависти.

— И поверьте мне, это достаточно близко. Скажите, а Бад Колхаун едет?

Она покраснела, и он сразу пожалел, что задал этот вопрос.

— У него было приглашение, я знаю, — сказала она, — но это было до того, как... — Она огорченно пожала плечами. — Вы ведь знаете, что сказано в «Установлениях».

— Машины больше не в состоянии терпеть его, — мрачно сказал Пол. — Почему бы им не сделать приспособление, которое давало бы человеку бесплатную выпивку, прежде чем его вышибут? Не знаете ли, что с ним сейчас?

— Я не разговаривала с ним и не видела его, но я все же позвонила в контору Мэтисона и спросила, что собираются с ним сделать. Они сказали, что он будет контролером проектов для, — тут ее голос дрогнул, — для кррахов. — Здесь чувства ее не выдержали, и она выбежала из кабинета Пола.

— Уверен, что он с этим великолепно справится! — крикнул ей вслед Пол. — Готов прозакладывать что угодно, что через год мы не узнаем собственного города, если только он будет придумывать, чем следует заниматься кррахам.

На ее столе зазвонил телефон, и она передала Полу, что доктор Эдвард Финнерти стоит у ворот и желает поговорить с ним.

— Свяжите его по рукам и по ногам, наденьте ему на голову мешок, и пусть четверо конвойных введут его. С примкнутыми штыками, конечно. И не забудьте описать все это доктору Шеферду.

Десять минут спустя вооруженный охранник препроводил Финнерти в кабинет Пола.

— Боже мой, вы только поглядите на него! — воскликнул Пол.

Волосы Финнерти были аккуратно подстрижены и

гладко причесаны, лицо румяное, сияющее и чисто выбритое, а костюм его, хотя и поношенный, был выглажен и тщательно вычищен.

Финнерти недоумевающе поглядел на него, как будто не понимая, из-за чего это он поднял такой шум.

— Я хотел воспользоваться твоей машиной.

— Только торжественно пообещай стереть все отпечатки пальцев, когда закончишь свои дела.

— О, ты, наверное, злишься на меня из-за этой истории с пистолетом. Извини, что я выбросил его в речку.

— Значит, ты знаешь об этой истории?

— Конечно, и как Шефферд написал на тебя докладную о том, что ты пустил меня на завод без сопровождающего. Силен. — Проведя менее недели в Усадьбе, Финнерти успел усвоить грубоватые вульгарные манеры, искусственность которых сразу бросалась в глаза. Казалось, что теперь его просто нельзя заподозрить в дружбе с кем-либо из уважаемых людей.

— Откуда ты все это знаешь?

— Ты просто поразился бы, если бы знал, кто и о чем знает и каким образом они добывают сведения. Просто обалдеешь, поняв, что творится в этом мире. У меня только сейчас начинают открываться глаза. — Он наклонился к Полу в порыве искренности. — И знаешь, Пол, я нахожу себя. Наконец я начинаю находить себя.

— И как же ты выглядишь, Эд?

— Эти несчастные простачки по ту сторону реки — вот люди, среди которых мое место. Они настоящие, Пол, настоящие.

Пол никогда не сомневался в том, что они настоящие, и поэтому не знал, как ему откликнуться на столь важное сообщение Финнерти.

— Ну что ж, я рад, что ты, наконец, после стольких лет нашел себя, — сказал он. Финнерти постоянно находил себя с тех пор, как Пол познакомился с ним. А спустя несколько недель он обычно оставлял этот свой вновь обретенный облик с яростным возмущением к самозванцу и тут же открывал нового. — Это просто великолепно, Эд.

— А как насчет ключей от машины? — спросил Финнерти.

— Не будет ли бестактностью спросить, зачем?

— Она мне нужна. Я хочу взять свои вещи у тебя и отвести их к Лэшеру.

— Ты живешь вместе с Лэшером?

Финнерти утвердительно кивнул.

— Просто поразительно, как здорово мы это наладили с самого начала. — В его тоне чувствовалось неприкрытое презрение к поверхностной жизни Пола. — Ну, так ты дашь ключи?

Пол бросил их ему.

— Как ты намерен провести остаток своей жизни, Эд?

— С людьми. Там мое место.

— Ты знаешь, что тебя разыскивают фараоны из-за того, что ты не зарегистрировался?

— Это придает жизни особую прелесть.

— Тебя же могут засадить в тюрьму!

— Ты боишься жить, Пол. И в этом все дело. Ты знаешь Торо и Эмерсона?

— Имею очень смутное представление. Примерно такое же, какое было у тебя до того, как Лэшер тебя проконсультировал, готов держать пари.

— Во всяком случае, Торо оказался в тюрьме, потому что не платил налогов, которые должны были пойти на финансирование Мексиканской войны. Он был против войны. И Эмерсон пришел к нему в тюрьму на свидание. «Генри, — сказал он, — почему ты здесь?» И Торо ответил: «Ралф, почему ты не здесь?»

— По-твоему, мне следовало бы желать попасть в тюрьму? — спросил Пол, пытаясь извлечь для себя какую-нибудь мораль из этого анекдота.

— Страх перед тюрьмой не должен мешать тебе делать то, во что ты веришь.

— Он и не мешает. — Пол понял, что очень трудно найти то, во что можно было бы по-настоящему верить.

— Раз не мешает, значит не мешает. — В голосе Финнерти явно слышалось недоверие. По-видимому, друг с северного берега реки со всей его огра-

ниченностью начал его раздражать. — Спасибо за машину.

— Всегда в твоём распоряжении. — Пол почувствовал облегчение, когда за новым Финнерти — Финнерти этой недели — захлопнулась дверь.

Катарина опять открыла дверь.

— Он меня пугает, — сказала она.

— Вам совсем не следует пугаться. Он растрчивает всю свою энергию на игры с самим собой. У вас звонит телефон.

— Это доктор Кронер, — сказала Катарина. — Да, — сказала она в телефонную трубку. — Доктор Протеус у себя.

— Не будете ли вы любезны позвать его к телефону, — сказала секретарь Кронера.

— Доктор Протеус слушает.

— Доктор Протеус у телефона, — сказала Катарина.

— Одну минуточку. Доктор Кронер хочет с ним говорить. Доктор Кронер, доктор Протеус из Айлиума на линии.

— Хелло, Пол.

— Как поживаете, сэр?

— Пол, я по поводу этой истории с Финнерти и Лэшером... — Его игривый тон как бы говорил о том, что все дело с этими двумя не более как милая шутка. — Я хочу сказать тебе, что я звонил в Вашингтон по этому поводу, чтобы ввести их в курс того, что мы тут собираемся делать, а они сказали, что нам пока что не следует вмешиваться. Они говорят, что все это следует хорошенько спланировать и на более высоком уровне. По-видимому, все значительнее, серьезнее, чем я предполагал. — Голос его упал до шепота. — Вся эта история начинает принимать масштабы общенациональной проблемы, не просто Айлиума.

Пол обрадовался, что наступила оттяжка, но причины ее его поразили.

— Каким же это образом Финнерти может оказаться проблемой в национальном масштабе или хотя бы айлиумском? Ведь он здесь всего несколько дней.

— Незанятые руки выполняют работу дьявола,

Пол. Он, по всей вероятности, возвращается в дурной компании, а нам нужно заполучить именно эту дурную компанию. Во всяком случае, большое начальство хочет участвовать во всех наших действиях, и они желают встретиться с нами по этому поводу на Лужке. Минуточку, это будет через шестнадцать дней.

— Отлично, — сказал Пол и про себя добавил выражение, которым он как бы припечатывал все свои официальные занятия в эти дни. «И валите вы все ко всем чертям».

У него не было ни малейшего намерения становиться осведомителем и следить за кем бы то ни было. Ему просто хотелось выждать некоторое время, пока они с Анитой не смогут сказать громко: «Валите ко всем чертям, пусть все проваливает ко всем чертям».

— Мы тут очень много о тебе думаем, Пол.

— Благодарю вас, сэр.

Кронер с минуту помолчал. Потом он неожиданно так заорал в телефон, что у Пола чуть не лопнула барабанная перепонка.

— Простите, сэр? — Слова, произнесенные Кронером, прозвучали настолько громко, что причинили только боль, но совершенно невозможно было уловить хоть какой-нибудь смысл.

Кронер издал короткий смешок и чуть понизил голос:

— Я спросил, кто собирается выиграть, Пол?

— Выиграть?

— Лужок, Пол, Лужок! Кто собирается выиграть?

— О, Лужок, — сказал Пол. Этот разговор походил на бред. Кронер орал что-то страстно и восторженно, а Пол совершенно не представлял себе предмета разговора.

— Так какая команда? — спросил Кронер чуть брюзгливо.

— О! О! Команда Синих выиграет! — Пол набрал полные легкие воздуха. — Синие! — выкрикнул он.

— Можете прозакладывать собственную голову — мы выиграем! — крикнул ему в ответ Кронер. — Синие поддерживают вас, капитан!

Следовательно, Кронер тоже входил в состав Коман-

ды Синих. И он принялся напевать своим грохочущим басом:

О Команда Синих, ты испытанная и закаленная команда,
И нет команд столь же хороших, как ты!
Ты разгромишь Зеленых, а также Команду Красных,
А Команду Белых ты раз...

Песню прервал выкрик: «Выиграют Белые! Вперед, Белые!» Это был Бэйер.

— Значит, вы надеетесь, что выиграют Синие, да, не так ли? Выиграют? Думаете, Синие выиграют, а? Так ведь Белые причешут, причешут вас — ха, ха, — они из вас всю пыль вышибут, из Синих.

Послышался смех, поддразнивание, возня, и тут Кронер вновь начал песню Команды Синих с того самого места, где его прервали:

Не лучше ли сматывать удочки перед твоей яростью
И мчаться в спешке, не раздумывая.
Потому что...

Пронзительный голос Бэйера прорвался сквозь бас Кронера, распевая песню Команды Белых на мотив песни «Звук шагов»:

Белые, Белые, Белые — вот за кем следите.
Синие, Зеленые, Красные слезами залиются
Из-за яростного рывка Белых.
Они будут вышиблены из...

Шум возни стал еще громче, и песни переросли в хохот и пыхтение. В трубке Пола раздался щелчок, чей-то крик, затем еще щелчок и сигнал зуммера.

Влажной рукой опустил Пол трубку. «До Лужка не может быть и речи об уходе, — мрачно подумал он. — Никакого перевоспитания Аниты и ухода в эти немногие оставшиеся дни». Придется ему вынести Лужок, и, что еще хуже, вынести его в качестве капитана Команды Синих.

Его взгляд скользнул по загорелой волосатой груди, простым серым глазам и мощным бицепсам человека на книжной обложке, и мысли его легко и благодарно переключились на сказочную, новую и хорошую жизнь, которая ждет его впереди. Где-то, вне общества, было место для мужчины — для мужчины и

его жены, — чтобы вести сердечную естественную жизнь, пользуясь плодами рук своих и собственного ума.

Пол изучающе оглядел свои длинные изнеженные руки. Единственная мозоль была на большом пальце правой руки. Там, выпачканный в грязно-оранжевый цвет сигаретными окурками, вырос толстый буторок, защищающий его палец от давления ручки или карандаша. Искусные — вот как назывались руки героев прочитанных им книг. До сего времени руки Пола научились очень немногому, помимо держания ручки, карандаша, зубной щетки, щетки для волос, бритвы, ножа, вилки, ложки, чашки, очков, водопроводного крана, дверной ручки, выключателя, носового платка, полотенца, застежки-«молнии», пуговицы, затвора фотоаппарата, куска мыла, книги, гребня, жены или руля автомобиля.

Он вспомнил дни в колледже, и у него возникла уверенность в том, что там он научился некоторым занятиям, достойным мужчины. Он научился делать чертежи. Ведь именно тогда на его пальце начала расти мозоль. А чему же еще? Он научился так запускать мяч, что тот отлетал по нескольку раз от нескольких стен, приводя в замешательство многих из его противников по сквошу*. Пол даже добился участия в четвертьфинале по сквошу два года подряд на соревнованиях на первенство целого района. И добился он этого вот этими самыми своими руками.

А что же еще?

Он опять испытал чувство неловкости — страх, что он умеет слишком мало для того, чтобы выйти из системы и жить более или менее удовлетворительно. Он мог бы завести какое-нибудь небольшое дело, заняться чем-нибудь как человек, за которого он выдавал себя, когда хотел оставаться неузнанным — например, бакалейной торговлей. Но тогда ему пришлось бы быть тесно связанным с экономической сумятицей и с ее иерархией. Машины вышибут его из этого бизнеса; а если и оставят ему это место, то тут уж будет

* Сквош — игра в мяч вроде тенниса.

никак не меньше бессмыслицы и позы. Более того, несмотря на то, что Пол теперь все время посылал ко всем чертям всю систему, он все же создал, что не требующее особой квалификации занятие куплей и продажей унижало бы его. Ну его к черту. Единственное стоящее занятие — это полнейшее безделье, что Пол, конечно, мог себе позволить, но это было бы столь же аморально, сколь аморально само пребывание в системе.

Фермерство — вот оно магическое слово! Как и многие другие слова с налетом сказочного прошлого, слово «фермерство» напоминало о том суровом времени, на смену которому пришло сегодняшнее поколение, и о том, какую суровую жизнь может в случае необходимости вести человек. Слово это почти утратило свое значение в настоящее время. Теперь уже не было больше фермеров, а только агрономы-инженеры. Тысячи поселенцев когда-то находили себе пропитание на тучных землях Ирокезской долины графства Айлиум. Теперь же фермерское хозяйство всего графства находилось в руках доктора Орманда ван Курлера, который справлялся со всей работой при помощи сотни человек и парка сельскохозяйственных машин стоимостью в несколько миллионов долларов.

Фермерство. Пульс Пола участился, и он принялся грезить наяву о жизни в одном из многих рассыпанных по всей долине фермерских домиков с осевшим фундаментом. В своих мечтах он избрал для себя именно такой домик, стоящий у самой городской окраины. Внезапно он сообразил, что эта ферма, маленький осколок прошлого, не входила в систему фермерского хозяйства ван Курлера. Он был почти уверен в том, что она не входила.

— Катарина, — нетерпеливо позвал он, — позовите мне к телефону управляющего недвижимым имуществом Айлиума.

— Контора по продаже недвижимого имущества Айлиума. Говорит доктор Понд. — Доктор Понд говорил в манерном тоне, чуть шепелявя.

— Доктор Понд, с вами говорит доктор Протеус с Заводов.

— Да? Чем могу быть полезен, доктор Протеус?

— Вы знаете фермерский домик на Кинг-стрит у самой городской черты?

— Ммм... Одну минуточку. — Пол услышал, как машина с треском перебирала карточки, а затем прозвенел звонок, говорящий о том, что нужная карточка отыскана. — Да, это дом Готтвальда. Карточка у меня перед глазами.

— Как обстоят дела с ним?

— Хорошенький вопрос! А как им обстоять, хотел бы я знать? Для Готтвальда это было хобби, знаете, — сохранить ферму в том виде, в котором содержались эти старинные фермы. Когда он умер, его наследники хотели продать ее ван Курлеру, однако тот решил, что ему нет смысла возиться с нею. Там всего двести акров, а ему пришлось бы переделывать всю систему заграждений от ветра ради того, чтобы с должной эффективностью пользоваться землей. А потом наследники узнали, что они и в любом случае не могли бы продать ее системе. В завещании указано, что участок этот вместе с домом должен сохраняться в том же старомодном стиле, — он горько рассмеялся. — В общем все, что досталось наследникам от Готтвальда, — так это головная боль.

— Сколько?

— Вы что — всерьез? Это ведь музейный экспонат, доктор. Я хочу сказать, что почти никакой механизации там нет. Даже если вам удастся обойти ограничения завещания, придется затратить многие тысячи, чтобы навести там хоть какой-нибудь порядок. Восемнадцать тысяч, как указано в карточке. — И прежде чем Пол успел согласиться, Понд добавил: — Однако вы могли бы получить ее за пятнадцать, я уверен. Что бы вы сказали о двенадцати?

— Можно ли внести в качестве аванса пятьсот долларов, чтобы быть уверенным, что ее никто не перехватит, пока я осматриваю все на месте?

— Не то что перехватывать, а просто взять ее никто не собрался за четырнадцать лет. Если вам так хочется, то можете спокойно пойти туда и осмотреть. Но после того как вы откажетесь, я смогу вам предло-

жить несколько по-настоящему милых вещей. — Машина опять принялась рыскать по картотеке. — Вот, например, очень милый георгианского стиля дом на Гриффинском бульваре. Электронный открыватель дверей, термостатически контролируемые окна, радарная установка, электростатические пылеулавливатели, ультразвуковые стиральные машины, встроенные на кухне, сорокадюймовые телевизионные экраны в хозяйской спальне, в гостиной, в жилой комнате, на кухне и в комнате для гостей, а также двадцатидюймовые в комнатах для прислуги и в детских, а...

— Где я могу получить ключи от фермы?

— Ах вот в чем дело. Ну что ж, чтобы вы более ясно представили себе, во что вы впутываетесь, скажу вам, что там вообще нет замка. Там имеется щеколда.

— Щеколда?

— Да, да, именно щеколда. Мне пришлось лично отправиться туда, чтобы поглядеть, что из себя представляет эта идиотская штука. На внутренней стороне двери имеется защелка с маленьким рычажком, просунутым сквозь дырочку в двери, так что он проходит наружу. Если вам не хочется, чтобы к вам заходили, вы просто вытаскиваете из двери этот рычажок. Жуть, правда?

— Ничего, я как-нибудь переживу это. А сейчас рычажок выставлен наружу?

— Там есть человек из крахов, который присматривает за этим домом. Я позвоню ему и попрошу выставить рычажок. Скажу по секрету, я уверен, что они согласятся и на восемь тысяч.

XV

Рычажок щеколды в доме Готтвальда был высунут наружу в ожидании прихода доктора Пола Протеуса.

Он надавил его, с удовлетворением услышал, как щеколда, звякнув, приподнялась внутри, и вошел. Маленькие, покрытые пылью окна слабо пропускали в комнату свет, да и тот умирал, не отразившись на матовой, темной поверхности старинной мебели. Поло-

вицы, подобно трамплину, вздымались и проваливались под ногами Пола.

— Дом дышит в такт с вами, как хорошее белье, — произнес из темноты шепелявый голос.

Пол посмотрел в угол, откуда донесся голос. Человек затянулся сигаретой, и она красным заревом осветила лунообразное лицо.

— Доктор Протеус?

— Да.

— Я доктор Понд. Если желаете, я включу свет.

— Прошу вас, доктор.

— А знаете ли — включать-то здесь нечего. Всюду только керосиновые лампы. Желаете помыть руки или просто умыться?

— Ну, я...

— Потому что если вы действительно хотите, то для этого на заднем дворе есть насос и отхожее место подле курятника. Может быть, вам желательно осмотреть насквозь прогнившие теплицы, свинарник и навозные тачки, а может, нам лучше сразу отправиться к тому георгианскому особняку, что на бульваре Гриффина? — Понд вышел на середину комнаты, где они могли свободно разглядеть друг друга.

Доктор Понд был очень молодой полный человек, он производил впечатление честного человека, искренне удрученного окружающей обстановкой.

— Нет, я вижу вы действительно преисполнены решимости продать мне эту недвижимость, — со смехом сказал Пол. Каждая новая несуразность заставляла его с еще большей страстью претендовать именно на эту ферму. Это было полностью изолированное, забытое богом место, отрезанное от всех и вся, от стремительного бега истории, общества и экономики.

— На мне лежит вполне определенная ответственность, — осторожно заметил доктор Понд. — Администратор, чьи знания не выходят в известной степени за границы «Инструкции», похож на судно без руля.

— Разве? — не слушая его, сказал Пол. Сейчас он глядел в окно на скотный двор, где сквозь открытую дверь сарая он видел плотный крутой бок коровы.

— Да, — сказал доктор Понд, — он похож на суд-

но без руля. Взять хотя бы, к примеру, нас с вами: в «Инструкции» об этом не сказано ни слова, но я лично считаю своим долгом всякий раз убедиться, что каждый человек получает дом, соответствующий его положению в обществе. То, в какой обстановке живет человек, может помочь ему в служебном продвижении или, наоборот, помешать, это может повысить или понизить стабильность и престиж в целой системе.

— Вы сказали, что всю эту ферму я мог бы приобрести за восемь тысяч?

— Простите, доктор, но вы ставите меня в неловкое положение. Сначала, когда вы только позвонили мне, я, конечно, с радостью ухватился за эту возможность, потому что эта ферма сидела во мне, как заноза, многие годы. Но потом я все же опомнился, и, понимаете, я просто не могу позволить вам это.

— Я покупаю. Скот тоже входит в эту цену?

— В эту цену входит абсолютно все. Именно так и сказано в завещании Готтвальда. Все это должно сохраняться именно в том виде, в каком оно находится сейчас, и здесь должно вестись фермерское хозяйство. Вы понимаете, насколько это абсурдно? А теперь едемте вместе на бульвар Гриффина, где, как я уже сказал, есть дом, будто специально построенный для управляющего Заводами Айлиум. — Когда он произносил полный титул Пола, голос его звучал подобно фанfare.

— Мне нравится этот дом.

— Если вы вынудите меня продать его вам, мне придется уйти с работы. — Доктор Понд покраснел. — Мой классификационный номер позволяет мне вдвое больше вашего, однако и у меня есть свои представления о чести.

Слова эти, произнесенные Пондом, оказались Полу настолько забавными, что он чуть было не расхохотался. Но затем, обратив внимание на волнение Понда, он понял, что все, о чем тот толковал, действительно было честностью. Этот поросенок на своей поросычьей должности имеет свои поросычьи принципы и ради них готов пожертвовать своей поросычьей жизнью. Полу представилась вся современная цивилизация в виде гигантской

и дырявой плотины, вдоль которой тысячи людей, podobных доктору Понду, растянулись колонной до самого горизонта, причем каждый из них свирепо затыкал пальцем течь.

— Конечно же, это будет для меня просто хобби, забавой, — солгал Пол. — Жить-то я буду там же, где я живу сейчас.

Доктор Понд со вздохом опустился в кресло.

— О! Слава богу! О! Вы даже не представляете себе, насколько мне теперь легче. — Понд нервно рассмеялся. — Конечно, конечно, конечно. И вы оставите мастера Хэйкокса на его месте?

— А кто это — мистер Хэйкокс?

— Кррах, который не дает этой ферме прийти в запустение. Он числится за КРР, но его работу, конечно, оплачивают из денег Готтвальда. Вам придется поступать так же.

— Я хотел бы с ним познакомиться.

— Он ведь тоже осколок старины. — Понд схватился руками за голову. — Ну и местечко же! Знаете, я ведь было подумал, что вы сошли с ума, просто с ума сошли. Но кто платит волынщику, тот заказывает и музыку.

— Если только он не ставит под угрозу систему.

— Совершенно справедливо! И это настолько здорово, что слова эти можно было бы высечь над каминном, но я не уверен, что завещание позволит вам это.

— А что вы скажете относительно слов: «После нас хоть потоп?» — поинтересовался Пол.

— Хмм?.. — доктор Понд попытался уловить смысл цитаты, затем он, по-видимому, решил, что это какое-то архаическое высказывание, нравящееся тем, кто разбирается в поэзии, и улыбнулся. — Также очень мило. — Однако слово «потоп», видимо, все же запечатлелось у него в сознании.

— Да, я вот еще хотел поговорить с вами относительно здешнего подвала: у него земляной пол, и там-то уже действительно сыро.

Понд высунулся в заднюю дверь и, потянув носом сладковатый и душный запах лежащего на солнце навоза, поморщился и крикнул:

— Мистер Хэйкокс. Эй, мистер Хэйкокс!

Пол отворил заднюю стенку старых часов. «Черт возьми, — произнес он про себя, — да ведь здесь все выточено из дерева».

Он сверился со своими часами — антиударным, водонепроницаемым, антимагнитным, со светящимся циферблатом, самозаводящимся хронометром, который Анита подарила ему на рождество, — и обнаружил, что дедовские часы ушли вперед на двенадцать минут. Поддавшись какому-то атавистическому порыву, он перевел стрелки своих часов по стрелкам музейного экспоната, механизм которого отмерял и отстукивал секунды с грохотом, подобным тому, который издает деревянное судно, подхваченное сильным ветром.

Дом этот был, несомненно, одним из самых старых во всей долине. Грубые балки потолочного перекрытия нависали над самой головой Пола, очаг камина совершенно потемнел от копоти, и во всем доме не было ни одного по-настоящему прямого угла. Казалось, что дом, подобно спящей собаке, ворочался и умащивался на своем фундаменте до тех пор, пока, наконец, не нашел самое удобное для себя положение.

Но более примечательным было то, что дом соответствовал особым, чтобы не сказать чужаковатым, чаяниям Пола. Вот место, где он сможет трудиться, добывая собственными руками средства к существованию, отвоевывая их непосредственно у самой природы, и где его никто не будет беспокоить, за исключением собственной жены. И не только это — ведь Анита, с ее любовью к образу жизни первых колонистов, будет очарована, даже можно сказать — ошеломлена этим абсолютно подлинным микромиром прошлого.

— Ага, — сказал доктор Понд, — вот, наконец, и мистер Хэйкокс. Он даже не считает нужным отозваться, когда его зовут. Просто идет себе не торопясь.

Пол следил за медленно шагающим по унавоженной земле скотного двора мистером Хэйкоксом. Смотрителем фермы оказался старик с коротко подстриженными седыми волосами, дубленой загорелой кожей и, подобно Руди Гертцу, с невероятно большими руками. Но в отличие от Руди мистер Хэйкокс был сухо-

щав. У него были мощные закаленные мускулы и здоровый цвет лица. Единственная дань, которую взяли с него время, были, по-видимому, зубы, их у него осталось маловато. Он мог прекрасно играть роль в инсценировке из жизни древних фермеров. На Хэйкоксе были старомодная бумажная одежда, широкополая соломенная шляпа и грубые, тяжелые рабочие ботинки.

Как бы для того, чтобы еще больше подчеркнуть в глазах Пола анахронизм мистера Хэйкокса и всей фермы Готтвальда, по ту сторону ограждения от ветра появился один из работников доктора Орманда ван Курлера. Он сидел на тракторе в безупречно белом комбинезоне, красной бейсбольной шапке, легких сандалиях и в белых перчатках, которые, подобно рукам Пола, почти никогда не касались ничего, кроме рулевого колеса, рычагов или выключателей.

— Чего нужно? — спросил мистер Хэйкокс. — Чего еще случилось?

Голос у него был сильный. В нем совершенно не было той покорной приниженности, которую так часто наблюдал Пол у кррахов. Мистер Хэйкокс держал себя так, как будто именно он был владельцем фермы, и поэтому разговор должен быть кратким и деловым. Чувствовалось: чего бы от него ни потребовали, все это яйца выеденного не стоит по сравнению с тем, чем он занят в данный момент.

— Доктор Протеус, это мистер Хэйкокс.

— Как поживаете? — сказал Пол.

— Здрасьте, — сказал мистер Хэйкокс. — Что это еще за доктор?

— Доктор наук, — сказал Пол.

На лице мистера Хэйкокса отразилось недоверие и разочарование.

— Это я не называю доктором. Есть три доктора: дантист, ветеринар и психиатр. Вы один из них?

— К сожалению, нет.

— Значит, вы и не доктор.

— Нет, он доктор, — добросовестно попытался объяснить доктор Понд. — Он умеет поддерживать здоровье у машин. — Понд попытался вдолбить в голову этого простака уважение к диплому.

— Значит, механик, — определил мистер Хэйкокс.

— Видите ли, — сказал доктор Понд, — можно пойти учиться в колледж и выучиться там на специалиста по любым предметам, помимо лечения людей или животных. В конечном счете, хочу я сказать... Современное общество остановилось бы в своем развитии, если бы не было людей, достаточно образованных для того, чтобы заставить гладко работать сложнейшие части механизма цивилизации.

— Угу, — апатично отозвался мистер Хэйкокс. — Так что, это вы заставляете их работать гладко?

Доктор Понд скромно улыбнулся в ответ.

— Я провел семь лет в Корнеллиевской высшей школе по управлению недвижимым имуществом, — пояснил он, — и только после этого получил диплом доктора по управлению недвижимостью, а потом и эту мою должность.

— И вы тоже называете себя доктором, так, что ли? — спросил мистер Хэйкокс.

— Я полагаю, что никакой ошибки не будет, если скажу, что я заслужил эту степень, — холодно ответил доктор Понд. — Моя диссертация была третьей по объему из всех написанных в стране за тот год — восемьсот девяносто шесть страниц, через один интервал и с узкими полями.

— Продавец недвижимой собственности, — сказал мистер Хэйкокс. Он переводил взгляд с Пола на доктора Понда и обратно, ожидая, не скажут ли они чего-нибудь такого, что заслуживало бы его внимания. И поскольку они в течение двадцати секунд так и не смогли отозваться на его молчаливый вопрос, он повернулся, собираясь уходить.

— В таком случае я тоже доктор коровьего, куриного и свиного навоза, — сказал он. — Когда вы, доктора, наконец, решите, чего вам нужно, вы найдете меня на скотном дворе, где я буду ворошить лопатой мою диссертацию.

— Мистер Хэйкокс! — яростно рявкнул доктор Понд. — Вы останетесь здесь до тех пор, пока мы не закончим разговора с вами.

— Я думал — вы кончили. — Он остановился и застыл совершенно неподвижно.

— Доктор Протеус покупает ферму.

— Мою ферму? — Мистер Хэйкокс медленно повернулся к ним, теперь в его глазах появился, наконец, интерес.

— Ферму, за которой вам поручено присматривать, — сказал доктор Понд.

— Ферма моя.

— Ферма принадлежала Готтвальду, — сказал доктор Понд.

— Разве этот человек жив?

— Вы знаете, он умер.

— А я человек, и я жив. А если говорить по-человечески, то вот эта ферма больше принадлежит мне, чем кому бы то ни было. Я единственный, кто когда-либо заботился о ней, единственный, кто что-нибудь здесь сделал. — Он простодушно повернулся к Полу. — Вы знаете, в завещании сказано, что вам придется держать ее так, как она есть?

— Это входит в мои намерения.

— И держать меня на работе, — добавил мистер Хэйкокс.

— Я пока что еще в этом не уверен, — сказал Пол. Это было осложнение, которого он никак не мог предвидеть. Ведь по его планам ему предстояло трудиться здесь самому. В этом-то и был весь смысл его затей.

— В завещании этого не сказано, — сказал доктор Понд, радуясь, что, наконец, нашлось что-то такое, что поможет ему приструнить мистера Хэйкокса.

— Все равно вам придется держать меня на работе, — сказал мистер Хэйкокс. — Это все сделал я. — Он жестом указал на двор и постройки. — Это все сделано мной.

— Готтвальд купил эту ферму у отца мистера Хэйкокса, — пояснил доктор Понд. — И я полагаю, что существовало какое-то джентльменское соглашение относительно того, что мистер Хэйкокс пожизненно будет здесь смотрителем.

— Джентльменское, черта с два! — сказал Хэйкокс. — Он пообещал, Готтвальд пообещал. Все это

принадлежало нашей семье больше ста лет — намного больше. И я последний в нашем роду, а Готтвальд пообещал, клянусь богом, он пообещал, что это будет все равно что мое, пока не настанет час мне уходить.

— Ну что ж, вот этот час и настал, — сказал доктор Понд.

— Пока я не отойду, вот что говорил Готтвальд, пока я не умру. Я уже прожил, сынок, вдвое больше, чем ты, да и протяну еще вдвое больше твоего. — Он поближе придвинулся к доктору Понду, как бы пронизывая его взглядом. — За свою жизнь я перетаскал столько тачек с дерьмом, что вышвырнуть за забор такого огарка, как ты, мне будет совсем нипочем.

Широко раскрыв глаза, доктор Понд попятился.

— Мы еще посмотрим, — едва слышно пробормотал он.

— Погодите-ка, — поспешно сказал Пол, — я думаю, что мы сможем это утрясти. Как только я оформлю все документы, вы, мистер Хэйкокс, перейдете работать ко мне.

— И здесь все останется точно так, как оно есть сейчас?

— Мы с женой будем время от времени приезжать сюда. — Пока что Пол не считал нужным сообщать кому бы то ни было, что они с Анитой будут жить здесь постоянно.

Но и такая перспектива, видимо, не слишком обрадовала Хэйкокса.

— Когда же?

— О, мы вас будем предупреждать заранее.

Мистер Хэйкокс мрачно кивнул. А затем совершенно неожиданно улыбнулся милейшей улыбкой.

— Наверное, я здорово разошелся и обидел этого доктора по недвижимости? — Понд уже успел смяться. — Ну что ж, я пойду займусь делом. Раз уж вы собираетесь стать хозяином этой фермы, то вы с успехом могли бы наладить помпу. Ей нужна новая обшивка.

— Боюсь, я не слишком разбираюсь в этом, — заметил Пол.

— Возможно, — сказал, удаляясь, мистер Хэй-

кокс, — возможно, если бы вас отправили в колледж еще на десять или двадцать лет, то кому-нибудь и пришло бы в голову показать вам, как это делается, доктор.

XVI

Постоянно сдерживаемое возбуждение Пола Анита ошибочно принимала за предвкушение готовящихся ему на Лужке удовольствий, до которых теперь оставалось не более двух недель.

Она не знала, что он сейчас учился быть фермером и закладывал основы для обучения ее образу жизни фермерской жены.

Была жаркая суббота, и Пол под предлогом необходимости купить перчатки для игры в крикет отправился на свою ферму — на его с мистером Хэйкоксом ферму. Там мистер Хэйкоккс снисходительно и неторопливо поведал ему полуправду о том, как следует управляться с фермой, и вселил смутную надежду на то, что спустя некоторое время Пол все же станет на что-то пригодным.

И вот вечером, за ужином, Пол, весь день пытавшийся подражать мистеру Хэйкоксу и весьма удовлетворенный полученными результатами, спросил у жены, знает ли она, что за день будет в следующую среду.

Она взглянула на него, оторвавшись от списка вещей, которые ей необходимо будет взять с собой для поездки на Материк и — что еще более важно — для поездки Пола на Лужок.

— Не представляю себе. Есть ли у тебя приличные теннисные туфли?

— Сойдут и эти. Так вот, к твоему сведению, в следующую среду...

— Шеферд берет с собою двенадцать пар носков, и все они зеленого цвета. Ты знаешь, ведь он тоже капитан.

— Знаю.

— Что ты думаешь по этому поводу? Это ведь довольно неожиданно: не успели тебя назначить капитаном команды, как его тоже сразу же назначают.

— Может, он вступил в связь с розенкрейцерами.

А с чего это вдруг тебе стало известно, сколько пар носков он берет?

— Знаешь, поскольку у него нет жены, которая могла бы ему со сборами, он пришел сегодня ко мне и попросил составить список всего необходимого. Я и набросала ему список всего, что ему следует взять с собой. Мужчины так беспомощны.

— И все же они как-то справляются. А что интересного он рассказывал?

Анита отложила список и укоризненно поглядела на него.

— Только о полицейском рапорте по поводу твоего пистолета и еще об одном — о том, что ты пребывал в компании людей «дна» в ту ужасную ночь в Усадьбе. — Она скомкала и швырнула театральным жестом салфетку. — Пол, почему ты никогда не говоришь мне о таких вещах? Почему я всегда узнаю о них от посторонних?

— Дно! — фыркнул Пол. — О господи!

— Шеферд сказал, что за Лэшером и Финнерти следит полиция, как за потенциальными саботажниками.

— За всеми следят! И зачем ты только слушаешь эту старую бабу!

— А почему ты не рассказываешь мне о том, что происходит?

— Потому что это самые обычные вещи. Потому что я боюсь, что ты вообразишь черт те что и расстроишься, как обычно. Но все уже утрясено. Кронер все уладил.

— Шеферд сказал, что ты мог бы получить десять лет только за одну эту историю с пистолетом.

— В следующий раз, когда он кончит свои рассказы, спроси у него, сколько я получу, если расквашу его длинный нос, который он сует не в свои дела.

Мускулы Пола были еще набрякшие после непривычной работы сегодняшнего дня, а запахи скотного двора наполнили его сознанием первозданной силы. И его обещание набить морду Шеферду — эксцентричное заявление обычно миролюбивого человека — явилось как бы завершением его трудового дня.

— Да ну его ко всем чертям, этого капитана Зеленоых. Словом, я опять тебя спрашиваю, что за день будет в следующую среду?

— Ей-богу, не знаю.

— Годовщина нашей помолвки.

Годовщина эта была связана с беспокойными для обоих воспоминаниями — юбилей, который не упоминался за все время их супружеской жизни. Это был день, когда Анита объявила Полу, что она ожидает ребенка, его ребенка, на что он ответил ей предложением своей руки и т. д. Теперь, когда события того дня были сглажены годами более или менее нормальной супружеской жизни, Пол подумал, что они могли бы превратить этот день именно в то, чем он никогда в действительности не был. Годовщина эта к тому же, если уж честно говорить, была бы идеальным началом его работы по перевоспитанию Аниты.

— Я наметил совершенно особую программу для этого вечера, — сказал он, — этот вечер не будет похож ни на один из наших вечеров, дорогая.

— Странно, что я совершенно позабыла об этой дате. Неужто в следующую среду? — Она поглядела на него со странным упрямом, как будто история их помолвки совершенно стерлась у нее в памяти, и вот теперь он по совершенно пустячному поводу напомнил ей об этом событии. — Ну, это очень мило, — сказала она. — И как это ты только запомнил. Однако теперь, когда поездка на Лужок так близко... — Она была по природе настолько методична, что, если предстояло что-нибудь важное, все остальное для нее как бы совершенно утрачивало свое значение. С ее точки зрения было просто недопустимым обращать внимание на что-либо, помимо эпохальной поездки на Лужок.

— Да ну его ко всем чертям, этот Лужок!

— Как ты можешь так говорить?

— Я говорю, что мы с тобой выберемся в следующую среду...

— Что ж, надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Ты капитан.

— Правильно, я капитан.

Эдгар Р. Б. Хэгстром, тридцати шести лет, крр-131313, андеркотер первого класса, 22-го охранного батальона, 58-го полка технического обслуживания, 110-й дивизии наземных сооружений Корпуса Ремонта и Реконструкции, был назван так в честь любимого писателя его отца, создателя Тарзана — Тарзана, который вдали от копоты и жестоких зим Чикаго, родного города Хэгстрома, водил дружбу со львами, слонами и обезьянами, и перелетал на лианах с одного дерева на другое, и который был сложен словно из кирпича с квадратными плечами и широкой грудью, и который делал, что ему хотелось с красивыми и цивилизованными женщинами в своих шалашах на деревьях, а все остальную цивилизацию не трогал.

Э. Р. Б. Хэгстром любил Тарзана точно так же, как и его отец, и в десять раз больше ненавидел то, что ему приходится быть маленьким человеком и прозябать в Чикаго.

И Эдгар как раз читал в спальне про Тарзана, когда его толстая жена Ванда окликнула его со своего обычного места у окна в передней комнате их блочного дома в Парке Протеуса в Чикаго — послевоенного достижения, состоявшего в постройке трех тысяч домов, о которых только можно мечтать, для трех тысяч семей, по-видимому имеющих одни и те же мечты.

— Господи, Эдгар, он едет!

— Хорошо, хорошо, хорошо, — сказал Эдгар. — Значит, он уже едет! А я-то что должен делать, брякнуться на брюхо и покрыть поцелуями ноги этого прохвоста? — Пока что он поднялся и даже оправил скомканную постель. Он положил свою книгу раскрытой на ночной столик, чтобы посетители поняли, что он читает книги, и двинулся в другую комнату. — Как он выглядит, Ван?

— Ты посмотри только, Эд, — он как китайская клетка для птиц или что-то вроде этого, весь в золоте и вообще.

Шах Братпура попросил своего гида, доктора Юинга Дж. Холъярда, показать ему дом типичного

«такару», что в свободном переводе с языка одной культуры на язык другой означало «средний человек». Просьба эта была высказана, когда они возвращались из Карлсбадских пещер, и, проезжая Чикаго, Холгьярд зашел в чикагскую контору учета личного состава для того, чтобы узнать имя такого вот местного представителя Америки.

Машины учета личного состава обработали данный вопрос и выдали карточку Эдгара Р. Б. Хэгстрема, который в статистическом смысле был средним человеком со всех точек зрения, за исключением числа его инициалов: возраст (36), рост (5 футов семь дюймов), вес (148 фунтов), лет супружества (11), показатель интеллекта (83), количество детей (2, мальчик 9 лет и девочка 6 лет), количество комнат (2), марка машины («шевроле» трехлетней давности, двухдверный «седан»), образование (выпускник средней школы, 117-е место в классе из 233 человек, средние способности), спорт (травяной хоккей, рыбная ловля), военная характеристика (5 лет, три из которых — заморские территории, радист на Т-4, 157-я пехотная дивизия; участие в выдающихся боевых операциях: Хьеринг, Эльбесан, Кабул, Кайфен, Усть Кяхта; 4 ранения; награды Пурпурное Сердце 3-го класса, Серебряная Звезда, Бронзовая Звезда, 2-го класса).

Кроме того, машины сумели сделать строго научно обоснованное предположение, что, поскольку Хэгстром так далеко зашел в своей посредственности, он, по-видимому, один раз был арестован, до женитьбы с Вандой вступал в половые связи с пятью девушками (с умеренным удовольствием) и состоял в двух незаконных связях после женитьбы (одна случайная и глухая, вторая же затяжная и довольно беспокойная), а также что он умрет в возрасте 72,2 лет от сердечного приступа.

Чего уж машины никак не могли определить, так это того, что во второй незаконной связи, той, которая, по их словам, была более затяжной, он состоял с вдовой по имени Марион Фраскати, что связь эта все еще продолжалась и что покойный муж Марион звался Лу Фраскати и был он секундкотером первого

класса и лучшим другом Эдгара. Эдгар и Марион, к их обоюдному немалому изумлению, оказались друг у друга в объятиях, когда не прошло еще и месяца со дня смерти старины Лу. Снова, снова и снова пытались они положить этому конец, честно пытались. Но это было как яркая и сочная вишня на сером мху их жизни. И они иногда по простоте душевной думали, что, может, это и не так страшно, поскольку никому это не приносит зла: ни ребятам, ни милой и дружелюбной Ванде. И что Лу, особенно теперь, когда он вкушает иное блаженство, не мог бы желать ничего лучшего, чем если старый и добрый друг его Эдгар и старая добрая его подружка Марион немножко насладятся жизнью, предаваясь телесной любви.

Но они не очень верили в это. И ребятишки стали замечать, что происходит что-то неладное, и Ванда уже плакала несколько раз, отказываясь объяснить ему причину слез, а возможно, и сам Лу, где бы он сейчас ни находился... В любом случае Эдгар собирался продолжать свои встречи с Марион, однако он собирался также рассказать все Ванде — господи помоги ей и благослови ее, — рассказать ей и... И кому же это барабанить в дверь Хэгстрома, как не этому паршивому шаху Братпура, да пребудет с ним благословение господне.

— Входите, входите, — сказал Эдгар, а про себя добавил: «Входи, входи, ваше величество, ваше высокочество, император всей земли и кораблей в море, входи, входи, ублюдох паршивый».

Когда Холгьярд позвонил ему и предупредил о намечаемом визите, Хэгстром дал понять, что его не очень интересуют ни высокий титул шаха, ни должность самого Холгьярда. Очень редко выпадали случаи высказать то, что он думает о должностях вообще, то есть что человек — это просто человек, ничего больше. Эдгар и собирался вести себя абсолютно естественно — точно так, как будто посетители его просто товарищи по КРРаху. У Ванды, однако, была на этот счет иная точка зрения, и она срочно затеяла генеральную уборку всей квартиры, принялась готовить лимонад, а Эдгара-младшего послала было за печеньем,

но Эдгар-старший тут же прекратил всю эту суматоху. Ребят он услад из дому, и это было единственное, что он разрешил убрать.

Дверь отворилась, и вошел шах в сопровождении Хашдрахра, Холгярда и доктора Нэда Доджа, управляющего Парком Протеуса.

— Ага! — сказал шах, осторожно трогая эмалированную стальную стену комнаты. — Ммммм!..

Эдгар протянул было им руку, но вся процессия прошла мимо, не заметив ее.

— Ну и поцелуйте меня в... — пробормотал он.

— Эээ?.. — сказал доктор Додж.

— Вы прекрасно слышали.

— Послушайте, Хэгстром, вы сейчас не в кабачке, — прошептал Додж. — Следите за своими словами; тут замешаны международные отношения.

— А ничего, если я пока что действительно уйду в кабак?

— Да что это с вами? Какая муха вас укусила?

— Этот малый приходит в мой дом и притом не желает пожать мне руку.

— У них в стране так принято.

— А в нашей стране как принято?

Додж отвернулся и гостеприимно улыбнулся шаху.

— Две спальни, гостиная с нишей для стола, ванная и кухня, — сказал он. — Это дом модель М-17. Излучающее отопление находится в полу. Мебель сконструирована после тщательнейшего изучения удобств и неудобств жильцов в масштабах всей страны. Дом, мебель и остальное оборудование продается в стандартной упаковке. Это очень упрощает планирование и производство для покрытия любых нужд населения.

— Лакки-ти, такару? — пропел шах, впервые пристально поглядев на Эдгара.

— Что он сказал?

— Он хочет знать, нравится ли вам пребывание здесь, — перевел Хашдрахр.

— Я думаю, конечно. Ничего, жить можно, я так считаю. Да.

— Очень миленький домик, — сказала Ванда.

— А теперь, если вы будете любезны пройти со мною в кухню, — сказал доктор Додж, оставляя Ванду и Эдгара позади, — вы увидите здесь радарное приспособление для приготовления пищи. Приготовление пищи производится при помощи токов высокой частоты, причем одинаково быстро можно готовить и на конфорках и в духовке. Любое блюдо может быть изготовлено в течение всего нескольких секунд, и весь процесс великолепно поддается управлению. Можно, если захочется, испечь хлеб даже без корки.

— Простите, а зачем это может понадобиться — чем плоха корка на хлебе? — вежливо осведомился Хашдрахр.

— А это ультразвуковая мойка для посуды и для стирки белья, — сказал Додж. — Ультразвуковые волны, проходя сквозь воду, счищают грязь и жировые пятна с любой поверхности в течение считанных секунд. Закладываешь, вынимаешь, и все в порядке!

— А что тогда делает женщина? — спросил Хашдрахр.

— А она потом закладывает вещи или посуду вот в эту сушилку, которая в несколько секунд их сушит. Кроме того — и в этом-то и заключается, как я полагаю, самое хитрое, — с помощью вот этой озонной лампочки вещам придается тот тонкий аромат, который бывает у белья, высушенного на солнце и на чистом воздухе.

— А потом что? — спросил Хашдрахр.

— Она пропускает белье сквозь эту вот гладилку, которая в три минуты проделывает работу, на которую перед войной уходил целый час. Хлоп!

— А потом что она делает? — спросил Хашдрахр.

— А потом ее работа закончена.

— А потом что?

Доктор Додж заметно покраснел.

— Вы шутите?

— Нисколько, — сказал Хашдрахр. — Шаху хотелось бы знать, что заставляет эту женщину-такару...

— Что такое такару? — подозрительно спросила Ванда.

— Гражданин, — пояснил Холгьярд.

— Да, — сказал Хашдрахр, странно улыбнувшись ей, — такару — это гражданин. Так вот, шаху хотелось бы знать, для чего ей приходится все это делать в такой спешке — одно за несколько секунд, другое за несколько секунд. Куда это она так торопится? Что, кроме этого, ей еще нужно делать столь срочно, что она не может тратить время на все эти вещи?

— Жить! — экспансивно пояснил доктор Додж. — Жить! Получать от жизни удовольствие. — Он рассмеялся и похлопал Хашдрахра по спине, как бы приглашая его приобщиться к духу веселья, царящему в этом доме среднего американца.

Однако это не произвело должного впечатления ни на Хашдрахра, ни на шаха.

— Понимаю, — холодно сказал переводчик. Он обратился к Ванде: — Значит, вы живете и получаете так много удовольствия от вашей жизни?

Ванда залилась румянцем и, уставившись глазами в пол, шевелила носком уголок ковра.

— О, телевизор, — пробормотала она. — Мы его очень много смотрим, правда, Эд? А еще много времени я провожу с детьми, с маленькой Долорес и Эдгаром-младшим. Вот так вот. Разные дела.

— Где сейчас находятся дети? — осведомился Хашдрахр.

— У Глоков, у наших соседей. Я думаю, они смотрят там телевизор.

— Не желаете ли осмотреть ультразвуковую мойку в действии? — спросил доктор Додж. — Просто на ваших глазах — хлоп! — и готово. Смывает пятна от яиц, губной помады, кровь...

— В ней опять перегорел трансформатор, — сказал Эдгар, — и мойка не действует. Марта уже с месяц, как стирает в лохани, пока мы не получим нового трансформатора.

— О, я совсем не против, — сказала Ванда, — На самом деле. Я ведь люблю стирать. А это приносит облегчение. Дает возможность поразмяться. Нет, я совсем не против. Можно хоть чем-то заняться.

Тишину, которая воцарилась после ее слов, Хольярд нарушил, предложив покинуть дом этих милых

людей и посмотреть центральный павильон для развлечений, который находится на этой же улице.

— Если мы поторопимся, — сказал доктор Додж, — то мы, возможно, еще успеем полюбоваться на боксеров в весе пера.

Шах погладил радарную кухонную плиту, установку для глажения, мельком взглянул на экран телевизора, где пять человек усаживались вокруг стола для какой-то конференции и уже начинали о чем-то спорить.

— Брахоуна! — прокудахтал шах.

Хашдрахр кивнул.

— Брахоуна! Живите!

Когда они выходили, Холъярд как раз объяснял, что дом и все его оборудование, мебель и автомобиль оплачиваются регулярными паями, снимаемыми со счета Эдгара, открытому ему КРР, а также пополняемого поступлениями по комбинированной страховке здоровья, жизни, старости, а также что оборудование и мебель время от времени заменяются новыми, более современными моделями, после того как Эдгар — а вернее — счетные машины завершают оплату старых.

— Он на все сто процентов застрахован от всяких жизненных случайностей, — говорил Холъярд. — Его жизненный уровень постоянно возрастает, и он сам, а вместе с ним и вся страна целиком не стоят перед угрозой столь опасных в прежние времена подъемов и падений экономики благодаря введению счетно-платежных машин, которые регулируют спрос и предложение. Раньше бывало так, что он мог купить что-то, повинувшись просто импультсу, купить, не сообразуясь с логикой и расчетом, и вся промышленность вынуждена была ломать голову над тем, что ему взбредет на ум купить в следующий раз. Да что там, помню, когда я был еще маленьким мальчиком, у нас был сумасшедший сосед, который все свои деньги ухлопал на покупку электрического органа, несмотря на то, что у него на кухне стояли по-прежнему старомодный ледник и керосинка!

Эдгар закрыл за ними дверь и прислонился

к ней — к двери его дома, его крепости — модель М-17.

Ванда опустилась на диван.

— Мне кажется, все было очень мило, — сказала она. Она говорила это всегда, когда гость — Эми Глок, Глэдис Пелрайн, шах Братпура — и вообще кто бы то ни было — оставлял их дом.

— Да, — сказал Эдгар.

И когда он посмотрел на Ванду, Ванду с ее доброй, добрейшей душой, которая никогда не сделала ничего такого, что могло бы его хоть чуточку обидеть и чья любовь к нему была огромной, как весь окружающий мир, он почувствовал себя гадко и подло. Он нащупал пальцами в кармане три десятидолларовые бумажки — деньги, которые выдавались ему на руки — на сигареты, развлечения, маленькую роскошь, которую машины разрешали ему позволить себе. Этот крохотный атом экономики, который находился в полном его распоряжении, он намерен был израсходовать не на себя, не на Ванду и не на детей, а на Марион. Измученное сердце Эдгара было целиком на стороне этого сумасшедшего человека из рассказа Холгярда, человека, который купил себе электрический орган. Дорогую, непрактичную, чисто индивидуальную вещь, но вне и помимо всех этих проклятых посылок, оплачиваемых машинами.

— А вот обман — это совсем иное дело.

— Ванда, — сказал Эдгар, — я очень плохой человек.

Она прекрасно знала, о чем он говорит. Ее это совсем не удивило.

— Нет, Эдгар, ты хороший, — печально сказала она. — Ты очень хороший человек. Я понимаю.

— Ты о Марион?

— Да. Она очень красивая и привлекательная. А я уже совсем не та, и, наверное, со мной очень скучно. — Она было заплакала, но ее добрая, добрейшая душа попыталась упрятать от него эти слезы. Ванда затопила на кухню, вытащила четыре полуфабрикатных обеда из холодильника и бросила их на плиту с радаром.

— Позови, пожалуйста, детей, Эдгар! — крикнула она высоким тоненьким голосом. — Обед будет готов через двадцать восемь секунд.

Прокричав в сгущающиеся сумерки имена детей, Эдгар вернулся к Ванде.

— Послушай, Ван, здесь не в тебе дело. Как перед богом говорю тебе — ты в этом не виновата. — Он попытался обнять ее сзади, но она выскользнула из его объятий и принялась переставлять что-то на плите, хотя переставлять там ничего не требовалось. Все делалось при помощи часовой механизма.

Звякнул колокольчик, щелкнул часовой механизм, и гудение плиты прекратилось.

— Позови детей, пока не остыло, — сказала она.

— Они уже идут. — Эдгар опять попытался обнять ее, и на этот раз она позволила ему это. — Послушай, — нежно сказал он, — так уж устроен этот мир, Ван, — я и этот мир. В этом мире я ни на что не гожусь. Ни на что, кроме кррахов, так же будет и с моими детьми. А человеку необходимо иногда взбрыкнуть, иначе и жить-то не захочется. А для такого тупицы, как я, единственное, что остается, — это дурные вещи. Нет, Ван, нехороший я человек, совсем нехороший!

— Да нет, это я ни на что не гожусь, — устало сказала Ванда. — Никому я не нужна. Ты или даже маленькая Долорес могли бы поддерживать в доме порядок и все остальное, это так легко теперь. А тут я еще так растолстела, что, кроме детей, меня никто и любить не станет. Мать у меня была толстой и бабушка тоже, я думаю, это просто у нас в крови; но они-то были нужны кому-то, они на что-то годились. Но тебе-то, Эд, я не нужна, и ничего ты поделать не можешь, раз ты разлюбил меня. И раз уж таким сотворил тебя господь, как он сотворил всех мужчин, то сам-то ты здесь ничего не поделаешь, — она посмотрела на него с любовью и жалостью. — Бедняга ты.

Долорес и Эдгар-младший влетели в комнату, а Эдгар и Ванда, немного успокоившись, рассказали ребятишкам про шаха.

Скоро и эта тема была исчерпана. За обедом только ребята болтали и только они прикоснулись к еде.

— Кто-то из вас заболел? — спросил Эдгар-младший.

— Мама неважно себя чувствует. У нее болит голова, — сказал Эдгар.

— Да? Очень болит, мама?

— Нет, совсем немножко, — сказала Ванда. — Это пройдет.

— А как ты, папа? — сказал Эдгар-младший. — Ты сможешь играть сегодня в баскетбол в павильоне?

Эдгар не отводил взгляда от тарелки.

— Да я бы не прочь, — пробормотал он. — Но пообещал Джою сыграть с ним в шары сегодня вечером.

— Джою Принсу?

— Да, Джою Принсу.

— Почему, папа, — сказала Долорес, — мы ведь видели сегодня мистера Принса у Глоков, и он сказал, что собирается на баскетбол.

— Ничего подобного! — сердито сказал Эдгар-младший. — И ты помалкивай. Нечего соваться в разговор, если не понимаешь. Он ничего этого не говорил.

— Нет, говорил! — упрямо твердила Долорес. — Он сказал...

— Долорес, милая, — вмешалась Ванда, — я уверена, что ты не так поняла мистера Принса.

— Да, — сказал Эдгар-младший, — я точно помню, он сказал, что собирается идти играть в шары с папой. Сестренка все перепутала, мама. — Руки его дрожали, и он, неловко потянувшись, перевернул стакан с молоком. Они оба с отцом вскочили, пытаясь поймать стакан, пока он не скатился со стола. Младший Эдгар поймал стакан, и, когда его глаза встретились с глазами старшего Эдгара, тот увидел, что они полны ненависти.

— Мне кажется, я сегодня чересчур устал для игры в шары, — сказал Эдгар. — Думаю, что сегодня я лучше останусь и погляжу с мамой телевизор.

— Нечего из-за меня отказываться от развлечения, — сказала Ванда. — Я прекрасно посижу дома и одна.

Раздался резкий стук в оконное стекло, и Хэгстромы, выглянув, увидели шаха Братпура, который своими унизанными перстнями пальцами стучал по стеклу. Он только что вернулся из павильона к своему лимузину перед домом Хэгстромов модели М-17.

— Брахоуна! — весело выкрикнул шах. Он пома- хал рукой. — Брахоуна, такару.

— Живите! — перевел Хашдрахр.

XVIII

Наступила среда. Пол рано утром подъехал к своей ферме и подро-бно проинструировал мистера Хэй-кокса. Мистер же Хэйкокс в отвст заявил, что он отнюдь не служанка.

Однако Пол в ответ на это дал понять мистеру Хэйкоксу, что он будет делать то, что ему велено, или уберется отсюда, и еще раз потребовал, чтобы ра-бота была сделана должным образом. Это было важно для Пола, потому что для постепенного перевоплоще-ния Авиты все должно было быть в идеальном по-рядке.

— Вы, наверное, воображаете, что за свои деньги можете купить кого угодно, а он будет для вас де-лать все, что вам заблагорассудится; черт побери, — сказал мистер Хэйкокс. — Ну что ж, на этот раз вы ошиблись, доктор. Вы можете взять свой докторский диплом и...

— Я совсем не собираюсь выгонять вас.

— Вот и не выгоняйте!

— В последний раз говорю вам, если вы не сде-лаете мне это одолжение...

— Почему же вы так сразу не сказали?

— Чего не сказал?

— «Сделайте мне одолжение».

— Ну хорошо, сделайте мне одолжение...

— В качестве одолжения и только на этот раз, — сказал мистер Хэйкокс. — Я, конечно, не служанка, но я умею быть хорошим другом.

— Спасибо.

— Не стоит благодарности. Не стоит говорить об этом.

Днем Анита позвонила Полу и спросила, что ей следует надеть.

— Что-нибудь старое.

— Деревенская вечеринка?

— Не совсем так, но что-то вроде этого. Оденься как для сельской вечеринки.

— Пол, сейчас, когда поездка на Лужок уже на носу, не думаешь ли ты, что нам следовало бы воздержаться от таких вещей?

— Лужок не похороны.

— Но может стать ими, Пол.

— Давай на сегодняшний вечер забудем о Лужке. Сегодня должны быть только Пол и Анита, а все остальные пусть катятся ко всем чертям.

— Это очень легко сказать, Пол. Это, конечно, очень здорово и вообще, но...

— Но что? — спросил он уже с раздражением.

— Ну, я не знаю; мне не хочется быть назойливой, но мне кажется, что ты слишком легкомысленно относишься к Лужку и к своей должности капитана Команды Синих.

— А что же мне, по-твоему, следовало бы делать?

— Неужели тебе не нужно было бы потренироваться или еще что-нибудь? Я хочу сказать, что тебе следовало бы побольше спать и соблюдать правильную диету и немного побегать после работы. А может, и количество сигарет сократить, как ты думаешь?

— Что?

— Ты должен быть в форме, если Команда Синих собирается выиграть.

Пол рассмеялся.

— Послушай, Пол, тут совсем не над чем смеяться. Шеферд говорит, что он видел, как создавались и рушились карьеры в зависимости от того, как люди вели себя, будучи капитанами команд на Лужке. Шеферд совсем бросил курить.

— Можешь передать ему, что я принялся за гашиш, чтобы это ускорило у меня реакцию. Тогда

мяч, брошенный им, будет выглядеть как детский воздушный шарик над столом в гостиной. Сегодня же вечером мы отправляемся на прогулку.

— Хорошо, — печально сказала она. — Хорошо.

— Я люблю тебя, Анита.

— Я люблю тебя, Пол.

И к тому времени, как он приехал домой, Анита была уже готова. Теперь это была не владетельная синьора, а аккуратная, игривая, как котенок, девушка в хлопчатобумажных брюках, закатанных выше колен. Она надела одну из рубашек Пола, белые тапочки, красный носовой платок был повязан вокруг шеи.

— Так хорошо?

— Отлично.

— Пол, я никак не пойму, что это готовится. Я позвонила в Кантри-Клуб, но они ничего не знают о деревенских вечеринках. Ничего мне не сказали также и в клубах Албани, Трои и Скенектеди.

Пол знал, что Анита терпеть не может всякие неожиданности и не выносит своей неосведомленности в любом положении.

— Это частная вечеринка, — сказал Пол. — Только для нас двоих. Сама увидишь, когда придет время.

— Я хочу знать сейчас.

— Где наш юбилейный мартини?

Столик, на котором кувшин со стаканами обычно дожидался его прихода, был пуст.

— Я ввела сухой закон для тебя до самого возвращения с Лужка.

— Не выдумывай! Все там будут пить в течение двух недель.

— Но только не капитаны. Шеферд говорит, что вот они-то не могут позволить себе пить.

— Это и доказывает, как он во всем этом разбирается. Вышивка там бесплатная.

Пол приготовил себе мартини и выпил больше своей обычной нормы, а потом переоделся в плотный хлопчатобумажный костюм, купленный им сегодня вечером в Усадьбе. Его огорчало, что Анита вовсе не радуется атмосфере таинственности, созданной им.

Вместо счастливого нетерпения она вдруг стала проявлять подозрительность.

— Готова? — весело осведомился он.

— Я полагаю, да.

Они молча зашагали к гаражу. Широким жестом Пол распахнул дверцу автомашины.

— О Пол, только не в старую машину.

— На это есть причины.

— Нет таких причин, которые заставили бы меня усесться в этот рыдван.

— Анита, прошу тебя, ты очень скоро увидишь, почему мы поедem именно в нем.

Она вошла и уселась на краешек сиденья, пытаюсь, насколько это возможно, не соприкасаться с машиной.

— Честное слово, Анита! Именно так нужно!

Они ехали как чужие. На длинном подъеме у дорожки для гольфа она все же чуть выпрямилась. В лучах фар показался бледный волосатый человек в зеленых шортах, зеленых носках и зеленой рубашке, поперек которой было написано слово «Капитан». Человек этот рысцой трусил по обочине дороги, приостанавливаясь только для того, чтобы сделать какой-то пируэт или провести бой с тенью, и тут же снова возобновлял свой бег.

Пол оглушил Шефферда клаксоном и обрадовался, увидев, как тот споткнулся на выбоине, уступая им дорогу.

Анита опустила стекло на своей дверце и выкрикнула слова приветствия.

Капитан Команды Зеленых помахал рукой, лицо его было искажено от напряжения.

Пол нажал педаль до отказа, и машина выпустила облако перегоревшего масла и углекислого газа.

— У этого человека большие возможности. Он далеко пойдет, — сказала Анита.

— От него так и несет ханжеством и тухлятиной, — сказал Пол.

Они проезжали мимо оборонительных сооружений, возведенных вокруг Заводов Айлиум, и один из охранников, узнав машину Пола, дружески помахал со своей вышки автоматом калибра 50.

Анита, которая становилась все более беспокойной, сделала движение, как будто собираясь ухватиться за руль.

— Пол, куда это ты направляешься? Ты что, с ума сошел?

Он отвел ее руку, улыбнулся и направил машину через мост в Усадьбу.

Мост опять был забит кррахами, которые малевали желтые линии на асфальте, разграничивающие полосы движения. Пол поглядел на часы. Оставалось всего десять минут до так называемого шабаша. Пол подумал, уж не Бад ли Колхаун придумал эту работу. Большинство проектов КРР воспринималось, по крайней мере Полом, иронически. Мост, приспособленный для движения по четыре машины в обе стороны, до войны был постоянно забит автомобилями рабочих, которые ездили на завод и с завода. Тогда этих четырех линий никак не хватало, и водителям приходилось строго придерживаться своей проезжей полосы, иначе они рисковали, что им обдерут бока машин. Теперь же в любое время дня водитель спокойно мог выделять зигзаги от одной стороны моста до другой, и у него был, возможно, всего один шанс на тысячу столкнуться с другим автомобилем.

Пол остановил машину. Три человека наносили линии, двенадцать занимались регулировкой движения, а еще двенадцать отдыхали. Они медленно раступились, оставляя им проезд.

— Эй, Мак, у тебя разбита фара.

— Спасибо, — сказал Пол.

Анита передвинулась на сиденье, поближе к нему, и он заметил, что она застыла от испуга.

— Пол, это ужасно. Отвези меня домой.

Пол терпеливо улыбнулся и въехал в Усадьбу. Пожарный насос у въезда на мост перед салуном работал на полный ход, и Полу снова пришлось отъехать почти на квартал, чтобы поставить машину. Тот же самый перемазанный мальчишка развлекал толпу своими бумажными лодочками. Прислонившись к дому и нервно покуривая сигарету, стоял оборванный старик, который показался Полу знакомым. И тут только Пол

понял, что этот человек Люк Люббок, неутомимый глава процессий, пребывающий сейчас в забвении, в ожидании начала новой процессии или митинга. Со смуглой надеждой Пол огляделся в поисках Лэшера и Финерти, но никого из них не увидел. Очень возможно, что они сидят сейчас в полумраке кабинки салуна, соглашаясь во всем друг с другом.

— Пол, это и есть твое представление о шутках? Прощу тебя, отвези меня домой.

— Никто не обидит тебя, Анита. Все эти люди только твои американские сограждане.

— Я не намерена спускаться сюда и валяться с ними в грязи только потому, что они родились в той же части света, что и я.

Пол ожидал, что она именно так будет реагировать, и поэтому терпеливо отнесся к ее словам. Из всех людей, живущих на северной стороне реки, Анита была единственная, чье презрение к обитателям Усадьбы было насыщено активной ненавистью. И она была единственной женой на северном берегу, которая никогда не посещала колледжа. Обычным отношением в Кантри-Клубе к жителям Усадьбы было пренебрежение, это, конечно, правда, но пренебрежение с примесью любви и некоторого интереса, похожее на то чувство, которое испытываешь по отношению к зверькам в лесу и в поле. Анита же жителей Усадьбы ненавидела.

Если бы Полу захотелось когда-нибудь проявить по отношению к ней исключительную жестокость, он знал — самое жестокое, что он бы мог сделать, это объяснить ей, почему она ненавидит их такой лютой ненавистью: если бы он на ней не женился, она жила бы именно здесь и она была бы одной из них.

— Мы не станем выходить из машины, — сказал Пол. — Мы просто посидим и понаблюдаем несколько минут. А потом опять поедем.

— Что мы понаблюдаем?

— Все то, что здесь можно увидеть. Людей, вырисовывающих эти линии, человека с брандспойтом, людей, которые на него смотрят, маленького мальчишку, который пускает лодки, старика у салуна. Просто

смотри, что творится вокруг. Здесь можно увидеть очень много.

Она не стала наблюдать за тем, что творилось вокруг, а только съежилась на сиденье и уставилась в свои руки.

Пол догадался, о чем она думает, — она думает, что по каким-то непонятным ей причинам он решил унижить ее, напомнив ей о ее происхождении. Если бы действительно таковы были его намерения, ему бы это полностью удалось: ее ядовитая злоба улетучилась. Анита умолкла и старалась казаться как можно меньше.

— Знаешь, зачем я привез тебя сюда?

— Нет. — Теперь она говорила шепотом. — Но я хочу домой, Пол. Пожалуйста, а?

— Анита, я привез тебя сюда потому, что уже давно пора нам совершенно по-новому смотреть на все происходящее, и это касается не только нас самих, но и наших связей с обществом в целом.

Ему не понравилось, как звучали эти слова — они были сентиментальные и напыщенные. И они не произвели никакого впечатления на Аниту.

Он снова попытался пояснить свою мысль:

— Ради того, чтобы получить то, чем мы, Анита, владем, мы фактически выманили у этих людей все, что для них было самым дорогим на земле, — сознание, что они кому-то нужны и полезны, а это и есть основа самоуважения.

Это тоже было ненамного лучше. Все это никак не доходило до Аниты. Она, по-видимому, все еще была уверена, что он за что-то ее наказывает.

Он попытался еще раз:

— Дорогая, когда я смотрю на то, чем владем мы, и на то, чем обладают эти люди, я чувствую себя как лошадиная задница.

Проблеск понимания появился в глазах Аниты. Хотя и нерешительно, но она все же несколько приободрилась.

— Значит, ты на меня не злишься?

— Господи, конечно, нет. С чего бы это мне на тебя злиться?

— Не знаю. Я подумала, что, может, я была слишком назойливой или, может, ты подумал, что между мной и Шефердом что-то есть.

Это последнее предположение — предположение о том, что он может испытывать беспокойство из-за Шеферда, — окончательно сбило Пола с выбранного им ранее пути перевоспитания Аниты. Упоминание о том, что он может ревновать к капитану Зеленым, было настолько несуразным, выказывало, как мало понимает его Анита, что только это привлекло его внимание.

— Я начну ревновать тебя к Шеферду тогда, когда ты примешься ревновать меня к Катарине Финч, — рассмеялся он.

К его крайнему изумлению, Анита всерьез отнеслась к этим словам.

— Не может быть!

— Чего это не может быть?

— Что я должна ревновать тебя к Катарине Финч. К этой коротышке...

— Погоди минутку! — разговор становился все более ожесточенным. — Я просто хочу сказать, что предположение относительно тебя и Шеферда столь же абсурдно, как и то, что между мною и Катариной может что-то происходить.

Она все еще продолжала обороняться и, по-видимому, не уловила смысла приведенной им параллели. И тут же перешла в наступление.

— Что ж, Шеферд наверняка представляет из себя более привлекательного мужчину, чем Катарина — женщину.

— Я не спорю относительно этого, — в отчаянии сказал Пол. — И вовсе не собираюсь спорить на эту тему. Между мною и Катариной ничего нет, точно так же, как между тобой и Шефердом. Я просто хотел сказать, насколько бессмысленно было бы для каждого из нас подозревать в чем-либо другого.

— Ты считаешь меня неинтересной?

— Я считаю, что ты страшно интересна. И ты это знаешь. — Говорил он теперь громко и, выглянув на

улицу, увидел, что за ними — за людьми, которые собирались быть наблюдателями, — наблюдают посторонние. Бумажный кораблик мчался по быстринам, не привлекая ничего внимания. — Мы приехали сюда не затем, чтобы обвинять друг друга в неверности, — понизил он голос до хриплого шепота.

— А зачем мы сюда приехали?

— Я уже сказал тебе: чтобы нам обоим легче было увидеть мир таким, каков он есть, а не таким, каким он выглядит с нашего берега реки. Чтобы увидеть, что наш образ жизни принес остальным.

Теперь, после того как Анита успешно атаковала и смутила Пола, а также, удостоверившись наконец, что ее не ругают и не подвергают наказанию, она почувствовала себя хозяйкой положения.

— В моем представлении все они тут выглядят довольно сытыми.

— Но ведь люди, подобные моему отцу, подобные Кронеру, Бэйеру или Шефгерду, подобные нам с тобой, лишили их духовных ценностей.

— Видно, не слишком-то много было у них этих ценностей, иначе они не оказались бы здесь.

Это окончательно взбесило Пола. Тонкий механизм, который удерживал его от того, чтобы причинить ей боль, отказал.

— Но ведь если бы не случайность, тут именно и было бы твоё место.

— Пол! — Она разразилась слезами. — Это нечестно, — сказала она совершенно убито. — Это совсем нечестно. Не знаю, зачем тебе это понадобилось.

— Плакать тоже нечестно.

— Жестокий ты, вот ты какой — просто жестокий. Если ты хотел причинить мне боль, то можешь себя поздравить — тебе это прекрасно удалось, — она шмыгнула носом. — Должно же было быть во мне нечто такое, чего не было у этих людей, иначе бы ты не женился на мне.

— Олигомеоррея, — сказал он.

Она недоуменно заморгала.

— Это что такое?

— Олигомеоррея — это то, что было у тебя и чего

у других не было. А означает это — задержка менструаций.

— И как это ты умудрился заучить такое слово?

— Я нашел его в словаре через месяц после нашей женитьбы, и оно как-то запало мне в голову.

— О! — Анита густо покраснела. — Ты сказал уже достаточно, вполне достаточно, — с горечью произнесла она. — Если ты не повезешь меня домой, я пойду пешком.

Пол пустил машину на всю катушку, с каким-то дикарским наслаждением вслушиваясь в скрежет шестерен коробки скоростей, и повел ее обратно через мост на северный берег реки.

Когда они достигли середины моста, он все еще был разгорячен и взволнован стычкой с Анитой. Когда же они добрались до охраняемого автоматами пространства подле Айлиумских заводов, разум и угрызения совести взяли в нем верх.

Это его столкновение с Анитой было совершенно неожиданным. И никогда они не вкладывали в свои распри столько желчи. И что самое удивительное, Пол на этот раз был нападающей стороной, а Анита чуть ли не жертвой. Смущенно пытался он восстановить в памяти ход событий, которые привели к этой стычке. Но не смог.

И до чего же бесполезной и ненужной была эта борьба! Под горячую руку, под влиянием момента он наговорил ей таких вещей, которые, несомненно, должны были причинить ей боль, а это, в свою очередь, могло заставить ее возненавидеть его. А ему вовсе этого не хотелось. Ей-богу, он совсем не хотел этого. И надо же было, чтобы он довел ее до такого состояния именно в тот момент, когда намеревался посвятить ее в свои планы.

Сейчас они проезжали мимо дорожки для гольфа. Через несколько минут они будут дома.

— Анита...

Вместо ответа она включила радио и нетерпеливо вертела тумблер, ожидая музыки, по-видимому, для того, чтобы заглушить его слова. Радиоприемник не работал уже многие годы.

— Анита, послушай. Я люблю тебя больше всех на свете. Ей-богу, я страшно сожалею о том, что мы наговорили друг другу.

— Я не сказала ничего похожего на то, что ты сказал мне.

— Из-за этого я готов просто вырезать себе язык.

— Только не пользуйся нашими чистыми кухонными ножами.

— Получилось все очень глупо.

— Ну что ж, наверно, я глупа. Ты проехал наши ворота.

— Я знаю. У меня есть для тебя сюрприз. Ты увидишь, как сильно я тебя люблю и насколько глупой была эта наша с тобой стычка.

— Спасибо, на сегодня с меня уже довольно сюрпризов. Поверни, пожалуйста, машину. Я совершенно измоталась.

— Этот сюрприз стоит восемь тысяч, Анита. Ты все еще настаиваешь на том, чтобы я повернул?

— Ты думаешь, что меня можно купить? — сердито проговорила она, однако выражение ее лица смягчилось в ответ на вопросы, которые она сама задавала себе: «Что же это может быть? Неужели? Целых восемь тысяч долларов».

Пол немного успокоился и, откинувшись на сиденье, наслаждался ездой.

— Твое место не в Усадьбе, милая.

— А черт его знает — может, именно там.

— Нет, нет. В тебе есть что-то, чего никакие проверки и никакие машины обнаружить не в состоянии: у тебя художественная натура. И это одна из трагедий нашего времени — то, что машины не могут определить именно это качество, понять его, развить его и проявить к нему сочувствие.

— Это именно так, — грустно сказала Анита. — Это так, так.

— Я люблю тебя, Анита.

— Я люблю тебя, Пол.

— Погляди! Олень! — Пол включил дальний свет фар, чтобы осветить животное, и разглядел капитана Команды Зеленых, все еще трусившего рысцой, одна-

ко теперь уже окончательно выбившегося из сил. Ноги Шеферда передвигались слабо и нерегулярно, а тапочки мокро хлюпали по мостовой. В глазах его не отразилось ничего: он их не узнал и бессмысленно продолжал плестись вперед.

— С каждым шагом он забивает гвоздь в крышку моего гроба, — проговорил Пол, прикуривая новую сигарету от предыдущей.

Через десять минут он остановил машину и, обойдя вокруг, открыл дверцу Аниты и нежно предложил ей руку.

— Язычок щеколды на месте, дорогая, и открывает нам новую и более счастливую жизнь.

— Что это означает?

— Увидишь. — Он подвел ее по темной дорожке, как по тоннелю, стены и свод которого составляли кусты сирени, к двери низкого маленького дома. Он взял руку Аниты и положил ее на язычок щеколды. — Нажми.

Она, забавляясь, нажала. Щеколда за дверью подскочила, и дверь распахнулась.

— О! Ох, Пол!

— Это наше. Это принадлежит Полу и Аните.

Она медленно вошла, голова ее поникла, а ноздри расширились.

— Это настолько великолепно, что я просто готова заплакать.

Пол торопливо осмотрел, все ли приготовлено как надо для чудесных часов, которые им предстояло тут провести, и обрадовался. Мистер Хэйкок, по-видимому, в приступе самоуничтожения отдраил все. Исчезли пыль и грязь, остался только чистый мягкий налет времени на всем: на оловянной посуде над камином, на ящике вишневого цвета старинных часов, на черном кованом железе очага, на ореховом дереве и серебряной инкрустации приклада длинного ружья, висящего на стене, на жести керосиновых ламп, на теплом вытертом кленовом дереве стульев. А на столе, в центре комнаты, были приготовлены два стакана, кувшин, бутылка джина, бутылка вермута и ваза со льдом — все это в мягком освещении комнаты выглядело тоже

довольно архаично. А помимо всего этого, были еще два стакана цельного свежего молока с фермы, свежие крутые яйца с фермы и свежая жареная курица тоже с фермы.

Пол готовил коктейли, а Анита тем временем кружила по комнате, вздыхая от счастья и с любовью прикасаясь ко всем вещам.

— Неужели это и вправду наше?

— Со вчерашнего дня. Я вчера подписал все бумаги. Тебе здесь в самом деле нравится?

Она опустилась в кресло перед камином и взяла стакан, который он ей подал.

— Неужели ты сам не видишь? Чувства мои буквально рвутся наружу. — Она тихонько рассмеялась. — Он хочет знать, нравится ли мне здесь? Этому цены нет, мой самый бриллиантовый, и ты получил все это за восемь тысяч долларов! Ну и хитер же ты!

— За нашу счастливую годовщину, Анита!

— Мне хотелось бы более сильного слова, чем «счастливая».

— За нашу великолепную годовщину, Анита!

— За нашу великолепную годовщину, Пол! Я люблю тебя. Боже, как я тебя люблю!

— Я люблю тебя.

Никогда не любил он ее так сильно.

— Да понимаешь ли ты, дорогой, что одни только эти прадедовские часы стоят почти тысячу долларов?

Пол чувствовал себя страшно умным. Просто невероятно, до чего же здорово все сейчас складывалось. Радость Аниты по поводу покупки фермы была подлинной, а сам процесс перевода ее из одного дома в другой, от одного образа жизни к другому почти завершился в эти волшебные несколько минут.

— Ведь это именно то окружение, которое подходит тебе, правда?

— Ты ведь знаешь, что это именно так.

— А ты знаешь, в этих часах механизм сделан из дерева? Подумать только! Каждая часть выточена из дерева.

— Не волнуйся. Это легко исправить.

— Хмм?..

— Мы сможем добыть электромеханизм и вставить его в корпус.

— Но ведь тогда все очарование...

Однако сейчас ею завладел дух созидания, и она уже не слушала его.

— Понимаешь, если мы избавимся от маятника, тогда в нижней части корпуса часов можно будет установить электростатический пылеуловитель.

— Ох!

— А знаешь, куда я их поставлю?

Он оглядел комнату, но так и не смог подыскать часам более подходящего места.

— Я полагаю, что эта ниша просто идеально для них подходит, — сказал Пол.

— В прихожую! Неужто ты не видишь, что они прямо туда просятся.

— Да здесь нет прихожей, — с удивлением проговорил он. Дверь с улицы вела прямо в комнату.

— В нашу прихожую, глупенький.

— Но, Анита...

— А эта полочка для специй на стене — представляешь, как великолепно она будет, если ящички выдвинуть и посадить в них филодендроны? Я уже знаю одно местечко для нее в гостиной.

— Да, шикарно.

— А эти потолочные перекрытия, да ведь им цены нет, Пол. Это значит, что мы и в комнатах сможем сделать грубо отесанные потолки. Не только на кухне, но и в комнатах. И я готова съесть твой классификационный билет, если в этом умывальнике не уместится наш телевизор.

— Я и сам собирался изжевать его в недалеком будущем, — тихо проговорил Пол.

— А эти полы с их широченными досками — ты представляешь себе, как здорово они будут выглядеть в нашем баре.

— А что мне до нашего бара? — мрачно сказал Пол.

— Что ты сказал?

— Я сказал: «А что мне до нашего бара?»

— А, понимаю. — Она рассеянно усмехнулась, ее

сияющие глаза продолжали осматривать комнату в поисках новой жертвы.

— Анита...

— Да? О! Какой великолепный абажур.

— Послушай же меня хотя бы минуту.

— Конечно, дорогой.

— Я купил этот дом для нас, чтобы жить в нем.

— Ты хочешь сказать, чтобы мы жили в нем, в таком, какой он есть?

— Вот именно. Его нельзя изменять.

— Ты хочешь сказать, что мы ничего не можем отсюда вывезти?

— Да, не можем. Но мы можем сами перебраться сюда.

— Это еще одна из твоих шуток. Не дразни меня, милый. Я ведь так радуюсь.

— Я не дразню тебя. Вот она, жизнь, какой мне хочется. И это дом, в котором мне хотелось бы жить.

— Здесь так темно, я даже не могу понять по твоему лицу, серьезно ты говоришь или шутишь. Включи свет.

— Здесь нечего включать.

— Нет электричества?

— Только то, что у тебя в волосах. Здесь нет электроотопления.

— А камин?

— Топится дровами. И холодильником здесь служит простой ледник.

— Как здорово ты умеешь разыгрывать!

— Я говорю совершенно серьезно, Анита. Я хочу здесь жить.

— Мы умерли бы здесь через шесть месяцев.

— Род Хэйкоксов жил здесь несколько поколений.

— Ты сегодня шутливо настроен, правда? С таким серьезным лицом и со всеми этими разговорами ты только делаешь шутку более правдоподобной. Иди сюда и поцелуй меня, мой милый клоун.

— Мы проведем здесь ночь и завтрашний день, а завтра я займусь работой по дому. Давай попробуем в любом случае.

— И я превращусь в старую добрую толстую фер-

мерскую мамашу и буду готовить тебе на дровах завтрак — кофе, яйца домашней продукции и сливки, домашние бисквиты, залитые тут же взбитым маслом и джемом.

— Будешь?

— Уж лучше я сама сначала утоплюсь в масле и джеме.

— Ты научишься любить такую жизнь.

— Нет, никогда не научусь, и ты это знаешь.

Настроение его опять стало портиться. Это было горькое разочарование, повторялось все то, что произошло всего час назад в Усадьбе. И снова он подыскивал нечто такое, что можно было бы швырнуть ей в лицо, унижить ее. Фраза, которую он произнес, уже давно вертелась у него на языке. Но он произнес ее сейчас не потому, что она была ко времени, она просто невольно вырвалась.

— Неважно, что ты думаешь по этому поводу, — сказал он спокойно. — Я решил уйти с работы и жить здесь. Ты понимаешь? Я собираюсь уходить с работы.

Она охватила руками плечи, как бы сжавшись от холода, и несколько секунд раскачивалась так в молчании.

— Я предполагала, что это произойдет, — сказала она наконец. — Я думала уже, что именно к этому ты и стремишься. И надеялась, что все же это не так, Пол. Я молила бога, чтобы это было не так. Но вот дело дошло уже до этого, и ты сам об этом заговорил. — Она зажгла сигарету и сделала несколько резких коротких затяжек, выпуская дым через нос. — Шефферд говорил, что ты это сделаешь.

— Он говорил тебе, что я собираюсь уходить с работы?

— Нет. Он сказал, что ты один из тех, кто способен это сделать. — Она тяжело вздохнула. — По-видимому, он знает тебя лучше, чем я.

— Ей-богу, мне было бы совсем нетрудно приспособиться к требованиям системы и продолжать продвигаться по служебной лестнице. Вот вырваться из нее — действительно трудно.

— Но зачем же тогда уходить, если так легко держаться ее?

— Неужели ты не слышала ничего из того, что я говорил тебе в Усадьбе? Ведь именно для того, чтобы ты прочувствовала, как обстоят дела, я и повез тебя туда.

— Вся эта дурацкая история с Катариной Финч и Шефердом?

— Нет, господа, конечно, нет. Чтобы ты поняла: люди, подобные нам, лишили чувства самоуважения всех остальных.

— Ты сказал, что ты чувствуешь себя как лошадиная задница. Вот это я помню.

— А ты никогда себя так не чувствуешь?

— С чего бы это вдруг!

— Твоя совесть, черт возьми, неужели она никогда не мучает тебя?

— А с чего это она должна меня мучить? Я никогда не делала ничего неприличного.

— Давай я попытаюсь это объяснить тебе иначе: ты согласна с тем, что дела обстоят паршиво?

— У нас с тобой?

— Всюду! Во всем мире. (Она умела быть удивительно близорукой. Если только это возможно, она всегда пыталась свести все общие проблемы к себе и к тем людям, которых она лично знала.) Например, в Усадьбе.

— А что мы можем дать людям?

— Вот в том-то и дело! Ты сейчас льешь воду на мою мельницу. Вот ты спрашиваешь, что мы можем дать им, как будто все в мире принадлежит нам и только нам дано решать — дать это другим или нет.

— Но кто-то же должен взять на себя ответственность, так всегда и получается, когда кто-то берет на себя ответственность.

— Вот то-то и оно: ведь не всегда было такое положение вещей. Это и есть новшества, и именно такие люди, как мы, их ввели. Господа, ведь у каждого имелись личные способности или стремление к труду, который можно было обменять на то, что людям нужно.

А сейчас, когда машины взяли все это в свои руки, появляется некто, кто может предлагать другим все, что угодно. И все, что останется в удел почти всем людям, — это — надеяться на то, что им что-нибудь дадут:

— Если у кого-то имеются мозги, — твердо сказала Анита, — он все равно может взобраться на самую вершину. Это очень по-американски, Пол, и этого не изменить. — Она оценивающе поглядела на него. — Ум и нервы, Пол.

— И еще шоры в придачу. — Сила выветрилась из его голоса, и он почувствовал себя сонным и вялым, какая-то сонливость наваливалась на него из-за того, что выпил он больше, чем следовало, из-за взлетов и падений нервного напряжения, а также из-за полного крушения надежд.

Анита ухватила за борта его куртки и потянула к себе для поцелуя. Пол вяло поддался.

— Оххх... — проворчала она, — ты иногда бываешь таким мальчишкой! — Она опять притянула его и теперь уже не отпускала, пока он не поцеловал ее в губы. — И перестань волноваться, сейчас же перестань, слышишь? — прошептала она ему на ухо.

«Спуск в Мальстром», — устало подумал он и закрыл глаза, отдаваясь единственному течению событий, которое никогда еще не подвело его и всегда обеспечивало начало, середину и приятный конец.

— Я люблю тебя, Пол, — пробормотала она. — Я не хочу, чтобы мой маленький мальчик волновался. Ты никуда не уйдешь с работы, милый. Просто ты сейчас страшно устал.

— Ммм...

— Обещаешь никогда больше не думать об этом?

— Ммм...

— И мы с тобой поедем в Питсбург, правда?

— Ммм...

— И какая команда выиграет на Лужке?

— Ммм...

— Пол...

— Хмм?..

— Какая команда выиграет?

— Синие, — сонно прошептал он. — Синие, клянусь богом, синие.

— То-то, мой мальчик. Твой отец был бы страшно горд тобой.

— Да.

Он отнес ее по широким доскам пола в обшитую сосновыми досками спальню и положил на лоскутное одеяло кленовой кровати. На ней, как сказал ему мистер Хэйкокс, умерло шесть и родилось четырнадцать независимых граждан.

XIX

Удар, нанесенный доктору Полу Протеусу, был недостаточно силен для того, чтобы вышибить его из привычной колеи, уготованной ему его происхождением и образованием, и Пол кое-как дожил до того дня, когда людям, чье развитие еще не было завершено, предстояло отправиться на Лужок.

Пол знал, что приближается момент, когда ему придется либо уйти с работы, либо сделаться осведомителем, однако все это казалось ему нереальным, и, поскольку у Пола не было сколько-нибудь определенных планов на этот случай, он насильно заставлял себя соблюдать спокойствие — без прежней, однако, уверенности в том, что все в конце концов как-нибудь утрясется.

Большой пассажирский самолет после часового пребывания в воздухе развернулся над берегом у устья реки Святого Лаврентия, где сосны подступали к самому морю. Самолет снизился, и уже можно было различить посадочную полосу, а за нею множество охотничьих домиков, со столовой, площадками для тенниса, площадками для бадминтона, площадками для игры в травяной хоккей, каталками и горками для детей и прочими павильонами Материка — женского и детского лагеря. А на реке виднелась длинная пристань с тремя яхтами белого цвета, порт отправления мужчин, направляющихся на остров по имени Лужок.

— Ну вот, пора прощаться, — сказал Пол Аните, когда самолет остановился.

— Ты выглядишь великолепно, — сказала Анита, поправляя его синюю капитанскую рубашку. — Итак, какая же команда собирается выиграть?

— Синяя, — сказал Пол. — Готт мит унс.

— Вот, а я здесь тем временем займусь Мамой, пока...

«Дам прошу пожаловать сюда! — проревел репродуктор службы распределения гостей. — Мужчины собираются на пристани. Оставьте свой багаж там, где он находится. Он будет в ваших комнатах к моменту прибытия на места».

— До свидания, милый, — сказала Анита.

— До свидания, Анита.

— Я люблю тебя, Пол.

— Я люблю тебя, Анита.

— Пошли, — сказал Шеферд, который прилетел сюда этим же самолетом. — Пора, наконец, двигаться. Очень мне хочется посмотреть, так ли уж сильна эта Команда Синих.

— Команда Синих, да? — вмешался Бэйер. — Тебя беспокоит Команда Синих, да? А? Белые! Белые, мой мальчик, единственная команда, на которую стоит приглашать. — Он растянул свою белую рубашку, приглашая их всех полюбоваться. — Видите? Видите? Только за такой рубашкой и следует следить! Понятно? Ага, ага...

— А где доктор Кронер? — спросил Шеферд.

— Он уехал еще вчера, — сказал Пол. — Он включен в состав официального комитета по встрече и находится уже на острове.

Пол еще раз помахал Аните, которая по гравиевой дорожке спускалась к Материку в компании женщин, среди которых были Катарина Финч и Мама Кронер, а также горсточка детей. Целый день самолеты будут доставлять такие же партии.

Упрятанные в девственном лесу громкоговорители разразились песней:

Для вас, прекрасная леди, я подымаю глаза;
Мое сердце, прекрасная леди, для вздохов вашего сердца.
Придите, придите, прекрасная леди, в рай...

Мелодия песни затерялась в шелканье громкоговорителя, раздался кашель, а затем команда:

«Мужчинам с классификационным номером от нуля и до ста предлагается подняться на борт «Королевы Лужка»; тех, у кого номера от ста до двухсот пятидесяти, должны подняться на борт «Жаворонка Лужка»; те же, у кого номер выше двухсот пятидесяти, отправятся на «Духе Лужка».

Пол, Шеферд, Бэйер и остальные служащие района Албани — Троя — Скенектеди — Айлиум поднялись на палубу, где их поджидали прибывшие ранее. Все надели темные очки, которые они теперь будут носить на протяжении двух последующих недель, чтобы защищать глаза от невыносимого блеска реки, от летнего солнца, отраженного в воде, блеска выбеленных домов, блеска белых гравиевых дорожек, белого песка пляжей и белых цементных кортов Лужка.

— Зеленые победят! — выкрикнул Шеферд.

— Правильно, капитан!

Все орали и пели, пароходные машины бурлили и ревели, а три яхты двинулись к острову, выстроившись углом вперед.

Морщась от солнечных лучей, Пол искоса поглядывал на все приближающийся и приближающийся Лужок — горячий, выбеленный и стерильный. Белая змея, как бы опоясывающая весь остров, теперь превратилась в ряд белых кубиков, изолированных построек, из бетонных блоков, которые на жаргоне Лужка, сохранившегося с прежних, менее комфортабельных времен, назывались «палатками». Амфитеатр на севере острова выглядел, как глубокая тарелка, а спортивные площадки вокруг него складывались в самые разнообразные геометрические фигуры. Выбеленные камни повсюду очерчивали дорожки и насаждения...

Воздух содрогнулся от резкого, звенящего грохота. Потом прозвучал еще один. И еще. «Блам!»

Ракеты, запущенные с острова, взрывались прямо над головой. Спустя еще минуту все три яхты уже покачивались у своих причалов, а оркестр заиграл «Звездно-полосатый флаг».

И красное зарево ракет
И свист бомб в воздухе...

Капельдинер поднял палочку, и оркестранты многозначительно замерли.

«Взззззз! — взвилась ракета. — Трах-та-ра-рах!»

Давали доказательство в ночном мраке,
Что флаг наш все еще там...

Вслед за гимном последовал пестрый калейдоскоп более веселых мелодий: «Запакуй свои беды», «Я в поисках девушки», «Возьми меня на бал, на танцы», «Когда я был железнодорожником».

Вновь прибывшие попали в давку на палубах, пытаясь пожать руки, протянутые им с причала шеренгой пожилых людей, в большинстве своем толстых, седых и лысеющих. Это были Великие Старики — управляющие районами, управляющие провинциями, генеральные вице-президенты и заместители генеральных вице-президентов, а также вице-президенты Восточных и Средне-Западных промышленных районов.

«Приветствуем вас на борту! — Этим возгласом встречали их сейчас, и именно это приветствие было во все времена. — Приветствуем вас на борту!»

Пол понял, что Кронер сохраняет специально для него свое рукопожатие и приветственные слова, и расталкивал народ до тех пор, пока ему не удалось добраться до этой большой руки, пожать ее и спрыгнуть на пристань.

— Очень рад видеть тебя на борту, Пол!

— Благодарю вас, сэр. Это очень здорово — быть на борту. — Многие пожилые люди на мгновение умолкли, чтобы с дружеским чувством поглядеть на блестящего юного отпрыска их пыне покойного вождя военного времени.

«Явитесь в здание администрации для регистрации, а затем загляните в свои палатки и проверьте, там ли ваш багаж, — прозвучал голос диктора. — Познакомьтесь с вашими соседями по палатке, а затем отправляйтесь на лентч».

Предшествуемые оркестром вновь прибывшие дви-

нулись по усыпанной гравием дорожке к Административному Зданию.

Поперек его входной двери висел транспарант со словами:

«Команда Синих приветствует вас на Лужке».

Раздались выкрики добродушной ярости, и тут же начали строиться живые пирамиды, чтобы сорвать с двери эту вызывающую надпись

Кто-то из молодых членов Команды Синих хлопнул Пола по спине.

— Отличная идея, капитан! — проревел он. — Этот парень сразу же дает понять им всем, кто здесь главный. И мы им еще не то покажем, увидишь.

— Это уж точно, — сказал Пол. — Таков наш дух.

По-видимому, этот юнец был впервые на Лужке. Вот поэтому-то он никак не мог уразуметь, что флаг этот — дело рук специального комитета, единственной задачей которого было вызывать и подогревать соперничество между командами. Подобные штучки будут теперь встречаться на каждом шагу.

Сразу же за дверью висел зеленый плакат:

«Оставь надежду всяк, не носящий зеленой рубашки!»

Шеферд радостно взвыл и принялся размахивать плакатом, но в следующую же секунду был сбит на пол волной Синих, Белых и Красных.

«Никакого буйства внутри зданий! — строго предупредил репродуктор. — Правила вам известны. Никакого буйства в помещениях. Поберегите свой запал для спортивных площадок. После регистрации явитесь в свои палатки, познакомьтесь с вашими друзьями и возвращайтесь к ленчу через пятнадцать минут».

В отведенную ему палатку Пол прибыл раньше своего пока еще незнакомого друга. Между ними двумя, если верить предисловию «Песенника», возникнет освященное обычаем братство в результате того, что они совместно испытают столько радостей, повидают столько прекрасного и переживут столь глубокое волнение.

Прохлада комнаты с кондиционированным воздухом вызвала у Пола легкое головокружение. Преодо-

лев его, он глянул на табличку величиной с тарелку, прикрепленную к подушке его койки. «Д-р Пол Протеус, упр. Зав. Айлиум. Н-Й», — гласила она. А пониже: «Зови меня просто Пол или гони 5 долларов». Эта вторая часть надписи красовалась буквально на всех таких табличках. Единственный человек на Лужке, которого нельзя было называть просто по имени, был сам Старик, наследник отца Пола, доктор Фрэнсис Элдгрин Гелхорн. Только его, национального директора Промышленности, Коммерции, Связи, Продовольственных товаров и Ресурсов, куда бы он ни отправлялся, надлежало величать доктором Гелхорном и сэром в любое время дня и ночи.

Потом только Пол разглядел табличку на подушке своего дружка: «Д-р Фредерик Гарт, упр. Зав. Буффало. Н-Й. Зови меня просто Фред или гони 5 долларов».

Пол присел на краешек кровати и попытался побороть странное чувство неловкости или смущения, в которое его ввергнул вид таблички Гарта. Он знал много людей, взять хотя бы Шеферда, которые постоянно во всем видели предзнаменования и вечно беспокоились по их поводу — в рукопожатии начальства, в ошибке, допущенной в их имени в официальном документе, в распределении мест на банкете, в том, что вышестоящий попросил сигарету, в тоне... Карьера Пола до самых последних недель была настолько благополучной и легкой, что размышления над смыслом подобных предзнаменований он считал занятием глупым и бесполезным. Для него все предзнаменования были добрыми или по крайней мере бывали такими до настоящего времени. Однако теперь он уже начал понимать, что могут быть и зловещие знамения, проявляющиеся косвенным образом.

Было ли случайностью, небрежностью или каким-то тонким заговором то обстоятельство, что его поместили в одну комнату с Гартом, вторым кандидатом на должность в Питсбурге? И почему Шеферд был назначен капитаном, когда подобную честь оказывали только тем, кому действительно предстояло подняться высоко вверх? И почему...

Пол мужественно переключил свои мысли на другое, по крайней мере внешне, и ему удалось рассмеяться, как человеку, которому теперь абсолютно наплевать на систему.

Вошел его дружок, с сединами на висках, усталый, бледный и любезный. Фред Гарт отчаянно старался нравиться всем и каждому, не слишком задевая кого-либо из окружающих, и благодаря этому превратился в полное ничтожество. И продвинулся он по службе именно благодаря этому качеству, а никак не вопреки ему. Ведь время от времени влиятельные личности, поддерживаемые мощными фракциями, добивались одного и того же назначения. А высокое начальство, опасаясь раскола, возможного в том случае, если они отдадут предпочтение кандидату одной клики перед кандидатом другой, называли безобидного для обеих сторон Гарта в качестве компромисса. Считалось — а поскольку это мнение было общепринятым, то, по видимому, для этого были основания, — что все эти крупные назначения, которые он получал в результате политики компромиссов, приносили ему только одно беспокойство. Теперь, несмотря на свои всего лишь пятьдесят с небольшим лет, он выглядел очень старым — добрый и благожелательный, но слишком слабый и задержанный человек.

— Доктор Пол Протеус! Я хотел сказать — Пол! — И Гарт, покачивая головой, точно он совершает что-то забавное, протянул Полу пятидолларовую бумажку.

— Забудьте об этом, доктор Гарт, — сказал Пол и протянул банкнот обратно. — Я хотел сказать — Фред. Как поживаете?

— Отлично, отлично. Не могу пожаловаться. А как ваша жена и детки?

— Тоже все отлично, благодарю вас.

Доктор Гарт вспыхнул от смущения.

— Ох, боже мой, простите, пожалуйста.

— За что?

— Это было страшно глупо с моей стороны — спрашивать вас о детях, когда их у вас нет.

— Что вы, это с моей стороны было глупо не завести их.

— Возможно, возможно. Хотя это тяжкое испытание — смотреть, как твои ребяташки подрастают, и думать обо всем, что необходимо им теперь, видеть, как они буквально убивают себя, готовясь к Генеральным классификационным испытаниям, а затем дожидаться показателей... — эту фразу Гарт закончил глубоким вздохом. — Мне пришлось перенести сейчас всю эту волюнку с ГКИ со старшеньким моим, с Брудом, а ведь мне еще предстоит дважды пережить весь этот кошмар с Алисой и с маленьким Юингом.

— Ну и как Бруд — выкарабкался?

— Хм? О, вы спрашиваете, выкарабкался ли он? У него сердце настоящего мужчины. Он хотел, чтобы все было хорошо, и он так зубрил предметы для этих экзаменов, как ни один другой парнишка в округе. Он сделал все, что было в его силах.

— О, понимаю.

— Ну вот, а теперь ему придется снова сдавать эти экзамены — только на этот раз по другим билетам. Он был немножко нездоров, когда сдавал их в первый раз, — последствия какого-то вирусного заболевания. Он совсем немного не добрал очков, и апелляционное бюро в отношении его сделало специальную оговорку. Эту вторую попытку он предпримет завтра, и примерно к обеду аттестат будет у него в кармане.

— На этот раз он, конечно, сдаст, — сказал Пол. Гарт покачал головой.

— Вы полагаете, что они все же пойдут ему навстречу, не так ли? Господи, видели бы вы, как этот малыш корпел над книжками.

— Отличная погода сегодня, — сказал Пол, пытаюсь уйти от неприятного разговора.

Гарт с отсутствующим видом выглянул в окно.

— Да, не правда ли. Господь улыбается Лужку.

— Возможно, он это делал и прежде.

— Это не я придумал.

— Что именно?

— Об этой божьей улыбке. Это из речи доктора Гелхорна. Помните? Он говорил это в прошлом году при закрытии.

— Ага. Доктор Гелхорн говорил столько вещей, которые следовало бы запомнить, что невозможно было их все унести и хранить в своей домашней сокровищнице.

«Ленч! — сказали громкоговорители. — Ленч! Запомните правило: каждый раз за едой вы должны завести нового знакомого. Не расставайтесь со своим дружкой — пусть он будет по одну сторону от вас, но уж по другую пусть обязательно сидит незнакомый. Ленч! Ленч!» — Без всякого перехода диктор зашел: «О, как я не люблю вставать рано утром». Пол с Гартом и еще пятьдесят других таких же пар через парадную площадь зашагали к столовой.

Когда толпа протолкнула Пола с его дружкой сквозь раздвижные двери, Кронер, схватив Пола за руку, оттащил его в сторонку. Гарт, как и подобает хорошему дружку, которым он изо всех сил старался быть, тоже вышел из очереди и остановился.

— Завтра вечером, — сказал Кронер. — Собрание на высшем уровне состоится завтра вечером — после постановки пьесы и костра.

— Отлично.

— Я уже говорил тебе, что сюда приедет сам Старик. Видишь, насколько это важно. Ты будешь важной персоной. Я и сам не вполне представляю себе, в чем здесь дело, но полагаю, что это будет самый решающий момент во всей твоей карьере.

— Господи!

— Не волнуйся. С такой кровью, как у тебя, ты великолепно справишься с этим делом, каким бы оно ни было.

— Благодарю вас.

Пол вернулся в очередь вместе с Гартом.

— Он очень любит вас, не правда ли? — спросил Гарт.

— Старый друг моего отца. Он сказал, что хорошо быть со мной на одном борту.

— О! — Гарт был слегка обеспокоен. Явная ложь Пола впервые подчеркнула их соперничество. И он пропустил мимо ушей слова Пола. Шеферд вымотал

бы все кишки Полу и (правда, более деликатно) Кронеру, но узнал бы до последнего словечка все, что было сказано между ними.

Пол почувствовал к Гарту искреннюю симпатию.

— Пошли, дружок, давай поймаем парочку незнакомцев.

— Это будет трудновато. Мы ведь бывали здесь уже не раз, Пол.

— А ты ищи какого-нибудь юнца со щеками, как яблоко, только что со школьной скамьи.

— А вот как раз такой.

— Беррингер! — изумленно проговорил Пол. Когда машины выявляли список людей Айлиума, заслуживающих приглашения на Лужок, карточка Беррингера спокойно оставалась на своем месте. Это был последний человек на Заводах, заслуживающий приглашения. И все-таки он оказался здесь.

Ясно было, что Беррингер понимает, что сейчас творится в голове Пола, и ответил он на пристальный взгляд наглой улыбкой.

Бэйер встал между ними.

— Забыл, забыл, собирался сказать, да забыл, — затараторил он. — Беррингер, о Беррингер. Кронер сказал, чтобы я сообщил тебе, а я забыл, забыл на-чисто.

— Какого черта его сюда занесло?

— Сюда Кронер его взял. В последнюю минуту, понимаешь? Хм... Кронер решил, что, если мальчишку не пригласят, это окончательно разобьет сердце его отца после того, что произошло с Чарли Шашистом и вообще.

— Вот до чего доходит система определения за-слуг, — сказал Пол.

Бэйер кивнул.

— Так, так, доходит, это уж точно, до этого доходит. — Он пожал плечами и иронически поднял брови. — Чик, чик — и за окошко.

Пол вдруг понял, что Бэйер, возможно наиболее справедливый, разумный и чистосердечный человек изо всех, с кем ему приходилось сталкиваться, страш-

но похож на машину, интересуется только теми проблемами, которые ему подсовывают, занимается любой из этих проблем с одинаковой энергией, не обращая внимания ни на степень ее важности, ни на масштабы.

Пол еще раз посмотрел на Беррингера и увидел, что компаньоном того по столу является Шеферд, что на Беррингере такая же зеленая рубашка, но тут же забыл о них.

Вместе с Гартом они отыскивали, наконец, пару юных незнакомцев, рядом с которыми было два свободных места, и уселись.

Рыжеволосый юнец, сидевший рядом с Полом, взглянул на его жетон.

— О, доктор Протеус! Я слышал о вас. Как поживаете, сэр?

— Просто Пол, без всяких докторов. Отлично, а вы? — Он поглядел на жетон своего соседа: «Доктор Эдмунд Л. Гаррисон, Заводы Итака».

«Познакомьтесь с сидящим рядом, — проговорил громкоговоритель. — Не разговаривайте ни с кем, кого вы знали ранее».

— Женаты? — спросил Пол.

«Ради этого вы и находитесь здесь — ради того, чтобы познакомиться с новыми людьми и тем самым расширить ваши горизонты», — сказал громкоговоритель.

— Нет, сэр, я обру...

«Чем больше контактов вы наладите здесь, на Лужке, — сказал громкоговоритель, — тем шире будет сотрудничество среди вас и тем спокойнее будет развиваться промышленность».

— Я обручен, — докончил доктор Гаррисон.

— Девушка из Итаки?

«Два свободных места, джентльмены, два свободных места в углу. Прямо перед вами. Быстрее занимайте места, потому что предстоит очень насыщенная программа, а все хотят поскорее познакомиться друг с другом», — сказал громкоговоритель.

— Нет, сэр, — сказал доктор Гаррисон. — Она из

Атланты. — Он еще раз пригляделся к жетону Пола. — Не сын ли вы...

«Теперь, когда вы все расселись по местам и знакомитесь друг с другом, как вы смотрите на то, чтобы нам всем вместе спеть песню?» — сказал громкоговоритель.

— Да, это был мой отец, — сказал Пол.

«Раскройте «Песенник» на двадцать восьмой странице, — сказал громкоговоритель. — Двадцать восьмая страница, двадцать восьмая!»

— Да, это был человек, — сказал Гаррисон.

— Да, — сказал Пол.

«Подожди, пока солнце засияет, Нелли!» — выкрикнул громкоговоритель. — Нашли? Двадцать восьмая страница! Вот и хорошо, а теперь — начали!»

Оркестр в дальнем конце зала, точно стадо слонов, набросился на мелодию с такой яростью, будто объявил священную войну тишине. В этом грохоте невозможно было сохранить доброе отношение даже по отношению к себе. Желудок Пола сжался от судорожной спазмы, он утратил буквально все вкусовые ощущения, великолепные и страшно дорогие блюда проталкивались им в желудок с таким безразличием, как будто это была конина с какой-то бурдой.

— Пол, Пол, Пол, эй, Пол! — крикнул ему Бэйер через стол. — Пол!

— Что?

— Это же тебя, тебя вызывают; это вызывают тебя!

«Не говорите мне, что капитан Команды Синих настолько пуглив, что сбежал в последнюю минуту, — саркастически надрывался громкоговоритель. — Ну, давайте! Где же капитан Синих?!»

Пол встал и поднял руку.

— Здесь, — откликнулся он и сам не расслышал своего голоса.

Приветственные крики и неодобрительные восклицания встретили его в соотношении один к трем. В него полетели смятые бумажные салфетки и маринованные вишни, служившие до этого украшением салатов.

«Хорошо, — сказал громкоговоритель насмешливым тоном, — послушаем теперь вашу песню».

Чьи-то руки вцепились в Пола и подняли вверх, и мощным потоком одетых в синие рубашки людей его понесло по проходу к возвышению для оркестра.

Его высадили на эстраде, и вокруг него выстроился кордон. Устроитель церемоний, полный краснолицый старик с полным, как у женщины, бюстом, сунул ему в руки «Песенник». Оркестр разразился боевой песней Команды Синих.

— О Команда Синих, ты испытанная и закаленная команда, — начал Пол. Громкоговорители вернули ему его голос — чужой и угрожающий, усиленный электронным приспособлением до степени какой-то яростной уверенности и решительности. — И нет команд, столь же хороших, как ты!

И тут голос его окончательно утонул в топанье ног, свистках, мяуканье и в звоне ложек по стаканам. Руководитель церемоний, обрадованный высоким воинственным духом, который ему удалось вызвать у аудитории, подал Полу синий флаг, чтобы он им размахивал. Не успел Пол взять в руки это орудие, как увидел, что ряды его защитников прорваны. На него, опустив голову и яростно работая своими короткими толстыми ногами, неся Беррингер.

В какую-то долю секунды Пол попытался ударить свингом совершенно ошалевшего от ярости Беррингера, но промахнулся и тут же был сбит ударом головой. Он свалился с эстрады и пролетел в открытые кухонные двери.

«Прошу вас! Прошу вас! — молил громкоговоритель. — На Лужке имеется очень мало правил, но уж эти немногие правила необходимо соблюдать! Эй, вы там, в зеленой рубашке, сейчас же возвращайтесь на свое место. Никаких выходов в помещениях. Понятно?»

Раздался дружный хохот.

«Еще одна подобная выходка, и вас попросят покинуть остров!»

Ласковые руки подняли Пола, и он вдруг обнаружил, что глядит в грустное и невыразительное лицо

Люка Люббока, извечного участника всех событий, на котором сейчас была форма водителя автобуса. Один из поваров, который презрительно наблюдал эту сцену, быстро отвернулся, когда Пол поглядел на него, и исчез в холодильнике для мяса.

Когда соратники Пола по команде провожали его обратно на место за столом, ему вдруг смутно, как будто в кошмарном сновидении, стало понятно, что повар этот Элфи, специалист по телевидению с отключенным звуком.

«Так-то вот, — сказал громкоговоритель. — И чтобы больше никаких заварушек не было, иначе нам придется отменить остальные развлечения. Теперь где капитан команды Белых?»

Когда забава закончилась, Пол и доктор Гаррисон из Итаки вместе вышли из столовой.

«У вас есть десять минут свободного времени до начала мемориальной службы, — сказал громкоговоритель. — Десять минут для налаживания новых контактов перед мемориальной службой».

— Я рад, что познакомился с вами, сэр, — сказал доктор Гаррисон.

— Я тоже...

«Моя дикая ирландская роза, — завопил громкоговоритель, — прекраснейший из цветков...» — припев был заглушен треском. — Внимание, попрошу внимания. Комитет ведения программы только что сообщил мне, что мы отстали на семь минут от расписания, поэтому прошу сейчас же построиться у Дуба. Мемориальная служба начнется немедленно».

Благоговейная тишина, как туман, опустилась на взбудораженную толпу, которая рассыпалась было по вымощенным площадкам и вокруг столиков для пинг-понга у столовой. Теперь они начали строиться вокруг Дуба — официального символа всей общенациональной организации. Его изображение было на каждой листке бумаги для писем, и это же изображение, пришитое к четырехугольнику белого шелка, развевалось на ветру тут же под американским флагом на мачте, установленной на площади для парада.

Юнцы во всем подражали старшим: глаза их устре-

мились к нижним ветвям великолепного дерева, руки были вытянуты по швам.

— Белые победят! — выкрикнул низкорослый щуплый юнец с большими зубами.

Пожилые взглянули на него с грустным и печальным неодобрением. Сейчас не время было для подобных шалостей. Сейчас наступил момент, когда этого делать не полагалось. Это явное проявление дурного тона отравит юнцу все его двухнедельное пребывание здесь, а возможно, и всю последующую карьеру. В одно мгновение он превратился в «мальчишку, который завопил во время мемориальной службы». Этого будет достаточно, никому не придет в голову заниматься им дальше. Разве что он вдруг окажется великолепным спортсменом... Нет. Его тщедушие и бледная кожа указывали на то, что и эта дорога к прощению для него закрыта.

Пол поглядел на юнца с сочувствием. Ему вспомнились подобные же неудачи, свидетелем которых он был раньше. Человек этот, страшно одинокий, начнет теперь пить, и его никогда больше не пригласят вновь.

Стояла тишина. Единственным звуком теперь был шелест листьев, лопотание флагов да изредка доносившийся звон тарелок и столового серебра из столовой.

Взмыленный фотограф выбежал вперед, опустился перед стоящей группой на одно колено, блеснул вспышкой и убежал.

«Взззз! — взлетела ракета. — Трах-тарарах!»

Выпущенный ею американский флаг на парашютике лениво опустился в воду реки.

Кронер отделился от общей массы и торжественно зашагал к толстому стволу дерева. Он повернулся и задумчиво поглядел на свои руки. Первые произнесенные им слова были настолько тихими, настолько насыщены чувством, что очень немногие расслышали их. Он глубоко вздохнул, расправил плечи, поднял глаза и, собравшись с силами, повторил их.

Во время долгой паузы перед тем, как Кронер вновь заговорил, Пол огляделся. Его глаза встретились с глазами Шеферда и Беррингера, но на этот раз в их

взглядах были нежность и мягкость. Непостижимым образом толпа превратилась в однородную массу. Невозможно было сказать, где кончается одна личность и начинается другая.

— Таков наш обычай, — говорил Кронер, — обычай, установившийся здесь, на Лужке, — наш обычай на нашем Лужке — встречаться под нашим деревом, нашим символом силы корней, ствола и ветвей, нашим символом мужества, единства, стойкости и красоты. Согласно этому нашему обычаю мы встречаемся здесь, чтобы вспомнить ушедших от нас наших друзей и сотрудников.

Теперь Кронер уже забыл о толпе и обращался к густым облакам на синем небе.

— С нашей последней встречи доктор Эрнест С. Бассетт отошел из нашего мира в мир иной, мир лучший. Эрни, как вы все знаете, был...

Из толпы выбежал фотограф, блеснул молнией прямо в лицо Кронеру и опять скрылся.

— Эрни был управляющим Заводами Филадельфии в течение пяти лет и в течение семи лет — управляющим Заводов Питсбурга. Он был моим другом; он был нашим другом: великий американец, великий инженер, великий управляющий, великий пионер, чье место было всегда в первых рядах марша цивилизации, открывающего новые, невиданные просторы для выпуска лучших вещей, для лучшей жизни, для большего количества людей и по более низким ценам.

Срывающимся от волнения голосом Кронер рассказал об Эрни Бассетте — юном инженере, а потом проследил его трудовой путь от одного завода к другому.

— Он весь отдавался своей деятельности — как инженер, как управляющий, как личность, как американец и... — Кронер сделал паузу, пристально вглядываясь в лица слушателей, в одно за другим. Потом он закончил, снова обращаясь к облакам: — Как человек большого сердца.

Из толпы кто-то вышел и вручил Кронеру длинную белую коробку. Кронер медленно раскрыл ее и, прежде чем показать ее содержимое всем, задумчиво оглядел ее. Наконец он вынул и развернул сине-белый

вымпел — орденскую ленту, полученную Бассеттом во время войны в качестве управляющего Филадельфийских Заводов.

Приглушенно запели трубы.

Кронер опустился на колени у подножья дерева и возложил к нему вымпел Эрни Бассетта.

Фотограф опять появился, щелкнул аппаратом и скрылся.

«Взззз! Трах-та-ра-рах!»

Мужской хор, спрятанный в зарослях, все так же приглушенно затянул на мотив «Любовной песни»:

Друзья на Лужке,
Подыдем бокалы,
Выпьем за наш живой символ, достающий до небес,
И, выросший из простого желудя,
Ты теперь превратился в гиганта;
Так никогда же не останавливайся в своем росте,
Дорости до звезд!
Гордый символ
Наааааш.

«Минута молчания, помолимся про себя о наших отошедших друзьях», — сказал громкоговоритель.

Всю эту минуту молчания Пол слышал всхлипывания в толпе. Под влиянием церемонии чья-то плотина сдержанности была прорвана — этот кто-то, видимо, был близким другом Бассетта. Слезы стояли в глазах у многих, и то там, то здесь зубы закусывали дрожащие губы, но нигде Пол не мог разглядеть рыдающего. Неожиданно он все же нашел его, но вовсе не в толпе, а в столовой. Люк Люббок с целой охапкой грязных тарелок в руках стоял как зачарованный. Крупные искренние слезы текли по его щекам. Старший официант довольно грубо втоптал его за раздвижную дверь.

«Вззз! Трах-та-ра-рах!»

Оркестр теперь на полную мощь заиграл «Звезды и Полосы», и Кронера почти унесли трое других представителей старшего поколения, которые тоже были друзьями Бассетта. Толпа разошлась.

Пол с затаенной надеждой поглядел на двери салуна, который размещался в отдельном белом здании. Он даже попробовал дверь, чтобы убедиться, заперта

ли она, и, конечно, она была заперта. Салун никогда не открывали до часа коктейлей, который наступал после игр.

«Внимание! — сказал громкоговоритель — Прошу минуточку внимания. Программа на остальную часть дня такова:

Через десять минут команды собираются в палатках своих капитанов для разбивки по различным видам спорта. Официальные соревнования начнутся завтра утром. После разбивки отдохните, познакомьтесь поближе со своими дружками, не варитесь в собственном соку.

Коктейли в пять тридцать. Ужин в шесть тридцать. А теперь внимание — есть маленькое изменение: всеобщие игры и костер сегодня не состоятся. Не состоятся. Они будут проведены завтра вечером, а сегодня в амфитеатре будут проводиться массовые песни. Отбой в полночь.

Капитаны команд, капитаны команд, просим вас вернуться в ваши палатки».

Без особой надежды на успех Пол постучал в двери салуна, полагая, что ему удастся уговорить уборщика внутренних помещений раздобыть ему чего-нибудь.

«Мне только что сообщили, — сказал громкоговоритель, — мне только что сообщили, что капитана Команды Синих нет в его палатке. Доктор Пол Протеус, доктор Пол...»

XX

Золотой тюрбан шаха Братпура, так и не развернутый до конца, свисал с вешалки для шляп в Майами Бич, как полотенце в общественном туалете.

— Пуку пала коко, пуку эбо коко, ниби аки коко, — сказал шах.

— Что угодно этому иностранному джентльмену? — осведомился Гомер Бигли, владелец парикмахерской.

— Он желает снять немножко с боков, немножко сзади, а верх не трогать, — пробормотал Хашдрахр

Миазма из-под горячего полотенца, сидя в кресле парикмахера рядом с шахом.

Доктор Юинг Дж. Холъярд, покусывая ногти, расположился в одном из кресел для ожидающих, пока его подопечные впервые знакомились с искусством американского брадоброя. Он улыбался и кивал головой в ответ на любые обращенные к нему слова, но не слышал абсолютно ничего, кроме мягкого похрустывания конверта во внутреннем кармане его сюртука, когда он нервно поеживался, стараясь обрести покой, которого кресло это никак не могло ему предоставить. Письмо это было от чиновника, ведающего личным составом в Госдепартаменте, и оно в погоне за Холъярдом проделало путь от Нью-Йорка в Утику, на Ниагарский водопад, в Кэмп Драм, в Индианаполис, в Сент-Луис, в Порт Райли, в Голливуд, в Гранд Кенйон, в Карлсбадские пещеры, в Хэнфорд, в Чикаго и в Майами Бич, где он пробыл достаточное время для того, чтобы письмо, наконец, поймало его — настигло его подобно метательному дротику и вонзилось, дрожа, между лопаток его души. Доктор Ю. Дж. Холъярд был красен как рак после дня, проведенного на пляже, однако под этой личиной здоровья и бодрости духа он был мертвенно бледен от страха. «Мой дорогой мистер Холъярд, — так начиналось это письмо. — Мой дорогой мистер...»

Пока Холъярд был занят своими печальными думами, Гомер Бигли привычным жестом, выработанным всей его жизнью, посвященной парикмахерскому искусству, выбрал нужные ножницы, пощелкал ими в воздухе над священной головой и, как будто его правая рука управлялась тем же самым нервом, что диафрагма и голосовые связки, принялся одновременно остригать волосы и говорить — говорить, обращаясь к не понимающему ни слова шаху примерно так же, как бальзамировщики разговаривают с телом.

— Да, сэр, вы выбрали отличное время для приезда. Говорят, что сейчас не сезон, но я вам скажу, что это лучшее время года. И притом самое дешевое. Однако не в этом, конечно, дело. Здесь сейчас ровно на пятнадцать градусов прохладнее, чем в Нью-Йорке, но

я готов держать пари, что на севере об этом не знает даже один человек из пятидесяти. И это просто потому, что такую мысль никто им не подсунул. В том-то все и дело. Вы когда-нибудь задумывались над этим? Все, о чем вы думаете, вы думаете только потому, что вам кто-то подсунул эту мысль. Образование тоже не что иное, как подсовывание идей, реклама.

Но бывает ведь хорошая реклама и плохая реклама. Вот парикмахеры, например. Сейчас у них очень плохая реклама, и все из-за карикатур и телевизионных комиков, понимаете? Невозможно раскрыть журнал или включить телевизор без того, чтобы не увидеть шуточки относительно парикмахера, зарезавшего кого-то. Может, немножко посмеяться вовсе и не вредно, я не против, и бог с ним, пусть себе посмеются немножко, но все же я считаю, что это неправильно, когда кого-то все время выставляют на посмешище. Ведь так просто гробят человека, а пользы от этого никому никакой. Мне просто хотелось бы знать, задумываются ли когда-нибудь все эти карикатуристы и комические актеры о тысячах парикмахеров, которые работают из года в год и никогда не порежут ни одного из своих клиентов, а эти людишки все продолжают свои инсинуации о том, что парикмахеры перерезали уже столько вен и артерий, что их просто не успевают заштопывать. Но мне кажется, что теперь уже никто не задумывается над тем, что может быть святым для других.

Кстати сказать, было время, когда парикмахеров вызывали специально для того, чтобы пустить человеку кровь, да еще и платили ему за это. Если только подумать, это ведь одна из древнейших профессий на свете, но разве кто сейчас задумывается над этим? Ведь они были чем-то вроде докторов, они пускали кровь, помогали сращивать сломанные кости и все такое прочее, но потом доктора обозлились и сами занялись всем этим делом, а парикмахерам оставили только бритье да стрижку. Страшно интересная история. Но вот мой отец обычно говорил, конечно до того, как он умер, что парикмахеры еще надолго останутся даже после того, как последний доктор уйдет в отстав-

ку, и в словах моего отца было много правильного. Да, его стоило послушать.

Ей-богу, в наши дни нужно намного больше времени и искусства, чтобы остричь человека, чем для всех тех вещей, которыми занимаются доктора. Если у вас сифилис, триппер, краснуха, желтая лихорадка, воспаление легких или хотя бы там рак или что-нибудь похуже, так, черт побери, я вас вылечу скорее, чем вот я сейчас наливал воду в шампунь. Берешь себе шприц с махонькой иголочкой, тяп-ляп — и пожалуйста! Вместе со сдачей я тут же подаю вам справочку о полном выздоровлении. Любой парикмахер может делать то, что делает доктор в наши дни. Но я вам тут же выложу пятьдесят долларов, если вы мне покажете хоть одного доктора, который смог бы остричь человека как следует.

Вот, а еще говорят, что парикмахер — это не профессия, но где вы найдете другие профессии, которые бы со средних веков завоевали себе такой авторитет! Посмотрите на парикмахеров и возьмите медицину или законы. Все делают за них машины!

Доктор совсем не ломает голову над тем, чтобы понять, что с вами, да и образования его здесь не нужно. Тебя обследуют машины — проверят то, проверят это. А потом он берет уже готовый волшебный препарат и вкалывает его вам. И делает он это только потому, что машины подсказали ему, что следует делать. А юристы! Конечно, это очень здорово, то, что произошло с ними, потому как если бы они плохо работали, то это уж никак не могло быть кому-нибудь на пользу. Я ничего не говорю. Это говорил мой отец. Это все его слова. Но закон теперь есть закон, а не соревнование между множеством людей, которым платят за то, что они умеют все вывернуть наизнанку и будут смеяться, врать и жульничать по приказу любого, кто заплатит им достаточно за их смех, вранье и жульничество. Ей-богу, детекторы лжи теперь точно узнают, кто врет, а кто говорит правду, а машины из картотеки прекрасно знают, что гласит по данному случаю закон, и отыскать это они могут намного скорее, чем эти паршивые судьи объявят, что говорит по

этому поводу кодекс. И тут уже ничего не скажешь. И никакой здесь путаницы. Черт побери, да если бы у меня был детектор лжи и картотечная машина, то я мог бы прямо здесь вести юридические дела и присудить вам развод или штраф в миллион долларов или что бы вам там ни понадобилось за то время, что у вас уходит, чтобы сунуть десять центов в автомат и почистить ботинки у механического чистильщика.

Когда-то они выглядели важными и величественными вроде священников, эти доктора и юристы и прочие, но теперь они все больше ходят просто на механиков. Дантисты все еще держатся молодцом, это правда. Но они только исключение, которое подтверждает правило, скажу я вам. А парикмахерское дело — одна из древнейших профессий на земле — по воле случая оказалось более стойким, чем все остальные. Машины разделили мужчин и мальчиков, если так можно выразиться.

«Мужчин от мальчишек» — так говорили нам в армии, сержант Элм Уиллер например. Он был из Мемфиса. «Так-то вот, ребята, — говаривал он. — Здесь мы отделяем мальчишек от мужчин». И тут же мы шли вперед, брали очередную высоту, а за нами шли медики и отделяли мертвых от раненых. А потом Уиллер говорил: «Так-то вот, ребята, здесь мы отделяем мальчишек от мужчин». И это продолжалось до тех пор, пока нас не отделили от нашего батальона, а самому Уиллеру не отделили голову от туловища.

Но знаете, что я вам скажу, как бы страшно там ни было, — дело, конечно, не только в Уиллере, а я говорю обо всей войне — она выявила величие американского народа. Есть в войне что-то такое, что позволяет выявить величие. Страшно неприятно это говорить, но это действительно так. Конечно, возможно, это происходит только потому, что тут очень легко быстренько стать великим в военных условиях. Какая-то дурацкая вещь происходит с тобой в течение нескольких секунд, и вот пожалуйста — ты велик. Я, может быть, самый великий парикмахер в мире, вполне возможно, что я и являюсь им, но мне это нужно доказывать всю жизнь, совершая великие стрижки, но

этого никто так и не заметит. Так вот идут дела в мирное время, вы меня понимаете?

Но ведь того же Элма Уиллера — его-то уж никак нельзя было не заметить, когда он взбесился после письма, где сообщалось, что жена его родила в то время, как он не видел ее уже два года. Прочел он это письмо и прямо бросился на пулеметную точку, перестрелял и перебил гранатами там всех так, что жуть нас взяла, а потом бросился к другой точке и переколошматил их там всех просто прикладом, а потом уже, совершенно озверев, он бросился к минометной позиции, прихватив просто по камню в каждую руку, тут-то они и хлопнули его осколочным. Дайте хирургу хоть тысячу долларов, но он не сможет лучше справиться с работой. Ну вот, дали Элму Уиллеру Медаль Конгресса за все это, и медаль эту просто положили к нему в гроб. Просто положили, и все тут. Вешать ее ему на шею было невозможно, а если бы они решили пришить ее ему к груди, то, я думаю, им пришлось бы припаивать эту медаль к ней, до того он был напшигован свинцом и осколками.

Но он ведь действительно был великим, и тут уж никто не станет спорить, а вы думаете, что он был бы таким великим сейчас, в наши дни? Уиллер? Элм Уиллер? Да знаете вы, кем он был бы сейчас? Крра-хом, и все тут. Война сделала его человеком, а такая жизнь его просто убила бы.

И вот еще одна интересная вещь про войну — я не говорю, что вообще все на войне было хорошо, — чего нет, того нет, — но раз уж идет война и ты умудрился попасть на нее, то тебе уже нечего заботиться о том, что ты что-то не так сделал. Понимаете? Находясь на фронте, сражаясь там и прочее, ты уж и не можешь поступать правильнее, чем поступаешь. Дома ты мог быть самой последней дрянью, и многих сделать несчастными, и быть просто тупым и жалким типом, но, попав на фронт, ты король — король для каждого, а особенно для себя самого. В этом-то вся суть, будь справедлив по отношению к себе, и ты никого этим не обманешь, вот тебе и все правила — в тебя стреляют, и ты сам стреляешь в других.

Когда сейчас ребят берут в армию, то это просто дают им место, чтобы они не болтались по улицам и не наживали себе неприятностей, потому как больше нечего делать. И единственная для них возможность хоть когда-нибудь выбиться в люди, так это если начнется война. И это единственный их шанс показать всем и каждому, что они живут и умирают не зря, а ради чего-то, клянусь вам.

Раньше имелось множество окольных путей, чтобы какой-нибудь тупица мог выбиться в великие люди, но теперь машины с этим покончили. Знаете, бывало так, что вы могли просто отправиться в море на большом клипере или на рыбацком судне и неожиданно проявить героизм во время шторма. Или вы могли заделаться пионером и отправиться на запад и повести за собой людей, разогнать индейцев и все такое прочее. Или вы могли быть ковбоем или заняться каким-нибудь опасным делом и все-таки быть просто тупицей.

А теперь машины берут на себя все опасные работы, а бедных тупиц согнали в огромные стада или в бараки, и тупице ничего не остается, как сидеть там да мечтать о том, как хорошо было бы, если бы вдруг начался большой пожар, а он вбежал бы в горящее здание и выбежал бы из него на глазах у всех с маленьким ребенком на руках. Или мечтать — хотя они, конечно, не говорят об этом вслух, потому что последняя была такой страшной — о новой войне. Конечно, теперь новой войны не будет.

И конечно же, я считаю, что машины очень облегчили жизнь. Я был бы просто дурак, если бы говорил, что это не так, хотя есть множество людей, которые говорят, что это не так, и, честно говоря, я понимаю, почему они говорят это, ладно. Получается так, что машины взяли себе все хорошие работы и оставили людям все самые глупые. И я думаю, что я являюсь одним из последних представителей той породы, которая стоит на своих собственных ногах.

И я очень счастлив, что парикмахерское дело удержалось так долго — настолько долго, что дает мне возможность жить им. И я очень счастлив, что не завел

детишек. Так лучше, потому как мне теперь не надо ломать себе голову, перейдет ли это заведение к ним или нет и о том, что им больше ничего не останется в жизни, так идти в кррахи или в Армию, если только какой-нибудь из инженеров, управляющих, исследователей или бюрократов не уговорил мою жену и не оставил моим ребятам своих мозгов в наследство вместо моих собственных. Но моя Клара однажды так поперла одного из этих прохвостов, что он драпал от нее, как кошка, которой запустили под хвост целый фунт скипидара, да еще в подогретом состоянии.

В любом случае я надеюсь, что эти парикмахерские машины не будут установлены в Майами Бич еще пару лет, и я спокойно смогу уйти на отдых, а там пусть все катится ко всем чертям собачьим. Вчера вечером по телевизору показывали одного типа, который изобрел эти дурацкие штуки, и что бы вы думали? Он оказался парикмахером. Он сказал, что он все волновался и волновался, как бы кто-нибудь не изобрел машины, которые оставят его без работы. У него просто кошмары были из-за этого, а когда он просыпался, то он обычно говорил себе обо всех причинах, из-за которых люди никогда не смогут сделать таких машин, что стали бы выполнять его работу — вы понимаете, — выполнить все те сложные движения, которые приходится делать парикмахеру во время работы. А во время следующего кошмара ему приснилась машина, которая могла делать одну из его работ, кажется завивку, и он совершенно ясно увидел, как именно она работает. Получился просто порочный круг. Он начал видеть сны. Просыпаясь, он говорил себе о чем-то, чего машине никак не сделать. И тогда ему снилась машина, и он видел, как эта машина делает именно то, что, он думал, она не сможет сделать. И так далее и так далее, пока ему не приснилась вся машина целиком, и эта машина могла стричь так, как никто на свете. И он продал свои чертежи за сто тысяч долларов да еще получает отчисления, как владелец патента, и, я полагаю, теперь ему не о чем беспокоиться.

Задумывались ли вы когда-нибудь над тем, что за

странная штука человеческий ум? Вот вы и готовы, сэр. Как вам нравится ваш вид?

— Сумклиш, — сказал шах и потянул добрый глоток из фляги, поданной ему Хашдрахром. Потом он долго с мрачным видом изучал себя в зеркале, которое перед ним держал Бигли.

— Нибо бакула ни прово, — сказал он наконец.

— Ему понравилось? — спросил Бигли.

— Он говорит, что нет ничего такого, чего бы не в состоянии покрыть тюрбан, — сказал Хашдрахр, чья стрижка тоже была закончена. Затем он обратился к Холгъярду. — Ваша очередь, доктор.

— Мммм?.. — отозвался Холгъярд с отсутствующим видом, подымая глаза от письма. — О, я не буду стричься. Думаю, что нам лучше всего отправиться в отель и немножко отдохнуть, правда? — И он еще раз заглянул в письмо:

«Мой дорогой мистер Холгъярд!

Мы только что завершили ревизию персональных карточек нашего департамента, сверяя с фактами занесенные в них данные.

В ходе этой ревизии было обнаружено, что вы не сдали зачета по физической подготовке, необходимого для получения степени бакалавра при выпуске из Корнеллиевского университета, и что степень эта была вам присуждена вследствие недосмотра технического персонала. К величайшему моему сожалению, я вынужден сообщить вам, что в связи с этим вы не имели права на получение магистерского диплома, а следовательно, и магистерской степени и степени доктора философских наук, которые занесены в ваш послужной список.

Поскольку, как вам известно, за заведомое внесение в персональные учетные карточки ложных сведений грозит суровое наказание, нашим долгом является сообщить вам, что официально вы сейчас пребываете без какого-либо диплома о высшем образовании и в связи с этим переведены на период в восемь недель из постоянного штата в штат лиц, проходящих испы-

тательный срок. Надеемся, что за это время вы явитесь в Корнеллиевский университет и погасите академическую задолженность.

Возможно, вам удастся совместить это с вашей поездкой и при случае ознакомить шаха с этим выдающимся высшим учебным заведением Америки.

По этому поводу я связался с Корнеллиевским университетом и сообщил им о происшедшем недоумении, они заверили меня, что дадут вам возможность держать экзамен по физической подготовке в любое удобное для вас время. Вам не придется проходить там весь курс, а только нужно будет сдать зачетные экзамены. Эти экзамены, насколько я могу судить, довольно легкие: шесть раз проплыть длину бассейна, двадцать раз отжаться от пола, пятнадцать раз подтянуться, потом лазание по канату, подымание на...»

XXI

Полная луна взошла над Тысячью островов, и по крайней мере на одном из них тысяча глаз следила за нею. Сливки Востока и Среднего Запада из числа инженеров и управляющих собрались в амфитеатре Лужка. Это была вторая ночь, ночь программной пьесы и костра. Сцена, расположенная в центре амфитеатра, была скрыта за створками разделенного надвое стального полушария, которые сейчас должны были раскрыться подобно створкам раковины.

Кронер уселся рядом с Полом и положил руку ему на колено.

— Чудесная ночь, мой мальчик.

— Да, сэр.

— Я полагаю, Пол, что у нас в этом году подобралась хорошая команда.

— Да, сэр. Они выглядят хорошо. — После окончания первого дня соревнований Команда Синих действительно выглядела хорошо, хорошо, несмотря на то, что в ее составе было много высших — а это означает усталых и пожилых — должностных лиц. Сегодня днем Синие вышибли с третьей подачи капитана Зеленых, Шефферда. Шефферд в своем стремлении выиграть во

что бы то ни стало и в страхе перед поражением был совершенно невменяем.

Пол же, наоборот, все время брал самые трудные мячи без каких-либо усилий, посмеиваясь, что, собственно, совсем не было в его характере. Анализируя во время отведенного для коктейлей часа свои чудесные достижения в вечерней игре, Пол вдруг понял, что произошло: впервые с того момента, как он принял решение уйти с работы, ему действительно было наплевать на систему, на Лужок и на политику. Он и раньше пытался наплевать на все это, однако это не слишком ему удавалось. И вот внезапно, именно теперь, он стал вполне независимым человеком.

Пол был немного напуган, но доволен собой. Все складывалось отлично.

— Старик пожелал, чтобы собрание началось, как только приземлится его самолет, — сказал Кронер, — поэтому, что бы здесь ни происходило, нам придется уйти.

— Хорошо, — сказал Пол. — Отлично. — Возможно, именно сегодня он и скажет то, что собирается, если только сочтет это необходимым. Но не стоит спешить. — Превосходно.

«Занимайте, пожалуйста, места, — сказал громкоговоритель. — Пусть все рассядутся по местам. Комитет, наблюдающий за программой, только что сообщил мне, что мы уже запоздали на восемь минут, поэтому поскорее рассаживайтесь по местам».

Все расселись. Оркестранты в летних смокингах заиграли попури из любимых песенок Лужка. Музыка постепенно замерла. Створки полушария немножко приоткрылись вверху, и через эту щель вырвался луч света, который устремился сквозь сигаретный дым к темно-синему небу. Музыка окончательно замолкла, загудели упрятанные под землю механизмы, и створки полушария ушли в землю.

Старик, с белой бородой по пояс, в длинной белой тоге, золотых сандалиях и синей конической шапке, усыпанной золотыми звездами, сидит на верхушке необычайно высокой стремянки. Он выглядит мудрым,

справедливым и усталым от ответственности. В одной руке он держит большую тряпку. Рядом со стремянкой и на том же уровне — тонкий шест. Второй точно такой же — по другую сторону сцены. Между двумя шестами протянута петля, проходящая, как веревка для белья, сквозь блоки, прикрепленные к шестам. С веревки этой свешивается целый ряд металлических звезд приблизительно двух футов в диаметре. Они покрыты флуоресцентной краской, с тем чтобы невидимый луч инфракрасного света, падая на одну из них, а потом на другую, заставлял их оживать и светиться призрачным светом.

Старик, не обращая ни малейшего внимания на публику, осмагривает развешанные перед ним звезды, снимает с веревки ближайшую к нему, внимательно разглядывает ее, стирает с нее какое-то пятнышко, грустно качает головой, а потом роняет. С большим огорчением глядит он на упавшую звезду, потом — на те, что все еще висят, и только после этого на публику. Он говорит.

Старик. Я Управляющий Небом. Это я заставляю ярко сиять ночное небо; это я, когда блеск звезды тускнеет до того, что его уже невозможно восстановить, снимаю ее с небесного свода. Каждые сто лет я взбираюсь на свою лесенку и поддерживаю сияние небес. И сегодня как раз такой день.

Он тянет за проволоку, достает следующую звезду, снимает ее с веревки и внимательно изучает.

Довольно странно наблюдать блеск этой звезды на современном небе. И все же сто лет назад, когда я в последний раз ходил в дозор, это была новая и гордая звезда, и только лишь несколько метеоров, вспыхивающих на мгновение ослепительным блеском, были более яркими, чем она.

Он подымает звезду, и под действием инфракрасных лучей на ней загораются буквы, которые слагаются в слово «тред-юнионизм». Старик рассеянно смахивает с нее пыль, пожимает плечами и бросает.

Ты будешь в хорошей компании.

Он смотрит вниз на кучу отбросов.

Ты будешь вместе со звездами, именами которых бы-

ли «суровый индивидуализм», «социализм», «свободное предпринимательство», «коммунизм» и...

Не закончив фразы, он тяжело вздыхает.

Да, нелегкая это работа и не всегда приятная. Но Некто, намного более мудрый, чем я, и действительно добрый, повелел вершить это (*вздыхает*) и вершить беспристрастно.

Он тянет проволоку и подтягивает к себе новую звезду, самую большую в ряду. Инфракрасные лучи падают на нее, она ярко вспыхивает, на ней проступает изображение Дуба, символ организации.

Увы, моя юная красавица. Уже появились такие, кому ненавистен твой вид, кто шумно требует, чтобы ты была снята с небес.

Он обмахивает звезду тряпкой, пожимает плечами и продолжает держать ее на вытянутой руке, готовясь бросить.

Входит типичный юный инженер из публики.

Юный инженер (*трясет основание лестницы*). Нет! Нет, Управляющий Небом, не делайте этого!

Старик (*с любопытством смотрит вниз*). Это еще что такое? Какой-то мальчишка смеет спорить со зрителем небес?

Из люка на сцене появляется неопрятный молодой радикал.

Радикал (*насмешливо*). А ну-ка швырните ее!

Юный инженер. Никогда не было более яркой, более прекрасной звезды!

Радикал. Никогда не было более кровавой, более черной!

Старик (*недоуменно переводит взгляд с одного на другого, а потом на звезду и опять на них*). Хммм... Готовы ли вы определить судьбу этой звезды, подкрепив свои слова разумными рассуждениями, а не эмоциями? Я присягал, что буду извечным врагом Эмоций.

Юный инженер. Я готов.

Радикал. Я тоже. (*Усмехается.*) И ручаюсь вам, я не займу у вас много времени.

Створки стального полушария закрываются, створки стального полушария открываются.

Высокая судейская трибуна воздвигнута вокруг стре-

мянки старика. На нем сейчас судейский парик и мантия. Радикал и юный инженер также одеты в парики и мантии наподобие английских адвокатов.

Голос за сценой: Внимание, внимание, внимание! Заседание небесного суда открыто!

Старик (*ударяет председательским молотком*). Прошу соблюдать порядок в зале. Продолжается рассмотрение дела.

Радикал (*явно пытаясь втереться в доверие*). Ваша честь, леди и джентльмены на скамье присяжных, разбирательство дела покажет вам, что звезда, о которой идет речь, настолько тускла — да что там, черна! — как никакая иная из появившихся на небосводе. Я призову только одного свидетеля, он будет свидетельствовать от лица миллиона, каждый из которого мог бы рассказать ту же горестную историю, высказать непреложную правду в тех же простых словах, идущих от чистого сердца. Я прошу вызвать Джона Простака.

Голос за сценой: Джон Простак, Джон Простак. Займите, пожалуйста, свое место.

Из лока появляется Джон Простак. Он немного неловок, застенчив; средних лет, симпатичный. Одежда на нем дешевая, выглядит комично. Он испытывает перед судом благоговение и, возможно, успел пропустить пару рюмок для храбрости.

Радикал (*дружески касаясь руки Джона*). Я буду приглядывать за тобой, Джон. Не торопись с ответами. Не дай им себя запугать. Я буду за тебя думать, и все будет в порядке.

Голос за сценой. Клянетесь ли вы говорить правду, всю правду, одну только правду и да поможет вам бог?

Джон (*вопросительно смотрит на радикала*). Мне нужно клясться?

Радикал. Клянись.

Джон. Да, сэр, я клянусь.

Радикал. Может, ты, Джон, скажешь суду, чем ты занимался до войны, до того, как взошла эта новая звезда и испортила и запятнала небеса?

Джон. Я был механиком на Обычном заводе в Обычном городе в Обычной компании Обычного города.

Радикал. А теперь?

Джон. Я состою в Корпусе Ремонта и Реконструкции. Землекоп первого класса.

Радикал. А может быть, теперь, Джон, ты расскажешь нам просто, чтобы суду все было ясно, сколько ты зарабатывал до того, как взошла эта звезда, и сколько ты зарабатываешь теперь?

Джон (*смотрит вверх, припоминая и с трудом производя подсчеты*). Ну что ж, сэр, когда перед началом войны пошли работы на оборону и все такое прочее, я, пожалуй, считая и сверхурочные, зарабатывал больше сотни в неделю. Самая большая недельная получка у меня была сто сорок пять долларов. А сейчас я получаю тридцатку в неделю.

Радикал. Так, так. Иными словами, когда поднялась эта звезда, твой доход упал. Если быть точным, Джон, твой доход упал на восемьдесят процентов.

Юный инженер (*с азартом вскакивает, доброжелательно*). Ваша честь, я...

Старик. Подождите, пока не начнется перекрестный допрос.

Юный инженер. Слушаюсь, сэр. Простите, сэр.

Радикал. Я полагаю, что мы достаточно убедительно показали, что американский уровень жизни упал на восемьдесят процентов. (*Его лицо принимает ханжеское выражение.*) Но довольно приводить здесь чисто материальные соображения. Каково же было действие, оказанное восходом этой звезды, на духовный облик Джона Простака? Джон, расскажи суду все то, о чем ты рассказывал мне. Помнишь? О том, как инженеры и управляющие...

Джон. Слушаюсь, сэр.

Он смущенно смотрит на Юного инженера.

Вы уж не обижайтесь, сэр...

Радикал (*подстрекает его*). Правду никогда нельзя сказать без того, чтобы кого-нибудь не обидеть, Джон. Говори, Джон.

Джон. Ну что ж, сэр, человеку бывает горько

чувствовать себя забытым. Вы понимаете — есть такие всякие шишки, инженеры и управляющие, которые, можно сказать, смотрят сквозь тебя и даже не замечают. А человеку ведь хочется знать, что кто-то смотрит на него.

Юный инженер (*горячо*). Ваша честь!

Старик (*строго*). Я не потерял больше вашего вмешательства. Дело обстоит намного хуже, чем мне раньше думалось. (*Обращаясь к радикалу*.) Продолжайте, прошу вас.

Радикал. Продолжай, Джон.

Джон. Так вот, сэр, об этом я и толкую. Если говорить по чести, получается так, что в наши дни все эти инженеры, управляющие и прочие стали всем на свете, а простой человек для них ничто.

Радикал (*он якобы вне себя от трагичности показаний Джона. Работая на публику, он секунд тридцать как будто подыскивает слова, и пытается взять себя в руки, и, наконец, начинает говорить прерывающимся от гнева голосом*). Звезда мечты, могущественная звезда, звезда, сияющая столь прекрасным светом. Сорвите ее. (*Потрясая сжатым кулаком*.) Сорвите ее! (*Указывая на Джона*.) Мы слышали здесь глас народа — да, народа. «Сорвите ее!» — так говорит народ. А кто же тот, кто говорит: «Оставьте ее?» Кто он? Это не Джон и не народ. Кто же это?

Драматическим жестом он вынимает брошюру из нагрудного кармана.

Ваша честь, леди и джентльмены на скамье присяжных. (*Зачитывает брошюру*.) «К началу войны средний доход инженеров и управляющих этой великой страны составлял 8449 долларов 27 центов». А сейчас в этой отравленной ночи, когда эта черная звезда дошла до зенита, восемьдесят процентов заработка Джона Простака отобраны у него. А каков же теперь средний доход инженеров и управляющих, спросите вы меня. *Он снова зачитывает брошюру, яростно подчеркивая каждый слог.*

«Пятьдесят семь тысяч восемьсот девяносто шесть долларов и сорок один цент!» (*Яростно*.) Я кончил. Можете допрашивать вы!

Радикал крадучись забирается в дальний угол и, притаившись там, презрительно наблюдает за происходящим.

Ю н ы й и н ж е н е р (*мягко, ласково*). Джон.

Д ж о н (*подозрительно*). Да, сэр?

Ю н ы й и н ж е н е р. Скажи мне, Джон, до того, как взошла эта звезда и когда у тебя был высокий заработок, случалось ли тебе иметь телевизор с экраном шириной в двадцать восемь дюймов?

Д ж о н (*озадаченно*). Нет, сэр.

Ю н ы й и н ж е н е р. А прачечный агрегат или кухонную печь с дистанционным управлением или электронный пылеулавливатель?

Д ж о н. Нет, сэр, ничего этого у меня не было. Такие вещи могли себе позволить только люди богатые.

Ю н ы й и н ж е н е р. А теперь скажи мне, Джон, в то время, когда у тебя были такие большие деньги, мог ли ты себе позволить страховку, по которой оплачивались бы все твои счета по лечению, все твои счета от дантиста, и обеспечивалась ли тебе пища, жилье, одежда и деньги на карманные расходы?

Д ж о н. Нет, сэр. Тогда таких вещей не могло быть.

Ю н ы й и н ж е н е р. Но ведь теперь это все у тебя есть, теперь (*саркастически*), когда взошла эта черная звезда, не правда ли?

Д ж о н. Да, сэр, это верно, все это у меня есть. Но...

Ю н ы й и н ж е н е р. Слышал ли ты когда-нибудь, Джон, о Юлии Цезаре? Слышал? Вот и прекрасно. Так как ты полагаешь, Джон, мог ли этот Цезарь со всем его богатством и могуществом, когда весь мир лежал у его ног, мог ли он иметь тогда то, чем владеешь сегодня ты, мистер Простака?

Д ж о н (*пораженный*). А ведь подумать только, и в самом деле не мог. Ха! Ну что вы скажете!

Р а д и к а л (*яростно*). Я протестую! Какое отношение может иметь Цезарь к нашему делу?

Ю н ы й и н ж е н е р. Ваша честь, я пытался показать, что Джон, стоящий сейчас здесь перед нами, с восходом звезды, чью судьбу мы сейчас решаем, стал богаче, чем могли себе представить Цезарь, Напо-

леон или Генрих VIII в самых смелых своих мечтах! Богаче любого императора в истории! Тридцать долларов, Джон, — да, именно столько тебе платят. Но ведь со всем своим золотом и со всей своей армией разве мог Карл Великий добыть хоть одну электрическую или электронную лампу? Он все бы отдал за страховку и обеспечение в старости, которые имеешь ты, Джон. Но разве он мог бы их получить? Нет!

Джон. Все это так, клянусь богом, но...

Юный инженер (*предупреждая возращение Джона*). Но инженеры и управляющие забыли о мистере Простаке?

Джон. Да, сэр, именно это я и хотел сказать.

Юный инженер. А знаешь ли ты, Джон, что ни один инженер и ни один управляющий не может получить никакой работы, которая не делалась бы только ради тебя? Да и как мы можем забыть тебя хотя бы на мгновение, если каждая минута нашей жизни посвящена тому, чтобы обеспечить тебя всем, что тебе необходимо? Знаешь ли ты, Джон, кто является моим хозяином?

Джон. Не думаю, сэр, чтобы мне приходилось встречаться с этим джентльменом.

Юный инженер (*улыбаясь*). О, а я как раз полагаю, что это вполне возможно. Ведь это ты, Джон! Если я не смогу обеспечить тебя всем, что тебе нужно, со мной все кончено. Кончено с нами всеми, тогда-то вот и закатится эта звезда.

Джон (*вспыхивая от радости*). Господи, а ведь раньше я никогда не смотрел на это с такой стороны, сэр. (*Скромно усмехается.*) Но я думаю, что это именно так, не правда ли? Ну, что вы скажете? Но...

Юный инженер. Но я получаю слишком много денег? Пятьдесят семь тысяч долларов? Это тебя волнует?

Джон. Да, сэр, это очень большие деньги.

Юный инженер. Джон, до того, как взошла эта звезда, за производство всего того, что я делаю для тебя, для моего хозяина, мистера Простака, платили больше пятидесяти семи тысяч в неделю. Не за год,

понимаешь, а в неделю! И мне кажется, Джон, что именно ты, потребитель, выиграл на этом значительно больше, чем я.

Джон (тихонько присвистнув). А ведь это и в самом деле так!

Внезапно он указывает на Радикала, который странно встревожен.

Но ведь он говорил...

Юный инженер. Мы с тобой нашли ответ на все его слова, Джон. И мне хотелось бы добавить еще одно маленькое соображение. Он хотел воспользоваться твоим добродушием. Ему хочется власти, и он ни о чем больше не заботится. Ему хотелось бы, чтобы ты проглотил его полуправды, Джон, и помог ему снять с неба эту звезду, а его привел бы к власти и заодно весь мир вторгнул бы обратно в мрак средневековья!

Джон (зло). Этого ему хочется, да?

Радикал сначала выглядит обеспокоенным, потом испуганным и огорченным и, наконец, внезапно бросается к люку на сцене. Джон преследует его по пятнам, и люк за ними захлопывается. Свет на сцене постепенно угасает, и загорается синий прожектор, который направлен на юного инженера. Юный инженер выходит и становится в центре сцены. Оркестр тихо, едва уловимо начинает играть «Боевой гимн Республики».

Юный инженер (задумчиво, спокойно, как бы размышляя вслух). Да, находятся еще такие, что громко клеветают на нашу звезду, и кое-кто начинает подумывать, не потускнела ли она и в самом деле. И если звезде этой суждено будет закатиться, то в этом частично и наша вина. Да, наша! Каждую минуту мы должны демонстрировать, до чего она прекрасна и почему она прекрасна. Слишком уж мирно мы настроены. *Он указывает на звезду. Инфракрасные лучи попадают на нее, и она загорается чудесными красками.*

Под этой звездой мы превзошли самые смелые мечтания прошлого! Цивилизация никогда раньше не достигала столь головокружительной высоты.

Музыка начинает играть громче.

У нас в тридцать один и семь десятых раза больше те-

левизоров, чем у всего остального населения земного шара, вместе взятого!

Музыка играет еще громче.

Девяносто три процента мирового потребления электростатических пылеулавливателей! Семьдесят семь процентов мирового автомобильного парка! Девяносто восемь процентов мирового количества вертолетов! Восемьдесят один и девять десятых процента холодильников!

Музыка усиливается, нарастает.

Семьдесят один и три десятых процента производства электроэнергии! Восемьдесят пять процентов производства электронных ламп! Шестьдесят девять процентов производственных мощностей в лошадиных силах! Девяносто восемь и три десятых процента...

Слова его заглушаются мощным потоком музыки.

Прожектор гаснет. Ракета взмывает над берегом.

Створки стального полушария закрываются, створки стального полушария открываются.

Юного инженера больше нет на сцене, нет там также и всех судейских аксессуаров. Старик стоит на вершине стрелялки, наедине со своими звездами, как это было вначале. В вытянутой руке он держит звезду с изображением Дуба, улыбается, вешает ее на проволоку, подтягивает ее вверх, и она начинает сиять в инфракрасных лучах.

Старик. И вот опять ты засияла ярче всех остальных.

Сунув руку под тогу, он достает оттуда сильный электрический фонарик, луч которого он направляет прямо вверх.

И когда я приду сюда проверить блеск через сто лет, будет ли она сиять все так же ярко, как сейчас? Или?

Он со значением глядит на подножье лестницы.

Что ж, от кого будет зависеть, окажется ли она померкнувшей или нет?

Он оглядывает публику.

Это зависит от тебя! И тебя! И тебя!..

Неожиданно он опускает фонарь и начинает его лучом освещать лица зрителей, выхватывая из темноты то одно, то другое.

Взмывают ракеты. Гремит «Звезды и Полосы».

Створки стального полушария закрываются.

Вспыхивает свет в амфитеатре.

Рука Кронера с размаху опустилась на колено Пола.

— Уфф! Лучшая из всех программных пьес! Только подумать, Пол, вся история, вся история тут перед тобой как на ладони!

«Наверное, вам интересно будет узнать, — сказал громкоговоритель, перекрывая аплодисменты. — Интересное сообщение: в прошлом авторами программных пьес обычно бывали профессиональные писатели, которые работали по нашим указаниям. Пьесу же, которую вы только что увидели, верьте этому или нет, написал инженер и управляющий из нашей организации! Били Холдермен, встаньте! Встаньте! Встаньте, Билл!»

Аудитория обезумела.

— Я так и знал! — выкрикнул Кронер. — Здесь не было ни капельки фальши! Она доходит прямо до сердца. Это, конечно, должен был быть кто-нибудь из наших!

Холдермен, косматое и усталое ничтожество с Заводов Индианаполиса, сидевший в нескольких рядах впереди Пола, поднялся, раскрасневшийся, улыбающийся и со слезами на глазах. На закате жизни он, наконец, дождался своего часа. Возможно, что приглушенный отзвук аплодисментов, преодолев пролив и достигнув Материка, докатился и до его жены, женщины, которая верила в него и тогда, когда никто в него не верил.

«Костер через пять минут, — сказал громкоговоритель. — Пять минут на завязывание новых знакомств, а потом костер».

Шеферд, работая плечами, протолкался сквозь толпу и отвлек внимание Кронера от Пола.

— «Со всем своим золотом и со всей своей армией, — цитировал он пьесу. — Со всем своим золотом и со всей своей армией разве мог Карл Великий добыть хоть одну электрическую или электронную лампу!» — Шеферд мечтательно и восхищен-

но покачал головой. — Нет, не говорите мне, что искусство отмирает.

«Искусство чего?» — сказал про себя Пол и зашагал от них в полумрак за гирлянды иллюминации. Остальная толпа поплыла тесно сбитой массой к берегу, где Люк Люббок, Элфи и остальные лица обслуживающего персонала обливали керосином кучу сосновых бревен.

Пьеса, по существу, была точно такой же, какими открывались сезоны на Лужке даже еще и в довоенное время, когда остров принадлежал одной из стальных компаний. Двадцать лет назад отец Пола привел его сюда, и сюжет пьесы уже и тогда был в точности такой же: простой человек никак не хотел проявлять того чувства благодарности, которое он, несомненно, должен был бы испытывать по отношению к инженерам и управляющим за все те блага, которыми они осыпали его, и причиной этой черной неблагодарности являлись радикалы.

Когда Пол подростком впервые увидел эту аллерию, она произвела на него глубокое впечатление. Он был просто ошеломлен ее величественной ясностью и простотой. Вся история была как на ладони, и героическая борьба против неблагодарности стала настолько очевидной для его юного ума, что он даже начал на некоторое время преклоняться перед своим отцом, как перед борцом, эдаким Ричардом Львиное Сердце наших дней.

— Ну, — сказал ему отец после этой первой пьесы много лет назад, — о чем ты сейчас думаешь, Пол?

— Я не представлял себе — совершенно не представлял себе, что так обстоят дела.

— Это и есть история, — грустно сказал его отец. — Вся история. Именно так и обстоят дела.

— Да, сэр. — Глаза их встретились, и невыразимо мягкое понимание извечной трагедии установилось между ними, между их поколениями — наследственное чувство мировой скорби, столь же древнее, как и сам мир.

Теперь же Пол стоял в одиночестве на темной до-

рожке, обеспокоенный обликом тех, кого Кронер называл первой шеренгой в процессии цивилизации, открывателями дверей в новые невиданные миры. Эта глупая постановочка, казалось, полностью удовлетворяла их как отражение всего, что они делали, их целей, их противников, и объясняла, почему некоторые люди выступают против них. Это была соблазнительно упрощенная картина, и она удовлетворяла этих лидеров процессии. А ведь это походило на то, как если бы мореплаватель, желая избавиться от всех тревог и забот, стер бы со своей карты все рифы.

Неожиданно в глаза Полу ударил свет, правда не столь ослепительный, как у Управляющего Небом. Пол стоял сейчас перед собственным изображением в зеркале, освещенном флуоресцентными лампами. Поперек зеркала шла надпись: «Лучший в мире человек для лучшей в мире работы». Остров был полон подобных неожиданностей. Лампы вокруг этого зеркала были уже старые и испускали какой-то зелено-пурпурный свет. Отраженное лицо Пола было цвета позеленевшей меди, а губы и глаза фиолетовые. Пол убедился, что не страшно увидеть себя в качестве трупа. Проснувшееся самосознание, не сопровождающееся вновь обретенной мудростью, сделало его жизнь поразительно одинокой, и Пол решил, что его не очень бы огорчило, если бы он вдруг умер. Благотворное действие коктейлей уже улетучивалось.

Огонек, появившийся в восточной части неба, отвлек его внимание — возможно, это был гидроплан с бесценными двумястами пятьюдесятью фунтами живого веса доктора Фрэнсиса Элдрина Гелхорна и с его мозговым штабом.

Пол сделал шаг вниз по дорожке, и это выключило лампы, а потом пошел в обратном направлении к костру, который на сотни футов выбрасывал вверх сплохи пламени и окрашивал лица сидящих вокруг него людей в красный цвет.

Профессиональный актер, покрытый гримом бронзового цвета, в боевом головном уборе из орлиных перьев и ожерелье из бус, стоял, подняв руки вверх и гордо откинув голову. Толпа затихла.

— И вот! — актер важно переводил взгляд с одного лица на другое. — И вот много лун назад народ мой сделал этот остров своим домом.

Теперь гидроплан, теряя высоту, разворачивался уже над островом.

— Это наверняка Старик, — прошептал Кронер Полу. — Нехорошо все же получится, если мы покинем церемонию. Придется проторчать здесь до конца.

— Мой народ был смелым народом, — сказал индеец. — Мой народ был гордым и честным народом. Мой народ тяжело трудился, играл, вел трудную борьбу, пока не пришел ему срок уйти в Страну счастливой охоты.

Играть индейца нанимали все время одного и того же актера с тех пор, как Пол впервые прибыл на Лужок. Вначале его наняли на эту роль за глубокий голос и великолепные мускулы. Сейчас же Пол видел, что из-под его ожерелий выдается брюшко, на левой икре бугрятся вздутые от склероза вены, а боевая окраска не может скрыть серых мешков у него под глазами. Он стал настолько обычным на Лужке, получил столь символическое значение (по важности осуществляемых функций его превосходили только доктор Гелхорн и Дуб), что он совершенно особняком стоял среди остальных наемных лиц, был накоротке со всеми высокопоставленными лицами и пользовался в отношении спиртных напитков равными правами с приглашенными.

—Теперь наши храбрецы ушли, наши сильные юноши покинули этот остров, который принадлежал нашему народу — о! — столько лун тому назад, — сказал индеец. — И пришли новые юноши. Но дух моего народа жив, жив дух Лужка. Он во всем: в ветре, шумящем в соснах, в плеске большой синей воды, в шелесте орлиного крыла, в громе летней грозы. Ни один человек не может назвать этот остров своим, ни один человек не может быть счастливым здесь, если он не приобщится Духа, если он не принесет Клятвы Духа.

Послышалось щелканье включающегося громкоговорителя.

«Храбрые юноши, впервые понавшие на Лужок, шаг

вперед», — произнес властный голос, не похожий на голос обычного диктора.

— Подымите ваши правые руки, — сказал индеец. — Повторяйте за мной Клятву Духа Лужка: «Я торжественно клянусь голосом в соснах!..»

— «...голосом в соснах!..» — повторили неофиты.

— «Плеском большой синей воды, шелестом орлиного крыла...»

Гидроплан Старика проскользил по водной поверхности у противоположного берега острова, и сейчас же его машины взревели, подымая его по отлогому спуску на берег.

— «Гролом летней грозы», — сказал индеец.

— «Гролом летней грозы».

— «Что буду поддерживать Дух Лужка, — сказал индеец. — Буду выполнять на благо народа мудрые приказы моих вождей. Я буду трудиться и сражаться за лучший мир, не зная ни страха, ни усталости. Я никогда не скажу, что работа закончена. Я буду всегда поддерживать честь моей профессии и организации, которую я представляю. Я буду выискивать врагов народа, врагов лучшего мира для будущего всех детей и стану безжалостен к ним».

— «...безжалостен!» — прочувствованно произнес кто-то в толпе рядом с Полом. Он обернулся и увидел, что Люк Люббок снова поддался общему настроению и плывет по течению — он, подняв высоко вверх руку, давал клятву всему, о чем здесь говорилось. В левой руке Люка был огнетушитель, заготовленный на случай, если огонь начнет распространяться.

Когда клятва была принесена, индеец поглядел и убедился, что принята она благосклонно.

— Дух Лужка доволен, — сказал он. — Лужок принадлежит этим храбрецам с мужественными сердцами, и он продолжает быть гордым и счастливым местом, каким он был — о! — столько лун назад.

Дымовая пашка, взорванная впереди него, закрыла его на несколько секунд, и он исчез.

«Салун открыт, — сказал громкоговоритель. — Салун открыт для желающих и будет открыт до полуночи».

Пол заметил, что шагает рядом с приятным молодым человеком, с которым он познакомился на ленте — с доктором Эдмундом Гаррисоном с Заводов Итака. Шеферд и Беррингер оказались за его спиной, они насмерть замучили Кронера своими комплиментами.

— Ну, а как вам все это понравилось, Эд? — спросил Пол.

Гаррисон испытующе посмотрел на него, попытался было улыбнуться, но, по-видимому, счел это неуместным.

— Очень хорошо сделано, — осторожно сказал он. — Очень профессионально.

— Боже ж ты мой, — говорил сзади Беррингер. — Боже мой, что за пьеса. Понимаешь, с одной стороны, это будто бы и развлечение, а с другой — как много дает тебе. Боже мой! А уж если развлечение совмещается с знаниями, это и есть, понимаешь, искусство. И боже ты мой, поставить все это тоже стало в копейку, готов голову прозакладывать.

Эд Гаррисон из Итаки приостановился и поднял каменный осколок, лежавший на краю тропинки.

— Не сойти мне с этого места, — сказал он, — да ведь это же наконецник стрелы!

— И притом отлично сохранившийся, — сказал Пол, любуясь древней вещицей.

— Значит, на этом острове и в самом деле были когда-то индейцы, — сказал Гаррисон.

— Нет, вы только полюбуйтесь, ради всего святого, на этого ублюдка, — вмешался Беррингер. — Послушай-ка, ты что — ослеп, оглох и онемел, что ли? Неужто ты так и не понял всего, что тебе пытались втолковать за эти последние полчаса?

XXII

Встреча доктора Пола Протеуса, Энтони Кронера, Лу Макклири, заместителя управляющего безопасности страны в области промышленности, и Фрэнсиса Элдгринга Гелхорна, директора Национальной Промышленности, Торговли, Средств Связи, Продовольственных товаров и Ресурсов Страны, должна была состояться

на Лужке в так называемом Доме заседаний Совета. Дом для заседаний Совета, выстроенный из бревен, стоял вдалеке от остальных и использовался в старые, менее цивилизованные дни в качестве вытрезвителя. После войны пьянство на Лужке совершалось более осторожно — более зрело, как выразился бы Кронер, — поэтому вытрезвитель бездействовал и в конце концов был преобразован в место встречи высокого начальства.

Все, за исключением доктора Гелхорна, сидели сейчас вокруг стола, задумчиво глядя на кресло, которое в любую минуту мог занять Гелхорн. В таких случаях подобало соблюдать молчание. Выпивка, завязывание новых знакомств и завивание горя веревочкой в салуне по другую сторону острова шло довольно шумно. Здесь, в Доме заседаний Совета, было не место для шумного веселья, здесь царили присущий летним сельским резиденциям запах плесени и подгнившего дерева и мрачная уверенность каждого из троих присутствующих, что они-то и являются хозяевами мира.

Выкрики и пение, которые через зеленые насаждения доносились из салуна, как заметил Пол, были довольно писклявыми. В них не было той неподражаемой хрипоты по-честному пьяных голосов. Невозможно было представить себе хотя бы одного человека в салуне, который не держал бы в руке стакана, однако непохоже было и на то, чтоб многие из них осмелились более чем два раза наполнить этот стакан. Теперь на Лужке уже не пьют так, как в старые добрые деньки, когда Финнерти, Шеферд и Пол вступили в организацию. Тогда они в самом деле приезжали на Лужок, чтобы отдохнуть и встряхнуться после невыносимо трудной работы в военной промышленности. Теперь же вся штука заключалась в том, чтобы, оставаясь трезвым, прикидываться пьяным и нарушать только определенные запреты и ограничения.

Пол понимал, что здесь обязательно окажется пара человек, которые не поймут происходящего и которые честно попытаются напиться до того состояния, до которого, как они решат про себя, уже дошли любой и

каждый. Они будут ужасно одиноки и потеряны, когда закончится вечер. Будет здесь еще пара пьяниц, привыкших пить в одиночестве и которым все равно нечего терять, людей, которые тем или иным образом впали в немилость и которые знают, что сейчас они получили последнее приглашение. Выпивка здесь дармовая, а все остальное пусть катится ко всем чертям.

На крыльце Дома заседаний Совета послышался чей-то голос. Доктор Гелхорн был по другую сторону двери и произносил последние слова для внешнего мира.

— Вы поглядите только на этих юнцов, — услышал Пол слова Старика, — и попробуйте сказать мне, что на небе нет бога.

Пока поворачивалась дверная ручка, Пол продолжал размышлять над тривиальностью его слов, как бы специально для того, чтобы развеять основы и непреложные истины единственного известного ему до сих пор образа жизни — жизни легкой и удобной, в которой всегда имеются простые ответы на любые сомнения. И вот Пол расстаётся с этой жизнью. Именно сейчас наступает время осуществить колоссальную идею, заглушающую в нем все остальные чувства и мысли, идею, в которой сам он, однако, едва ли разобрался до конца. В основном это проявлялось в чувстве, сходном с чувством избавления от телесной оболочки, а иногда с ощущением того, что он оказался вдруг на сквозняке. Возможно, что самое подходящее время для ухода наступит сейчас, а может, через несколько месяцев. Не нужно только торопиться, спешка сейчас ни к чему.

Дверь открылась.

Трое ожидающих поднялись.

В комнату вошел доктор Фрэнсис Элдгрин Гелхорн, директор Промышленности, Торговли, Средств Связи, Пищевых продуктов и Ресурсов Страны. Его шарообразное тело было упрятано в двубортный темно-синий костюм. Его единственной уступкой традиционной неофициальности Лужка был расстегнутый воротничок сорочки да еще узел его галстука был сдви-

нут на какую-то долю дюйма ниже, чем следовало. Хотя Гелхорну уже и стукнуло семьдесят лет, волосы его были такие же густые и черные, как у двадцатилетнего мексиканца. Его полнота, вместо того чтобы казаться смешной, была скорее впечатляющей из-за постоянно брезгливого выражения лица.

Он казался венцом творения человеческой породы, как, подумал Пол, ими кажутся довольно многие лидеры. Трудно было поверить, что, если Гелхорн отойдет в иной мир, найдется еще хоть один человек, столь же величественно пожилой, суровый и бесстрашный, как он.

Вопедавший откашлялся, прочищая горло.

— Мы собрались здесь потому, что кто-то хочет убить нас, разрушить заводы и захватить власть в стране. Вам достаточно ясно?

Все кивнули.

— Общество Заколдованных Рубашек, — сказал доктор Лу Макклири, заместитель начальника управления безопасности промышленности страны.

— Общество Заколдованных Рубашек, — с насмешкой произнес доктор Гелхорн. — Стоит вам назвать что-либо по имени, и вам уже кажется, что вы наложили на это руку. Но вы не наложили на это руку. Пока вам удалось зацапать всего лишь только название. Поэтому-то мы и находимся здесь.

— Да, сэр, — сказал Лу. — Общество Заколдованных Рубашек. И мы полагаем, что штаб его находится в Айлиуме.

— Мы полагаем, — повторил доктор Гелхорн. — Мы ничего не знаем наверняка.

— Так точно, сэр, — сказал Лу.

Некоторое время Гелхорн беспокойно ерзал на стуле, потом обвел взглядом комнату. Его глаза остановились на Поле.

— Как поживаете, доктор Протеус?

— Отлично, благодарю вас, сэр.

— Угу. Хорошо, это хорошо, — он обернулся к Лу Макклири. — Давайте поглядим на этот ваш доклад, в котором перечислено все, чего мы не знаем об Обществе Заколдованных Рубашек.

Макклири подал ему толстую кипу отпечатанных на машинке листов.

Губы у Гелхорна шевелились, когда он, морщась, листал поданные ему бумаги. Никто не заговаривал и не переглядывался с другими.

Пол еще раз вернулся к своей мысли о том, что доктор Гелхорн кажется венцом творения, созданного человеческой породой, и решил, что это и на самом деле так. Гелхорн достиг вершины окольными путями, чего сейчас ведающие личным составом машины не допустили бы ни в коем случае. Если бы в то время, когда Гелхорн начал свое восхождение, машинам дано было бы осуществлять контроль за продвижением личного состава, его классификационная карточка сразу же, как из пушки, вылетела бы вон.

У него не было диплома об окончании учебного заведения, если не считать целой охапки почетных докторских званий, которые посыпались на него, когда ему было уже далеко за пятьдесят.

До тридцати лет Гелхорн вообще не имел ничего общего с промышленностью. До этого он спас от банкротства предприятие по отправке почтой заказов на чучела, продал свой пай и купил грузовик с прицепом. Свою флотилию он расширил до пяти грузовиков и, по весьма своевременной подсказке продав дело, выгодно поместил вырученную сумму и утроил свой капитал. При помощи этого чрезвычайно удачного трюка он купил самый крупный завод по производству мороженого в Индианаполисе и быстро за какой-нибудь год поправил дела, начав развозить в тележках мороженое по заводам Индианаполиса во время ленча. На следующий год автофургоны его фирмы развозили уже по заводам вместе с мороженым сандвичи и кофе. А еще через год в его руках оказались все кафетерии города, а гелхорновское предприятие по производству мороженого отошло на задний план.

Ему удалось обнаружить, что многие производственные фирмы находятся в руках у наследников третьего и четвертого поколений, которые по какому-то закону вырождения не имеют ни интересов, ни способностей основателей этих фирм. Гелхорн сначала в шут-

ливой форме принялся подавать советы этим наследникам и выяснил, что они с поразительной легкостью стремятся переложить ответственность на чужие плечи. Часть акций он приобрел, а поглубже войдя в дело, сделал для себя открытие, что железные нервы ничуть не менее ценный капитал, чем специальные познания, и стал управляющим и совладельцем целой дюжины мелких заводов.

Когда исчезли всякие сомнения относительно того, что в ближайшем будущем разразится война, самые крупные корпорации начали подумывать о расширении своей производственной базы, тогда-то Гелхорн и предоставил свои процветающие мелкие заводишки Джeneral Стил и сделался значительным лицом в этой корпорации. Очень тесные отношения, которые ему удалось завязать в различных видах производства, возглавляя самые различные предприятия, оказались более широкими, чем у кого-либо из крупных чинов в Джeneral Стил, и Гелхорн очень скоро стал проводить все время подле задержанного военными потребностями директора корпорации.

Тут-то и обратил на него внимание отец Пола в Вашингтоне, и отец Пола сделал Гелхорна своим заместителем, когда произошло слияние всей экономики под единым началом. Когда отец Пола умер, Гелхорн занял его место.

Теперь такое уже не могло бы повториться. Машины никогда не допустили бы ничего подобного.

Полу припомнился уикенд много лет назад, когда он еще был длинным, тощим, вежливым и очень легко смущающимся юношей, а Гелхорн пришел к ним с визитом. Гелхорн неожиданно ухватил Пола за руку, когда тот проходил мимо его кресла.

— Пол, мой мальчик.

— Да, сэр?

— Пол, твой отец сказал мне, что ты по-настоящему способный парень.

Пол смущенно кивнул.

— Это очень хорошо, Пол, но этого недостаточно.

— Понимаю, сэр.

— Не дай себе пустить пыль в глаза.

— Слушаюсь, сэр, не дам.

— Все только и делают, что пытаются выскочить из собственных сапог, так что не давай себе пускать пыль в глаза.

— Понимаю, сэр.

— Какое там, к черту, образование! Запомни, нет никого, кто был бы уж такой образованный, чтобы нельзя было за шесть недель узнать девяносто процентов всего, что он знает. А остальные десять процентов — простая декорация.

— Понимаю, сэр.

— Приведи ко мне специалиста, и я докажу тебе, что это всего-навсего человек, у которого хватило ума на то, чтобы отрыть себе норку, в которую он может прятаться.

— Понимаю, сэр.

— Почти никто, Пол, ни в чем не разбирается. Просто плакать хочется, когда помотришь, насколько не подходит большинство людей к своей специальности. Если ты хоть немного научишься что-то делать, ты уже будешь одноглазым в царстве слепых.

— Понимаю, сэр.

— Ты хочешь быть богатым, Пол?

— Да, сэр, я полагаю, что да, сэр.

— Вот и отлично. Я стал богатым, и вот я уже рассказал тебе девяносто процентов из того, что я об этом знаю. А все остальное просто декорация. Понял?

— Да, сэр.

И вот теперь спустя так много лет Пол и доктор Фрэнсис Элдгрин Гелхорн смотрели друг на друга через длинный стол в Доме заседаний Совета на Лужке. Они никогда не были близки, и в отношении Гелхорна к Полу отсутствовал даже налет того отеческого отношения, которое всегда проступало у Кронера. У Гелхорна это был бизнес.

— В этом докладе я не нахожу ничего нового об обществе, — сказал Гелхорн.

— Вот разве только рапорт относительно Финнерти, — сказал Лу Макклири. — Такие дела делаются медленно.

— Да уж куда медленнее, — сказал доктор Гелхорн. — Так вот, доктор Протеус и доктор Кронер, все дело в том, что эта белиберда с Заколдованными Рубашками может вылиться во что-то довольно крупное. А вот сидящий перед вами Лу не может подсунуть к ним агента, чтобы выяснить, к чему они стремятся и кто всем этим заворачивает.

— Это очень хитрая шайка, — сказал Лу. — Уж очень они разборчиво подходят к тем, кого допускают к себе.

— Но мы полагаем, что нам известно, как заслать к ним человека, — сказал Гелхорн. — Мы полагаем, что они обязательно клюнут на утратившего доверие управляющего и инженера. Мы считаем, что по крайней мере один такой человек у нас есть.

— Кстати, о Финнерти, — с нажимом сказал Кронер. — Он, между прочим, наконец, зарегистрировался в полиции.

— О? — сказал Макклири. — И что же он сообщил относительно того, как он сейчас проводит время?

— Он говорит, что занимается подборкой Брайлевских порнографических изданий.

— Слишком хитер стал он за последнее время, — сказал Гелхорн, — но я считаю, что в конце концов мы ему прижмем хвост. Но это дело второстепенное. Мы собрались здесь потому, Пол, что я считаю, они обязательно примут вас в Общество Заколдованных Рубашек при определенных условиях.

— Условиях, сэр?

— Если мы тебя выпишем. К настоящему моменту для всех, кто не находится сейчас в этой комнате, ты человек пропащий. Слушок уже пущен по салуну, не так ли, Лу?

— Да, сэр. Я будто проболтался во время обеда прямо перед носом у Шеферда.

— Хороший он парень, — сказал Гелхорн. — Кстати, он теперь примет Айлиум.

— Сэр, относительно Питсбурга... — озабоченно вмешался Кронер. — Я пообещал Полу, что эта должность останется за ним, когда он закончит данное расследование.

— Правильно. А пока что заводами там будет управлять Гарт. — Гелхорн решительно встал. — Значит, все в порядке, Пол? Все ясно? Этой же ночью ты покинешь остров и отправишься обратно в Айлиум. — Он улыбнулся. — Ей-богу, Пол, тебе повезло. Это дает тебе возможность очиститься от обвинений.

— Обвинений, сэр? — События развивались настолько стремительно, что Пол мог только выхватить какое-то отдельное слово и повторить его с вопросительной интонацией, просто для того, чтобы как-то поддержать разговор.

— Это дело с допуском Финнерти на заводы без сопровождающего и эта история с пистолетом.

— История с пистолетом... — сказал Пол. — Можно мне сказать обо всем этом жене?

— Боюсь, что нет, — сказал Лу. — Весь план наш как раз в том и состоит, что никто, вне пределов этой комнаты, не должен ничего знать.

— Я знаю, тебе будет тяжело, — сочувственно заметил Гелхорн. — Но именно сейчас мне вспомнился молоденький мальчишка, который в ту пору сказал мне, что когда он вырастет, то будет не инженером, а солдатом. И знаешь, кто был этот мальчик, Пол?

— Я? — мрачно осведомился Пол.

— Ты. И вот ты теперь на линии огня, и мы гордимся тобой.

— Твой отец гордился бы тобой, Пол, — сказал Кронер.

— Да, полагаю, он бы гордился. Действительно, почему бы и нет, — сказал Пол. Он с радостью почувствовал, как его охватывает горячая волна ярости. — Сэр, доктор Гелхорн, можно ли мне сказать еще одну вещь, перед тем как вы уйдете?

Кронер открыл и придержал дверь перед Стариком.

— Конечно же, говори.

— Я ухожу.

Гелхорн, Кронер и Макклири рассмеялись.

— Великолепно! — сказал Старик. — Продолжай в этом же духе, и ты одурачишь их всех к чертовой матери.

— Это на самом деле! Меня мутит уже от всей этой ребяческой, дурацкой операции слепых.

— Ох, и парень, — поощряюще произнес Кронер.

— Дай нам две минуты, чтобы дойти до салуна, прежде чем ты выйдешь отсюда, — сказал Макклири. — Будет неудобно, если нас теперь увидят вместе. И не волнуйся насчет упаковки своих вещей. Твои вещи уже сейчас упаковываются и придут на пристань к отходу последнего судна.

Он захлопнул дверь за собой, Гелхорном и Кронером.

Пол тяжело опустился в кресло.

— Я ухожу, я ухожу, я ухожу, — сказал он. — Вы слышите меня? Я ухожу!

— Ах, что за ночь! — расслышал он слова Лу на крыльце.

— Господь бог улыбается Лужку, — сказал доктор Гелхорн.

— Поглядите! — сказал Кронер.

— Луна? — спросил Лу. — Да, она великолепна.

— Луна — это само собой, но вы поглядите на Дуб.

— О, и человек, — сказал доктор Гелхорн. — Что вам дано знать об этом!

— Человек, стоящий наедине с Дубом, с господом и Дубом, — произнес Кронер.

— Нет ли поблизости фотографа? — спросил Лу.

— Слишком поздно — он уже уходит, — отозвался Кронер.

— Кто это был? — спросил доктор Гелхорн.

— Этого мы так никогда и не узнаем, — сказал Лу.

— А я и не хочу знать, — сказал Кронер. — Я хочу только запомнить эту сцену и думать о нем как о человеке, в котором есть немножко от каждого из нас.

— То, что вы говорите, — поэзия, — заметил Старик. — Это хорошо, это очень хорошо.

Сидя в одиночестве внутри Дома заседаний, Пол слишком сильно вдохнул дым и закашлялся.

Люди на крыльце о чем-то зашептались.

— Ну, джентльмены, — услышал он голос доктора Гелхорна, — пойдете?

Если бы доктор Пол Протеус, бывший управляющий Заводами Айлиум, не счел окружающую его действительность удручающей с любых точек зрения, он так и не показался бы в салуне перед тем, как подняться на борт последнего судна, отправляющегося на Материк. Пока он шагал по усыпанной гравием дорожке к шуму и свету салуна, его внутреннее поле зрения сузилось до размеров булавочной головки, да и это поле полностью заполнял стакан с чем-то крепким.

Когда Пол вошел в салун, толпа умолкла, а затем от избытка радостных эмоций сразу зашумела еще сильнее. Пол торопливо окинул взглядом зал и не заметил ни одного человека, который смотрел бы на него, да и сам он от волнения никого не узнавал.

— Бурбон с водой, — заказал он бармену.

— Простите, сэр.

— Что я должен вам простить?

— Я не могу вас обслужить.

— Почему?

— Мне было сказано, что вы больше не являетесь гостем на Лужке, сэр. — В голосе бармена звучало явное злорадство.

Много людей наблюдало за происходящим, и среди них Кронер, но ни один из них не попытался поправить бармена.

Момент был довольно трудный, и, поддавшись именно этой лихорадочной атмосфере, Пол, обложив бармена крепким словцом, повернулся, чтобы уйти, сохраняя собственное достоинство.

Однако ему предстояло еще узнать, что, лишенный своего высокого ранга и гостевых привилегий, он будет вынужден существовать на довольно примитивном социальном уровне. И тем более Пол совсем не был подготовлен к тому, что бармен, обежав стойку, резким рывком повернет его лицом к себе.

— Таких слов, сынок, я никому не спускаю, — сказал бармен.

— Да кто вы такой, черт побери? — сказал Пол.

— Уж во всяком случае, не паршивый саботаж-

ник! — с вызовом выкрикнул бармен. Все слышали, как было произнесено это слово — самое оскорбительное во всем словаре слово, которого не возьмешь назад ни бормотанием извинений, ни дружеским рукопожатием, ни полным забвением. «Ублюдка» еще, пожалуй, можно загладить улыбкой, но уж никак не «саботажника».

Каким-то непостижимым образом первоначальное значение слова — разрушитель машин — отошло на задний план. Подобно подводной части айсберга, несравненно большая его часть, та часть, которая и вызывала столь враждебные чувства, таила под поверхностью целый комплекс извращенности, непристойности, патологии и кучу черт характера такого рода, что наличие хотя бы одной из них в человеке, безусловно, делало его отщепенцем. Под саботажниками раздумелись отнюдь не разрушители машин, а особая порода людей, о которых каждый может с гордостью думать, что он на них не похож. Саботажник — это человек, смерть которого может принести миру только облегчение.

— Хочешь, чтобы я повторил? — спросил бармен. — Саботажник! Вонючий саботажник.

Ситуация была крайне напряженной и в то же время очень простой. Один взрослый человек нанес другому взрослому человеку совершенно недвусмысленное оскорбление. И непохоже было, чтобы кто-либо из них стремился разрядить обстановку или хотя бы думать о такой возможности. С того самого момента, когда господь бог придумал трагедию, зрителям остается только смотреть и наблюдать процесс, сходный с тем, что молотилка делает с человеком, когда его затягивает внутрь.

Со второго курса университета Полу ни разу не случилось ударить человека. И в нем не было того запала, который инструкторы штыкового боя пытаются привить своим подопечным, — желания схватиться с врагом вплотную. Пол даже сознавал, что подобные желания не предвещают ничего хорошего. И тем не менее, подчиняясь какой-то системе не зависящих от него нервов и желез, руки его сжались в кулаки, а но-

ги сами заняли позицию, чрезвычайно удобную для нанесения удара.

Точно так, как после «Увертюры 1812» не принято исполнять на «бис» что-либо иное, кроме «Звезд и Полос», у Пола не было другого ответа на брошенное ему в лицо обвинение.

— Сам ты саботажник, — ответил он и свингом ударил бармена по носу.

И уж совершенно неожиданно бармен повалился, пыхтя и фыркая. Пол вышел в ночь, подобно Дикому Биллу Хайкоку, Даниелу Буну или матросу с баржи, отпущенному на берег, или как... Но тут его совершенно неожиданно снова схватили за плечо. В какую-то долю секунды ему удалось разглядеть красный нос бармена, его белое лицо, белый фартук и белый кулак. Бриллиантовая вспышка изнутри осветила череп Пола, а потом наступил мрак...

— Доктор Протеус, Пол...

Пол открыл глаза и обнаружил, что смотрит на созвездие Большой Медведицы. Прохладный бриз овеивал его разламывающуюся от боли голову, и он никак не мог понять, откуда доносится к нему голос и кто это уложил его на цементную скамейку, которая тянулась во всю длину пристани.

— Доктор Протеус...

Пол сел. Его нижняя губа была расквашена и распухла, во рту ощущался вкус крови.

— Пол, сэр...

Ему показалось, что голос доносится из-за кустов таволги — живой изгороди вокруг пристани.

— Кто это?

Юный доктор Эдмунд Гаррисон, крадучись, показавшись из-за живой изгороди со стаканом виски в руке.

— Я подумал, что вам захочется выпить.

— Это истинно христианский поступок с вашей стороны, доктор Гаррисон. Думаю, я уже настолько оправился, что могу сесть и сидя принимать пищу.

— Я очень хотел бы, чтобы идея эта пришла в голову именно мне. Но это была идея Кронера.

— О? Он велел передать еще что-нибудь?

— Да, но только, я полагаю, вам это ни к чему.

Я не обратил бы на это внимания, будь я на вашем месте.

— Ну-ка, валяйте.

— Он велел сказать вам, что перед рассветом тьма всегда сгущается и что у каждой тучки есть серебряная подкладка.

— Угу.

— Но вы только поглядели бы на бармена, — радостно сообщил Гаррисон.

— Ааа... Ну-ка, расскажите.

— У него кровотечение из носу, которое никак не могут остановить, потому что он никак не может перестать чихать из-за этого кровотечения. Похоже, что круг замкнулся и это может тянуться годами.

— Отлично, — Пол сразу почувствовал облегчение. — Думаю, что вам самая пора смываться, пока вам все еще сопутствует удача и никто вас не видел со мною.

— А не скажете ли вы мне, что вы такое натворили?

— Это длинная и скучная история.

— Я и сам догадываюсь. Господи! Сегодня ты царь, а завтра тебя вышвыривают пинком в зад. Что же вы теперь собираетесь делать?

Ведя эту беседу в темноте вполголоса, Пол начал понимать, какого чудесного молодого человека выбрал он себе в товарищи по столу в первый же день — вот этого Эда Гаррисона. По всей вероятности, Пол ему тогда понравился, а теперь, не имея никаких личных причин выступать против Пола, он продолжает относиться к нему по-дружески. Это объяснялось, конечно, чистотой природы, и притом очень редкой разновидностью этой чистоты, ибо хранить верность дружбе в подобной ситуации могло означать конец карьеры.

— Что я собираюсь делать? Может, займусь фермерством. У меня есть очень милая небольшая ферма.

— Ферма, да? — Гаррисон восхищенно прищелкнул языком. — Ферма. Звучит очень соблазнительно. Я уже подумывал об этом: вставать утром вместе с солнцем, обрабатывать землю собственными руками,

только ты и природа. Иногда мне кажется, что, будь у меня деньги, я, возможно, бросил бы все и...

— Хотите выслушать совет старого и усталого человека?

— Все зависит от того, кто этот старый и усталый человек. Вы?

— Я. Нельзя стоять одной ногой в действительности, а другой в мечтах, Эд. Делайте что вам заблагорассудится, но либо бросайте работу, либо уж приспособляйтесь к этой жизни. Иначе для судьбы слишком велик будет соблазн разорвать вас пополам, прежде чем вы решите, какой путь вам избрать.

— Именно это и произошло с вами?

— Что-то вроде этого. — Пол отдал Гаррисону пустой стакан. — Спасибо, и лучше сматывайтесь. Передайте доктору Кронеру, что из тучи всегда проливается то, что в ней содержится.

«Дух Лужка» занял свое место у причала, и Пол поднялся на борт. Несколько минут спустя подошел и оркестр со своими инструментами. Громкоговорители передали сигнал отбоя. Свет в салоне погас, и группки явно трезвых гуляк расходились по своим палаткам, пересекая площадь для парадов.

Послышалось шелканье, шипение иголки по пластинке, и в последний раз за этот вечер раздалась песня:

Прощайте, ибо я должен оставить вас.

Прошу вас, не огорчайтесь из-за этой разлуки.

Прощайте, настало время сказать до свидания.

Адью, адью, добрые друзья, адью, да, адью!..

Пол устало и безразлично помахал рукой. Это было прощание с той жизнью, которую он знал до сих пор, со всем тем, что составляло сущность жизни его отца. Он так и не получил удовлетворения от того, что сказал кому-то, что уходит, притом ему не удалось сказать это так, чтобы его словам поверили; однако он все-таки уходит. Прощай все. Прошлое уже не будет иметь с ним ничего общего. Лучше быть просто ничем, чем слепым швейцаром во главе парада цивилизации.

Пока Пол говорил себе эти слова, их накрыла волна грусти и размыла их совершенно так, будто они бы-

ли начертаны на песке. Теперь Пол уже понимал, что ни один человек не в состоянии жить без корней — корней в крохотном оазисе среди пустыни, в красной глиняной земле, на горном скате, на каменистом берегу, на городской улице. В черный суглинок, в болото, в песок, в камень, в асфальт или в ковер каждый человек глубоко пускает корни для того, чтобы называть это место своим домом. Комок подкатил к его горлу, и Пол так ничего и не мог с этим поделать. Доктор Пол Протеус прощался со своим домом навсегда.

— Прощай, — сказал он. А потом вдруг совершенно неожиданно для самого себя добавил: — Прощай, банда.

Группа неуклюжих и, по-видимому, действительно пьющих людей выходила из салуна. Они распевали невольно сентиментальную песню «Тост за Дуб». Все они неуклюже топали в сторону великого дерева, положив друг другу руки на плечи. Их голоса очень ясно доносились до Пола через плоские зеленые газоны:

Выросший из маленького желудя,
Ты стал теперь гигантом.
Пусть никогда не остановится твой рост.
Вздыхайся к звездам,
Гордый символ
Нааааш.

Затем наступила благоговейная пауза, которую тут же прервало восклицание: «Господи!» Это был голос Беррингера и любимое его словечко.

— ...случилось?

— Посмотрите на дерево — вокруг комля.

— Боже мой!

— Кто-то снял полосу коры вокруг всего ствола, — глухо сказал Беррингер.

— Кто же?

— А кто вы думаете? — заявил Беррингер. — Этот вонючий саботажник. Где он?

«Дух Лужка» с грохотом включил свои машины и вышел на открытую воду.

— Эй! — закричал одинокий перепуганный голос в ночи. — Эй! Кто-то убил Дуб.

— Убил Дуб, — эхом отдалось на берегу.

Громкоговорители снова щелкнули, и пронзительный боевой клич заполнил воздух.

— Берегись Заколдованной Рубашки! — завопил страшный голос.

— Заколдованной Рубашки, — отозвался берег, и все опять замерло.

XXIV

Отправляясь воздушным путем из Майами Бич в Итаку, штат Нью-Йорк, резиденцию Корнеллиевского университета, шах Братпура изрядно простыл. Когда семь прахул сумклиша (прахула — это мера жидкости, помещающейся в мех, сделанный из шкуры братпурского сурка) здорово подняли дух шаха, но никоим образом не повлияли на его дыхательные пути, было решено, что самолет сделает посадку в Гаррисбурге, штат Пенсильвания, где шах отдохнет и испытает на себе магическое действие американской медицины.

Пропустив за воротник семь прахул сумклиша, шах по пути к врачебному кабинету принялся выкрикивать игривые предложения привлекательным такару женского пола:

— Питти фит-фит, сиби такару? Ники фит-фит. Акка Сахн нибо фит-фит, сиби такару?

Хашдрахр, который не испытал на себе благотворного действия сумклиша, был очень озабочен.

— Шах говорит, что сейчас отличный день, — горестно объяснил он.

— Фит-фит, пу сиби бонанза? — выкрикнул шах маленькой блондинке, руки которой были сунуты в уличный маникюрный автомат.

Она вспыхнула, выдернула руки из машины и, гордо выпрямившись, зашагала прочь. Автомат продолжал тем временем обрабатывать пустоту. Уличный мальчишка, воспользовавшись незавершенной операцией, сунул свои грязные лапы в машину и вытащил их оттуда с сияющими, покрытыми красным лаком ногтями.

— Я рад, что он доволен погодой, — мрачно отозвался Хольярд.

Уже много недель они путешествовали, так и не затрагивая этой темы, и Холгьярд уже с надеждой говорил себе, что шах и в самом деле отличается в этом отношении от остальных гостей, от французов, боливийцев, чехов, японцев, панамцев и... Так нет же. Шах тоже начал проявлять интерес к американскому типу женщин. Холгьярд со страшным ущербом для своего достоинства вынужден был опять готовиться к роли исключительного во всех отношениях хозяина — другими словами, сводника.

— Фит-фит? — выкрикнул шах, когда они подкатили к светофору.

— Послушайте, — огорченно сказал Холгьярд Хашдрахру, — скажите ему, что он не может просто подойти к первой попавшейся американской девушке и пригласить ее с ним переспать. Я подумаю, что можно сделать в этом смысле, но это вещь нелегкая.

Хашдрахр перевел все это шаху, но тот в ответ просто отстранил его. Прежде чем кто-нибудь успел его остановить, шах выбрался на тротуар, самоуверенно преграждая путь изумительно красивой смуглокожей брюнетке.

— Фит-фит, сибби такару?

— Прошу вас, — сказал ей Холгьярд, — прошу вас извинить моего друга. Он немножечко под газом.

Она ухватила шаха под руку, и они вместе протиснулись обратно в лимузин.

— Боюсь, что здесь произошло ужасное недоразумение, юная леди, — сказал Холгьярд. — Я просто не знаю, как вам все это объяснить. Я, кхм, кхм, дело в том... Я хочу сказать, что он, пожалуй, не просто предлагает вам прокатиться.

— Он меня попросил кое о чем, не так ли?

— Да.

— Значит, здесь нет никакого недоразумения.

— Фит-фит, — сказал шах.

— Вот именно, — сказал Холгьярд.

Хашдрахр с усиленным интересом принялся рассматривать улицу за окном — дикарь, что с него спрашивать, — а Холгьярд с трудом держал себя в рамках.

— Вот мы и приехали, — объявил шофер. — Здесь находится кабинет доктора Пепковитца.

— Ну что ж, юная леди, вам придется подождать нас в машине, — сказал Холгярд, — пока шах войдет в здание, где его будут лечить от простуды.

Шах улыбался, быстро вдыхая и выдыхая воздух.

— У него прошел насморк, — изумленно сказал Хашдрахр.

— Поехали дальше, — распорядился Холгярд.

У него уже был случай наблюдать столь же чудесное исцеление эквадорского бригадного генерала от ангины.

Девушка выглядела очень озабоченной и довольно несчастной. «Она совершенно не подходит к своей роли», — подумал Холгярд. Она постоянно улыбалась, причем очень неуверенно, и явно стремилась, чтобы все уже оказалось позади. Холгярд никак не мог поверить, что она в самом деле понимает, что к чему.

— Куда мы сейчас едем? — спросила она с мрачной бодростью. — Я полагаю, в отель?

— Да, — безразлично ответил Холгярд.

— Хорошо. — Она похлопала шаха по плечу и вдруг разразилась слезами.

Шах был огорчен и неловко попытался ее успокоить.

— Ох, нибо соури, сибн такару. Акка сахн соури? Оххх. Типи такару. Аххх.

— Ну вот, — сказал Холгярд. — Ну, что же вы?

— Не каждый день я делаю это, — сказала она, сморкаясь. — Простите меня, пожалуйста. Я попытаюсь исправиться.

— Конечно. Мы понимаем, — сказал Холгярд. — Вся эта история — ужасная ошибка. Где вы желаете, чтобы вас высадили?

— О нет, я собираюсь пойти на это, — печально возразила она.

— Прошу вас... — сказал Холгярд. — Но, возможно, будет лучше для всех заинтересованных сторон, если...

— Если я погублю своего мужа? Будет лучше, если он застрелится или заморит себя голодом?

— Конечно же, нет! С какой стати должны прозойти все эти ужасные вещи, если вы откажетесь... Я хочу сказать...

— Это очень длинная история. — Она вытерла слезы. — Мой муж, Эд, — писатель.

— Какой его классификационный номер? — осведомился Холъярд.

— Вот в том-то и дело. У него нет никакого номера.

— Тогда как же вы можете называть его писателем? — спросил Холъярд.

— Потому что он пишет, — сказала она.

— Дорогая моя девочка, — отечески пожурил ее Холъярд, — если судить только по этому, тогда мы все писатели.

— Два дня назад у него был номер — У-441.

— Фантастические рассказы, начинающий, — пояснил Холъярд Хашдрахру.

— Да, — сказала она, — и этот номер должен был сохраняться за ним, пока он не закончит своей повестью. После этого он должен был получить либо У-440...

— Квалифицированный работник в фантастике, — сказал Холъярд.

— Или У-225.

— Общественная информация, — сказал Холъярд.

— Простите, что такое «общественная информация»? — спросил Хашдрахр.

— Это профессия, — сказал Холъярд, на память цитируя «Уложенне», — это профессия, специализирующаяся в прививке массовому читателю путем психологического воздействия благоприятного общественного мнения в противоречивых вопросах, без ущемления интересов каких-либо выдающихся личностей, причем основной задачей в данной деятельности является постоянная стабилизация экономики и общества.

— О, понимаю, не обращайтесь на меня внимания, — сказал Хашдрахр. — Пожалуйста, продолжайте ваш рассказ, сибя такару.

— Два месяца назад он передал свою законченную рукопись в Национальный Совет Искусства и Литера-

туры для получения критических замечаний и при-крепления его к одному из книжных клубов.

— Имеется двенадцать таких клубов, — вмешался Холгъярд. — Каждый из них отбирает книги для определенного типа читателей.

— Значит, имеется двенадцать типов читателей? — спросил Хашдрахр.

— Сейчас уже поговаривают о тринадцатом и даже о четырнадцатом, — сказал Холгъярд. — Конечно, исходя из интересов экономики, где-то следует подвести черту. В целях самоокупаемости книжный клуб должен насчитывать по меньшей мере полмиллиона членов, иначе не окупится установка машин — электронных учетчиков заказов, электронных наклейщиков адресов, электронных упаковщиков, электронных прессовальщиков и электронных счетчиков дивидендов.

— И электронных писателей, — с горечью добавила девушка.

— Это тоже придет, это придет, — пообещал Холгъярд. — Но, ей-богу, добыть хорошую рукопись — сейчас не штука. Это уж никак не назовешь проблемой. Все дело в оборудовании. Один маленький клуб, например, занимает четыре городских квартала.

Хашдрахр и шах медленно покачали головами, прищелкнув языками.

— Четыре городских квартала, — как эхо, глухо повторил Хашдрахр.

— Ну вот, полностью автоматизированное оборудование, подобное этому, делает культуру очень дешевой. Книжка стоит меньше, чем семь пакетиков жевательной резинки. А есть еще и картинные клубы. Они по удивительно дешевым ценам выпускают картины, которые вы можете спокойно вешать на стены. Кстати, говорят, что культура сейчас настолько недорого обходится, что утеплить дом книгами и картинами намного дешевле, чем стекловатой. Не думаю, что все обстоит именно так, но здесь есть значительная толика истины.

— И художники, работающие в этих клубах, хорошо оплачиваются? — спросил Хашдрахр.

— Оплачиваются, еще бы! — ответил Холгъярд. — Сейчас просто золотой век искусства, ведь миллионы

долларов тратятся ежегодно на репродукции Рембрандтов, Уислерсов, Гойев, Ренуаров, Эль Греко, Дегасов, Да Винчи, Микеланджело...

— А члены этих клубов могут получить любую книгу и любую картину? — спросил Хашдрахр.

— Нет, этого бы я не сказал! Проводится большая исследовательская работа по выяснению, что сошло со сцены, уж вы поверьте. Производится обследование читательских вкусов, испытание обсуждаемых книг на читабельность и доходчивость. Господи, да ведь выпустить непопулярную книжку для подобного клуба означало бы просто крушение! — Холъярд выразительно прищелкнул пальцами. — Единственный путь удерживать культуру на столь дешевом уровне — это знать заранее, что и в каком количестве желает публика. И они узнают это, узнают все, вплоть до цвета обложки. Гутенберг пришел бы в изумление.

— Гутенберг? — переспросил Хашдрахр.

— Ну да — человек, который изобрел печатный станок. Первый человек, который приступил к массовому выпуску библии.

— Алла сутта такки? — спросил шах.

— Мм?.. — отозвался Холъярд.

— Шах хочет знать, проводил ли Гутенберг предварительный опрос.

— Во всяком случае, — сказала девушка, — книга моего мужа была отвергнута Советом.

— Плохо написана, — холодно заявил Холъярд. — Стандарты очень высоки.

— Великолепно написана, — терпеливо сказала девушка. — Но она на двадцать семь страниц превышала максимально допустимый объем; коэффициент ее читабельности составил 26,3 и...

— Ни один из клубов и не возьмет чего-либо при КЧ свыше 17, — объяснил Холъярд.

— И кроме того, — продолжала девушка, — она была посвящена антимерханической теме.

У Холъярда брови поднялись высокими дугами.

— Ну, знаете ли, с чего бы тогда они вдруг стали ее печатать! И что это он о себе возомнил? Господи, да вы просто должны благодарить судьбу за то, что

он сейчас не за решеткой как защитник и пособник саботажа. Неужели он и в самом деле считал, что найдется кто-нибудь, кто все это напечатает?

— А он не думал об этом. Он чувствовал потребность писать и писал.

— Почему бы тогда ему не писать о клиперах или о чем-нибудь подобном? Или книжку о старом добром времени на канале Эри? Человек, который пишет о таких вещах, работает наверняка. Очень большой спрос на эти темы.

Она беспомощно пожала плечами.

— Я думаю, потому что его никогда по-настоящему не волновали клиперы и канал Эри.

— Он у вас какой-то неприспособленный, — брезгливо сказал Холгьярд. — Если бы вы спросили моего совета, дорогая, я сказал бы, что ему нужно обратиться к знающему психиатру. Сейчас психиатрия просто чудеса творит. Берутся за совершенно безнадежные случаи и превращают больных в граждан категории А. Неужели он не верит в психиатрию?

— В том-то и дело. Он наблюдал своего брата, когда тот умиротворялся при помощи психиатра. Потому-то он и не хочет иметь с ними ничего общего.

— Не понимаю. Неужели его брат несчастлив?

— В том-то и дело, что слишком счастлив. А мой муж говорит, что кто-то просто обязан быть неприспособленным; что кто-то просто должен испытывать чувство неловкости для того, чтобы задуматься над тем, куда зашло человечество, куда оно идет и почему оно идет туда. Отсюда-то и все неприятности с его книгой. Она подымала все эти вопросы и вот была отклонена. Тогда ему было приказано заняться общественной информацией.

— Значит, в конце концов вся эта история закончилась благополучно? — спросил Холгьярд.

— Нет, едва ли. Он отказался.

— Господи, вот тебе и на!

— Да. Его уведомили, что если ко вчерашнему дню он не приступит к выполнению своих обязанностей в области общественных отношений, его питание, его разрешение на квартиру, его страховка жизни и здо-

ровья — в общем все на свете будет аннулировано. И вот сегодня, когда вы проезжали, я как раз бродила по городу, раздумывая над тем, что может в наши дни сделать женщина, чтобы раздобыть несколько долларов. А выбор тут невелик.

— Значит, этот ваш муж, он скорее предпочел бы, чтобы его жена... — Холгярд прокашлялся, — чем работать в области общественной информации?

— Я горжусь тем, что могу с уверенностью заявить, — сказала девушка, — что муж мой — один из тех немногих, у кого остались еще некоторые представления об уважении к себе.

Хашдрахр перевел это ее последнее высказывание, и шах печально покачал головой. Он снял рубиновое кольцо и насильно вложил его в руку девушки.

— Ти, сибн такару. Дибо. Брахоус брахоуна, хоуна саки. Импи гоура Брахоуна та типпо а имсмит. — Он открыл ей дверцу лимузина.

— Что сказал этот джентльмен? — спросила она.

— Он сказал, чтобы ты взяла кольцо, маленькая красивая гражданка, — ласково ответил Хашдрахр. — Он сказал тебе до свидания и пожелал тебе удачи и что многие из величайших пророков оказывались на проверку не умнее клопов.

— Благодарю вас, сэр, — сказала она, выбираясь из машины и снова принимаясь плакать. — Да благословит вас господь.

Лимузин отъехал от нее. Шах проникновенно помахал ей рукой.

— Дибо, сибн такару, — сказал он и тут же принялся яростно чихать. Он высморкался.

— Сумклиш!

Хашдрахр подал ему священную флягу.

XXV

Когда «Дух Лужка» причалил к пристани у Материка, по местной радиотрансляционной сети приглушенно передавали «Доброй ночи, любимая» — легкий призрак музыки, шепот на фоне плеска голубой воды, шелеста орлиного крыла, пороха ветвей.

В домах, отведенных женщинам и детям, света не было. В Центральном Административном Здании светился один лишь квадрат окна, а на фоне его темнел силуэт спящего клерка.

Когда Пол направился туда, чтобы узнать, как отыскать Аниту, свет ударил в его уже привыкшие к ночной темноте глаза. Когда же его зрачки приспособились к яркому свету, оказалось, что он стоит и опять смотрит на свое собственное отражение в зеркале с надписью: «Лучшая жена для Лучшего человека, для Лучшей работы в мире».

Он заторопился пройти мимо зеркала, раздумывая над тем, сколько раз Анита любовалась своим отражением и этой надписью, а также над тем, как она воспримет новость о том, что ее Лучший мужчина стал просто мужчиной, да к тому же еще и безо всякой работы.

Пол разбудил клерка, а тот позвонил экономке, ответственной за помещение, в котором ночевала Анита.

— Что там произошло на вечере? — спросил клерк сонно, дожидаясь, пока женщина ответит на его звонок. — Вы уже десятый по счету приезжаете сюда этой ночью. Обычно не едут раньше четвертого дня. Да что это там стряслось с этой экономкой в конце концов? Телефон ведь стоит прямо рядом с ее постелью. — Он взглянул на часы. — А знаете, который сейчас час? У вас ведь ни на что не останется времени. Последнее судно на остров отходит через три минуты.

— Продолжайте звонить. Я не собираюсь возвращаться.

— Если вы собираетесь провести здесь ночь, то лучше и не заикайтесь об этом. Двадцать семь правил запрещают это.

Пол сунул ему десятидолларовую бумажку.

— Продолжайте звонить.

— О, за такие деньги вы можете прожить здесь невидимкой целую неделю. Какие вам нравятся? Блондинки, брюнетки, рыжие? Ага! Наконец она отозвалась. Где это вас черти носят? — спросил он у женщины. — Миссис Пол Протеус у себя? — Он кивнул. —

Угу, угу. Ладно. Оставьте ей записку на постели, хорошо? — Он повернулся к Полу. — Она вышла, доктор.

— Вышла?

— Наверное, прогуляться при лунном свете. Экономка говорит, что она страшно любит гулять.

То, что Анита стала любительницей прогулок, было для Пола откровением. Он видел, как она гоняла машину, если ей нужно было добраться до дома на другой стороне улицы, она опровергала все законы физической культуры, оставаясь юной и грациозной, надеясь, как работница на ферме, и накапливая силы подобно принцессе. Спеленатые ноги и шестидюймовые ногти не стали бы помехой в ее деятельности.

Пол уселся в кресло-качалку в прохладной синей тени крыльца Административного Здания, положив ноги на неошкуренное бревно перил, и приготовился ждать.

Огоньки, развешанные вдоль дорожек, начали зажигаться и гаснуть — безмолвный сигнал, что последнее судно собирается уходить на остров.

Послышались смех и хруст быстрых шагов по гравию — из-за деревьев появилась пара, бегущая к пристани. Они обнимали друг друга за талию, и их упорное нежелание разомкнуть объятия делало их передвижение столь же лишенным грации, как бег в мешках. Полу, имеющему длительный опыт, преподанный ему искусной Анитой, и понимающему, что все это должно походить на чудесный танец, если только вести себя надлежащим образом, больно было следить за этим неуключим ухаживанием. Оно раздражало Пола.

И вот она заставила его замедлить шаг, и их силуэты стали более четкими на фоне деревьев в лунном свете. Пол был уверен, что прощальный поцелуй будет смазан, но благодаря ее сноровке они остановились и сделали все как следует. Молодцы.

Пол следил за ними и все больше отождествлял себя с этим мужчиной. Пол всегда любил следить за подобными моментами у других, и его стремление к этому в данный момент было особенно острым. Поскольку вся его прошлая жизнь отошла в прошлое,

а новая, какой бы она ни была, еще не началась, он с жадностью жаждал любви — любви Аниты, живо представляя себе эту любовь, искупляющую — любую любовь, которая может быть доступна ему сейчас же, немедленно.

Теперь она медленно шла обратно, задумчивая, удовлетворенная. Великолепно.

Лампы зеркала-ловушки вспыхнули. Женщина разгладила брюки на бедрах и поправила прядь волос. Она надолго замешкалась перед зеркалом, поворачиваясь то так, то эдак, явно довольная тем, какую она может быть, формой своих грудей, несправедливо упрятанных под глухой зеленой рубашкой с надписью «Капитан», вышитой наискосок сверху вниз.

— Анита!

Вздвогнув, она машинально защитным жестом скрестила на животе руки. Потом руки ее очень медленно опустились, она выпрямилась с видом женщины, которой нечего скрывать вообще, а уж менее всего зеленую рубашку Шеферда.

— Привет, Пол. — Она поднялась на веранду, где он сидел, и царственная, холодная, уселась рядом с ним. — Ну?

Так как он ничего ей не ответил, ее царственность несколько сдала, и Анита принялась пощипывать перила, отрывая крохотные щепочки и бросая их в ночь.

— Ну, выкладывай, — произнесла она наконец.

— Кто, я должен выкладывать? — спросил Пол.

— А разве ты не считаешь, что нам следует объясниться?

— Это уж точно.

— Тебя все-таки вышибли, не так ли?

— Да, но не за нарушение заповеди.

— Неужто надеть рубашку другого мужчины является в твоем понимании нарушением супружеской верности? — В ней под спокойной личиной чувствовалось явное смущение.

Пол был доволен. Теперь он был уверен, что, запугав Аниту, сможет забрать ее с собой. Несомненно, что она воспользовалась надоедливym, претенциозным

и самодовольным Шефердом в качестве «подначки» для Пола, однако это да еще плюс ее сознание вины могут сыграть ему на руку.

— А ты не считаешь, что рубашка эта довольно симптоматична, если к ней добавить еще прелюбодеяние в зарослях? — спросил он.

— Если ты намекаешь на то, что я его люблю, то ты прав.

Пол спокойно рассмеялся.

— Я рада, что ты это так просто воспринимаешь, — сказала она чопорно. — Я считаю, что это только доказывает, что я всегда была права в своих догадках.

— И о чем же ты догадывалась?..

Неожиданно она разразилась слезами.

— Что я никогда не была нужна тебе. Финнерти был прав, — всхлипнула она. — Все, что тебе было нужно, это нечто из нержавеющей стали, чему придана форма женщины, покрытое губчатой резиной и нагретое до температуры тела.

Теперь наступила очередь Пола смутиться.

— Анита, дорогая, послушай...

— И если тебе она не нужна в данный момент, ты с удовольствием одолжишь ее первому встречному.

— Черт побери, так ведь я...

— Меня уже тошнит от того, что со мной обращаются как с машиной! Ты вечно ходишь и болтаешь о том, что управляющие и инженеры сделали со всеми остальными бедненькими тупицами. Так вот, полюбуйся, что инженер и управляющий сделал со мной!

— Ради всего святого, любимая, я...

— Ты все толкуешь о том, как плохо, что пробивные люди подмяли под себя тех, кто не имеет таких пробивных способностей, а потом расхаживаешь по дому, выставяя напоказ свой высокий ПИ, точно это рисунок на рождественском пироге. Ну и ладно, пусть я буду глухой.

— Да никакая ты не глупая, ангел мой. Послушай, я...

— Саботажник!

Пол откинулся в кресле и вертел головой, как бы пытаясь уклониться от сыпавшихся на него ударов.

— Ради всего святого, выслушай меня, хорошо? — взмолился он.

— Ну? — Теперь, вне всяких сомнений, хозяйкой положения была она.

— Дорогая, возможно, что все сказанное тобой и справедливо. Не знаю. Но прошу тебя, жена моя, моя любимая, ты мне нужна сейчас так, как никто и никогда в моей жизни.

— На это хватит и десяти минут. Прямо здесь, на свежем воздухе? — добавила она насмешливо.

— «В богатстве и в бедности, во здравии и в недуге», — процитировал Пол. — Ты это помнишь, Анита? Ты помнишь?

— Ты все еще богат и ни капельки не болен. — Она посмотрела на него с интересом. — Ты не болен, а?

— Болезнь у меня в сердце.

— Привыкнешь. Я вот привыкла.

— Прости меня, Анита, я никогда не думал, что все это было настолько плохо. Теперь я понимаю, что, наверное, так оно и было.

— В следующий раз я выйду замуж по любви.

— За Шеферда?

— Он нуждается во мне, уважает меня, верит в то же, во что верю и я.

— Надеюсь, вы будете счастливы вдвоем, — сказал Пол, вставая.

Губы у нее задрожали, и она опять залилась слезами.

— Пол, Пол, Пол.

— Ммммм?..

— Ты мне нравишься. Никогда не забывай об этом.

— Ты мне тоже нравишься, Анита.

— Доктор Протеус! — окликнул клерк, высовываясь в окно.

— Да?

— Доктор Кронер позвонил и сказал, что вас следует доставить на железнодорожную станцию сегодня же ночью. «Джип» ждет вас по другую сторону здания. У вас остается в запасе полчаса, чтобы поспеть на 12.52.

— Иду.

— Поцелуй меня, — сказала Анита.

Это был ошеломляющий поцелуй, и, начиная приходить в себя после томительного полузабытья, Пол понял, что Анита не придает поцелую абсолютно никакого значения, что она поцеловала его, как это ни удивительно звучит, просто по доброте душевной.

— Едем со мной, Анита, — прошептал он.

— Я не так глупа, как ты думаешь. — Она решительно оттолкнула его от себя. — До свидания.

XXVI

Доктор Пол Протеус, человек неопределенных занятий, сел на поезд в 12.52. На его долю выпал допотопный вагон, похожий не то на плевательницу, не то на табакерку, набитый шестьдесятю солдатами-отпускниками из Кэмп Драм.

«Грейт Бенд. Станция Грейт Бенд», — произнес записанный на пленку голос громкоговорителя, помещенного над самой головой Пола. Механик-проводник, сидящий в своей кабинке, на каждой из станций нажимал кнопку, и тогда опускались ступеньки и звучал голос: «Следующая станция Картедж. Следующая станция Картедж». Щелк!

«Посадка закончена!» — взвыл голос другого репродуктора, расположенного снаружи вагона.

Старик, который в это время целовал на прощание свою жену, стоя на прогнивших досках перрона в Грейт Бенде, умоляюще поглядел на этот торопивший его репродуктор, как бы упрашивая человека подождать хотя бы еще одну секундочку, чтобы он успел сказать последнее слово.

— «...закончена!» — механизмы закричали, и складывающиеся гармошкой ступеньки, накладываясь одна на другую, начали подниматься и исчезли в своей нише.

— Иду! Иду! — закричал старик и огорченно затрусил к трогачему поезду со всей возможной скоростью, на которую были способны его плохо слушающиеся ноги. Он ухватился за поручни, вскарабкался на подножку и остановился, задыхаясь, в тамбуре. Он нащупал свой билет и сунул его в механизм на двери.

Механизм проверил билет, установил, что все в порядке, отодвинул задвижку на двери и впустил старика в полный табачного дыма вагон-табакерку, сделанную из штампованного железа и обивочных тканей.

Совершенно обесиленный, он опустился на сиденье рядом с Полом.

— Этот подонок и секундочки не станет дожидаться старого человека, — обиженно сказал он.

— Так ведь это же машина, — сказал Пол. — Полная автоматизация.

— Все равно подонок.

Не желая спорить, Пол кивнул.

— Я был кондуктором на этой линии.

— О?

У старика был напыщенный и важный вид человека особо скучной породы, и Полу было неинтересно его выслушивать.

— Да, сорок один год, — сказал старик. — Со-рок о-дин год!

— Угу!

— Со-рок о-дин. Два раза по двадцать лет да плюс еще год. И хотел бы я увидеть, чтобы хоть одна из этих машин приняла бы когда-нибудь роды.

— Угу. Так, значит, вы принимали роды, да?

— Да. Мальчика. И по стечению обстоятельств мне пришлось это делать в мужской комнате. — Он протяжно рассмеялся. — Сорок од-ин год!

— Угу.

— И никогда я не видел, чтобы машина присматривала за маленькой трехлетней девочкой на всем пути от Сен-Луи до Пукипси.

— Да. Я тоже. — Это замечание Пол решил приберечь до своей следующей встречи с Бадом Колхауном. Сейчас перед его мысленным взором уже возникло это приспособление, нечто вроде Железной Девы, конечно, без шипов и, конечно же, электронное, которое подхватит в свои объятия маленькую девчущку в Сен-Луи и отдаст ее в руки родственников в Пукипси.

— Со-рок о-дин год! Машины дают количество, но не качество. Понимаете, что я хочу сказать?

— Угу, — сказал Пол.

— «Картедж, — объявила лента в громкоговорителе. — Станция Картедж. Следующая станция Дир Ривер».

Пол оперся спиной о жесткую спинку дивана и со вздохом облегчения прикрыл глаза, делая вид, что спит.

— Сорок о-дин год! Эти машины никогда не помогут пожилой леди спуститься по ступенькам.

К этому времени старый кондуктор израсходовал весь свой запас примеров превосходства человека над машинами и начал придирааться к записям на пленке, объявляющим станции. Он проделывал это презрительным тоном, небрежно, как будто уж это может делать и любой дурак: «Дир Ривер. Станция Дир Ривер. Следующая станция Касторлэнд».

«Дир Ривер. Станция Дир Ривер, — произнес записанный на пленку голос. — Следующая станция Касторлэнд».

— Ха! Ну, что я вам говорил?

Пол забылся тревожным сном, и потом уже, наконец, в Констебльвилле он увидел, как его попучик сунул свой билет в отверстие автоматического контролера и был выпущен из вагона. Пол проверил, на месте ли его билет, не смят ли он и не порван ли, так как именно этим билетом ему и предстояло открыть себе двери в Айлиуме. Ему приходилось слышать рассказы о глуповатых старых леди, которые оставались взаперти в вагонах по несколько дней из-за того, что они куда-то засунули свой билет или пропустили свою станцию. Почти ни одна газета не обходилась без увлекательной истории о том, как уборщики-кряхи освободили кого-нибудь из вагона.

Старый, утративший свой пост кондуктор растаял в ночи Констебльвилля, а Пол продолжал изумляться тому, насколько горячими сторонниками механизации являются американцы, даже если эта механизация разбивает им жизнь. Жалобы кондуктора, так же как и вопли многих остальных, раздавались не потому, что у них отобрали работу и передали ее машинам — вещь, несомненно, несправедливая, — а потому что машины недостаточно совершенны.

«Констебльвилль. Станция Констебльвилль. Следующая станция Ремсен».

В соседнем с Полом купе продолжалась игра в покер, и вышедший в отставку по старости сержант, пестрый как зебра из-за нашивок за выслугу лет, за пролитую кровь, за оторванность от дома, рассказывал истории о последней войне.

— Господи, — говорил он, блуждая отсутствующим взглядом по вагону, будто мысли его были за тысячи миль отсюда, — вот тут мы, а вот там они. Вот, представьте себе, там, где мужская комната, проходит гребень, а эти гады глубоко закопались на противоположном склоне. — Новобранцы поглядели в сторону мужской комнаты, их глаза сузились, точно они были уже в боевой обстановке. А сержант еще немного потасовал карты. — А в предыдущую ночь им удалось прямым попаданием вывести из строя наш генератор.

— Подумать только! — воскликнул кто-то из новичков.

— Это уж точно, — сказал сержант. — Хотя в конце концов ничего особенного, обычная вещь: вот мы сидели так, как птенчики, восемнадцать против пяти сотен. Микроволновые часовые, минные поля, проводочные заграждения с электротокком, система управления огнем, дистанционное управление пулеметным огнем — все пошло к чертям! Сидим без тока... *дама, туз, туз, и сдающий накрылся. Вот бы еще туза!*

Ну ладно, ребята, добавляю десять центов, кто еще? Ставлю десять центов, просто чтобы немного интереснее было играть. Так вот, ребята, тут-то и началась потеха. В семь ноль-ноль они пустили на нас сотню человек, чтобы разобраться, что у нас есть. А у нас-то ведь ничегошеньки! Да и связь тоже полетела к чертям собачьим, и мы даже не могли позвать кого-нибудь на помощь. Наши танки-роботы ушли на поддержку 106-му, и мы тут сидели совершенно одни. Влипли, одним словом. Вот я и послал капрала Мерганхолера обратно в батальон за помощью. *Две дамы, маловато, да еще два туза, и сдающий снова пролетел. Нет ничего лучше тузов.* И вот поперли на нас эти гады, а у нас ничего, кроме паршивых винтовок и штыков. Просто

как волна на нас покати­лась. *Тож­е два туза, ну тут уж ничего не поделаешь, плакали мои десять центов.* И вдруг появляется Мерганхо­лер с машиной, на ко­торой стоит генератор, он спер его у 57-го. Мы подклю­чили его к нашей сети, и вы бы только посмотре­ли на этих гадов! Они позастревали на электрических про­водах, мины с минных полей начали рваться прямо под ними, а микроволновые часовые открыли по ним огонь одновременно с дистанционно-управляемыми пу­леметными точками, система управления огнем грох­нула по ним артогнем и огнеметами по всему, что ше­велилось еще в радиусе мили. Вот так-то я и получил Серебряную Звезду.

Пол едва заметно покачал головой в ответ на ди­кую историю сержанта. Значит, такова была война, на которую он так когда-то стремился, — возможность проявить себя для настоящих, горячих, сильных героев, возможность, которую он упустил и так сожалел об этом. Смертей, конечно, было много, много было нерв­ного напряжения и стоицизма. Но люди здесь играли роль при­датков машин — страшных механизмов, кото­рые вели борьбу с себе подобными за право вцепиться в горло людям. Горацио на мосту превратился в радио­управляемую ракету с атомной боевой головкой; Рол­ланд и Оливье обернулись парой счетных машин, уста­новленных на реактивных самолетах и мчащихся на­встречу друг другу со скоростью, намного превышаю­щей предсмертный вопль. Высокая традиция амери­канского пехотинца сохранилась только чисто символически в виде ружейных залпов, выпущенных в небо над павшими на тысячах военных кладбищ. Лежащие в могилах, погибшие на фрон­тах в свое время были наследниками еще одной американской традиции, столь же старой, как и пехотная, но традиции мирной — умения мастерить что-нибудь.

— Господи! Сержант, а почему вы никогда не тре­бовали повышения?

— Да чтобы я в моем возрасте пошел опять в кол­ледж? Нет, сынок, все эти школы не для меня. Не-е-ет! С меня хватит и бронзовой медали. А потом — чтобы два года дожидаться пары вшивых золотых нашивок.

Черта с два! Еще одна дама, и тут уж ваши никак не пляшут, подумать только, пришла она все-таки ко мне. Похоже, что сегодня мне так повезло уже в последний раз, ребята.

«Миддлвилль. Станция Миддлвилль. Следующая станция Херкимер».

— Сержант, а расскажите-ка нам о своих нашивках за ранения?

— Ммм?.. Почему не рассказать. Эта вот — за дозу облучения гамма-лучами в Киукьянге. Эта — погодите-ка — за радиоактивную пыль в бронхах в Афион Каррагисаре. А вот эту малютку — за ревматизм после пребывания в сырых окопах в Красиставе.

— Сержант, а какая девчонка была лучшая из всех?

— Маленькая и рыжая, наполовину шведка, наполовину египтянка в Фарафангане, — сказал сержант не задумываясь.

— Эх, ребята! Вот бы нас туда послали.

«Вот и все, что осталось от старых добрых американских военных традиций, — думал Пол, — уж этой традиции ничто не грозит: «Пошлите меня туда, где можно пошкодничать!»

«Херкимер. Станция Херкимер. Следующая станция Литтл Фолз».

— Скажите, сержант, а это поезд пригородный?

— Можно сказать, что да. А как вы насчет того, чтобы сыграть еще партийку, просто чтобы разогреться и разогнать скуку?

— Я с удовольствием. Мне бы паршивенькую тройку. Даму — Чарли. Восьмерочку — Лу. И провалиться мне на этом месте, если сержант не заберет все.

— Скажите, сержант, я слышал, Элмо Хэкетс отплывает за море?

— Верно. Он просится за море с самого призыва. Парочку троек Эду, Чарли без прикупа, валистик — Лу, и все, черт побери!

— Туз!

«Литтл Фолз. Станция Литтл Фолз. Следующая станция Джонсонвилль».

— Ну вот, пожалуйста... Что вы знаете обо всем

этом, — сказал сержант. — У Эда уже были три тройки подряд. Да, жалко Хэккетса. Через пару лет он смог бы стать и знаменосцем. Но раз он решил бросить все, это его дело. Чарли без прикупа, Лу берет моего туза. А берет-то ведь троечка всего.

— А куда едет Хэккетс? Вы знаете?

— Без прикупа ребята, без прикупа, без прикупа! — тараторил сержант — Да, сегодня на него пришел приказ. Ну, еще последний кружок, ребята. Без прикупа, без прикупа, без прикупа и...

— Господи!

— Ты уж не обижайся, Эд, на этого третьего туза. Выходит, что и на этот раз моя взяла. Да, конечно, Хэккетс поедет за море, это уж точно. Завтра утром он отплывает в Таманрассет.

— Таманрассет?

— В Сахарскую пустыню, болван. Неужто тебя не учили географии? — Сержант злобно усмехнулся. — Как насчет еще одного кружка, просто так, для смеха?

Пол вздохнул о судьбе Хэккетса, который, родившись в духовной пустыне, теперь отправляется в те места, где и земля бесплодна.

«Джонсонвилль... Сен-Плейн... Фонда... Форт Джонсон... Амстердам... Скенектеди... Когой... Уотерлет... Албани... Ренсселар... Айлиум, станция Айлиум».

Со слипающимися со сна глазами Пол бросился к двери, сунул в прорезь билет и вышел на станционную платформу в Айлиуме.

Дверь багажного отделения открылась, из нее на ожидающий транспортер выскользнул гроб, и транспортер тут же поехал в холодильник при станционной камере хранения.

Ни одно из такси не потрудились встретить этот малоперспективный поезд. Пол попытался позвонить в таксомоторный парк, но никто не отозвался на его звонок. Он беспомощно поглядел на автомат по продаже билетов, автомат по продаже нейлоновых чулок, автоматическую кофеварку, автомат по продаже жевательной резинки, автомат по продаже книг, автомат по продаже газет, автоматическую установку для чистки зубов, автомат по продаже презервативов, автоматиче-

скую машину для чистки обуви, автоматическое фотоателье и вышел на пустынные улицы Усадьбы.

Ему нужно было сделать восемь миль через всю Усадьбу, а потом по мосту через реку, чтобы попасть к дому. Не домой, подумал Пол, а в дом, где находится его постель.

Внутри он ощущал пустоту и вялость и в то же время какое-то лихорадочное беспокойство — он был сонный и в то же время понимал, что сейчас ему не заснуть, был обуреваем мыслями и в то же время шагал без единой мысли в голове.

Шаги его эхом отдавались среди пустых фасадов Усадьбы, безжизненных неоновых трубок, рекламирующих то одну, то другую вещь, абсолютно ненужную в эти часы, правда, сейчас они были просто бессмысленным холодным стеклом из-за отсутствия живительного бега электронов сквозь заполняющий их инертный газ.

— Невесело одному?

— Ммм?..

Молодая женщина, груди которой колыхались, как воздушные шары на ветру, глядела на него из окна второго этажа.

— Я говорю, невесело одному?

— Невесело, — просто сказал Пол.

— Тогда подымайся.

— Ладно, — вдруг услышал Пол свой собственный голос, — ладно, сейчас подымусь.

— Дверь рядом с Автоматическим базаром.

Он поднялся по длинной темной лестнице, на каждом марше которой доктор Гарри Фридман сообщал, что он не причиняющий боли дантист, дипломированный Национальным Советом здравоохранения. «Зачем, — риторически вопрошал Фридман, — обращаться к человеку с классификационным номером менее Д-006?»

Дверь на лестничной площадке, соседняя с дверью доктора Фридмана, была открыта, и подле нее стояла женщина, поджидая Пола.

— Как тебя зовут, милый?

— Протеус.

— Родственник этой большой шишки с того берега?

— Это мой двоюродный брат.

— Значит, ты черная овца в домашнем стаде?

— Угу.

— Ну и черт с ним, с твоим братом.

— Конечно, — сказал Пол.

Он только раз проснулся на исходе ночи, проведенной с ней, проснулся из-за того, что ему приснилось, будто отец его стоит в ногах кровати и вглядывается в него.

Она что-то пробормотала во сне.

Засыпая снова, Пол совершенно машинально пробормотал в ответ:

— И я тебя люблю, Анита.

XXVII

Доктор Пол Протеус на протяжении целой недели был полностью предоставлен самому себе в собственном доме. Он ожидал, что поступят какие-нибудь известия от Аниты, но письма не было. Говорить им, неожиданно понял он, больше не о чем. Она, наверное, все еще была на Материке. Сбор на Лужке продлится еще неделю. После этого пойдет суматоха раздела, а потом выдвинет в качестве повода для развода. Его поражала в ней такая жестокость, но он понимал, что это весьма закономерно. Любое отклонение от общепринятых норм причиняло ей сильную боль. Ей придется теперь покинуть штат Нью-Йорк, поскольку единственное возможное основание для развода — обвинение в супружеской неверности или подстрекательство к содействию в саботаже. Дело может быть выиграно при любом из них, но с ущербом для ее чувства собственного достоинства.

Один раз Пол посетил свою ферму и подобно человеку, решившему посвятить свою жизнь богу, попросил мистера Хэйкокса приобщить его к работе, направляющей руку природы. Рука, за которую он с такой готовностью хватился, очень скоро оказалась довольно

грубой и медлительной, горячей, влажной и дурно пахнущей. И очаровательный маленький домик, который он воспринимал как символ простой и здоровой жизни, оказался настолько же неуместным, как статуя Венеры у ворот зернохранилища. Больше он на ферму не заходил.

Один раз Пол побывал на заводе. Цехи с их машинами не работали во время празднеств на Лужке, и на своих постах оставались только охранники. Четверо из них — теперь они держались официально и презрительно — позвонили на Лужок к Кронеру за инструкциями. Затем они препроводили Пола в то помещение, которое когда-то было его собственным кабинетом, и он отобрал свои личные вещи. Охранники составили список всего, что он взял, и проявляли сомнения по поводу его претензий на каждую из перечисленных в описи вещей. Затем они под конвоем выпроводили его обратно во внешний мир, а потом раз и навсегда захлопнули за ним ворота.

Сейчас Пол сидел на кухне перед стиральным агрегатом и глядел телевизор. Был поздний вечер, и, пропади оно все пропадом, ему приходилось самостоятельно заниматься стиркой.

«Урдл-урдл-урдл, — шумела машина. — Урдл-урдл-урдалл! Дзз! Взз-оп! — зазвенели колокольчики. — Азззззз. Фромп!» И появилась продукция: три пары носков, три пары шортов и голубые тенниски с Лужка, которыми он сейчас пользовался вместо пижамы.

На экране телевизора женщина средних лет разговаривала со своим сыном-подростком. Волосы и одежда мальчика были в страшном беспорядке и перепачканы.

— Дракой ничего не докажешь, Джимми, — грустно говорила она. — Ей-богу, еще никто не улучшил мир тем, что разбил кому-то нос или же дал разбить свой собственный...

— Я знаю, но он сказал, что мой ПИ всего пятьдесят девять, мама! — Мальчик готов был расплакаться в любую секунду, он был вне себя от обиды и ярости. — А у папы, сказал он, пятьдесят три!

— Ну, ну, мой милый, это все детская болтовня! Не обращай на это внимания, Джимми.

— Но ведь это правда, — совсем убито проговорил мальчик. — Ведь это правда, мама. Я пошел в полицейский участок и сам проверил. Пятьдесят девять. Мама! А у папы — пятьдесят три. — Он отвернулся и закончил уже совсем умирающим шепотом: — А у тебя, мама, сорок семь. Всего сорок семь.

Сначала она закусил губу и выглядела тоже огорченной до глубины души, но затем, как бы набравшись каким-то таинственным образом где-то выше уровня своих глаз сил, ухватилась за кухонный стол.

— Ну-ка, Джимми, взгляни на меня, на свою мать.

Он медленно повернулся к ней.

— Так вот, Джимми, ПИ — это еще не все. Самыми несчастными людьми в этом мире чаще всего бывают как раз самые умные.

С начала этой недели полнейшего безделья Пол обнаружил, что эта тема в различных вариантах является основной проблемой вечерних драматических постановок, приносящих, помимо решения ее, еще и раздражение слуховых и зрительных нервов. Одна из программ постоянно черпала вдохновение, разрешая проблему: может ли женщина с низким ПИ удачно выйти замуж за мужчину с высоким ПИ? Ответ, кажется, давался неопределенный — и да и нет.

— Джимми, сынок мой, ПИ не сделает тебя счастливым, и Святой Петр не устроит тебе испытания на ПИ, прежде чем пропустить тебя в ворота царства божьего. Говорю тебе, люди с высоким ПИ чаще всего оказываются и самыми разнесчастными.

На лице Джимми сначала отразилось недоверие, затем изумление, а в конце концов страстное желание получить подтверждение услышанному.

— Значит, ты хочешь сказать, что простые люди, вроде меня или другого кого-то, вроде нас... Ты, мама, хочешь сказать, что мы не хуже такого человека, как... как... ну, как доктор Гансон, управляющий заводами?

— Не хуже доктора Гансона, с его ПИ-169? С его

докторскими, магистерскими и бог его знает еще какими степенями? Да?

— Да, мама, его.

— Не хуже его? Доктора Гансона? Джимми, сынок, видел ли ты когда-нибудь мешки у него под глазами, мой мальчик? А морщины на его лице? Да ведь ему приходится тащить целый мир у себя на плечах. Вот что дал ему высокий ПИ, этому несчастному доктору Гансону. Знаешь, сколько ему лет?

— Он ужасно старый, мама.

— Он на десять лет моложе твоего папы, Джимми. Вот какую шутку сыграли с ним его мозги.

В этот самый момент появился и папаша, на руке у него была эмблема КРР, управление по поддержанию асфальтовых работ, чернорабочий первого класса. Веселый, добрый, жизнерадостный человек, так и пышущий здоровьем.

— Привет, родственнички, — сказал он. — Все ли идет как по маслу в нашем домике?

Джимми обменялся взглядом со своей матерью и загадочно улыбнулся.

— Да, сэр, все идет как по маслу. Я полагаю, сэр, что вы это очень здорово подметили!

Затем ворвалась органная музыка, и диктор принял восхвалять невидимый и не требующий дополнительной смывки порошок для чистки чего-то. Пол выключил телевизор.

Звонок у кухонной двери звенел, и Пол прикинул, сколько же времени пришлось кому-то простоять за дверью. Он спокойно мог бы включить телевизор и поглядеть, стоит ли открывать дверь посетителю, но Пол уже соскучился по любому обществу — просто хотелось поговорить с живым человеком, и он с радостным и благодарным чувством отправился открывать дверь.

На него холодно уставился полицейский.

— Доктор Протеус?

— Да.

— Я из полиции.

— Вижу.

— Вы не зарегистрировались.

— О, — улыбнулся Пол. — О, я как раз собирался это сделать. — И он действительно уже несколько раз подумывал сходить в полицейское управление.

Полицейский не улыбнулся в ответ.

— Тогда почему же вы не являлись?

— Да так, как-то не нашел времени.

— Так вот, док, постарайтесь, чтобы оно нашлось у вас немедленно.

Пола раздражал этот наглый юнец, и ему захотелось поставить его на место, как ранее бармена на Лужке. Но на этот раз он проявил бóльшую осмотрительность.

— Хорошо. Завтра утром я приду и зарегистрируюсь.

— Вы сходите и регистрируетесь сегодня, док, и не позже чем через час.

Почетное обращение «доктор», как теперь стало ясно Полу, может быть произнесено тоном, заставляющим человека молить бога, чтобы тот не допускал его и за десять миль к университету.

— Хорошо, сделаю, как вы скажете.

— И вашу промышленную идентификационную карточку — она у вас до сих пор не сдана.

— Принесу, простите.

— И ваше разрешение на ношение оружия и получение патронов.

— Принесу.

— И членский билет клуба.

— Я разыщу его.

— И льготное свидетельство для авиалиний.

— Хорошо.

— И ваши льготные страховки жизни и здоровья. Теперь у вас будут обычные.

— Как скажете.

— Полагаю, это все. Если понадобится еще что-нибудь, я дам вам знать.

— Конечно.

Внезапно выражение лица молодого полицейского смягчилось, и он покачал головой.

— И подумать только, как может свалиться сильный человек, а, док?

— Да, в самом деле над этим стоит задуматься, — сказал Пол.

Ровно час спустя Пол явился в полицию, притащив целую коробку из-под обуви своих отмененных привилегий.

Пока он дожидался, когда кто-нибудь обратит на него внимание, его заинтересовал стоявший под стеклом в одном из углов радиофотоаппарат, который как раз воссоздавал портрет разыскиваемого полицией человека и одновременно давал его краткую биографию. Портрет постепенно выползал из искровой щели машины — одна деталь за другой — сначала волосы, потом брови и одновременно слово: «РАЗЫСКИВАЕТСЯ», а затем снова большие карие глаза и имя: Эдгар Райс Бурроуз Хэгстром КРР-131313. Печальная история Хэгстрома появилась на уровне его носа: «Хэгстром паяльной лампой развалил на куски свой дом модели М-17 в Чикаго, а затем в голом виде направился к дому миссис Марион Фраскати, вдовы его старого друга, и потребовал, чтобы та вместе с ним ушла жить в леса. Миссис Фраскати отказалась, и он скрылся в птичьем заповеднике, расположенном рядом с жилым кварталом. Здесь ему удалось запутать следы и скрыться от полиции. Полагают, что он удрал, спрыгнув с дерева на проезжающий грузовик...»

— Эй! — сказал сидящий за столом сержант. — Протеус!

Регистрация заключалась в заполнении длинной и раздражающе запутанной и сложной анкеты, которая начиналась с его имени и с самого высокого из его классификационных номеров, обследовала причины, по которым он впал в немилость, требовала назвать имена его ближайших друзей и родственников, а завершалась присягой хранить верность Соединенным Штатам Америки. Пол подписал этот документ в присутствии двух свидетелей, а потом наблюдал за тем, как клерк-кодировщик переводит все им изложенное на язык перфорационной карточки, доступный пониманию машины. Потом появилась карточка с еще свежей краской и печатями.

— Вот и все пока, — сказал полицейский с погона-

ми сержанта. Он сунул карточку в прорезь, и она проделала сложный путь, пока не попала в толстую стопку аналогичных карточек.

— А что это все означает? — спросил Пол.

Сержант без особого интереса окинул взглядом стопку карточек.

— Потенциальные саботажники.

— Погодите-ка, что это здесь происходит? Кто вам сказал, что я отношусь к саботажникам?

— Да это никакого отношения лично к вам не имеет, — терпеливо пояснил сержант. — Никто о вас этого и не говорит. Все автоматизировано. Все делают машины.

— Так какое же у них право говорить обо мне такие вещи?

— Они знают, уж они-то точно знают, — сказал сержант. — Они ведут очень строгий учет. Они это делают со всеми, кто хотя бы четыре года провел в колледже и сидит без работы. — Он окинул Пола изучающим взглядом прищуренных глаз. — И вы очень удивились бы, доктор, насколько они правы в этом.

В помещение вошел детектив, весь потный и обескураженный.

— Есть что-нибудь новенькое по делу Фридмана, Сид? — спросил сержант, сразу же утратив интерес к Полу.

— Ничего. Все подозреваемые прошли детектор лжи без сучка и без задоринки.

— А ты проверял лампы?

— Ну, конечно. Мы взяли совершенно новую установку и проверили все контакты. То же самое. Все эти паршивцы, хотя любой из них с удовольствием прихлопнул бы Фридмана, оказались абсолютно невинными. — Детектив пожал плечами. — Ну что ж, придется опять побегать. У нас есть одна зацепка: сестра его сказала, что видела постороннего человека подле дома Фридмана за полчаса до того, как это случилось.

— Есть описание?

— Частичное. — Он повернулся к клерку-кодировщику. — Готов, Мак?

— Все готово. Валяй.

— Средний рост. Черные ботинки, синий костюм. Без галстука. Обручальное кольцо. Черные волосы, зачесанные прямо назад. Бритый. Бородавки на руках и на затылке. Чуть прихрамывает.

Пока детектив говорил, клерк, не изменяя выражения лица, нажимал на клавиши.

«Динга-динга-динга-динг!» — зацелкала машина, и появилась карточка.

— Герберт Дж. ван Антверп, — сказал Мак. — Бульвар Коллестера, сорок девять, пятьдесят шесть.

— Отлично сработано, — заметил сержант. Он взял со стола микрофон. — Машина 57, машина 57, отправляйтесь...

Когда Пол вышел на залитую солнцем улицу, черная полицейская машина с выключенной сиреной пропела новыми резиновыми покрышками по асфальту и свернула в аллею, ведущую за здание полицейского участка.

Пол с любопытством уставился на нее, когда она остановилась перед запертой дверью.

Из задней дверцы сияющей черным лаком машины выскочил полицейский и направил на Пола автомат.

— Ладно, ладно, нечего тут околачиваться.

Пол замешкался на секунду дольше, чем следовало, чтобы успеть мельком взглянуть на арестованного, который сидел в темной глубине машины между двумя полицейскими, тоже вооруженными автоматами.

— Иди, иди, проваливай! — снова крикнул полицейский Полу.

Полу не верилось, что полицейский настолько успеет выйти из себя, чтобы выстрелить просто в праздничношатающегося, и задержался еще на минутку. Его страх перед автоматом, уставившимся на него черным глазком, несколько уравновешивался страстным желанием увидеть человека, чье презрение к проторенным дорожкам в этом обществе было еще сильнее, чем у него.

Железная дверь участка с лязгом распахнулась, и три новых полисмена с оружием в руках появились в ожидании преступника. То, что преступник этот проведет несколько секунд в свободном пространстве

аллеи, было, по-видимому, делом настолько опасным, что полицейский, который пытался прогнать Пола, сейчас все свое внимание обратил на те восемь или десять квадратных футов, которые заключенному за какое-то мгновение предстоит пересечь. Пол заметил, что большой палец полицейского снял предохранитель автомата.

— И гляди, без всяких штук, слышишь? — произнес нервный голос внутри машины. — Выходи-ка!

И в следующую же секунду на свет божий вышел доктор Фред Гарт в изорванной рубашке Команды Синих, небритый, с расширившимися глазами, в наручниках и насмешливо улыбающийся.

Не успел Пол поверить собственным глазам, наблюдая эту бессмысленную сценку, как его старый товарищ по команде и по палатке, его дружок, человек, который был первым после него претендентом на Питсбург, оказался уже внутри участка.

Пол заторопился к фасаду здания и вбежал обратно в служебное помещение, где он только что заполнял анкеты и сдавал свои документы.

Сержант величественно глянул на него.

— Ну, чего там еще?

— Доктор Гарт — что он здесь делает?

— Гарт? Никакого Гарта у нас здесь нет.

— Я только что видел, как его подвезли к задней двери.

— Не-е-ет. — Сержант снова принялся за чтение.

— Послушайте, он один из моих лучших друзей.

— Видимо, такой же сукин сын, как и ты, — сказал сержант, не отрывая глаз от книги. — Проваливай.

Совершенно растерянный, Пол вышел на улицу и, оставив свой старый автомобиль у полицейского участка, зашагал вверх по направлению к главной улице Усадьбы, к салону у въезда на мост.

Часы на башне городского управления пробили четыре. С таким же успехом они могли пробить полночь, семь часов, час, для Пола это не имело никакого значения. Больше ему не нужно быть где-то и в какое-то время — никогда больше, надеялся он. Он сам придумывал себе цель, чтобы отправиться куда-то, но

шагал вообще бесцельно. Ни у кого нет к нему никакого дела, где бы то ни было. Экономика больше им не занималась. Его учетная карточка представляла теперь интерес только для полицейских машин, которые, как только его карточка попала к ним, отнеслись к нему с инстинктивным недоверием.

Пожарная помпа работала как обычно, и Пол присоединился к толпе. Вид быстро текущей воды несколько успокоил его. Он с интересом наблюдал за тем, как маленький мальчик делал бумажный кораблик, а потом за рискованным рейсом этого кораблика к неизбежной гибели в темном провале канализационного люка.

— Что, интересно, доктор?

Пол обернулся и увидел у своего локтя Элфи, телевизионную акулу.

— Вот здорово! А я думал, что вы на Лужке.

— А я полагаю, что вы там. Как ваша губа?

— Подживает. Но дает себя знать.

— Если это может доставить вам хоть малое утешение, док, могу вам сказать, что бармен все еще продолжает чихать.

— Да что вы? Это просто великолепно. А вас выставили?

— А вы разве не знали? Вышибли всех, весь обслуживающий персонал, после этой истории с деревом. — Элфи рассмеялся. — Они сами готовят себе пиццу, сами стелют постели, готовят площадки для гольфа и все остальное, каждый из них.

— Неужто каждый?

— Каждый, кто ниже управляющего заводами.

— А уборные они тоже чистят самостоятельно?

— О, только наиболее тупые из них, с ПИ ниже 140.

— Вот это да! И все равно продолжают игры, не так ли?

— Точно. В последнюю минуту я слышал, что Синие далеко оторвались от всех.

— Да неужто!

— Точно, они были настолько опозорены из-за вас, что готовы просто костыми лечь, но выиграть.

— А Зеленые?

— Зеленым крышка.

— Даже несмотря на Шеферда?

— Этого Джима Торпа? Да что там, он ведь вмешивается абсолютно во все и пытается самостоятельно завоевать каждое очко.

— Ну, и...

— Поэтому-то никто и не может заработать ни единого очка. Последнее, что я слышал, — это команда Шеферда пыталась убедить его, что у него какое-то вирусное заболевание и что ему следует провести пару дней в изоляторе. Нет, у него действительно что-то есть, это уж точно. — Элфи поглядел на часы. — Послушайте-ка, сейчас должна быть какая-то камерная музыка по седьмому каналу. Не хотите ли сыграть?

— Только не с вами.

— Нет, просто так, на фукса. Без денег. Я пытаюсь патаскивать себя на камерную музыку. Совершенно новая область. Пойдемте, доктор, попытаемся угадывать вместе. Вы будете следить за виолончелью и басом, а я за альтами и скрипками. Идет? Затем мы сравним наши наблюдения и объединим наши знания.

— Я поставлю пиво. Как вы насчет этого?

— Это будет здорово, очень здорово.

В сыром полумраке бара Пол разглядел парнишку, почти подростка, который с надеждой глядел на него из кабины. Перед пареньком на столе были разложены три ряда спичек: три в первом ряду, пять во втором и семь в третьем.

— Хелло, — приветствовал их парнишка со смущением и надеждой в голосе. — Это очень интересная игра. Игра заключается в том, чтобы заставить противника взять последнюю спичку. Вы можете брать сколько хотите спичек из любого ряда при каждом ходе.

— Ну что ж... — сказал Пол.

— Начинайте, — сказал Элфи.

— На два доллара? — нервно спросил юнец.

— Пусть будет на два. — И Пол взял одну спичку из самого длинного ряда.

Парнишка обеспокоенно поморщился и сделал ход.

Спустя три хода Пол оставил его уставившимся на последнюю спичку.

— Ну его, это дело, Элфи, ко всем чертям, — убито сказал он, — ты только погляди: я проиграл.

— Это твой первый день! — резко оборвал его Элфи. — Не теряй бодрости. Проиграл, и ладно. Ведь ты только начинаешь. — Элфи погрел парнишку по плечу. — Док, это мой младший братишка, Джой. Он только начинает. Армия и кррахи уже зарятся на него, но я пытаюсь приобщить Джоя к делу. Посмотрим, что получится из этих спичек, а если это у него не пойдет, подумаем о чем-нибудь другом.

— Я часто играл в эту игру в колледже, — сказал Пол извиняющимся тоном. — Поэтому у меня очень большой опыт.

— Колледж! — благоговейно протянул Джой, а затем радостно улыбнулся, как будто у него с плеч свалился тяжелый груз. — Господи, тогда все понятно. — Однако он вздохнул и снова уселся с мрачным видом. — Только не знаю, Элфи, я уже готов махнуть на все рукой и сдать. Давай будем смотреть правде в глаза — мозгов у меня маловато. — Он опять разложил ряды спичек и начал выбирать их, играя сам с собой. — Я все время работаю с ними и просто не вижу никакого улучшения.

— Конечно, ты работаешь! — сказал Элфи. — Все над чем-нибудь работают. Встают с постели — это тоже работа! Брать еду с тарелки и отправлять ее в рот — тоже работа! Но есть два вида работы — работа и упорная работа. Если ты захочешь выбиться, хочешь козырнуть чем-то, ты должен работать упорно. Выбрать что-нибудь невозможное и сделать именно это или уж оставаться пентюхом всю остальную жизнь. Конечно же, все работали во времена Джорджа Вашингтона, но Джордж Вашингтон работал упорно. Все работали во времена Шекспира, но Шекспир работал упорно. Я достиг своего, потому что работаю упорно.

— Ну ладно, — сказал Джой. — У меня, Элфи, нет для этого ни мозгов, ни наметанного глаза, ни сноровки. Может, мне все же лучше уйти в Армию?

— Но только прежде ты, мальчик, перемени свою фамилию и больше не подходи ко мне, — сурово сказал Элфи. — Каждый, кто носит фамилию Туччи, должен крепко стоять на ногах. Так было всегда и так будет впредь.

— Ладно, — сказал Джой, краснея. — Плохо все это получилось. Я попытаюсь еще пару дней.

— Ладно! — сказал Элфи. — Попробуй еще.

Когда Элфи заторопился к телевизору, Пол пошел вместе с ним.

— Послушайте, а не знаете ли вы, кто такой Фред Гарт?

— Гарт? — Элфи рассмеялся. — Раньше-то я, конечно, не знал, но теперь-то я его запомнил. Это тот человек, который окольцевал Дуб.

— Да что вы!

— Точно. И им даже в голову не приходило допросить его. Ведь он был членом комиссии, которая должна была заниматься допросами.

— Тогда как же они его поймали?

— Он сам себя выдал. Когда приехал хирург, который должен был оперировать дерево, Гарт в пьяном виде швырнул ему свои инструменты.

— Элфи! — сказал бармен. — Ты уже пропустил первый номер.

Элфи подтянул к себе высокий стул у стойки бара.

Пол присел рядом с ним и заговорил с барменом. Разговор их часто прерывался, потому что Элфи все время просил бармена то включать, то выключать звук.

— Финнерти не видели? — спросил Пол.

— Пианиста?

— Да.

— А что, если видел?

— Просто мне нужно было бы с ним повидаться. Это мой старый друг.

— Многие хотели бы повидаться с Финнерти в эти дни.

— Гм. А где он сейчас?

Бармен оценивающим взглядом окинул Пола.

— Никто не видит Финнерти в эти дни.

— О? Разве он больше не живет у Лэшера?

— Что это вас сегодня так и расширяет от вопросов? Никто не видит Лэшера в эти дни.

— Понимаю, — сказал Пол, хотя он так ничего и не понял. — Они выехали из города?

— Кто их знает? Ну, так что вам?.. Вы у меня не один. Что будете заказывать?

— Бурбон и воду.

Бармен смешал напиток, поставил его перед Полом и повернулся к нему спиной.

Пол выпил за здоровье своих враждебно к нему настроенных либо равнодушных товарищей по новой, избранной им жизни, закашлялся, потом улыбнулся, недоуменно причмокнув губами, пытаясь определить, что же это с напитком, и без сознания свалился с высокого стула у стойки.

XXVIII

«Из синей Кэйюги», — тянули молодые голоса весенним вечером.

Из страны холмов и лесистых долин
Доносится, звенит повесть о славе Корнелля...

Доктор Гэролд Роузберри, ПИ-002, выложил рядышком два документа на чистую полированную поверхность своего письменного стола розового дерева. Этот стол, достаточно обширный для того, чтобы служить посадочной площадкой для вертолета, был подарком бывших питомцев Корнелля, о чем свидетельствовала надпись на серебряной пластинке, прикрепленной к одному из углов. Причина этого щедрого подарка была живописно изложена в виде художественной инкрустации: счет очков футбольной команды Биг-Ред за истекшие пять спортивных сезонов. Таким образом, археологам грядущего не придется ломать головы над этой проблемой.

С востока и запада громовое эхо, —

вторят этим призывам, вопят юные голоса, и доктору Роузберри страшно трудно сосредоточиться на двух

документах, лежащих перед ним: напоминании декана, странного человека, странного даже для этой довольно странной части университета, и письме пятилетней давности от критиканствующего выпускника, который возражал против поведения команды в свободное от игр время. В напоминании декана говорилось, что мистер Юинг Дж. Холтъярд прибыл в город, с тем чтобы показать университет шаху Братпура и попутно сдать задолженность семнадцатилетней давности по физическому воспитанию. В напоминании предлагалось также доктору Роузберри выделить одного человека из его штата для приема выпускного экзамена по физической культуре у доктора Холтъярда утром следующего дня.

Чемпион среди чемпионов Корнелль победоносный! — доносились голоса.

Последние слова песни доктор Роузберри воспринимал несколько иронически. «Еще бы не победоносный, да только длится это уже пять лет», — пробормотал он в пустоту кабинета. Но теперь надвигался новый год, который никак не мог быть отражен в инкрустациях на розовом дереве. «Завтра, завтра, завтра», — устало добавил Роузберри. Каждый проигрыш первой группы грозил ему снижением квалификации до ПИ-003, а всего лишь два проигрыша сделают это наверняка. Иельский и Пенсильванский университеты сейчас в отличной форме. Иель перекупил у Техаса всю защиту, а Пен переманил к себе Бреслоу из Висконсина за 43 тысячи долларов.

Роузберри застонал. «Кой черт, до каких же пор человек может играть в футбольной команде колледжа?» — хотелось бы ему знать. Шесть лет назад Корнелль купил его у Уобаш-колледжа и предложил Роузберри изложить свои соображения относительно подбора идеальной, по его мнению, команды. И тогда, клянусь богом, они купили их всех и передали под его начало.

«Но, черт побери, разве, купив их, они обеспечили себя на вечные времена? — вопрошал он себя. — Думают, что игрок сделан из стали и камня? Всю жизнь,

что ли, он может играть?» С тех пор они не приобрели даже мальчишки, подносящего воду, и средний возраст в команде Биг-Ред теперь приближался к тридцати одному году.

Высоко над волнами Кайюги
С ее синими волнами
Стоит наша благородная альма матер,
Являя славный вид... —

доносились слова песни.

«Еще бы не благородная, — сказал доктор Роузберри. — А поинтересовались ли эти скоты, кто платит за все это? Футбольная команда окупила себя за первые же два года. За последующие три на доходы с нее было оплачено строительство нового здания химического факультета, лаборатории теплоты и электричества, нового административного здания, агрономического отделения, а также введение четырех новых кафедр: кафедры философии созидательного инженерного дела, кафедры истории созидательного инженерного дела, кафедры созидательных общественных отношений для инженеров и кафедры созидательного инженерного дела и потребления».

Роузберри, который, казалось бы, не должен был обращать ни малейшего внимания на чисто академическую сторону университетской жизни, вел все же самый кропотливый учет всем этим усовершенствованиям, которые были введены с того момента, как он вместе со своей футбольной командой забрался высоко над водами Кайюги. В предвидении неудачного сезона он набрасывал в уме полемическое письмо, адресованное выпускникам, в котором академические расходы выглядели бы довольно ярко. Первую строчку этого письма, которая должна была следовать сразу же за обращением: «Спортсмены!», он уже окончательно отшлифовал и с удовольствием представлял ее себе набранной заглавными буквами:

«НАМЕРЕН ЛИ КОРНЕЛЛЬ ПОСТАВИТЬ ФУТБОЛ НА ДЕЛОВЫЕ РЕЛЬСЫ ИЛИ ОН СОБИРАЕТСЯ ПРЕВРАТИТЬ БИГ-РЕД В ТОЩИХ БЕЛЫХ?»

И тут же перед ним возникло следующее предложение: **«ЗА ПОСЛЕДНИЕ ПЯТЬ ЛЕТ НИ ОДНОГО**

ЦЕНТА НЕ БЫЛО ВЛОЖЕНО В ЭТО ПРЕДПРИЯТИЕ И НИ ОДНОГО ЦЕНТА НЕ ОТЛОЖЕНО НА АМОРТИЗАЦИЮ».

Он понял, что всю его статью пришлось бы набирать только заглавным шрифтом. Да, положение сложилось такое, что письмо это должно быть действительно с изюминкой.

Зазвонил телефон.

— Доктор Роузберри слушает.

— Это говорит Бак Юнг, доктор. Я вот получил записку, вы просили, чтобы я вам позвонил. — Голос был хриплый от смущения, в точности такой, как доктор Роузберри и предполагал. Он легко мог себе представить, как Бак несколько минут просидел у телефонного аппарата с его запиской в руке, прежде чем решился набрать номер. «Теперь, когда Бак зашел уже так далеко, — сказал себе доктор Роузберри, — он не остановится на полпути».

— Да, да, — отозвался Роузберри, очаровательно улыбаясь. — Бак, мой мальчик, как дела?

— Отлично, а вы что надумали?

— Может, будет лучше, если я спрошу, что ты надумал?

— У меня на уме только термодинамика. Испытание на удар. Текучесть жидкостей. Дифференциальные уравнения.

— Ах, — сказал Роузберри, — почему бы тебе не позволить себе маленькую вольность и не выпить со мной пива у датчан? Ты услышишь, какие у меня есть для тебя новости, и, возможно, тебе придет в голову и кое-что иное.

Бодрей, бодрей, мы снова здесь,
Чтоб вновь набраться бодрости... —

пели голоса, и доктор Роузберри нетерпеливо пережидал, когда они кончат. Если уж решили проводить футбольные сборы, то могли бы подыскать себе какое-нибудь отдельное местечко, где не беспокоили бы ни его, ни его команду. Было в действиях Корнелля еще одно соображение.

Корнелль настолько стремился к экономии, что,

выгадывая какую-то жалкую сумму, он разместил своих спортсменов прямо здесь, не снимая для них отдельного домика.

— Подождите минутку, Баки, мой мальчик, пока они заткнутся и я способен буду услышать хотя бы собственные мысли.

...Бодрей, бодрей, мы снова здесь,
Чтоб поддержать Красных и Белых.

«Либо Корнелль станет придерживаться новых, более прогрессивных взглядов на это дело, либо все полетит в тартарары, — решил про себя Роузберри. — Взять хотя бы Теннесси — у них вполне прогрессивный подход. Уж свою-то команду они отправили в Майами Бич, и, конечно, нет ничего странного в том, что Миланкович пошел к ним за 35 тысяч долларов, после того, как отказал предлагавшему ему 40 тысяч Чикаго».

— Ну вот, Баки, я опять слышу. Что ты скажешь насчет того, чтобы мы с тобой встретились в Датском ресторанчике и в ускоренном темпе пропустили парочку пива минут эдак через пятнадцать?

Голос в трубке прозвучал вяло и неохотно.

— Только на полчаса, не больше.

Доктор Роузберри на стоянке подле спортивного комплекса уселся в свою черную машину и поехал к дому студенческой общины Дельта-Ипсилон, где на спортивной площадке он впервые увидел Бака Юнга в матче между двумя студенческими общинами. И там Юнг проделывал ради этой Дельты-Ипсилон вещи, за которые любое учебное заведение страны без звука уплатило бы по 50 тысяч долларов в год, причем проделывал он их совершенно бесплатно.

Это было прошлой осенью, и ДИ выиграла со счетом 450 : 6 и стала чемпионом. Юнг набрал тогда 390 очков, и с его подачи было набрано еще 54 очка, остальное можно было отнести за счет игры Джорджа Уорда, чье имя каким-то непостижимым образом запало в память Роузберри наряду с остальными, чисто статистическими выкладками.

Но когда Роузберри попытался поговорить с Юн-

гом, тот твердо заявил, что в футбол играет исключительно ради собственного удовольствия и намерен стать инженером. Год назад, когда у Биг-Ред не было сколько-нибудь серьезных противников на всем Востоке, когда выпускники Йеля и Пена еще только пытались мобилизовать свои ресурсы, Роузберри мог себе позволить посмеяться над мечтами юноши о карьере инженера. Однако сейчас ничего забавного в этом уже не было, и Роузберри видел в Юнге последний шанс удержать за собой ПИ-002 в условиях идиотской экономической политики Корнелля по отношению к футбольной команде. Он, Роузберри, продаст пару рядовых игроков Гарварду, который по дешевке охотно купит что угодно, а за эти деньги можно будет купить Юнга по цене намного ниже рыночной.

В Датском ресторане, деревянная обшивка стен которого, пропитанная дыханием многих поколений пьяниц, выглядела старой, было шумно илюдно, причем почти подле каждого из посетителей стоял стакан с приличествующим в данном сезоне питьем — бенедиктином или адской водицей с веточкой мяты в ней.

Доктора Роузберри радостно приветствовали со всех сторон. Он улыбался и очень мило краснел, а в душе вопрошал самого себя и историю: «Черт побери, что может быть общего между этими сопляками-инженерами и мною?» Он протолкался сквозь толпу, предъявлявшую на него претензии по не совсем понятным ему причинам, к кабине в темном углу, где Пэди и Мак-Клауд, рядовые игроки, которых он собирался продать Гарварду, ворковали над единственной кружкой вечернего пива, разрешенной им на сон грядущий во время тренировок. Разговаривали они очень тихо, но мрачно, и, когда доктор Роузберри приблизился к ним, они поглядели на него, но ни один из них не улыбнулся.

— Добрый вечер, мальчики, — сказал доктор Роузберри, усаживаясь на краешек скамьи рядом с Мак-Клаудом и не сводя глаз с входной двери, в которой должен был появиться Бак Юнг.

Оба кивнули в ответ и возобновили прерванный разговор.

— Нет никаких причин, — сказал Мак-Клауд, — чтобы человек не мог играть в студенческой команде до сорока лет, если только он содержит себя в форме. — Мак-Клауду было тридцать шесть лет.

— Конечно, — мрачно согласился с ним Пэди, — у человека постарше уже появляется солидность, которой никогда не бывает у молодых. — Пэди было тридцать семь.

— Возьми хотя бы Московича, — сказал Мак-Клауд.

— Точно. Ему уже сорок три, а он все еще в полной силе. И не вижу, почему бы ему не играть до пятидесяти. И по-моему, все так могут.

— Держу пари, что отправься я сейчас к кррахам, я набрал бы из ребят, которым сейчас уже за сорок и о которых думают, что они уже вышли в тираж, отличную команду, и она взяла бы первенство.

— Планк, — сказал Пэди, — Позницкий.

— Мак-Каррен, — сказал Мак-Клауд. — Мирро, Мэллон. Разве не так, док? — как бы невзначай обратился он с вопросом к Роузберри.

— Конечно, почему бы нет? Надеюсь, что так. Я с удовольствием взялся бы за такую команду.

— Угу, — сказал Мак-Клауд. Он посмотрел на свое пиво, допил его одним глотком и вопросительно взглянул на Роузберри. — Ничего, если я выпью сегодня еще кружечку?

— Конечно, почему бы не выпить? — сказал Роузберри. — Я даже сам вам поставлю.

Мак-Клауд и Пэди почувствовали себя немножко неловко, и оба, не стовариваясь, подумали, что перед лицом надвигающегося столь важного для Биг-Ред спортивного сезона им следовало бы все же держать себя в форме.

Роузберри ни словом не поддержал этот их порыв.

— Лучше бы вам не очень налегать на эту штуку, — сказал какой-то студент, косясь на две новые бутылки пива. — Не стоит этого делать, если Корнелль и впредь собирается сохранить за собой ведущее место в первой лиге...

Пэди так глянул на него, что юнец поскорее нырнул в толпу.

— То они просят, чтобы ты вышел и напряг руки и ноги, а они, мол, пощупают твои мышцы и убедятся, как здорово будет выглядеть Корнелль на поле, то секунду спустя они требуют, чтобы ты вел себя как миссионер какой-то, — с горечью заметил Пэди.

— Просто как в Армии, — сказал Мак-Клауд.

Слова эти напомнили доктору Роузберри о письме и просьбе декана, с которыми он ознакомился в своем кабинете, и он похлопал по внутреннему карману, чтобы удостовериться, что бумаги все еще там.

— Точно, как в Армии, — сказал Пэди, — только без пенсии за выслугу лет.

— Вот именно, ты отдаешь лучшие свои годы какому-то колледжу, а как же они, черт бы их побрал, относятся к тебе, когда ты сходишь со сцены? Выставляют тебя прямехонько в кррахи. И вались ты ко всем чертям.

— Возьми хотя бы Куско, — сказал Пэди.

— Погиб парень за славный добрый Рутгерс, а что досталось его вдове?

— Ничего! Ничего не досталось, кроме спортивного халата с большим «Р» на нем, который она может использовать в качестве одеяла, да еще правительственная пенсия.

— Ему нужно было откладывать деньги! — сказал доктор Роузберри. — Он получал больше президента колледжа. Каким же это образом он оказался таким бедным? Кто в этом виноват?

Пэди и Мак-Клауд поглядели на свои большие руки и нервно заерзали на своих стульях. Оба они в свои лучшие годы получали столько же, сколько покойный Бадди Куско, который действительно погиб, защищая честь Рутгерса. Но оба они сидели на мели, вечно сидели на мели, хотя в свое время они построили себе стильные загородные домики на плоскогорье Кайюга, каждые полгода покупали новые машины, великолепно одевались.

— Вот в том-то и дело, — жалобно сказал Мак-Клауд. — Спортсмен обязан поддерживать свой авто-

ритет. Ясно, все считают, что спортсмен выколачивает массу денег, и это действительно так выглядит, да только на бумаге. Но люди всегда думают, что денег у него куры не клюют. Вот он и позволяет себе шикануть.

Пэди только кивнул в знак согласия.

— За кого выпьем? — риторически спросил он. — За трудную жизнь спортсмена?

— За Корнелль, — сказал Мак-Клауд.

— И пропади он пропадом! — сказал Пэди. Он выпил и с удовлетворением откинулся на спинку.

Бак Юнг, высокий, массивный и застенчивый, появился в дверях и оглядывал сидящих в зале. Доктор Роузберри сорвался с места и, оставив Пэди и Мак-Клауда, бросился к юноше, приветливо махая рукой.

— Баки, мой мальчик!

— Док.

Казалось, что Бак немного стесняется того, что его видят рядом с тренером, и оглядывался по сторонам в надежде отыскать свободную кабинку. Он вел себя так, будто у него назначено свидание с торговцами наркотиками, и в какой-то степени, как с удовольствием подумал доктор Роузберри, так оно и было.

— Бак, я не хочу понапрасну тратить слов, потому что у нас не так-то уж много времени. Подобное предложение не может повиснуть в воздухе на много дней. Боюсь, что решать нужно не позднее сегодняшнего дня. Все зависит от выпускников, — солгал он.

— Угу, — сказал Бак.

— Я готов предложить тебе тридцать тысяч, Бак, это получается по шесть сотен в неделю в течение всего года, начиная с завтрашнего дня. Что ты на это скажешь?

У Юнга задвигался кадык. Он откашлялся.

— Каждую неделю? — слабым голосом осведомился он.

— Видишь, как высоко мы тебя ценим, мой мальчик. Ох, смотри, не прогадай.

— А я смогу продолжать учиться? Дадите ли вы мне время для посещения лекций и занятий?

— Ну, знаешь ли, на этот счет имеется очень

строгая инструкция. Ты не можешь играть в футбольной команде колледжа и одновременно с этим посещать занятия. Было время — пытались это совмещать, да только ничего хорошего из этого не получилось.

Толстыми пальцами Бак взъерошил волосы.

— Господи, ей-богу, я и сам не знаю, что сказать. Это очень большие деньги, но мои родные будут страшно удивлены и расстроены. Я хочу сказать...

— Я ведь не ради себя уговариваю тебя, Бак! Подумай о своих товарищах по колледжу. Неужели ты хочешь, чтобы они в этом году проиграли?

— Нет, конечно, — пробормотал тот.

— Тридцать пять тысяч, Бак.

— Господи, но...

— Я слышал каждое ваше слово, — проговорил вдруг рыжий молодой человек. Он пил не бенедиктин или адскую воду, вместо этого он расплескал по столу виски с содовой, усаживаясь без приглашения рядом с Баком лицом к доктору Роузберри. Из-за расстегнутого воротника его рубашки явственно выглядывала красная безрукавка Лужка.

— Я все слышал, — сказал он и мрачно опустил руку на плечо Бака. — И вот ты оказался на распутье, мой мальчик. Теперь не так уж много осталось путей для людей. Ничего не осталось, кроме прямого пути с утесами по обочинам.

— Да кто вы такой, черт побери? — раздраженно проговорил доктор Роузберри.

— Доктор, не забывайте, доктор Эдмунд Л. Гаррисон, Заводы Итака. Называй меня Эд или гони пять долларов.

— Уйдем от этого пьяницы, — сказал доктор Роузберри.

Гаррисон грохнул кулаком по столу.

— Выслушайте меня! — он обращался только к Баку, загораживая ему выход. — Достопочтенный доктор Роузберри представляет здесь один путь, а я — второй. Я — это ты, если ты будешь продолжать свои занятия и протянешь еще пять лет.

Глаза его были полузакрыты, он был пьян до того, что, казалось, готов был вот-вот разразиться слезами,

настолько сильно в нем выиграло стремление относиться ко всем с любовью и заботой.

— Если ты хороший человек и при этом думающий, — сказал он, — отбитые на стадионе почки не причинят тебе такой боли, как жизнь инженера и управляющего. При такой жизни, уж можешь мне поверить, люди, думающие и чувствующие, готовые признать за другими право на странности, умирают тысячами смертей.

Доктор Роузберри откинулся на спинку скамьи, скрестив руки на своем плоском и мускулистом животе. Разговор ему начинал все больше и больше нравиться. Он понимал, что найми он профессионального актера для обработки Бака, тот бы содрал с него баснословную сумму за такую сценку, которую сейчас совершенно бесплатно разыгрывает доктор Гаррисон.

— Что вы хотите сказать? — спросил он в надежде на дальнейшие откровения.

— Лучший человек из всех, кого я видел на Лужке...

— На Лужке? — благоговейно переспросил Бак.

— Да, на Лужке, — сказал Гаррисон, — где люди, идущие во главе процессии цивилизации, демонстрируют на личном примере, что их умственные способности остались на уровне десятилетнего возраста и что они к тому же не имеют ни малейшего понятия о том, что творят они с миром.

— Они распахивают двери перед процессией! — горячо возразил Бак, шокированный этим разговором, так явно отдающим саботажем, пытаясь подыскать наиболее веские аргументы, подобающие хорошему гражданину. Эту звучную фразу он услышал на вводной лекции, когда вновь поступающих знакомили с программой обучения, лекции, на которой наиболее запомнившимся ему докладчиком был доктор Кронер.

— Они захлопывают дверь перед любым и каждым, — сказал Гаррисон. — Вот что они делают.

— Говорите немного потише, — предупредил доктор Роузберри.

— А мне все равно, — отрезал Гаррисон, — особен-

но после того, что они сделали с единственным взрослым человеком в этом собрании недорослей. Они выставили Протеуса, вот что они сделали!

— Да Протеус умер много лет назад, — сказал Бак, уверенный, что теперь-то ему удалось поймать Гаррисона на лжи.

— Это его сын, его сын Пол, — сказал Гаррисон. — Так вот что я тебе скажу, мой мальчик, — иди и получи свои деньги на стадионе, и пусть будут синяки, боль и кровь. В этом есть и честь и слава — пусть не большая на худой конец, — но ты никогда не возненавидишь самого себя. И уж во всяком случае, держись подальше от этих первых рядов процессии, где ты тут же заработаешь по шее, если только вообще не свернешь ее себе на всех взлетах и падениях, ожидающих тебя, когда ты будешь возглавлять целый выводок фабрик. — Он попытался подняться, но с первого раза ему это не удалось, и он сделал вторую попытку. — Во всяком случае, желаю счастливого пути.

— Куда же вы? — сказал доктор Роузберри. — Посидите с нами.

— Куда? Прежде всего отключить ту часть Заводов Итака, за которую я отвечаю, а затем на какой-нибудь остров или в какую-нибудь хижину в северных лесах, в лачугу в Эвглейдс.

— И что там делать? — спросил Бак пораженный.

— Что делать? — спросил Гаррисон. — Делать? Вот в этом-то и вся суть, мой мальчик. Все двери закрыты. Делать нечего, кроме как пытаться подыскать себе тихую гавань, без машин и без автоматов.

— А что вы имеете против машин? — сказал Бак.

— Они рабы.

— Ну, так в чем же дело? — сказал Бак. — Я хочу сказать, машины ведь не люди. Они прекрасно могут работать.

— Конечно, могут. Но ведь они к тому же еще и соревнуются в этом с людьми.

— Да ведь это же очень здорово, учитывая, что они избавляют людей от многих неприятных работ.

— Каждый, кто вступает в соревнование с рабом, сам раб, — тихо сказал Гаррисон и вышел.

Брюнет в студенческой форме, выглядящий, однако, значительно старше, отодвинул свой нетронутый бенедиктин и адскую воду на стойке бара. Он внимательно пригляделся к лицам Роузберри и Юнга, как бы стараясь запомнить их, а затем вслед за Гаррисоном покинул ресторан.

— Давай выйдем в вестибюль, там мы сможем поговорить спокойно, — сказал Роузберри, когда снова начался цикл песенок.

«Бодрей, бодрей, мы снова здесь...» — завели молодые голоса, и Юнг с Роузберри двинулись по направлению к вестибюлю.

— Ну, — сказал доктор Роузберри.

— Я...

— Доктор Роузберри, если я не ошибаюсь?

Доктор Роузберри поглядел на помешавшего им человека с усами песочного цвета, в сиреневой рубашке, с бутоньеркой такого же цвета и в ярком жилете, контрастирующем с темным костюмом.

— Да.

— Моя фамилия Холъярд, Холъярд Э. Ю., я из госдепартамента. А вот эти джентльмены — шах Братпура и его переводчик Хашдрахр Миазма. Мы как раз собирались направиться в дом директора университета, но тут я заметил вас.

— Я в восторге, — сказал доктор Роузберри.

— Брахоус брахоуна, боуна саки, — сказал шах, чуть заметно поклонившись.

Холъярд нервно рассмеялся.

— Я полагаю, что нам предстоит обстричь завтра утром небольшое дельце, не так ли?

— О, — сказал Роузберри, — вы, следовательно, тот, кто должен сдавать экзамены по физподготовке?

— Вот именно, вот именно. Я уже несколько недель не держал и сигаретки во рту. Это отнимает много времени?

— Нет, не думаю. Пятнадцать минут будет вполне достаточно.

— О? Так быстро? Ну, вот и отлично. — Теннисные туфли и шорты, которые Холъярд купил сегодня, не успеют истрепаться за эти несколько минут.

— О, виноват, джентльмены, — сказал Роузберри. — Разрешите вам представить Бака Юнга. Он наш студент.

— Лакки-ти такару? — спросил шах юношу.

— Нравится вам здесь? — перевел Хашдрахр.

— Да, сэр. Очень нравится, сэр, ваше высочество.

— Да, большие перемены произошли здесь со времени моего студенчества, — сказал Холъярд. — Клянусь богом, нам ведь приходилось вставать рано утром, подыматься на холм в любую погоду и сидеть в залах, выслушивая скучнейшие лекции. Ну и конечно, какому-то бедняге приходилось стоять перед всеми нами и бубнить по шесть дней в неделю, и чаще всего получалось, что он был плохим оратором и совсем уж никаким актером.

— Да, профессиональные актеры и телевизионные передачи значительно улучшили дело образования, сэр, — сказал Бак.

— А экзамены! — сказал Холъярд. — Сейчас это очень здорово, сами знаете, подбираешь ответы, а затем тут же узнаешь, сдал ты или нет. Милый мой мальчик, нам-то ведь приходилось писать столько, что просто руки отваливались, а потом еще надо было дожидаться целыми неделями, пока профессор примет у тебя экзамен. И часто получалось так, что они еще и ошибались в отметках.

— Да, сэр, — вежливо согласился с ним Бак.

— Ну, значит, завтра я повидаю кого-нибудь из ваших ассистентов, не так ли? — сказал Холъярд, обращаясь к Роузберри.

— Я полагаю, что мне следует лично заняться вашими экзаменами, — сказал Роузберри.

— Чудесно! Я это рассматриваю как большую честь, особенно учитывая приближение спортивного сезона.

— Это уж точно, — сказал Роузберри. Он полез в нагрудный карман и достал письмо и напоминание. Письмо он протянул Холъярду. — Это вот вам следует прочесть, прежде чем вы придете ко мне.

— Отлично, благодарю вас.

Холгъярд взял письмо, полагая, что это список упражнений, которые ему предстоит выполнить на экзаменах. Он тепло улыбнулся Роузберри, который столь ясно дал ему понять, что доктору Холгъярду предстоит выполнить исключительно простой и короткий комплекс упражнений. «Каких-нибудь пятнадцать минут, — сказал он. — И этого будет вполне достаточно».

Холгъярд мельком взглянул на письмо и вначале никак не мог сообразить, что же это такое. Письмо было адресовано президенту Корнелля, доктору Альберту Харперсу, а вовсе не ему. Более того, дата на письме была пятилетней давности.

«Дорогой доктор Харперс, — говорилось в письме, — мне представилась возможность поглядеть на людей, носящих форму Красных и Белых, после их игры с Пенсильванским университетом в Филадельфии на Празднике Благодарения, и я вынужден заявить: мне стыдно было бы сказать кому-либо, что я бывал ближе чем в пятидесяти милях от Итаки.

После игры я зашел пообедать в Кибернетический клуб, когда команда нашего университета во главе с вашим новым приобретением, пресловутым доктором Роузберри, прибыла туда в полном составе...»

Далее в письме шло описание последовавшей за этим вакханалии и особо подчеркивалось явно неприличное поведение Роузберри...

«...Позволю себе еще раз напомнить вам, что поскольку все они носили те цвета, которые, уж вы простите меня за некоторую старомодность, я всегда считал для себя чем-то святым, — цвета спортивной формы Биг-Ред...

...Исходя из всего вышесказанного, доктор Харперс, я считаю себя обязанным в качестве лояльного питомца Корнелля заявить, что уже первый год работы доктора Роузберри в качестве тренера Биг-Ред приводит к выводам, что команда эта стоит на дурном пути и что в случае дальнейшего пребывания Роузберри на этом посту глубокое моральное разложение команды нанесет большой ущерб тому учреждению, которое я всегда с гордостью называл своей альма матер, и целый

ряд спортивных побед на стадионах не будет в состоянии его исправить...

Я продолжаю питать самые горячие надежды на то, что либо Роузберри прикажут оставить этот пост, либо под давлением возмущенных питомцев Корнелля он будет переведен в какое-нибудь третьестепенное учебное заведение.

Именно с этой целью я направляю копии этого письма Секретарю Союза Питомцев, в каждое из местных отделений Питомцев Корнелля, попечительскому совету и Секретарю Управления по делам спорта в Вашингтоне.

Искренне преданный вам
Доктор Юинг Дж. Холъярд».

— О, — сказал доктор Холъярд, вся напыщенность которого моментально куда-то улетучилась и который вдруг стал очень странно выглядеть в своем наряде, всего какую-то минуту назад казавшемся верхом элегантности. — Вы видели это письмо, не правда ли?

— Доктор Харперс полагал, что оно может заинтересовать меня.

Вымученная улыбка приоткрыла белые зубы Холъярда.

— Да, давненько это было. Не правда ли, доктор? Чуть ли не целую сотню лет назад.

— А по мне — словно это было вчера.

— Ха, ха. Много воды прошло с тех пор. Правда ведь?

Шах вопросительно посмотрел на Хашдрахра, как бы спрашивая у него, что же это заставило так неожиданно потускнеть мистера Холъярда. Хашдрахр в ответ только пожал плечами.

— Много л е т прошло, — поправил Бак Юнг, почувствовав, что разговор принял какой-то мрачноватый оттенок. — А воды у т е к л о.

— Да, да. Именно так, — глухо согласился с ним Холъярд. — Ну, нам, пожалуй, лучше всего трогаться. Увидимся завтра утром.

— Такого зрелища я не пропущу ни за что на свете. Доктор Роузберри снова повернулся в Баку Юнгу.

Тем временем Холъярд с мрачным видом повел шаха и Хашдрахра в темную ночь над Итакой. Шах ожесточенно чихал по пути.

— Итак, мой мальчик, — сказал Роузберри, — что же ты скажешь относительно тридцати пяти тысяч? Да или нет?

— Я...

— Тридцать шесть...

— Да, — прошептал Бак. — Да, и пусть все катится к чертям.

Когда эта пара вернулась в Датский ресторанчик обмыть сделку, Пэди и Мак-Клауд все еще продолжали свой невеселый разговор в темном углу.

— Конечно, — сказал Пэди, — с Роузберри работать трудно, но тут еще приходится благодарить бога за то, что ты не работаешь на Гарвард.

Мак-Клауд кивнул.

— Да, если работаешь там, они не разрешают тебе ничего надевать, кроме темного фланелевого тренировочного костюма зимой и простого трикотажного летом.

Обоих передернуло от отвращения, и они тут же наполнили свои стаканы из спрятанного под столом запаса.

— И к тому же без рукавов, — добавил Пэди.

XXIX

Доктор Пол Протеус, а практически просто мистер Пол Протеус, находясь под действием безвредного наркотика, не видел ничего, кроме очень приятных снов, и одновременно с этим говорил не особенно связно, но зато вполне искренне, на любые предложенные ему темы. Весь этот разговор, все эти ответы на вопросы велись в таком тоне, будто задавали их человеку, нанятому представлять Пола перед его собеседниками в то время, как сам Пол все свое внимание сосредоточил на очень милой и увлекательной фантазмагории, упрятанной от посторонних глаз его закрытыми веками.

— Вас действительно выгнали или это было сделано для вида? — спросил голос.

— Для вида. Считалось, что это нужно для того, чтоб я вступил в Общество Заколдованных Рубашек и выведал их планы. Да только я на самом деле ушел от них, а они все еще об этом не догадываются. — Пол рассмеялся.

А в своем сне Пол с удивительной энергией и легкостью танцевал под чарующие ритмы «Сюиты здания 58».

«Фуррразов-ов-ов-ов-ов-ов! Ау! Тинг!» — вела мелодию третья группа токарных станков, и Пол выделялся пируэты среди машин в центре здания. Анита соблазнительно прилегла в гнезде из изоляционной обмотки всех цветов радуги. Ее роль в танце как раз и сводилась к неподвижному лежанию, в то время как Пол то приближался к ней, то удалялся от нее в бешеном ритме танца.

— А почему вы бросаете работу?

— Меня от нее мутит.

— Это происходит потому, что то, что вы делаете, плохо в моральном отношении? — высказал предложение голос.

— Потому что это никого никуда не ведет. Потому что это все заводит в тупик.

— Потому что это дурно? — настаивал голос.

— Потому что это бессмысленно, — сказал представитель Пола как раз в тот момент, когда к танцу присоединился Кронер. Он выглядел очень важным и приземистым, его балетная партия заключалась в размеренном вышагивании под аккомпанемент прессов, расположенных в подвальном помещении: «Оу-грумф! Тонка-тонка! Оу-грумф! Тонка-тонка...»

Кронер с любовью поглядел на Пола и, когда тот проплывал мимо, ухватил его и в медвежьих своих объятиях потащил к Аните. В какую-то долю секунды Пол выскользнул из его объятий и снова закружился в танце, оставив Кронера плакать рядом с Анитой.

— Значит, вы теперь против организации?

— Теперь я уже не с ними.

На подъемной площадке, ползущей вверх из подвала, появился неуклюжий, но энергичный Шеферд, который выбрал темой своего танца произвольные голо-

са сварочных машин: «Вааааа-зузип! Вааааа-зузип!» Шеферд отбивал такт одной ногой, следя за вращениями Пола, снова удалявшегося от Кронера, и за еще одной его попыткой выманить Аниту из ее гнезда среди машин. Шеферд глядел на все это с удивлением и явным неодобрением, а потом пожал плечами и решительно направился к Кронеру с Анитой. Вся тройка разместилась в гнезде, сплетенном из проводов, и оттуда следила за движениями Пола настороженно и пристально.

Неожиданно окно, подле которого Пол проделывал свои пируэты, распахнулось, и в щель просунулось лицо Финнерти.

— Пол!

— Да, Эд?

— Теперь ты на нашей стороне!

«Сиюта здания 58» неожиданно оборвалась, и опустился черный занавес, отгораживая Пола ото всего, кроме Финнерти.

— Ммм?.. — сказал Пол.

— Теперь ты с нами, — сказал Финнерти. — Раз ты не с ними, значит, ты с нами.

Теперь у Пола разболелась голова, и губы сразу же пересохли. Он открыл глаза и увидел Финнерти, вернее его лицо, огромное и деформированное из-за того, что было вплотную придвинуто к его лицу.

— С кем? Кто это вы?

— Общество Заколдованных Рубашек.

— Ах, с ними. А что они задумали, Эд? — сонно спросил Пол. Он лежал на матрасе, это ему было ясно, в каком-то помещении с таким плотным и влажным воздухом, точно на него сверху давила какая-то масса. — Так что же они думают, Эд?

— Что мир должен быть возвращен людям.

— Это уж во всяком случае, — сказал Пол, сделав попытку кивнуть. Только мускулы его очень вяло подчинялись нервам, а его воля, в свою очередь, была очень вялой и недейственной.

— Люди должны заполучить его обратно.

— И ты нам в этом поможешь.

— Угу, — пробормотал Пол. Он ко всему сейчас от-

носился с исключительной терпимостью, под влиянием наркоза он был преисполнен восхищения и доброжелательного отношения ко всем людям, имеющим убеждения, людям с воинственным духом. Совершенно очевидно, что никаких немедленных действий от него и не ожидали. И Финнерти снова начал расплываться. Пол снова продолжал свой танец в здании 58, бог знает зачем, не вполне уверенный в том, что где-то здесь есть зрители, способные оценить по достоинству его выступление.

— Что ты думаешь? — донеслись до него слова Финнерти.

— Он отлично справится, — услышал Пол и распознал голос Лэшера.

— Что такое Заколдованная Рубашка? — выговорил Пол непослушными губами.

— К исходу девятнадцатого столетия, — сказал Лэшер, — новое религиозное течение широко распространилось среди индейцев, населявших эту страну, док.

— Колдовские танцы, помнишь, Пол?

— Белые люди нарушали свои обещания одно за другим, они перебили большую часть дичи, отобрали большую часть земель у индейцев и каждый раз жестоко разбивали их в бою, когда те пытались оказать какое-либо сопротивление, — сказал Лэшер.

— Бедные индейчики, — пробормотал Пол.

— Это очень серьезно, — сказал Финнерти. — Слушай внимательно, что тебе говорят.

— Без земли, без дичи, без возможности защитить себя, — сказал Лэшер, — индейцы вдруг обнаружили, что все то, из-за чего они гордились собой, все то, что наполняло их сознанием собственной значимости, все то, в чем они находили оправдание своего собственного существования, — все это либо ускользало, либо уже ускользнуло у них из рук. Великим охотникам не на что было охотиться. Великие воины не возвращались к своим очагам после атаки на оснащенные многозарядными винтовками позиции. Великим вождям некуда было вести свой народ, разве что на верную смерть или в глушь лесов и пустынь. Великие религиозные

вожди уже не брались более утверждать, что старая религия приведет их к победе и изобилию.

Пол, очень впечатлительный под действием наркотика, глубоко был опечален несчастиями, выпавшими на долю краснокожих.

— Господи!

— Для индейцев мир изменился самым радикальным образом, — сказал Лэшер. — Он стал теперь миром белых людей, и места в этом мире белых индейцам не было. В этом измененном мире невозможно было сохранить значение старых индейских ценностей. Единственное, что оставалось им, — это превратиться в белых людей второго сорта, иначе говоря — в слуг белых людей.

— Либо дать последний бой, отстаивая весь свой старый уклад, — мрачно вставил Финнерти.

— И религиозное течение колдовских танцев, — сказал Лэшер, — как раз и было это последней, отчаянной попыткой защитить старый уклад. Появились мессии, которые всегда готовы появиться, и стали прославлять новые магические средства, которые могли бы вернуть дичь, старый уклад, старые основы бытия. Появились новые ритуалы и новые песни, которые призваны были изгнать белых людей магическими заклинаниями. А некоторые из наиболее воинственных племен, сохранивших еще немного сил для борьбы, придали этому общему течению свое собственное направление — Движение Заколдованных Рубашек.

— Ого, — сказал Пол.

— В последнюю схватку они решили ринуться верхом, — сказал Лэшер, — в заколдованных рубашках, сквозь которые не смогут пройти пули белых людей.

— Люк! Эй, Люк! — крикнул вдруг Финнерти. — Прекрати-ка на минутку гримасничать и зайди сюда.

Пол услышал шаги, шлепающие по влажному полу. Он открыл глаза и увидел Люка Люббока, который стоял у его постели в белой рубашке, имитирующей рубашку из бизоньей шкуры, украшенной стилизованными изображениями птиц и бизонов, вышитых тонкой проволокой в яркой изоляции. Черты его лица отража-

ли трагический стоицизм лишенного всего на свете краснокожего.

— Уг, — по-индейски приветствовал его Пол.

— Уг, — сказал Люк, не раздумывая ни минуты, с головой уйдя в свою новую роль.

— Это совсем не шутки, Пол, — заметил Финнерти.

— Для него все на свете шутки, пока не прошло действие наркоза, — пояснил Лэшер.

— Следовательно, Люк полагает, что теперь он неуязвим для пуль? — спросил Пол.

— Это только ради символики, — сказал Финнерти. — Неужели ты до сих пор этого не понял?

— Я так и полагал, — пробормотал Пол сонно. — Конечно. Можешь быть уверен. Я так полагаю.

— А что же это за символика, по-твоему? — спросил Финнерти.

— Люк Люббок хочет получить обратно своих бизонов.

— Пол, да приди же, наконец, в себя, стряхни с себя все это! — сказал Финнерти.

— Ладно, осел.

— Неужто вам не понятно, доктор? — сказал Лэшер. — Машины практически для всех и каждого превратились сейчас в то, чем были белые люди для индейцев. И люди вдруг обнаруживают, что все большее и большее количество прежних ценностей уже не годится для жизни, потому что машины именно таким образом изменяют мир. И у людей нет иного выбора, как превратиться самим во второсортные машины или стать слугами этих машин.

— Господи, помоги нам, — сказал Пол, — но только я не знаю этого вашего Общества Заколдованных Рубашек — ведь оно выглядит как-то по-детски, не правда ли? Все эти переодевания и...

— Конечно, по-детски. Настолько по-детски, насколько по-детски выглядит вообще любая форма, — сказал Лэшер.

— Мы совсем и не отрицаем, что это выглядит по-детски. Но в то же самое время мы понимаем, что нам и надлежит выглядеть немножечко по-детски, чтобы

завоевать такое огромное количество последователей, какое нам необходимо.

— погоди, вот ты увидишь его в этой штуке на каком-нибудь митинге, — сказал Финнерти. — Собравшиеся тогда выглядят так, как будто вышли из «Алисы в стране чудес», Пол.

— Митингам всегда присущ подобный элемент, — сказал Лэшер. — Однако каким-то загадочным образом, постичь который я не в силах, митинги эти оказывают нужное действие. От меня, как от человека зрелого, можно было бы ожидать несколько большей осмотрительности, однако сейчас не время играть в прятки. Очень скоро нам придется вести вооруженную борьбу за наши идеалы, а борьба сама по себе — дело сложное и рискованное.

— Вооруженная борьба? — переспросил Пол.

— Да, именно вооруженная борьба, — сказал Лэшер. — И у нас есть все основания надеяться, что мы дадим славный бой. История знает немало примеров, когда один комплекс ценностей насильно заменяли другим.

— Так было у индейцев, и у евреев, и еще у многих народов, подпавших под иностранное иго, — пояснил Финнерти.

— Да, подобных примеров история знает немало, а это дает нам возможность строить довольно четкие предположения о том, как будут развиваться события и на этот раз, — сказал Лэшер. Он с минуту помолчал. — В каком направлении мы заставим их развиваться.

— Ты можешь идти, Люк, — сказал Финнерти.

— Слушаюсь, сэр.

— Пол, ты слушаешь? — спросил Финнерти.

— Да. Очень интересно.

— Хорошо, — сказал Лэшер. — В прошлом в ситуациях, подобных этой, когда объявлялся мессия с правдоподобными и драматическими обещаниями, очень часто происходили могучие революции, несмотря даже на колоссальное численное превосходство врага. Если сейчас объявится мессия с солидными, добрыми и захватывающими вестями и если ему удастся не попасть в руки полиции, он сможет привести в движение меха-

низм революции, возможно даже настолько крупной, что она окажется в состоянии вырвать мир из рук машин, доктор, и вернуть его людям.

— И именно ты, Эд, являешься человеком, способным на это, — сказал Пол.

— Я тоже именно так думал, — сказал Лэшер, — вначале. Но потом я понял, что нам намного лучше было бы приступить к делу, воспользовавшись именем, которое уже широко известно.

— «Сидящий Бизон»? — спросил Пол.

— Протеус, — сказал Лэшер.

— И ничего особенного тебе делать не придется — только держаться в сторонке, — сказал Финнерти. — Все будет выполнено помимо тебя.

— Уже выполняется, — сказал Лэшер.

— Так что ты пока отдыхай, — ласково сказал Финнерти. — Набирайся сил.

— Я...

— Да ведь дело совсем не в тебе, — сказал Финнерти. — Теперь ты уже принадлежишь Истории.

Тяжелая дверь мягко захлопнулась, и Пол знал теперь, что он здесь снова один и что История, где-то по другую сторону этой двери, выпустит его только тогда, когда сочтет это полезным и своевременным.

XXX

История, олицетворяемая на данном этапе жизни доктора Пола Протеуса Эдом Финнерти и преподобным Джеймсом Дж. Лэшером, выпустила Пола из камеры в старом заброшенном бомбоубежище в Айлиуме только для того, чтобы ликвидировать ущерб, который наносил его здоровью чисто животный образ жизни. Все остальные признаки жизни — крики, протесты, требования, ругань Пола — История оставляла без внимания, пока не наступило то время, которое она сочла подходящим, и, когда дверь распахнулась, Эд Финнерти препроводил Пола на первую его встречу с Обществом Заколдованных Рубашек.

Когда Пол вошел в зал заседания в другом сегменте убежища противовоздушной обороны, все поднялись

с мест: Лэшер — во главе стола, Бад Колхаун, Катарина Финч, Люк Люббок, арендатор фермы Пола мистер Хэйкокс и еще человек двадцать незнакомых Полу людей.

Это не было собрание романтических заговорщиков, присутствующие здесь люди выглядели решительными и сознающими правоту своего дела. Пол решил, что Лэшер и Финнерти скотили людей этой группы, руководствуясь отнюдь не их талантами, а единственным соображением, что следует брать тех из проверенных лиц, кто оказался под рукой, и выбор пал, по-видимому, на наиболее интеллигентных из посетителей салуна у въезда на мост. Хотя группа эта в большинстве своем состояла из жителей Айлиума, Пол убедился, что здесь были представлены все районы страны.

Среди людей простых, средних были люди, которые как бы излучали чувство уверенности в себе и выглядели сведущими и преуспевающими, которые, по-видимому, подобно Полу, дезертировали из рядов системы, которая обращалась с ними достаточно хорошо.

По мере того как Пол изучал эти исключения, он разглядывал окружающих его членов собрания и поразился, заметив еще одно знакомое лицо — лицо профессора Людвига фон Нойманна, тщедушного старика, который некогда преподавал политические науки в Юнион-колледже в Скенектеди, пока здание отделения политических наук не было снесено и на его месте не построили новой Лаборатории Тепла и Энергии. Пол и фон Нойманн, будучи членами Айлиумского исторического общества, были немного знакомы, пока здание этого исторического общества также не было снесено и на его месте не построили Айлиумский атомный реактор.

— А вот и он, — гордо произнес Финнерти.

Пола встретили вежливыми аплодисментами. Выражение лиц аплодирующих было несколько холодноватым. Этим они как бы давали понять Полу, что он никогда не станет по-настоящему их товарищем в этом их предприятии, поскольку он не был с ними с самого начала.

Единственное исключение составляли Катарина

Финч, бывший секретарь Пола, и Бад Колхаун, которые ни капельки не изменились и вели себя так же дружелюбно, как если бы они сейчас сидели в приемной кабинета Пола в старые добрые времена. Бад, как заметил Пол, легко переходил из одного положения в другое, так как был окружен защитной атмосферой своего воображения, тогда как Катарину защищала от всяческих внешних воздействий влюбленность в Бада.

Торжественность собрания и решимость, написанная на лицах присутствующих, заставили Пола на минуту приостановиться. Кресло слева от Лэшера было приготовлено для него, Финнерти занял кресло справа от Лэшера.

Усаживаясь, Пол заметил, что только Люк Люббок был одет в заколдованную рубашку, и подумал, что Люк не в состоянии сделать что-либо, не нацепив на себя какой-нибудь формы.

— Собрание Общества Заколдованных Рубашек считаю открытым, — сказал Лэшер.

Пол, пребывая все еще в игривом настроении, вызванном действием наркотика, ожидал какого-то драматического представления со всякими идиотскими заверениями в братских чувствах, притом на псевдоиндейский манер. Вместо этого он увидел, что, за исключением рубашки Люка Люббока, собрание было полностью посвящено настоящему моменту, вполне реальному, суровому и недоброму.

Таким образом, пресловутое Общество Заколдованных Рубашек являлось удобным и звучным названием для очень деловой группы людей, названием, исторические корни которого представляли интерес только для Лэшера и его апостола Финнерти, развлекавших друг друга бесконечными комментариями относительно неизменного статус-кво. Для всех же остальных достаточно было простой убежденности или чисто личных огорчений для того, чтобы присоединиться к любому движению, которое обещало перемены к лучшему. Обещало перемены к лучшему или, подумал Пол, внимательнее приглядевшись к лицам присутствующих, обещало какое-то развлечение в результате этих перемен.

Что здесь делал Бад Колхаун, Пол никак не мог себе представить, поскольку Бад отнюдь не являлся сторонником политических выступлений и вообще не способен был обижаться. Ведь Бад однажды сказал о себе: «Все, что мне нужно, — это время и инструменты, при помощи которых я могу мастерить что-то, и тогда я счастлив, как поросенок в луже».

— Первое слово предоставляется Зет-III, — сказал Лэшер, глядя на Катарину.

У Катаринны под глазами были темные круги, и, когда Лэшер вызвал ее, это как будто внезапно вырвало ее из задумчивости. Казалось, что Лэшер, собрание и эта комната в подземном убежище совершенно неожиданно возникли перед нею.

— О, — сказала она, с хрустом разворачивая перед собой какие-то бумаги. — Сейчас у нас есть семьсот пятьдесят восемь раскроенных заколдованных рубашек. Нам было поручено сделать тысячу, — устало проговорила она, — но мисс Фишбин...

— Без имен! — выкрикнуло несколько собравшихся.

— Простите, — она покраснела и опять заглянула в бумаги, — Эээ... X-229 заболела, и ей пришлось приостановить закройку. Она поправится через шесть недель и снова приступит к работе. Кроме того, у нас нехватка красной проволоки.

— А-12! — вызвал Лэшер.

— К вашим услугам, сэр, — сказал смуглый человек, и Пол узнал в нем одного из охранников с Заводов, который был сейчас без мундира. А-12 записал, сколько требуется проволоки с красной обмоткой, и застенчиво улыбнулся Полу.

— Готовые рубашки уже упакованы и готовы к отправке, — сказала Катарина.

— Очень хорошо, — отозвался Лэшер. — Г-17, что вы можете доложить собранию?

Бад Колхаун улыбнулся и, откинувшись на спинку стула, потер руки.

— Все идет как надо. У меня есть пара моделей, которые можно будет испытать у Л-36-го, как только выдастся ночь потемнее.

— А они пройдут через ограждения Заводов? — спросил Лэшер.

— Пройдут как миленькие, — сказал Бад, — и даже тревоги не вызовут.

— А какая разница, подымут они тревогу или нет? — сказал Финнерти. — Ведь тогда вся страна полетит вверх тормашками.

— Это я сделал на всякий случай, — сказал Бад. — У меня также есть идея, как состряпать одну такую штучку, которая даст ток в телефонные провода, и, когда охранники попытаются позвонить и позвать на помощь, их шибанет так, что они не скоро опомнятся! — Он весело рассмеялся.

— Я полагаю, что мы просто перережем телефонные провода.

— Можно, конечно, и так сделать, — сказал Бад.

— Чего мы от вас хотим, — сказал Лэшер, — это проекта хорошего, практичного и дешевого броневика, который сможет прорваться сквозь заводские ограждения, притом такого, чтобы люди по всей стране могли смастерить его очень быстро из автомобилей, выброшенных на свалку, и листового железа.

— Это уже готово! — сказал Бад. — Но мне пришла в голову еще одна интересная мыслишка. Я, понимаете, хочу сделать такую...

— Мы с вами поговорим об этом после собрания, — сказал Лэшер.

Бад какое-то мгновение выглядел разочарованным, но тут же принялся чертить что-то на обрывке бумаги. Пол разглядел чертеж бронеавтомобиля, к которому Бад сейчас добавлял антенну, радарную установку, шипы, цепи и прочие страшные орудия уничтожения. Бад встретился взглядом с Полом и кивнул ему.

— Очень интересная проблема, — пробормотал он.

— Ну хорошо, — сказал Лэшер. — Теперь относительно вербовки. Д-71, у вас есть что-нибудь для нас?

— Он в Питсбурге, — сказал Финнерти.

— Верно, — сказал Лэшер. — Я совсем забыл. Он там пытается узнать, не сможем ли мы использовать тамошнюю организацию Лосей.

Люк Люббок несколько раз откашлялся, прочищая горло, и разложил перед собой бумаги.

— Сэр, он поручил мне вместо него доложить собранию обстановку, сэр.

— Давайте.

— У нас есть по одному своему человеку в каждой из секций королевских пармезанцев. В общем это составляет пятьдесят семь секций.

— Это надежные люди? — спросил кто-то.

— Вы можете целиком полагаться на Д-71, — сказал Лэшер. — Любой завербованный им или его ребятами проходит точно такую же обработку, какую проходили вы, — сначала с помощью Микиэ, а потом допрос под действием содиум пентатола.

— Порядок, — сказал спрашивавший. — Я просто хотел лишний раз проверить, не пролезет ли на этой стадии к нам кто-нибудь из шпииков.

— Успокойся, — проговорил Финнерти сквозь зубы.

— И он тоже? — поинтересовался спрашивавший, указывая на Пола.

— Особенно он, — сказал Лэшер. — Нам известны о Протеусе такие вещи, узнав которые о себе он страшно паразился бы.

— Без имен, — сказал Пол.

Все рассмеялись. Казалось, что все нуждались в этой маленькой толике юмора, чтобы как-то разрядить напряженную атмосферу собрания.

— Вы-то как раз и являетесь именем, — сказал Лэшер.

— Погодите-ка, одну минуточку...

— Да о чем ты беспокоишься? Тебе совершенно ничего не нужно делать, — сказал Финнерти. — Ты только подумай, Пол. Разве нам не хотелось бы служить общему делу просто сидя себе здесь, не подвергаясь опасности со стороны полиции, — никакой тебе ответственности, никаких неприятностей, никакого риска.

— Все это выглядит очень заманчиво, — сказал Пол, — но не настолько, чтобы я этим соблазнился. Я выхожу из этого дела. Очень сожалею, но выхожу.

— Они тебя убьют, Пол, — сказал Финнерти.

— Ты сам его убьешь, если тебе прикажут, — сказал Лэшер.

Финнерти кивнул в знак согласия.

— Это уж точно, Пол, убью. Придется.

Пол снова опустился в кресло. Он вдруг понял, что его ничуть не поразил предложенный ему сейчас выбор между жизнью и смертью. Ему было сделано совершенно недвусмысленное предложение, и оно очень резко отличалось от всего, с чем ему приходилось сталкиваться ранее. Тут перед ним все было четко окрашено в черную и белую краски, и это никак не походило на те пастельные тона, в которые были окрашены его отношения с окружающей действительностью в прошлом. И это предложение, такая именно постановка вопроса — «делай, как тебе сказано, или будешь убит» — произвела на него освобождающее действие, как и наркотик, который он проглотил несколько часов назад. Он был лишен возможности принимать самостоятельные решения по причинам, которые ясны любому.

И Пол откинулся в своем кресле и начал с подлинным интересом присматриваться к происходящему вокруг него.

Люк Люббок закончил чтение докладной записки Д-72, посвященной вопросам вербовки по всей стране. Задача — иметь по меньшей мере по два влиятельных члена Общества Заколдованных Рубашек в каждой значительной политической организации, в каждом значительном индустриальном городе — была выполнена приблизительно на шестьдесят процентов.

— С-1, что вы можете сказать о своих делах? — сказал Лэшер.

— Мы пустили слух о том, кто является вождем, — сказал Финнерти. — Теперь нужно переждать несколько дней, чтобы поглядеть, какое это произведет действие.

— Никак не могу понять, что это нам может принести, кроме пользы, — сказал Лэшер.

— Вербовка теперь должна быть окончательно перенесена в город, — сказал Финнерти.

— А что за осечка произошла с этим телевизионным типом? — спросил заводской охранник. — Разве не вы лично ходили за ним?

— Элфи Туччи? — спросил Финнерти.

— Без имен!

— Это имя вы можете называть сколько вам угодно, — мрачно сказал Лэшпер. — Он не наш человек.

— Это уж точно, — сказал Финнерти. — Он ничей и никогда ни чьим не будет. Он никогда ни к чему не присоединяется, его отец никогда и ни к чему не присоединился, и его дед никогда ни к чему не присоединился, а если, паче чаяния, у него появится сынок, то и тот тоже никогда ни к чему не присоединится.

— А почему? — спросил Пол.

— Он говорит, что это единственное, что он может сделать ради того, чтобы определить, что же именно представляет собой он сам, не пытаясь при этом представлять тысячи других людей, — сказал Финнерти.

— А имеется ли какое-нибудь условие, на котором он все-таки согласился бы присоединиться к нам? — спросил человек, которого, видимо, волновали небрежные методы вербовки.

— Одно-единственное, — сказал Финнерти. — Если все будут мыслить точно так, как мыслит сам Элфи Туччи.

Лэшпер грустно улыбнулся.

— Великая американская индивидуальность, — сказал он. — Он полагает, что является воплощением либеральной мысли, накопленной веками. Он стоит на своих собственных ногах перед лицом господ бога, одинокий и неизменный. Он был бы великолепным фонарным столбом, если бы только мог терпеть любую погоду да еще обходиться без пищи. Ну ладно, так на чем мы остановились?

— Мы еще не назначили даты? — вежливо осведомился Хейкокс.

— Дата станет известна не ранее чем за два дня до начала! — сказал Лэшпер.

— Могу я задать вопрос? — сказал Пол.

— А почему бы нет? Я пока никого не ограничиваю.

— А что, собственно, подразумевается под этой датой?

— Особое собрание каждого ордена, каждой крупной общественной организации страны, исключая инженеров и управляющих. На этих собраниях наши товарищи, имеющие большой вес в организации, объявят остальным членам, что по всей стране люди выходят на улицы для того, чтобы разрушить автоматические заводы и фабрики и снова вернуть Америку ее народу. Затем они наденут свои заколдованные рубашки и поведут тех, кто за ними последует, присоединив к своим рядам в первую очередь тех членов нашей организации, которые окажутся поближе.

То, что вы видите здесь, это штаб, но все движение в основном децентрализовано и подчинено нашим представителям на местах. Мы помогаем им консультациями по организационным вопросам, по вопросам вербовки, указываем цели, учим тактике, но, когда наступит великий день, люди на местах с успехом будут действовать по собственному почину. Конечно, нам бы хотелось иметь более крупную организацию с единым центром. Но это сделало бы нас очень уязвимыми для полиции. При создавшемся положении дел полиция так и не знает, кто мы такие и что мы намереваемся делать. На бумаге мы выглядим довольно скромно. Но фактически при правильной расстановке наших людей мы являемся грозной силой.

— А много ли народа вы полагаете увлечь за собой? — спросил Пол.

— Мы рассчитываем, что за нами пойдут те, кому до смерти надоело все это, кого мутит от существующих порядков, — сказал Лэшер.

— Все пойдут, — сказал Финнерти.

— А что потом? — сказал Пол.

— А потом мы снова вернемся к непреходящим ценностям! — сказал Финнерти. — Мужчины будут заняты мужским трудом, женщины — женским. Люди станут мыслить по-человечески.

— Кстати, это мне напомнило... — сказал Лэшер. — Кому поручено заняться ЭПИКАКом?

— Я слышал, что Д-71 говорил, будто задание это

оспаривается представителями Лосей в Россуэле, — сказал Люк Люббок.

— Бросьте на выполнение его обе эти организации, — сказал Лэшер. — Г-17, имеются ли у вас какие-нибудь свежие идеи относительно того, как вывести из строя ЭПИКАК?

— Самое лучшее, — сказал Бад, — это заложить какие-нибудь бомбы в автоматы по продаже кока-колы. У них есть такие штуки в каждом отсеке. Это даст нам возможность гробануть не какую-то его часть, а весь целиком. — Руки Бада описывали круги в воздухе, как бы очерчивая размеры той адской машины, которая будет заложена в автоматы по продаже кока-колы. — Понимаете? Взять бутылочку из-под кока-колы, только наполнить ее нитроглицерином. А потом...

— Хорошо. Набросайте схему и передайте ее Д-17, чтобы он передал ее нужным людям.

— И тррррах! — сказал Бад, грохая кулаком по столу.

— Отлично, — сказал Лэшер. — Кто еще хочет высказаться?

— А как будет с Армией? — сказал Пол. — Что, если им придется...

— Обеим сторонам лучше полностью капитулировать, если у кого-нибудь хватит глупости на то, чтобы дать им настоящие винтовки и патроны, — сказал Лэшер. — Я полагаю, что обе стороны, к счастью, прекрасно это понимают.

— А каково сейчас наше положение? — спросил нервный человек.

— Ни хорошо, ни плохо, — сказал Лэшер. — Мы можем провести отличный спектакль и сейчас, если нас вынудят к этому. Но дайте нам еще два месяца, и мы будем в состоянии преподнести им настоящий сюрприз. Ну что ж, собрание можно считать закрытым, а теперь мы перейдем к обсуждению чисто рабочих вопросов. Как с транспортом?

И пошли доклады о состоянии транспорта, связи, безопасности финансов, заготовок, тактики...

Полу показалось, что он увидел, как с чистой и гладко выструганной балки сняли поверхность, и теперь

внутри нее открылись тоннели и тонкие перегородки столицы термитов.

— Служба информации? — сказал Лэшер.

— Мы разослали по почте письмо с предупреждением ко всем бюрократам, инженерам и управляющим с классификационным номером ниже ста, — сказал профессор фон Нойманн. — Копии его отосланы во все информационные агентства, на радио и телевидение.

— Отличное получилось письмо, черт побери, — сказал Финнерти.

— Остальным желательно послушать его содержание? — спросил фон Нойманн.

Все сидящие за столом закивали головами.

— «Соотечественники, — начал читать профессор, — считается общепризнанным, что между нами царят мир и согласие.

Вы чаще, чем кто-либо из нас, произносите в последнее время высокие слова о прогрессе, произносите высокие слова о той пользе, которую принесли уже происшедшие и все еще происходящие изменения в материальной жизни общества.

Это вы — инженеры, управляющие и бюрократы — почти в полном отрыве от остальных, наиболее развитых людей, продолжаете верить в то, что жизненные условия улучшаются прямо пропорционально возрастанию количества производимой обществом энергии и средств использования ее. Эта вера поддерживала вас на протяжении трех последних, самых жестоких в истории человечества войн, и войны эти послужили самым могучим подтверждением правоты этой веры.

То, что вы продолжаете верить в это и теперь, когда раздиравшие мир страсти окончательно подавлены, вызывает беспокойство даже у простодушных людей, а людей более просвященных это повергает в ужас.

Человек переносил все муки ада в расчете на ожидающее его райское блаженство вечного мира, но, обретя его наконец, он обнаружил, что все то, что он рассчитывал обрести в царстве божьем — гордость, человеческое достоинство, уважение к себе, достойный труд, — все это объявлено для него запретным плодом.

Я опять-таки говорю — да воцарится между нами

мир и согласие, но в отличие от вас мы, все остальные, по совершенно очевидным и основательным для нас причинам окончательно изменили свое мнение относительно божественности права машин, эффективности и организованности, точно так же, как несколько веков назад люди изменили свое мнение относительно божественного происхождения прав королей и божественного происхождения прав очень многого другого!

На протяжении трех последних войн права технологии на увеличение мощностей и масштабов считались непреложными с точки зрения жизнеспособности нации, более того — в тех условиях они были почти божественным правом. Американцы жизнью своей обязаны более высокому качеству своих машин, более высокому уровню техники и организации, мастерству своих управляющих и инженеров. И я вместе с Обществом Заколдованных Рубашек благодарю господу за то, что он дал их нам для спасения. Но завоевать для себя хорошую жизнь в мирное время, пользуясь теми же методами, что и во время войны, мы не можем. И вообще проблема мира требует к себе более тонкого подхода.

Я самым решительным образом протестую против того, что существует какой-либо естественный или божественный закон, согласно которому машины, их производительность и организация производства должны постоянно увеличиваться в масштабах, становиться все более мощными и сложными в мирное время, подобно тому как это было во время войны. Рост этот я склонен в настоящее время рассматривать как вопиющее беззаконие.

Наступило время положить конец этому беззаконию и произволу именно в той части нашей общей культуры, которая находится в вашем ведении.

Сейчас дело обстоит так, что независимо от человеческих стремлений машины, технические приспособления или новые формы организации вытесняют человека, приходят ему на смену каждый раз, когда такая замена оказывается выгодной в экономическом отношении. Подобная замена сама по себе вовсе не обязательно дурная вещь, но делать это без учета желания людей — произвол и беззаконие.

В действие постоянно вводятся новые машины, новые формы организации производства, новые пути повышения эффективности, без учета того, какие это может произвести изменения в жизненном укладе общества. Делать так — значит творить произвол и беззаконие.

Я и Общество Заколдованных Рубашек решили посвятить себя целиком тому, чтобы положить конец этому произволу и беззакониям и вернуть мир в руки людей. И если никакими иными средствами нам не удастся положить конец этому беззаконию, мы готовы к тому, чтобы применить силу.

Я предлагаю вернуть рабочих, мужчин и женщин, к их роли надсмотрщиков над машинами, а контроль машин над людьми должен быть запрещен. Далее, я предлагаю, чтобы самым пристальным образом изучалось то влияние, которое изменения в технологии или организации труда могут оказать на жизненный уклад людей, и чтобы изменения эти вводились или запрещались, только исходя из этого соображения.

Предложения эти имеют радикальное значение, и их очень трудно будет провести в жизнь. Но необходимость введения их намного больше и важнее всех могущих возникнуть трудностей, и, уж во всяком случае, значение их намного важнее нужд нынешней святой троицы страны — Производительности, Экономики и Количества.

Люди по своей природе не могут, по-видимому, быть счастливыми без активного участия в предприятиях, что дает им сознание своей полезности. И поэтому их следует вновь приобщить к этим предприятиям.

Совместно с членами Общества Заколдованных Рубашек я со всей торжественностью заявляю:

Несовершенство имеет право на существование, ибо человек несовершенен, а человек — творение господ.

Слабость имеет право на существование, ибо человек слаб, а человек — творение господ.

Неспособность имеет право на существование, ибо человек неумел и неловок, а человек — творение господ.

Смена гениальных прозрений и заблуждений зако-

номерна, ибо человек попеременно проявляет и то и другое, а человек — творение господа.

Возможно, что вы не согласны со старомодным и тщеславным утверждением, что человек — творение господа.

Но я считаю это значительно более извинительным заблуждением, чем другие заблуждения, построенные на безоглядной вере в технологию, а именно: что человек живет на земле только ради того, чтобы создавать все более прочные и производительные свои подобиия и, таким образом, лишать всех и всяческих оснований даже само продолжение своего существования.

Искренне ваш доктор Пол Протеус».

Профессор фон Нойманн снял очки, протер глаза и уставился на лежащие перед ним листки бумаги, ожидая, чтобы кто-нибудь высказался.

— Да-а... — протянул начальник транспортного отдела нерешительным тоном, — немножко заумно, не правда ли?

— Звучит это очень здорово, — сказал ответственный за безопасность, — но не лучше ли было бы добавить сюда немножечко об этом вот... Ну, я не очень умею красно говорить, но кто-нибудь, наверное, мог бы это сказать. А я вот просто и не знаю, как это все сказать...

— А вы попробуйте, — сказал Финнерти.

— Ну вот, я хочу сказать, что у каждого сейчас такое чувство, что ты и плевка даже не стоишь и что это очень паршивая вещь, когда тебя окунают в дерьмо вещи, которые ты сам сделал.

— Так ведь это есть в письме, — сказал Лэшер.

Пол вежливо кашлянул.

— Мне следует это подписать?

Фон Нойманн недоуменно уставился на него.

— Господи, да ведь это было подписано и разослано несколько часов назад, когда вы еще спали.

— Благодарю вас.

— Не стоит благодарности, — отозвался профессор с отсутствующим видом.

— А не считаете ли вы, что после этого письма они

примутся за нас с новыми силами? — спросил нервный человек.

— Ни в коем случае, — сказал Лэшер. — Но это, несомненно, заставит их задуматься обо всех нас. А когда наступит великий день, мы хотим, чтобы каждый знал, что мы выступаем за великое и правое дело.

— Полиция! — выкрикнул кто-то в глубине запутанной сети подземных убежищ.

В отдалении послышались выстрелы, усиленные и многократно повторенные эхом.

— К западному выходу! — скомандовал Лэшер.

Бумаги были быстро собраны со стола и упрятаны в конверты; лампы задуты. Пол почувствовал, как толпой бегущих людей его несет по коридорам. Двери открывались и с треском захлопывались, люди спотыкались, наталкивались на стены и друг на друга, но все это проделывалось в абсолютном молчании.

Внезапно Пол обнаружил, что звуки шагов его спутников затихли и что он бежит теперь, только следуя за эхом собственных шагов. Запыхавшись, совершенно сбитый с толку грохотом сапог и выкриков полицейских, он окончательно потерял ориентировку в лабиринте переходов и залов и все чаще и чаще попадал в тупики. Наконец, когда он попытался выйти из одного из таких тупиков, его ослепил луч карманного фонаря.

— Вот один из них, хватай его, Джой!

Пол ринулся мимо фонарика, с силой выбросив вперед оба кулака.

Что-то грохнуло его повыше уха, и он свалился на влажный пол.

— Клянусь богом, хоть одному из них не удалось смыться, — услышал он над собой чей-то голос.

— Ну и влепил же ты ему, а?

— Стану я церемониться с вонючим саботажником, клянусь богом.

— Видно, какая-то мелкая рыбешка, а?

— Ну, еще бы. А ты чего ждал? Думал, наверное, что сам Протеус станет расхаживать по этим развалюхам в полном одиночестве, как будто он не знает, что к чему? Нет, сэр, я тебе скажу, что Протеус сейчас си-

дит себе в соседнем графстве цел-целехонек и поплеывает на нас с тобой.

— Вот паршивый саботажник!

— Это уж точно. Ну ладно. Эй, ты там, ну-ка вставай и давай грогайся.

— Что случилось? — пробормотал Пол.

— Полиция. А ты получил по черепу за попытку отвести след от Протеуса. И чего только ты не жил своим умом? Он ведь подонок, скажу тебе по правде. Вколотил себе в башку, что он царь, и все тут.

XXXI

Товарищем Пола по камере в подвальном помещении управления полиции был маленький и элегантный молодой негр по имени Гаролд. Попал он за рашетку за мелкий саботаж: разбил автоматическую установку по обучению правилам уличного движения — громкоговоритель с соответствующим оборудованием, установленный на фонарном столбе прямо напротив окна его спальни.

— «Оглянитесь по сторонам!» — орал Гаролд. — «Переходите улицу только на перекрестках!» — подражая голосу громкоговорителя, записанному на магнитофонную ленту. — Целых два года я вынужден был жить рядом с этим паршивым громкоговорителем. Ведь каждый раз даже теперь, когда кто-нибудь шагнет на мостовую, он тут же включает свой электрический глаз и начинает вопить: «Не проходите на стоянке между двумя машинами!» — И наплевать ему, кто это идет и зачем. Он просто так сделан, что должен быть внимательным. «Осторожней! Не делайте того! Не делайте этого!» Старая бродячая собака проходит под окнами в три часа ночи, но эта паскудная штука и здесь не пропустит шанса поорать на всю улицу. «Если вы сидите за рулем, — вопит он этой старой собаке, — если вы сидите за рулем, не потребляйте спиртных напитков!» А потом ползет какой-то пьяница на четвереньках, и этот механический идиот сообщает ему, что по установленному в городе порядку каждый мотоцикл должен иметь задние фары.

— И сколько вам дали за это? — спросил Пол.

— Пять дней. Судья говорит, что я уже могу выходить. Единственное, чего они от меня хотят, — это чтобы я сказал, будто жалею о своем поступке. Но я говорить этого не собираюсь, потому что ничуть не жалею.

Пол был очень доволен, что Гаролд слишком занят своими заботами, чтобы интересоваться неприятностями Пола. Дело вовсе не в том, что Полу было бы больно говорить о них, просто ему очень трудно объяснять все. Его собственные побуждения были довольно смутными. Распределение ролей в спектакле, как теперь стало ясно Полу, было страшно запутанным, и развязка пока все еще не наступила. И во всем этом он играл крайне пассивную роль: его тянули то в одну сторону, то в другую. И ему еще только предстояло взять руль в свои руки и выбрать, наконец, направление.

Инженеры и управляющие все еще продолжают его считать своим человеком; Общество Заколдованных Рубашек было столь же уверено, что он принадлежит им, и обе стороны совершенно недвусмысленно дали ему понять, что выбор какого-либо третьего пути для него невозможен.

Когда полиция опознала Пола, ее очень обеспокоил его высокий показатель интеллекта и его столь же высокий ранг в преступной иерархии. Сверхпреступник, предполагаемый король саботажа! Человек столь высокого ранга еще не попадал в руки полицейских Айлиума, и полиция, покорная рутине, вдолбленной в нее всем ее жизненным укладом, запросила в верхах инквизитора с соответственным классификационным номером и ПИ.

А тем временем Пол проводил время в компании Гаролда.

— Нет, я ни капельки не жалею, — сказал Гаролд. — Что это за стук?

Неравномерное постукивание доносилось из-за стены из листового железа, отделявшей камеру Пола и Гаролда от столь же тщательно изолированного помещения рядом.

Для пробы Пол постучал ладонью по своей стенке. «Десять, восемнадцать, четырнадцать», — простучали в ответ. Пол сразу же узнал код, который применялся мальчишками в школе: один означал «А», два — «Б» и так далее... «Десять, восемнадцать, четырнадцать»... означало — «кто?!».

Пол простучал свое имя и, в свою очередь, вопрос. «Четыре, один, шестнадцать, восемнадцать».

— Гарт! — вырвалось у Пола, и он выстучал: «Бодрись, милый».

Странное чувство охватило его, и нужно было какое-то время, чтобы разобраться в нем. Впервые за всю его упорядоченную жизнь Пол оказался в беде вместе с другим человеческим существом. Судьба заставляла его испытывать теплое чувство по отношению к Гарту, человеку бесцветному, нервному, запуганному, — теплое чувство, которого он никогда до этого не испытывал ни по отношению к Аните, ни к Финнерти, ни к родителям, ни вообще по отношению к кому бы то ни было.

— Это вы справились с деревом?

«Точно», — простучал Гарт.

«Почему?»

«Мальчик опять провалил экзамены. Он окончательно сломлен».

«Господи! Какая жалость», — выстучал Пол.

«Лишний человек. Бесполезный. Обуза».

«Ну, что вы!»

«Но только господь способен создать дерево», — простучал Гарт.

«Блаженны фетишисты, ибо они унаследуют землю», — выстучал Пол.

«Гниль и разложение у нас».

«А как же с вами?» — поинтересовался Пол.

Гарт выстучал всю свою историю, как было раскрыто его преступление на Лужке, какой это произвело фурор, какие угрозы посыпались на него, рассказал об искренних слезах зрителей, пролитых над раненым Дубом. Гарта заперли в Здание Совета под стражей обозленных дюжих инженеров и управляющих. Ему мрачно посулили, что влепят на полную катушку —

он попадет на многие годы в тюрьму, да к тому же ему придется уплатить такой штраф, что это просто сотрет его с лица земли.

Когда полиция прибыла на остров, чтобы увезти его, полицейские, заразившись этим всеобщим настроением, обращались с Гартом как с самым опасным преступником века.

«И только когда мы уже прибыли сюда и встал вопрос о предъявлении мне обвинения, они, наконец, спохватились», — простучал он.

Пол — и сам охваченный благоговейным ужасом перед преступлением Гарта — не сразу понял, в чем дело.

«Как это?» — простучал он.

«Ха, — простучал Гарт. — А в чем состоит мое преступление?»

Пол недоумевающе усмехнулся.

«Убийство дерева?» — выстучал он.

«Покушение на убийство дерева, — выстучал Гарт. — Эта штука все еще жива, хотя, по-видимому, никогда больше не будет давать желудей».

— Протеус! — выкрикнул громкоговоритель в коридоре. — Посетители. Гаролд, оставайтесь на своем месте.

— А я никуда и не собираюсь, потому что я ничуть не жалею, — сказал Гаролд. — «Осторожней и оглянитесь. Идите по мостовой лицом к движению машин!»

Дверь камеры загудела, распахнулась, и Пол подошел к зеленой двери комнаты для свиданий. Зеленая дверь распахнулась и мягко захлопнулась за ним. Пол оказался лицом к лицу с Анитой и Кронером.

Оба были одеты с похоронной торжественностью, как бы стараясь не затмить своим блеском покойника. Мрачно и без единого слова Анита вручила ему картонный пакет с молоком и пачку газет.

Потом она приподняла вуаль и коснулась поцелуем его щеки.

— Пол, мой мальчик, — прогрохотал Кронер. — Тебе тяжело досталось, не правда ли? Ну, как ты, мой мальчик?

Пол сделал шаг назад, подальше от этих больших, жизнерадостных отцовских рук.

— Спасибо, отлично.

— Пол, милый, поздравляю тебя, — проговорила Анита тоненьким голоском.

— С чем это?

— Она знает, мой мальчик, — пояснил Кронер. — Она знает, что ты секретный агент.

— И я ужасно горжусь тобой.

— Когда я смогу выйти отсюда?

— Сейчас же. Как только мы запишем все, что ты узнал о Заколдованных Рубашках — кто они и как они работают, — сказал Кронер.

— Дом готов к твоему приходу, Пол, — сказала Анита. — Прислугу я отпустила, и у нас возвращение домой состоится в старом добром американском стиле.

Мысленно Пол почти воочию представил себе, как она создает эту старую добрую атмосферу — накладывает табу на электронный пылеулавливатель, заводит часовой механизм на табличку управления, благодаря чему обеденная порция будет вынута из холодильника и помещена в печь именно в нужный момент, а телевизор будет включен, как только они переступят порог.

Подзуживаемый примитивным и явно ощущаемым аппетитом, Пол даже всерьез продумал ее предложение. Однако он с удовольствием убедился, что верх в нем берут более высокие человеческие побуждения, побуждения, которые заставляли его если не чувствовать, то по крайней мере думать, что ему совершенно наплевать, будет ли он спать с ней когда-либо снова. Она, казалось, чувствовала это, а поскольку, помимо секса, у нее в арсенале не было никаких иных средств, чтобы заинтересовать Пола, ее ободряющая и всепрощающая улыбка превратилась в натянутую и жалкую.

— Ваши телохранители могут пообедать и позже, — сказал Кронер. Он хихикнул. — А знаешь ли, здорово у тебя получилось это письмо, которое ты составил для Заколдованных Рубашек. Звучит претолч-

но до тех пор, пока ты не попытался связать концы с концами.

— А вам это удалось? — спросил Пол.

Кронер отрицательно покачал головой.

— Просто набор слов.

— Но оно все же сделало доброе дело, о котором, ручаюсь, ты никогда бы не догадался, — встала Анита. — Можно, я скажу ему относительно новой работы?

— Да, Пол, — сказал Кронер. — Восточному району требуется главный инженер.

— И тебе будет предоставлено это место, милый! — воскликнула Анита.

— Главный инженер? — переспросил Пол. — А что с Бэйером?

Несмотря на то, что собственная его жизнь летела кувырком, Пол почему-то был совершенно уверен в том, что весь остальной мир прочно стоит на месте. И ничто во всем этом остальном мире не казалось ему более прочным, чем союз инженерного гения Бэйера с краеугольным камнем технологии — Кронером.

— Неужто он умер?

— Нет, — грустно произнес Кронер, — нет, он все еще жив. В физическом смысле, хочу я сказать. — Он уместил микрофон на стол и пододвинул к нему кресло, чтобы Пол мог давать свои показания с наибольшими удобствами. — Что ж, по-видимому, так оно и должно было произойти. Бедняжка Бэйер был не слишком стойким человеком, ты сам знаешь, — он поправил микрофон. — Вот, ну, давай, Пол, мой мальчик.

— А что же с Бэйером? — продолжал настаивать Пол.

— О, — вздохнул Кронер, — он прочитал это дурацкое письмо, вытряс все содержимое из ящиков письменного стола и ушел. Садись сюда, Пол.

Значит письмо это было настолько хорошо, подумал Пол, пораженный тем переворотом, которое оно произвело по крайней мере в одной человеческой жизни. Но затем ему сразу же пришло в голову, что письмо

это вызвало поддержку Бэйера не столько своей аргументацией, сколько тем, что под рукой не оказалось никого, кто смог бы привести аргументы против этого письма. Окажись рядом кто-нибудь посмышленей Кронера, кто смог бы выдвинуть против письма достаточно веские аргументы, то и Бэйер, возможно, спокойно остался бы на своем месте в Албани.

— А какова официальная реакция на письмо? — спросил Пол.

— Оно отнесено к разряду государственной тайны, — сказал Кронер, — и поэтому каждый, кто попытался бы распространять его, подпадает под действие закона о государственной безопасности. Итак, тебе нечего волноваться, мой мальчик, это уже никуда дальше не пойдет.

— Но ведь должен же быть какой-то официальный ответ на него, не правда ли? — спросил Пол.

— Это только сыграло бы им на руку — публично признаться в том, что вся эта чепуха с Заколдованными Рубашками заслуживает внимания всей системы. И это именно то, чего они добиваются! Ну давай усаживайся, и покончим со всем этим, чтобы ты поскорее мог отправиться домой и воспользоваться заслуженным отдыхом.

Совершенно не отдавая себе отчета в своих действиях, Пол уселся перед микрофоном, и Кронер включил звукозаписывающий аппарат.

Официальные власти реагировали на Общество Заколдованных Рубашек именно так, как они реагируют на многие вещи: пропускали их мимо ушей, как пропускали мимо ушей многие сложные и неприятные вопросы во время ежегодных сборищ на Лужке. Как будто официальное признание или непризнание означает жизнь или смерть для самих идей. Старый дух Лужка полностью проявился в этой реакции, дух, который, как предполагалось, призван был цементировать всю систему: убеждение, что оппозиция не стремится ни к чему иному, как победить любыми средствами и этим нанести ущерб, и что единственной целью соревнований является полная победа либо полное поражение.

— Итак, — сказал Кронер, — кто же на самом деле стоит во главе всей этой дурацкой затеи, этого Общества Заколдованных Рубашек?

И опять Пол оказался на одном из самых древних перекрестков дорог, на перекрестке, который он уже однажды увидел перед собой в кабинете Кронера несколько месяцев назад. Выбор того или иного направления не имел ничего общего ни с машинами, ни с иерархией, ни с экономикой, ни с любовью или веком. Это было чисто внутренним делом каждого. Любой шестилетний ребенок уже знает об этом перекрестке и знает также, что делает в таких случаях хороший или плохой мальчик. Перекресток этот известен всему миру по народным сказаниям, и хорошие мальчики независимо от того, носят ли они кожаные брюки ковбоев, коротенькие штанишки, серапи, леопардовые шкуры или серые в полоску брюки банковских служащих, отделяются здесь от плохих.

Плохие мальчики становятся доносчиками. Хорошие не становятся ими вне зависимости от времени или от причин.

Кронер прокашлялся.

— Я спрашиваю — кто стоит во главе их, Пол?

— Я, — ответил Пол, — и клянусь богом, я хотел бы быть лучшим руководителем.

В то мгновение, когда он произносил эти слова, он уже знал, что это правда, и одновременно с этим он, наконец, понял то, что было доступно пониманию его отца, — что значит верить в какое-то дело и всей душой принадлежать ему.

XXXII

— Клянетесь ли вы говорить правду, всю правду, одну только правду, и да поможет вам бог?

— Клянусь, — сказал Пол.

Заполнившие зал судебных заседаний телевизионные камеры откатились от Пола, чтобы показать пятидесяти миллионам телевизионных экранов табло на южной стене зала Федерального суда Айлиума. Там же, немного позади и выше доктора Пола Протеуса,

сидел судья — «Управляющий Небом», как мысленно окрестил его Пол. Обвиняемый, сидевший сейчас на скамье для свидетелей, скорее напоминал страгодную панель управления, чем человека: он весь был обвит проводами от приборов, определяющих температуру, давление и потовыделение, установленных на его груди, запястьях, под мышками, на висках и на ладонях. Провода эти шли в серый кабинет, расположенный под местом дачи свидетельских показаний. Там полученные данные интерпретировались должным образом, преобразовывались и передавались на табло размером в квадратный ярд, расположенное над головой Пола.

Стрелка-индикатор на этом табло, в данный момент направленная вниз, была устроена таким образом, чтобы свободно двигаться между черной буквой «П» (правда) справа и красной буквой «Л» (ложь) слева или же останавливаться на промежуточных делениях между ними.

Пол признал себя виновным в саботаже, но сейчас, спустя три недели после своего ареста, находился под судом по обвинению в государственной измене.

— Доктор Протеус, — злым тоном обратился к нему прокурор. Телевизионные камеры ухватили его злобную усмешку и тут же переключились на крупные капли пота, выступившие у Пола на лбу. — Вы признали себя виновным в саботаже, не правда ли?

— Да, это так. — Стрелка подлетела к букве «П» и снова заняла нейтральную позицию, показывая, что с точки зрения Пола его слова полностью соответствуют истине.

— Этот заговор саботажников, во главе которого стояли вы, в качестве своего метода избрал следующие действия — я цитирую ваше знаменитое письмо: «И если никакими иными средствами нам не удастся положить конец этому беззаконию, мы готовы к тому, чтобы применить силу». Это ваши слова, доктор?

— Слова эти были написаны кем-то другим, однако они отвечают моим убеждениям, — сказал Пол.

— И слово «беззаконие» относится в данном случае к нынешней механизированной экономике?

— К будущей тоже.

— Вашей главной целью, насколько я понял, было разрушить машины, с тем чтобы люди в большей степени смогли принимать личное участие в производственном процессе?

— Некоторые из машин.

— Какие же именно, доктор?

— Это еще предстоит определить.

— Ага! Значит, этого вы еще не определили, не так ли?

— Первым делом следовало бы убедить американцев в необходимости ограничения сферы деятельности машин.

— И вы намерены в случае необходимости навязать это решение силой? Вы готовы силой заставить американский народ принять это искусственное решение, сделать этот шаг назад?

— От всех остальных животных человека отличает его способность создавать орудия труда, — сказал Пол. — Честь ему и слава за это. И поэтому шаг назад после неверно сделанного хода является шагом в правильном направлении.

Телевизионные камеры уставились в пылающие справедливым гневом глаза прокурора и снова откатились в ожидании молний, которым предстоит посыпаться на голову обвиняемого.

Пол тоже дождался громов и молний и знал при этом, что прокурору известно намного больше того, что здесь было произнесено. Однако у Пола имелись сильные сомнения относительно того, известно ли суду, что секретарь Пола была членом Общества Заколдованных Рубашек, как и то, что ответы Пола, отмечаемые детектором лжи, как идущие от самого его сердца, были, по существу, синтезом лучших мыслей и слов Лэшера, Финнерти и профессора фон Нойманна.

У Пола было легко на сердце от сознания того, что он страдает за правое дело, в которое он верит, и что об этих его страданиях известно всему миру. Он ничуть не меньше самого прокурора сомневался в том,

что программа Общества Заколдованных Рубашек являлась государственной изменой. Машины и правительственные учреждения были настолько переплетены в единое целое, что нападать на одно, не задевая при этом другое, было подобно попытке удалить больной мозг, надеясь спасти при этом больного. Необходим захват власти — пускай из самых лучших побуждений, но тем не менее захват ее.

Единственными старыми знакомыми Пола в этом зале были Кронер, который, казалось, готов был расплакаться в любую минуту, и жирный с пороссячьими глазками Фред Беррингер. Этот, как думал Пол, явился сюда затем, чтобы собственными глазами увидеть отмщение убийце Шаписта Чарли.

Ни Анита, ни Шеферд на суд не пришли. Оба они были, по-видимому, слишком заняты, разрабатывая будущие кампании по разгрому всех тех, кто запутался в колючей проволоке на полях сражения жизни. Не было никакой необходимости для Аниты являться в зал суда для того, чтобы показать миру, каковы ее чувства по отношению к ее отщепенцу-супругу. Она достаточно ясно высказалась на эту тему в нескольких интервью представителям прессы. Она объяснила, что она вышла за Пола замуж совершеннейшим ребенком и что она рада тому, что все это кончилось, пока она еще достаточно молода для того, чтобы вкусить немного личного счастья. О том, каким именно будет это счастье, Пол уже знал, ибо она тут же заявила, что, как только ей удастся получить развод, она намерена выйти замуж за доктора Лоусона Шеферда.

Пол со скукой прочел ее заявление в печати, как будто это были сплетни, касающиеся кого-то другого, вроде, скажем, нападок начинающих актеров на продюсеров среднего возраста. Теперь его внимание было сосредоточено на более увлекательном предприятии — ему теперь нужно было успеть сказать как можно больше волнующих вещей в пользу Общества Заколдованных Рубашек и против механизированного общества, чтобы телевидение, транслирующее эти слова, разнесло их по всей стране.

— Это ваше «использование силы» — не рассмат-

риваете ли вы его как объявление войны Соединенным Штатам, как государственную измену, доктор? — задал каверзный вопрос прокурор.

— Суверенная власть в Соединенных Штатах принадлежит не машинам, а народу, и народу принадлежит право взять ее в свои руки, когда ему заблагорассудится. Машины, — пояснил свою мысль Пол, — вышли за те рамки личного суверенитета, который в интересах управления государством был предоставлен им народом. Машины, организация труда и стремление к более высокой производительности, точно грабители, лишили американский народ свободы и стремления к счастью.

Пол повернул голову и проследил за тем, что стрелка остановилась на букве «П».

— Свидетель обязан глядеть в зал, — строго заметил судья. — Он обязан заботиться о том, чтобы говорить правду, всю правду, одну только правду. А детектор лжи сам знает, что ему делать.

Прокурор повернулся спиной к Полу, как бы давая понять, что у него к нему больше нет вопросов, а затем внезапно вновь повернулся к нему лицом и выкрикнул, тыча в Пола указательным пальцем:

— Вы ведь патриот, не так ли доктор?

— Я стараюсь быть им.

— И вашим главным желанием является служить на пользу американскому народу?

— Да. — Пола поразила эта новая форма ведения вопроса, к которой он никак не был подготовлен.

— А ваше пребывание на посту номинального главы Общества Заколдованных Рубашек — это, по-вашему, стремление к добру?

— Да, — сказал Пол.

Шепот в зале и поскрипывание стульев поведали Полу о том, что с детектором лжи что-то не в порядке.

Судья постучал молотком.

— Прошу соблюдать порядок в зале. Судебный инженер, проверьте, пожалуйста, лампы и проводку.

Инженер подкатил свою стальную тележку к месту дачи свидетельских показаний и проверил кон-

такты на Поле, обращаясь с ним как с предметом. Он проверил измерительными приборами состояние проводки в различных пунктах, вытащил серый ящик из-под трибуны, вынул и проверил все лампы, а затем установил все по местам. Это отняло у него не более двух минут.

— Все в порядке, ваша честь.

— Свидетель, назовите то, что вы считаете ложью, — сказал судья.

— Каждое новое научное открытие идет на пользу человечеству, — сказал Пол.

— Я протестую! — выкрикнул прокурор.

— Это всего лишь проверка инструмента и не протоколируется, — пояснил судья.

— Правильно, стрелка пошла влево, — сказал инженер.

— А теперь — правду, — приказал судья.

— Главная задача человечества состоит в том, чтобы делать человеческое существование приятным и полезным, — сказал Пол, — а не превращать людей в придатки машин, учреждений или систем.

— Пошла на «П», все в порядке, — сообщил инженер, засовывая металлический контакт глубже под мышку Полу.

— А теперь — полуправду, — раздалась команда судьи.

— Я удовлетворен, — сказал Пол.

Зрители одобрительно захихикали.

— Стрелка стоит точно посредине, — сообщил инженер.

— Продолжайте допрос, — разрешил судья.

— Я хочу задать этому патристически настроенному доктору тот же самый вопрос, — проговорил прокурор. — Доктор, ваше участие в этом заговоре, поставившем себе целью свергнуть, э-э-э, машины, действительно ли оно определялось только вашим искренним желанием служить американскому народу?

— Я полагаю, да.

И снова беспокойное оживление в зале.

— Следовательно, вы только полагаете, не так ли? — переспросил прокурор. — А знаете ли вы, где

сейчас находится стрелка, вы, доктор и патриот, так сказать, Патрик Генри * наших дней?

— Нет, — смущенно сказал Пол.

— Она стоит точно посередине между «П» и «Л», доктор. Совершенно очевидно, что вы не уверены в правдивости своего ответа. Но, возможно, мы сумеем расколоть эту полуправду, с тем чтоб выделить из нее подлинную правду. Мы выделим из нее ложь, как вырезают злокачественную опухоль.

— Хм.

— Может ли быть так, доктор, что эта ненависть к тому, что вы изображаете здесь, как несправедливость по отношению к человечеству, на деле является ненавистью по отношению к чему-нибудь значительно менее абстрактному?

— Возможно. Я не совсем понимаю вас.

— Я говорю о вашей ненависти к определенному лицу, доктор.

— Я не знаю, о ком вы говорите.

— Стрелка утверждает, что вы это знаете, доктор, вы знаете, что ваш пресловутый патриотизм является всего лишь выражением вашей неприязни, более того — вашей ненависти к одному из подлинных и величайших патриотов Америки за все время ее существования — к вашему отцу!

— Чуть!

— Стрелка утверждает, что вы лжете! — Подчеркивая свое отвращение, прокурор отвернулся от Пола. — Леди и джентльмены, члены суда и все телевизионные зрители, я беру на себя смелость утверждать, что этот человек нечто более серьезное, чем просто злобный мальчишка, для которого наша великая страна, наша великая экономика, наша цивилизация стала символом его отца. Отца, которого он подсознательно стремится погубить! Отца, леди и джентльмены, члены суда, телевизионные зрители, перед которым все мы в неоплатном долгу, ибо ему мы обязаны нашими жизнями, ибо это он, больше чем любой иной американец,

* Генри Патрик (1736—1799) — североамериканский политический деятель эпохи борьбы за независимость.

сделал все для объединения сведущих людей и привел нашу цивилизацию к победе! Еще мальчишкой он возненавидел это великолепное украшение страниц нашей истории, отпрыском которого он сам является. А теперь, уже взрослым человеком, он перенес эту ненависть на то, что с успехом могло бы служить символом его отца, на нашу с вами страну, леди и джентльмены, члены суда и телезрители!

Можете называть это эдиповым комплексом, если вам угодно. Но он теперь уже взрослый человек, и я называю это государственной изменой. Попробуйте отрицать это, доктор, попробуйте отрицать!

Попробуйте отрицать это, — повторил он еще раз почти шепотом.

Камеры развернулись и теперь накинута на Пола, как стая собак, бросающихся на дичь, сбитую выстрелом с дерева.

— По-видимому, я не могу отрицать этого, — сказал Пол. Он беспомощно и задумчиво уставился на провода, которые пристально следили за всеми рефлексами, которыми бог наградил его для того, чтобы он мог себя защищать. Всего какую-нибудь минуту назад он был красноречивым рупором могущественной и мудрой организации. А теперь он вдруг оказался в одиночестве, решая свою собственную — сугубо личную — проблему.

— Если бы отец мой был владельцем зоомагазина, — наконец сказал он, — я, по-видимому, подсознательно стал бы отравителем собак.

Камеры нетерпеливо заматались взад и вперед, скользнули по лицам зрителей, выхватили на мгновение физиономию судьи, а затем снова уставились на Пола.

— Но если бы даже и не произошло всей этой неприятной истории, касающейся меня и памяти моего отца, я считаю, что я все равно верил бы в несправедливость власти машин. Есть много людей, которых никак не обвинишь в том, что они ненавидят своих отцов и которые, насколько мне известно, согласны со мной. И я считаю, что ненависть эта заставляет меня не только верить в правоту этого дела, но застав-

ляет меня также предпринимать какие-то действия по отношению к системе. Стрелка согласна со мной?

Часть зрителей утвердительно кивнула.

— Хорошо. Значит, пока все правильно. Я подозреваю, что большинство людей руководствуется в своих действиях низменными побуждениями, и боюсь, что медицинские данные поддержат меня в этом. Низменные побуждения в значительной части являются тем, что заставляет людей, в том числе и моего отца, действовать. Боюсь, что такова уж человеческая натура.

Пол глянул в линзы телевизионной камеры, представил себе миллионы зрителей, которые сейчас видели и слышали его, и подумал, доходит ли смысл сказанного им хотя бы до кого-нибудь. Он попытался найти какой-либо более живой образ, который поможет им понять его слова. Образ такой встал перед его мысленным взором, но он счел его неприемлемым, но за неимением ничего лучшего он все-таки привел его.

— Самые красивые пионы, которые мне когда-либо приходилось видеть, — сказал Пол, — росли почти на чистых кошачьих экскрементах. Я...

Звуки волюнок и барабанов ворвались в зал снизу, с улицы.

— Что там происходит? — потребовал объяснения судья.

— Какой-то парад, сэр, — ответил один из стражников, выглянув в окно.

— А что за организация? — продолжал судья раздраженно. — Я их всех призову к ответу за подобное безобразие.

— Одеты как шотландцы, сэр, — сказал стражник, — а во главе их дюжина ребят, переодетых индейцами.

— Ну ладно, — с еще большим раздражением решил судья, — мы приостановим дачу свидетельских показаний, пока они не пройдут.

Кирпич грохнулся в окно зала судебных заседаний, осыпав градом осколков стекла американский флаг справа от судьи.

Лимузин государственного департамента, направляющийся в город Нью-Йорк, вторично пересек реку Ирокез в городе Айлиуме. На заднем его сиденье находились мистер Юинг Дж. Холгьярд, шах Братпура, духовный владыка шестимиллионной секты Колхаури, и Хашдрахр Миазма — переводчик и племянник шаха. Шах и Хашдрахр, мучимые ностальгией по колокольчикам храмов, брызгам фонтанов и крикам стражи во дворе дворца, отпраплялись теперь домой.

Когда вся эта экспедиция пересекала мост в прошлый раз, в самом начале их поездки, Холгьярд и шах, каждый в соответствии с требованиями своей собственной культуры, были равны в своем блеске, а Хашдрахр был просто придатком в качестве третьего лица. Теперь иерархия путешественников претерпела некоторые изменения. Функции Хашдрахра расширились, и теперь он был не только языковым мостом между шахом и Холгьярдом, но и промежуточной социальной ступенькой между ними.

Погруженный в размышления о загадочности человеческой природы, которую так трудно определить велениями одной только доброй воли, мистер Холгьярд всем своим видом являл полное отсутствие какого-либо ранга столь же очевидно, сколь доктор Холгьярд представлял очень высокий ранг. И хотя он ни словечком не обмолвился своим подопечным относительно того, что сдача экзаменов по физической подготовке могла означать буквально жизнь или смерть для его карьеры, они почувствовали, что его положение разлетелось вдребезги сразу же, как только его принесли из гимнастического зала Корнелля и привели в чувство.

Когда Холгьярд пришел в себя и, сняв совершенно истрепанные шорты и теннисные туфли, надел свой обычный костюм, в зеркале перед ним предстал не шикарный, одетый со вкусом космополит, а старый и разряженный в пух и прах дурак. Тут же были отмечены бутоньерка, яркий жилет и цветная рубашка. Так один за другим исчезали аксессуары и символы неудачливого дипломата. И теперь его наряд пред-

ставлял комбинацию белого, черного и серого. Следует отметить, что и состояние его духа было окрашено в те же цвета.

И как бы только для того, чтобы показать, что ему еще оставалось что терять, последовал еще один сокрушительный удар. Персональные машины государственного департамента чисто автоматически, в соответствии с законами и порядками, с непостижимой для человеческого разума последовательностью возбуждали против него дело в суде, поскольку он никогда не имел права на степень доктора философии, на свой классификационный номер, а если уж быть совершенно точным, то и на собственный текущий счет в банке.

«Я намерен выступить в вашу пользу», — писал ему непосредственный начальник, но Холгьярд прекрасно понимал, что это было просто древнее магическое заклинание, которое ничем не поможет ему в джунглях металла, стекла, пластика и инертного газа.

— Хабу? — произнес шах, не глянув даже в сторону Холгьярда.

— Где мы находимся? — спросил Хашдрахр у Холгьярда, ради формы заполняя социальный разрыв, хотя, ей-богу, это братпурское слово было уже прекрасно известно Холгьярду.

— Айлиум. Помните? Мы уже пересекали реку по этому мосту, только в обратную сторону.

— Накка такару туие, — произнес шах, кивнув.

— Мм?..

— Где такару плюнул вам в лицо, — перевел Хашдрахр.

— Ах, это! — Холгьярд улыбнулся. — Надеюсь, что вы не увезете этот инцидент к себе на родину в качестве главного воспоминания о Соединенных Штатах. Это же ведь весьма странный, непоказательный, единичный и глупый случай. И он ни в коем случае не может считаться выражением темперамента американского народа. Этот неврастеник просто вынужден был проявить свою агрессивность перед вами, джентльмены. Заверяю вас, вы можете путешествовать

по этой стране еще хоть шесть сотен лет и никогда больше не увидите ничего подобного.

Холгъярд все время старался ничем не проявлять своей горечи. В эти последние дни своей карьеры он продолжал с печальным озлоблением безупречно выполнять свои служебные обязанности.

— Забудьте о нем,— сказал он,— и вспомните все остальное, что вам удалось увидеть здесь, и попытайтесь представить себе, какие преобразования может претерпеть ваша страна.

Шах задумчиво заквохтал.

— И при этом без каких-либо затрат с вашей стороны,— продолжал Холгъярд.— Америка направит к вам инженеров и управляющих, специалистов абсолютно во всех отраслях, с тем чтобы изучить ваши ресурсы, распланировать вашу модернизацию, проверить и классифицировать ваших граждан, организовать кредит, механизировать страну.

Шах продолжал задумчиво кивать головой.

— Пракка-фут такки сихн,— заговорил он наконец,— соули ЭПИКАК, сики кану пу?

— Шах сказал,— перевел Хашдрахр,— прежде чем предпринять этот первый шаг, не будете ли вы столь любезны спросить у ЭПИКАК XIV, для чего созданы люди?

Лимузин остановился у въезда на мост со стороны Усадьбы. На этот раз дорогу ему загородила не команда Корпуса Ремонта и Реконструкции, а плотная фаланга арабов. И как бы на тот случай, если их флаги и костюмы произведут на зрителей недостаточно ошеломляющий эффект, во главе процессии стояли два человека в индейских нарядах и в боевой раскраске.

— Динко? — спросил шах.

— Армия? — перевел Хашдрахр.

Холгъярд впервые за много недель искренне рассмехался. Чтобы кому-нибудь, пусть даже иностранцу, при взгляде на все эти цветные флаги, кушаки и игрушечное оружие пришло в голову, что это боевое подразделение, это уж слишком!

— Просто люди переоделись для забавы.

— У некоторых из них имеются винтовки, — сказал Хашдрахр.

— Дерево, картон и краски, — пояснил Холгъярд. — Это все имитация.

Он взял переговорную трубку и скомандовал шоферу:

— Попытайтесь-ка проехать мимо них, а затем по боковой улице — по направлению к зданию суда. Там должно быть спокойнее.

— Слушаюсь, сэр, — неохотно отозвался шофер. — Хотя я, сэр, не знаю. Не нравится мне что-то, как они смотрят на нас, а все движение по ту сторону реки выглядит так, будто там от чего-то удирают. Может быть, нам следовало бы развернуться и...

— Глупости! Заприте дверцы, посигнальте и езжайте своим путем. Этого еще не доставало — из-за какой-то обезьяньей процессии нарушать государственные мероприятия!

Пуленепроницаемые стекла в дверцах поднялись до отказа, дверные замки щелкнули, и лимузин неуверенно двинулся в оранжевые, зеленые и золотые шеренги арабов.

Усыпанные фальшивыми драгоценностями кинжалы и кривые сабли застучали по бронированным бортам лимузина. Перекрывая вопли арабов, послышались винтовочные выстрелы. В нескольких дюймах от головы Холгъярда в борту лимузина вдруг появились две пробоины.

Холгъярд, шах и Хашдрахр бросились на пол. Лимузин продолжал вспахивать толпу арабов на боковой улице.

— Направляйтесь к зданию суда! — крикнул Холгъярд с пола шоферу. — А затем по бульвару Вестингауза!

— Катитесь вы к черту! — отозвался шофер. — Я тут же вылезу. Весь город перевернут вверх дном!

— Оставайтесь за рулем, иначе я убью вас! — яростно выкрикнул Хашдрахр. Своим жалким телом он, как щитом, прикрывал священную особу шаха, приставив одновременно острие кинжала с золотой рукоятью к шее шофера.

Остальные слова Хашдрахра были заглушены раздавшимся рядом с ними взрывом, сопровождавшимся криками и ударами осколков по крыше и бортам лимузина.

— Мы у здания суда! — крикнул шофер.

— Очень хорошо. Теперь сверните налево! — скомандовал Холъярд.

— Господи! — воскликнул шофер. — Да вы только поглядите!

— В чем там еще дело? — дрожащим голосом спросил Холъярд, распростертый на полу вместе с шахом и Хашдрахром. Он мог разглядеть только небо, верхушки зданий и проплывающие клубы дыма.

— Шотландцы, — произнес шофер упавшим голосом. — Господи, сюда еще и шотландцы направляют. — Лимузин остановился, заскрежетав тормозами.

— Хорошо, тогда подайте назад и...

— Да что у вас там, на полу, радар, что ли? Вы только гляньте в заднее окно, а уж потом говорите мне, подавать или не подавать машину назад.

Холъярд осторожно поднял голову и выглянул в окно. Лимузин накрепко застрял в толпе — волинчики впереди, а сзади отряд Королевских Пармезанцев, которые в это время выскакивали из Автоматического базара по другую сторону улицы от здания суда.

Взрывом разметало конвейерные ленты рынка и выбросило через выбитые стекла на улицу целый град консервных банок. Автоматическая касса выкатилась на улицу, держась каким-то совершенно непонятным образом вертикально на своем круглом пьедестале. «Видели ли вы нашу особую брюссельскую капу-сту?» — успела поинтересоваться она, а потом запуталась в собственных проводах и грохнулась на тротуар подле лимузина, изрыгая мелочь из смертельной раны.

— Да ведь им не до нас! — воскликнул шофер. — Вы только посмотрите!

Королевские Пармезанцы, шотландцы и горстка индейцев объединенными усилиями пытались протаранить дверь здания суда свалившейся телефонной будкой.

Дверь разлетелась вдребезги, и атакующие по инерции влетели вслед за будкой внутрь.

Несколько секунд спустя они снова появились в дверях, неся на своих плечах человека. Он казался марионеткой в этой немного обезумевшей от радости толпе. Обрывки проводов, свисавшие у него отовсюду, только усиливали это сходство.

— К Заводам! — кричали индейцы.

Толпа, высоко подняв, точно звездно-полосатый флаг, своего героя, с веселыми возгласами двинулась во главе с индейцами к мосту через реку Ирокез, под звуки волюнок и барабанный бой грома и взрывая все на своем пути.

Лимузин в течение часа оставался там, где его затерло потоком Королевских Пармезанцев и шотландцев, пока глухие разрывы гремели по городу подобно шагам пьяного гиганта. Под прикрытием дымовой завесы наступили сумерки. Каждый раз, когда казалось, что можно спастись, Холъярд подымал голову, чтобы узнать причину временного затишья, но каждый раз новые волны вандалов и грабителей заставляли его снова опуститься на пол.

— Ну хорошо, — проговорил он наконец, — я думаю, что теперь с нами уже ничего плохого не случится. Давайте попробуем добраться до полицейского участка. Там мы будем под защитой, пока вся эта заваруха не кончится.

Опираясь на руль, шофер нагло потянулся.

— Вы что, думаете, что смотрите на футбольный матч или что-нибудь в этом роде? Возможно, вам показалось, что все идет точно так, как прежде?

— Я не знаю, что происходит, точно так же, как и вы. А теперь поезжайте к полицейскому участку, понятно? — сказал Холъярд.

— Вы воображаете, что можете командовать мной только потому, что у вас есть докторская степень, а у меня ее нет?

— Делайте, как он велит, — прошипел Хашдрахр и снова приставил острие клинка к затылку шофера.

Лимузин двинулся по захламленным и опустевшим

сейчас уже улицам к главному штабу стражей порядка в Айлиуме.

Улица перед полицейским участком была белая как снег от рассыпанных учетных карточек — пятьдесят тысяч карточек, с которыми машины учета личного состава и машины по предупреждению преступлений в Айлиуме вели свою беспрестанную игру — сортировали, перекладывали сверху вниз и снизу вверх, выдергивали из середины, знакомились с данными, ставили новые пометки, отпечатки пальцев — и все значительно быстрее, чем способен уследить человеческий глаз, проверяя по нескольку раз каждую карточку, неизменно защищая интересы правящего класса, всегда и любой ценой. Дверь здания была сорвана с петель, а за нею виднелись целые сугробы сваленных грудой подшивок.

Холгьярд чуть приоткрыл окно.

— Эй, кто-нибудь! — позвал он, с надеждой ожидая появления полицейского. — Есть там кто-нибудь?! — И он осторожно приоткрыл дверцу.

Не успел он снова захлопнуть ее, как двое индейцев с пистолетами в руках рывком распахнули ее.

Хашдрахр бросился на них с кинжалом и тут же свалился без сознания от сильного удара. Он упал на дрожащего шаха.

— Я говорю... — начал было Холгьярд, но тут же получил удар и сам потерял сознание.

— К Заводам! — скомандовали индейцы.

Когда Холгьярд пришел в себя, его раскалывающаяся от боли голова лежала на полу лимузина, а сам он наполовину вывалился из открытой дверцы.

Машина стояла напротив салуна у самого моста. Фасад салуна был закрыт мешками с песком, в помещении салуна находились люди, которые принимали и передавали что-то по радио, отмечали что-то булавками на картах, смазывали и чистили оружие, время от времени поглядывая на часы. Самый въезд на мост представлял не что иное, как мощный блиндаж из мешков с песком и деревянных брусьев, амбразуры которого были направлены на орудийные башни и доты Заводов Айлиум по другую сторону реки. Люди

в самых разнообразных военных мундирах расхаживали по укреплению в праздничном настроении, приходя и уходя по собственному желанию, по заданиям, по-видимому, известным только им одним.

Индейцы с шофером куда-то исчезли, а шаху и Хашдрахру, взволнованным и оробевшим, устраивал разнос высокий худой человек, наряженный в индейскую рубашку, но без боевой раскраски на лице.

— Черт побери! — орал высокий. — Рыцари Кандахара должны держать перекресток на бульваре Гриффина. Так какого же дьявола вы оказались здесь?

— Мы... — начал было Хашдрахр.

— Мне некогда выслушивать ваши оправдания. Ну-ка, живо отправляйтесь к своим!

— Но...

— Люббок! — выкрикнул высокий.

— Я здесь, сэр.

— Дайте этим людям какой-нибудь транспорт, который подбросит их к перекрестку на бульваре Гриффина, или отправьте их под арест за неподчинение.

— Слушаюсь, сэр. Сейчас, сэр, как раз отъезжает грузовик с боеприпасами. — И Люк Люббок посадил шаха и Хашдрахру в кузов грузовика прямо на ящики с самодельными ручными гранатами.

— Бройха батоули, нибо. Нибо! — жалобно выкрикнул шах. — Нибо!

Сцепления грузовика заскрежетали, и он исчез в клубах дыма.

— Я хочу сказать... — тупо начал Холгъярд.

— Финнерти! — выкрикнул толстый коротышка в очках с толстыми стеклами, появившийся в дверях салуна. — Полиция пытается прорваться на перекрестке у бульвара Гриффина! У нас есть какие-нибудь резервы?

Финнерти, выпучив глаза, мрачно запустил пальцы в шевелюру.

— Я направил туда пару отставших солдат, вот, собственно, и все наши резервы. ВФТ и Рыцари Пифии куда-то разбрелись, а Масоны и вовсе не появились. Скажите им, что у нас нет резервов!

Гейзер из пламени и осколков кирпича поднялся над Заводами Айлиум по другую сторону реки, и Хольярд увидел, что над зданием управляющего Заводами, там, где раньше висел звездно-полосатый флаг, теперь в дымном воздухе развевался белый флаг.

— Господи помилуй! — воскликнул Финнерти. — Немедленно свяжитесь по радио с Лосями и потребуйте, чтобы они прекратили это. Им было приказано занять Заводы, а не разносить их на атомы.

— Волчья стая-3, — проговорил Лэшер в микрофон. — Волчья стая-3! Сохраните все оборудование вплоть до особого распоряжения. Вы слышите меня, Волчья стая-3?

Люди, набившиеся в салон, затихли, чтобы сквозь шипение, вырывающееся из репродуктора, услышать ответ Лосей.

— Волчья стая-3, вы меня слышите? — выкрикнул Лэшер.

«Взз-бах!» — послышался в репродукторе отдаленный грохот, и новый вулкан поднялся над Заводами.

— Люббок! Принимайте командование! — приказал Финнерти. — А я отправлюсь туда и дам этим ребятам небольшой урок дисциплины. Мы посмотрим еще, кто здесь распоряжается!

Забравшись в машину, он помчался через мост к Заводам.

— Город Солт-Лейк в наших руках! — выкрикнул радист в салоне.

— Значит, пока что Окленд, Солт-Лейк и Айлиум! — сказал Лэшер. — А как насчет Питсбурга?

— Питсбург не отвечает.

— Питсбург — это главное, — сказал Лэшер. — Попытайтесь наладить с ними связь.

Он оглянулся и посмотрел на юг, и тут на его лице отразился ужас.

— Кто поджег музей? — в отчаянии закричал он в микрофон. — Всем частям! Всем частям! Всем частям! Беречь все имущество! Варварство и грабежи будут наказываться смертной казнью. Внимание — всем частям, вы слышите меня?!

Тишина.

— Алло! Лоси! Рыцари Пифии! ВФТ! Орлы! Алло! Алло! Кто-нибудь слышит меня? Алло!

Тишина.

— Протеус! — позвал араб, остановившийся в дверях салуна с бутылкой в руке. — Где Протеус? — пошатываясь на нетвердых ногах, спросил он. — Пусть он скажет нам хоть словечко.

Пол, осунувшийся и постаревший, появился в дверях салуна рядом с Лэшером.

— Да поможет нам бог, джентльмены, — медленно проговорил он. — Да поможет нам бог. Если мы сейчас победили, то это означает, что сейчас только и начинаются настоящие трудности.

— Господи, можно подумать, что мы проиграли, — сказал араб. — Не нужно было мне просить его говорить.

— Лу!

— Здесь я, — отозвался пьяный араб.

— Лу, дорогой, мы совсем позабыли про пекарню. А она все продолжает выпекать хлеб как ни в чем не бывало.

— Так не должно быть, — сказал Лу. — Пошли вышибем из нее все печенки.

— Послушайте, погодите, — сказал Пол. — Нам ведь будет нужна пекарня.

— Она машина, не так ли? — спросил Лу.

— Да, конечно, но ведь нет смысла...

— Тогда пошли и вышибем из нее дух. И клянусь богом, старик Ал отправится с нами. Где ты пропадал, старый бандит?

— Мы взорвали городскую канализацию, чтоб ее черти взяли, — гордо заявил Ал.

— Вот это дело! Верните чистый мир чистым людям.

XXXIV

— Никак не пойму, что творится в Питсбурге, — сказал Финнерти. — Я знаю, что Сиэтл и Миннеаполис были делом неверным, но Питсбург!

— А Сент-Луис, а Чикаго? — сказал Пол, мрачно качая головой.

— А Бирмингем, а Нью-Йорк, а Бостон? — сказал Лэшер, печально улыбаясь. Как это ни странно, но он выглядел спокойным и умиротворенным.

— Уффф! — тяжело вздохнул Финнерти.

— В Айлиуме все было разыграно как по нотам, это уж во всяком случае, в Солт-Лейке и в Окленде тоже, — сказал профессор фон Нойманн. — Поэтому, я полагаю, мы можем смело сказать, что теория вооруженного нападения доказала свою жизненную ценность. Выполнение и дальнейшее развитие операций — это уже несколько иное дело.

— Так всегда бывает, — заметил Лэшер.

— А чему вы так радуетесь? — не выдержал Пол.

— А вы почувствовали бы себя легче, доктор, если бы мы проливали слезы? — осведомился Лэшер.

— Единственное, что остается нам теперь, — это объединить силы с Солт-Лейком и Оклендом и попытаться заставить правительство капитулировать, — сказал Финнерти.

— Теперь я жалею, что мы не послали в свое время айлиумских людей для захвата ЭПИКАК XIV, — сказал фон Нойманн. — ЭПИКАК XIV стоит трех Питсбургов.

— Здорово паршиво получилось с Роузвелскими Лосями, это уж точно, — сказал Лэшер. — Д-71 говорил, что они просто с ума посходили в своем стремлении добраться до ЭПИКАК XIV.

— Вот тут-то эти сумасшедшие и хватили лишку, — заметил Пол.

— Нитроглицерин — это довольно каверзная вещь даже в тех случаях, когда его разливают по бутылкам и не сумасшедшие, — сказал Финнерти.

Четверо идейных вождей Общества Заколдованных Рубашек сидели вокруг стола, который в свое время был столом в кабинете Пола — в кабинете управляющего Завода Айлиум.

С начала революции не прошло еще и суток. Было раннее утро, солнце еще не взошло, но здания, горевшие то тут, то там, освещали и раскаляли развалины Айлиума не хуже тропического солнца в полдень.

— Хоть бы они уже начали атаку, и пусть бы это все поскорее кончилось, — сказал Пол.

— Пройдет еще довольно много времени, пока они снова наберутся смелости, после того что сделали рыцари Кандахара с государственной полицией на бульваре Гриффина, — сказал Финнерти. Он вздохнул. — Клянусь богом, будь у нас еще хотя бы несколько столь же удачных операций, например, в Питсбурге...

— Да еще в Сент-Луис, — добавил Пол, — и в Сиэтле, и в Миннеаполисе, и в Бостоне, и в...

— Давай поговорим о чем-нибудь другом, — перебил его Финнерти. — Как твоя рука, Пол?

— Ничего, — сказал Пол, похлопывая по самодельному лубку. У мессии Общества Заколдованных Рубашек рука была сломана камнем в тот момент, когда он пытался испробовать свое духовное влияние на толпу, которая пожелала увидеть, как будет взрывать-ся электростанция. — А как ваша голова, профессор?

— Гудит, — сказал фон Нойманн, поправляя повязку. Его ударили священной булавой Ордена Северной Авроры в тот момент, когда он пытался убедить толпу в том, что не стоит валить двухсотфутовую радиовышку.

— А как поживают ваши синяки и ссадины, Эд? — спросил Лэшер.

Финнерти испытующе повертел головой, поднял и опустил руки.

— Неплохо, можно сказать. Потому что, если бы боль хоть чуточку усилилась, то я просто пустил бы себе пулю в лоб. — Он был сбит с ног и едва не растоптан во время паники среди Лосей, когда он объяснял им, что Заводы должны продолжать свою работу, пока не будет принято спокойное и разумное решение относительно того, какие машины следует уничтожить, а какие оставить.

Пламя взмыло над Усадьбой.

— Вы продолжаете строго следить по карте, профессор? — спросил Лэшер.

Профессор фон Нойманн поглядел в бинокль на новый очаг пожара и нанес еще один черный крест на лежащую перед ним карту.

— Скорее всего это почта.

В начале кампании карта города была чистой и хрустящей. Маленькими красными кружками на ней были отмечены основные объекты айлиумского путча: полицейский участок, здание суда, центры связи, главные автомагистрали, Заводы Айлиум. После того как все эти объекты будут захвачены при минимальных потерях в живой силе, план кампании предусматривал начало постепенной замены автоматических приспособлений людьми. Наиболее важные объекты, где намечалось проводить в жизнь эту вторую часть плана, были обведены зелеными кружками.

Теперь же карта была вся измята и покрыта пятнами. Перекрывая рассеянные созвездия красных и зеленых кружков, по ней распространялась туча черных крестов, которыми отмечалось то, что было уже захвачено и, более того, разрушено.

Лэшер поглядел на часы.

— На моих четыре часа утра. Как вы думаете — они правильные?

— А кто его знает, — отозвался Финнерти.

— А вы не можете разглядеть отсюда часы на ратуше?

— Они добрались туда несколько часов назад.

— Больше всего меня поражает, — сказал Финнерти, — то, что у них появилось своеобразное разделение труда. Некоторые из этих парней взелись против какого-то определенного вида механизмов, оставляя все остальные нетронутыми. Тут есть один чернокожий парнишка, который разгуливает по городу с винтовкой и вышибает дух из автоматов, регулирующих уличное движение.

— Господи, — сказал Пол, — никогда не думал, что это будет так выглядеть.

— Вы имеете в виду поражение? — осведомился Лэшер.

— Поражение, победа — не в этом ведь дело, — я имею в виду всю эту неразбериху.

— Все очень походит на суд Линча, — сказал профессор. — Хотя все это происходит в столь огромных масштабах, что скорее напоминает геноцид. Гибнут и

правые и виноватые — унитары и автоматические приспособления по управлению токарными станками.

— Не знаю, может, все было бы намного лучше, если бы не раздавали спиртное, — проговорил Пол.

— Нельзя же требовать от людей, чтобы они в совершенно трезвом виде атаковали доты в лоб, — отозвался Финнерти.

— Но так же невозможно потребовать у пьяных, чтобы они прекратили пьянство, — возразил Пол.

— Но ведь никто и не думал, что все будет идти гладко, — сказал Лэшер.

Страшный взрыв заставил содрогнуться все здание.

— Ух ты! — воскликнул Люк Люббок, который устроил себе наблюдательный пункт в бывшей комнате Катарины Финч.

— Что это, Люк? — спросил Лэшер.

— Цистерны бензохранилища. Ух ты!

— Ну вот, пожалуйста, — мрачно отозвался Пол.

«Граждане Айлиума! — проорал голос с неба. — Граждане Айлиума!»

Пол, Лэшер, Финнерти и фон Нойманн бросились к пустому проему в стене, который некогда был окном от потолка и до пола. Поглядев вверх, они увидели управляемый роботом вертолет, брюхо и лопасти крыльев которого зарево пожаров окрасило в красный цвет.

«Граждане Айлиума! — орал голос с неба. — Граждане Айлиума! В Окленде и Солт-Лейке восстановлен порядок. Ваше положение безнадежно. Свергайте тиранию ваших лживых вождей.

Вы полностью окружены и отрезаны от всего мира. Блокада не будет снята до тех пор, пока Протеус, Лэшер, Финнерти и фон Нойманн не будут переданы властям у перекрестка на бульваре Гриффина.

Мы можем разбомбить вас или смести ураганным огнем, но это было бы не по-американски. Мы можем послать на вас танки, но это тоже противоречило бы американскому духу.

Это ультиматум — выдайте ваших лживых вождей и сложите оружие в течение ближайших шести часов, иначе, отрезанные от всего мира, вы останетесь в блокаде среди руин, в которые вы сами обратили город».

В громкоговорителе раздался щелчок, и наступила минутная пауза.

«Граждане Айлиума, складывайте оружие! В Окленде и Солт-Лейке восста...»

Люк Люббок вскинул винтовку, прицелился и выстрелил.

«Блим-блам, блум-бии, — визжал теперь голос с неба, — блим-блам, блю...»

— Добей этого беднягу, — попросил Финнерти.

Люк выстрелил еще раз.

Вертолет неуклюже развернулся и начал удаляться в сторону города.

«Блим-блам, блю...»

— Пол, ты куда? — спросил Финнерти.

— Хочу прогуляться.

— Не возражаешь, если я с тобой?

— Чего там возражать!

Вдвоем они вышли из здания и двинулись по широкому замусоренному бульвару, который пересекал заводскую территорию. Так они прошли мимо пронумерованных фасадов домов, за которыми теперь царил тишина, разруха и запустение.

— Да, мало здесь осталось такого, что напоминало бы старые добрые времена, не так ли? — проговорил Финнерти после того, как они в молчании проделали какую-то часть пути.

— Новая эра, — сказал Пол.

— Выпьем за нее? — предложил Финнерти, доставая объемистую бутылку из своей заколдованной рубашки.

— За новую эру!

Они присели рядом у здания 58, молча передавая друг другу бутылку.

— А знаешь, — сказал Пол, — все было бы не так уж плохо, если бы все оставалось в том виде, в каком оно было в те дни, когда мы впервые прибыли сюда. Тогда все было еще довольно сносно, не так ли?

Их обоих охватило чувство глубокой грусти сейчас, когда они сидели среди разбитых и исковерканных шедевров, среди блестяще задуманных и не менее вели-

колепно выполненных машин. Значительная часть их жизни, их способностей была вложена в создание их, в создание всего того, что при их же помощи было разрушено в течение нескольких часов.

— Ничто не стоит на одном месте, — сказал Финнерти. — Слишком уж соблазнительно вносить изменения. Вспомни нашу радость, когда мы записывали движения Руди Гертца, а затем пытались наладить автоматическое управление станками при помощи этой записи.

— И ведь получилось же! — воскликнул Пол.

— В том-то и дело, черт побери!

— А затем объединение всей группы токарных станков, — сказал Пол. — Конечно, идея-то принадлежала не нам.

— Нет, конечно, но позднее у нас были уже и свои собственные идеи. И притом блестящие идеи, — сказал Финнерти. — Не помню, чтобы я еще когда-нибудь был так счастлив, так горд, Пол, черт побери, да ведь я тогда ни на что иное и внимания не обращал.

— А что может быть увлекательнее, чем заставить что-нибудь действовать по-новому.

— Ты был хорошим инженером, Пол.

— Ты тоже, Эд. И ничего позорного в этом нет.

Они горячо пожали друг другу руки.

Когда они вернулись в бывший кабинет управляющего Заводами, Лэшер и Фон Нойманн спали.

Финнерти потряс Лэшера за плечо.

— Мастер! Маэстро! Метр!

— Ммм?.. — Толстый, коротенький, некрасивый человечек ощупью поискал свои очки с толстыми стеклами, надел их и сел. — Да?

— Присутствующий здесь доктор Протеус задал мне один очень интересный вопрос, — сказал Финнерти, — на который я так и не смог дать удовлетворительного ответа.

— Вы пьяны. Идите и дайте старому человеку поспать.

— Это не отнимет у вас много времени, — сказал Финнерти. — Валяй, Пол.

— А что стало с индейцами? — спросил Пол.

— С какими индейцами? — устало переспросил Лэшер.

— С настоящими индейцами Общества Заколдованных Рубашек, с теми, которые устраивали колдовские пляски, — пояснил Финнерти. — Ну, помните, тысяча восемьсот девяностые годы и прочее?

— Они очень скоро убедились в том, что рубашки не спасают от пуля, а всякие колдовские ухищрения не оказывают ни малейшего действия на кавалерию Соединенных Штатов.

— Ну и?..

— Ну и они были либо перебиты, либо прекратили попытки сохранить образ жизни хороших индейцев, начав превращаться во второсортных белых людей.

— Так что же тогда доказало движение Колдовских плясок? — недоумевающе спросил Пол.

— Что быть хорошим индейцем — вещь столь же важная, как быть хорошим белым человеком, вещь, достаточно важная для того, чтобы бороться и умереть за нее, независимо от того, насколько силен противник. Они боролись против таких же превосходящих сил, как и мы сейчас: тысяча против одного, а может быть, и больше.

Пол и Эд Финнерти глядели на него, не веря своим глазам.

— И вы знали, что мы наверняка проиграем? — хрипло спросил Пол.

— Конечно, — ответил Лэшер и поглядел на Пола так, будто тот сморозил несусветную глупость.

— Но ведь обо всем этом говорили так, будто это совершенно верное дело, — проговорил Пол.

— А как же вы хотели, доктор? — покровительственным тоном заговорил Лэшер. — Ведь если бы мы все не говорили именно так, то не оставалось бы даже и этого одного шанса на тысячу. Но я никогда не терял реального взгляда на положение вещей.

Пол понял, что Лэшер действительно был среди них единственным человеком, который не утратил ре-

ального взгляда на вещи. Он единственный из четырех руководителей не был поражен и тем, как разворачивались события, не был удручен и даже умудрялся быть каким-то на редкость умиротворенным. Пол, по видимому, был именно тем, кто дальше всех отошел от реальности, не имея времени на размышления и с радостью присоединившись к крупной и надежной организации, которая призвана была разрешить все те вопросы, из-за которых ему не хотелось жить на белом свете.

Финнерти, великолепно войдя в роль апостола, успел уже справиться с изумлением, в которое поначалу поверг его ответ Лэшера. Видимо, самым большим его желанием было оставаться рядом с Лэшером, и теперь он тоже уславился на Пола, как бы недоумевая, как тот мог предполагать какой-либо иной исход борьбы.

— Но если у нас не было почти никаких шансов, то какой же смысл был?.. — Пол так и не закончил фразы, а просто повел рукой, указывая на развалины Айлиума.

Окончательно проснувшись, Лэшер поднялся и теперь ходил взад и вперед по комнате, явно раздраженный тем, что ему приходится объяснять столь очевидные вещи.

— Да ведь это абсолютно не важно, доктор, выиграла мы или проиграли. Главное то, что мы совершили попытку. И попытка эта войдет в анналы! — Теперь он прохаживался по другую сторону стола и глядел на Пола и Финнерти через стол.

— Какие еще анналы? — недоумевал Пол.

Внезапно с Лэшером произошло перевоплощение. Теперь он вдруг обернулся той стороной своей натуры, о которой он уже говорил, но которую Пол так и не мог себе представить.

При этом перевоплощении стол внезапно превратился в кафедру проповедника.

— Революции — это не моя профессия, — заговорил Лэшер звучным и глубоким голосом. — Я, доктор, проповедник, и прошу не забывать этого. А это означает, что в первую очередь я враг дьявола и слуга божий!

XXXV

Солнце встало над Айллиумом, и горящий город казался серым в свете вечного огня, отстоящего от него на девяносто три миллиона миль. Лимузин государственного департамента, на радиоантенне которого висела заколдованная рубашка, медленно продвигался по улицам.

Повсюду лежали распростертые человеческие тела. Положение их заставляло думать о насильственной смерти, однако храп, бормотание и выступающие на губах пузырьки свидетельствовали о том, что таинственный жизненный процесс в них не прекратился.

При свете раннего солнца город был похож на огромный ящик с сокровищами, обитый черным и серым бархатом пепелиц и наполненный миллионами сверкающих драгоценных камней: осколками аккумуляторов, амперметров, анализаторов, батарей, библиотечных автоматов, бутылок, банкнотов, бобин, вентиляторов, генераторов, громкоговорителей, динамо-машин, динамометров, детекторов, калориметров, конденсаторов, копилок, консервных автоматов, вакуумных установок, изоляторов, ламп, магнето, масс-спектрометров, масштабных линеек, машин по учету личного состава, моек для посуды, мотогенераторов, моторов, механических уборщиков, осциллографов, очистителей, записывающих устройств, напильников, колосников, обогревателей, панелей управления, понижающих трансформаторов, прерывателей, преобразователей, приводных ремней, потенциометров, пылеулавливателей, резцов, распылителей, регуляторов частоты, радиоприемников, реакторов, реле, реостатов, рентгеновских установок, сварочных аппаратов, счетных машин, счетчиков Гейгера, светофоров, сопротивлений, термоскопов, термостатов, тестеров, транзисторов, турбин, фотоаппаратов, фотоэлементов, фильтров, усилителей, часов, шестерней, электродов, электронных ламп, электроизоляторов...

За рулем лимузина сидел доктор Эдвард Фрэнсис Финнерти. Рядом с ним доктор Пол Протеус. На заднем сиденье расположились преподобный Джеймс Лэшер и профессор Людвиг фон Нойманн, на полу лиму-

зина подле их ног примостился спящий мистер Юинг Дж. Хольярд из государственного департамента. В этом мире сна и опустошений лежащий на полу Хольярд не мог вызывать ни любопытства, ни нареканий, ни желания оказать ему помощь.

Мозговой центр Общества Заколдованных Рубашек совершал инспекторское турне по укреплениям, раскинутым на границах их Утопии. И повсюду они находили одно и то же: брошенное оружие, покинутые посты, груды стреляных гильз и разрушенные машины.

Вся четверка пришла уже к заманчивому решению: за шесть месяцев блокады, обещанной им властями, они превратят все эти руины в лабораторию, призванную доказать, насколько хорошо и счастливо могут жить люди, обходясь абсолютно без каких-либо машин. Они усмотрели мудрость простого человека именно в том, что было разрушено практически все. Именно так и следовало поступить, и к черту полумеры!

— Вот и отлично, мы теперь на дровах будем греть себе воду, готовить пищу, отоплять жилища, — сказал Лэшер.

— И будем ходить пешком, если потребуется отправиться куда-либо, — добавил Финнерти.

— И читать книги вместо того, чтобы смотреть на телевизионные экраны, — восторженно подхватил фон Нойманн. — Ренессанс наступит в штате Нью-Йорк! Мы снова откроем для себя величайшее чудо света — человеческий ум и человеческие руки.

— Мы не станем ни просить пощады, ни давать ее, — заключил Пол в тот момент, когда они любовались зрелищем того, как полный комплект деталей сборного дома модели М-11 был вытащен на открытое пространство и раскромсан на части.

— Это напоминает погром, учиненный индейцами Кастеру и его отряду, — задумчиво заметил Лэшер. — Маленький Горный Баран. Одна-единственная победа над непреодолимой волной. Все больше и больше белых приходило оттуда, откуда явился Кастер; все больше и больше машин придет оттуда, откуда появились эти. И все-таки мы можем выиграть. Ну что ж! А это что за шум? Неужели кто-то бодрствует?

Из-за угла доносился неясный гул, оттуда, где некогда была железнодорожная станция и где она все еще пребывала, но уже в совершенно измененном виде. Финнерти направил машину за угол, чтобы лучше рассмотреть, что там происходит.

В зале ожидания станции царил хаос. Пол террасы, на котором было изображено избивание жителей Айлиума индейцами племени онеида, был завален внутренностями и отдельными деталями автоматов по продаже билетов, автоматов по продаже нейлоновых чулок, автоматов по продаже кофе, автоматов по продаже газет, автоматов по продаже зубных щеток, автоматических чистильщиков сапог, автоматических фотостудий, автоматических билетных контролеров, автоматов по продаже страховок...

Но вокруг одной из машин собралась группа людей. Люди напирали друг на друга от любопытства, как будто в центре их круга шло необычайное представление.

Пол и Финнерти вышли из машины поглядеть на это загадочное явление и увидели, что центром внимания был автомат по продаже оранжада-0. Продажа оранжада-0 была делом чисто номинальным, припомнилось Полу, ибо никто не мог себя заставить проглотить эту гадость, никто, кроме доктора Фрэнсиса Эдгрена Гелхорна — директора Торговли, Коммуникаций, Продовольственных товаров и Ресурсов Страны. Как памятник ему, автоматы по продаже оранжада-0 стояли в одном ряду вместе с остальными, хотя инкассаторы, открывающие их время от времени, никогда не находили в них ничего, кроме нетронутого запаса оранжада-0.

Однако сейчас смесь из соснового экстракта, красителя, воды и заменителя апельсинового сока пользовалась такой же популярностью, какой могла бы пользоваться нимфоманка на сборище ветеранов войны.

— Вот и отлично, а теперь давайте попробуем еще одну монетку и поглядим, как эта штука работает, — раздался знакомый голос из-за автомата — голос Бада Колхауна.

«Клинк!» — это монета проскочила в щель, затем слышалось бульканье, и из крана хлынула струя. Толпа была вне себя от радости.

— На этот раз она наполнила стакан почти до краев; и теперь эта штука холодна и имеет отличный вкус, — объявил человек, игравший роль дегустатора.

— А лампочка, показывающая, что в автомате имеется запас оранжада-0, не горит, — сказала какая-то женщина. — А ведь она должна гореть.

— Мы и это наладим, не правда ли, Бад? — отозвался еще один голос из-за автомата. — Вы, ребята, дайте мне фута три того красного кабеля, который свисает с машины для чистки обуви, а еще кто-нибудь пусть одолжит мне свой перочинный ножик на минутку.

Говоривший выпрямился и удовлетворенно улыбнулся. Пол тут же узнал его — это был высокий человек средних лет с румяным лицом, который когда-то починил Полу автомобиль при помощи куска кожаной ленты, отрезанного им от подкладки своей шляпы.

В те дни человек этот выглядел несчастным и отчаявшимся. Теперь же он был горд собой и удовлетворенно улыбался, ибо руки его были заняты любимым делом. Все это промелькнуло в голове у Пола.

Человек что-то сделал с лампой на задней стенке автомата.

— Вот и все.

Бад Колхаун принялся привинчивать заднюю крышку.

— Ну-ка, попробуйте теперь.

Окружающие зааплодировали и сгрудились вокруг автомата, стремясь заполучить оранжад-0. Счастливчик, стакан которого был наполнен первым, тут же побежал в хвост очереди.

— А теперь давайте поглядим, что можно сделать с этим беднягой автоматом по продаже билетов, — предложил Бад. — Ох, ох! Кто-то вlepил ему прямо в микрофон.

— Я сразу же подумал, что уличный телефон сможет нам еще пригодиться на что-нибудь, — сказал румяный человек. — Пойду-ка гляну.

Толпа, переполненная оранжадом-0, перекочевала вслед за ними, чтобы поглядеть на их новую работу.

Когда Пол и Финнерти вернулись к лимузину, они увидели, что Лэшер и фон Нойманн с горестным выражением на лицах ведут беседу с каким-то подростком.

— Не видели ли вы где-нибудь валяющийся электромотор в восемь лошадиных сил? — спрашивал парнишка. — Такой, который не совсем был бы разбит?

Лэшер отрицательно покачал головой.

— Ну что ж, придется мне еще поискать, — сказал мальчишка, подымая картонную коробку, битком набитую шестеренками, электронными лампами, переключателями и прочим странным имуществом. — Ведь здесь теперь просто золотая жила, но все-таки трудно найти именно то, что тебе нужно.

— Представляю себе, — сказал Лэшер.

— В том-то и дело. Если бы я мог найти небольшой мотор в приличном состоянии, — радостно объявил парнишка, — то готов спорить на что угодно, я сделал бы такую штуку, которая играла бы на барабане так, что все просто заслушались бы. Стоит только взять один триод, а потом...

— Протеус! Финнерти! — раздраженно выкрикнул Лэшер. — Что вы там копаетесь?

— Я как-то не замечал, что вы торопитесь куда-либо, — отозвался Финнерти.

— А теперь я тороплюсь. Поехали.

— Куда это? — поинтересовался Финнерти, запуская мотор.

— Бульвар Гриффина. Перекресток.

— А что там? — спросил Пол.

— Власти дожидаются там выдачи населением Айлиума своих лживых вождей, — пояснил Лэшер. — Может, кто-нибудь желает выйти из машины? Если желаете, то я и сам сумею довести машину.

Финнерти остановил машину.

— Итак? — произнес Лэшер.

— Я полагаю, что сейчас самое время! — сказал фон Нойманн очень спокойно.

Пол не сказал ни слова, но и не двинулся, чтобы выйти из машины.

Финнерти подождал еще минуту, а затем включил скорость.

Никто не разговаривал вплоть до того момента, когда они доехали до путаницы из колючей проволоки, сваленных телефонных будок и мешков с песком, которую представлял сейчас перекресток на бульваре Гриффина. Два темнокожих человека в очень элегантных нарядах — Хашдрахр Миазма и шах Братпура — спали, свернувшись калачиком, в окопе слева от баррикады. По другую сторону рядов колючей проволоки валялись вверх колесами два разбитых и брошенных полицейских автомобиля.

Профессор фон Нойманн принялся в бинокль осматривать местность.

— Ага! Вот и представители властей. — Он передал бинокль Полу. — Вон, видите, левее амбара. Нашли?

Пол искоса взглянул на три машины у амбара, где полицейские с винтовками расположились на отдых, весело болтая и покуривая.

Лэшер нетерпеливо похлопал Пола по плечу, и Пол передал бинокль ему.

— Выше голову, доктор Протеус, теперь вы, наконец, стали кем-то. У кого бутылка?

Финнерти протянул бутылку.

Лэшер взял ее и провозгласил тост.

— За всех хороших индейцев, — сказал он, — в прошлом, настоящем и будущем. А если выразаться точнее — за анналы.

Бутылка пошла по кругу.

— За анналы, — сказал Финнерти. Тост, по-видимому, ему нравился: от этой революции он получил, как считал Пол, именно то, чего ему хотелось: возможность нанести жестокий удар маленькому замкнутому обществу избранных, в котором он так и не мог найти себе места.

— За анналы, — сказал фон Нойманн. Он также казался вполне довольным. Для него, как понял теперь Пол, революция была увлекательным экспериментом.

И достижение поставленной цели интересовало его ничуть не больше, чем возможность увидеть, что может получиться в настоящих условиях.

Пол принял бутылку и какое-то мгновение изучающе глядел на Лэшера сквозь прозрачное стекло. Лэшер, главный вдохновитель всего, выглядел вполне довольным собой. Человек, всю жизнь пробродивший среди символов, он и революцию сделал символом для себя и теперь готов был принять смерть в качестве такого же символа.

Оставался один только Пол.

— За лучший мир... — хотел было начать он, но, подумав о людях Айлиума, с такой готовностью восстанавливающих прежний кошмар, отказался от этой мысли.

— За анналы так за анналы, — сказал он и разбил пустую бутылку о камень.

Фон Нойманн внимательно поглядел сначала на Пола, а потом на разбитые стекла.

— Не думайте, что это конец, — сказал он. — Кюнца нет и быть не может, даже если и наступит судный день.

КУРТ ВОННЕГУТ- МЛАДШИЙ

известен как автор шести книг — «Утопия 14», «Сирены Титана», «Да благословит тебя бог», «Мистер Роузутер», «Бисер перед свиньями» и «Кошачья колыбель». Он живет в Соединенных Штатах Америки, на мысе Код, в старомодном доме, вместе с женой и шестью детьми и все свое время отдает писательскому труду. Он относится к литературному течению, которое в современном американском литературоведении получило название «Черных юмористов». К этому течению, помимо Курта Воннегута, относятся такие писатели, как Дж. Барт, Дж. Хиллер, Фридман, Саузерн и другие. Их всех объединяет отрицательное отношение к современному образу жизни, беспокоят судьбы мира и человечества, причем главным их оружием является юмор.

О месте, занимаемом Куртом Воннегутом-младшим в течении «Черных юмористов» да и во всей американской литературе вообще, можно сказать словами американского журнала «Крисчен сайнс монитор»: «...Если вы любите Вольтера, вы полюбите и Курта Воннегута-младшего... Он является одним из наиболее смелых и дерзких представителей современного поколения писателей, которых принято называть «Черными юмористами».

В своей статье, посвященной одной из книг Курта Воннегута-младшего, широко известный советскому читателю Грэм Грин назвал его «одним из наиболее талантливых писателей нашего времени».

Курт Воннегут

УТОПИЯ 14. Фантастический роман. Перевод с английского. М., «Молодая гвардия». 1967. 400 с. (Б-ка современной фантастики в 15-ти т., т. 12). И (амер)

Редактор *Б. Клоева.*

Художественный редактор

А. Степанова. Технический редактор *И. Егорова*

Сдано в набор 12/VI 1967 г.

Подписано к печати 19/IX

1967 г. Формат 84×108¹/₃₂.

Бумага типографская № 1.

Печ. л. 12,5 (усл. 21). Уч.-

изд. л. 20,3. Тираж 215 000

экз. Цена 1 р. 25 к.

Зак. 1219. Тип. изд-ва ЦК

ВЛКСМ «Молодая гвар-

дия», Москва, А-30, Су-

щевская, 21.